

ИМПЕРИЯ СТРАХА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**БРАЙАН
СТЭББОРА**

Брайан М. Стэблфорд

Империя страха

[Империя вампиров]

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131141

Империя страха: АСТ, Люкс; Москва; 2005

ISBN 5-17-019752-7, 5-9660-1503-1

Оригинал: BrianStableford, "The Empire of Fear"

Перевод:

Татьяна Усова

Аннотация

Что-то случилось...

И наш мир пошел по ДРУГОМУ ПУТИ...

И у человечества появились ХОЗЯЕВА – красивые, практически бессмертные, НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИ жестокие.

Они правят странами и государствами – и в РЕДЧАЙШИХ СЛУЧАЯХ, в качестве ВЕЛИКОЙ МИЛОСТИ, обращают своих рабов в себе подобных.

Но – как это происходит?

И возможно ли людям это ПОВТОРИТЬ?

Тайну бессмертия пытается постичь ученый Ноэль, за которым идет ОХОТА...

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	15
3	30
4	38
5	54
Часть 2	61
ПРОЛОГ	61
1	68
2	78
3	87
4	99
5	108
6	122
7	133
8	143
9	153
10	161
11	173
Часть 3	182
ПРОЛОГ	182
1	198
2	212

3	221
4	229
5	237
6	247
7	261
8	271
9	285
10	295
Часть 4	307
ПРОЛОГ	307
1	311
2	320
3	332
4	342
5	355
6	366
7	377
8	388
9	400
10	407
11	417
12	431
Часть 5	443
ПРОЛОГ	443
1	454
2	466

3	479
4	491
5	503
6	514
7	527
8	538
9	551
10	563
ЭПИЛОГ	577
Часть 6	580
1	580
2	592
3	605
4	613
5	628

Содержание

Брайан Стэблфорд

Империя страха

Посвящается моей жене Джейн, без чьей поддержки и помощи такая книга, как эта, никогда бы не была даже задумана, не говоря уж о ее написании.

Часть 1

ПЛОДЫ СТРАСТИ

Мужчина, любящий женщину-вампира, не обязательно умрет молодым, но он не сможет жить вечно.

Валашская пословица.

1

Это было тринадцатого июня года 1623 от Рождества Христова. В Большой Нормандии потеплело рано, и улицы Лондона купались в лучах солнца. Везде было много народу. Га-

вань осадили толпы нищих и уличных мальчишек. Они обсуждали слухи, приставали к морякам, радуясь сплетне и медной монете.

Посудачить было о чем: три корабля пришвартовались сегодня в гавани. Один из них, «Фримартин», пришел из южных морей с товарами Экваториальной Африки: слоновая кость, золото, шкуры экзотических животных. Были на борту и живые звери, которых привезли для князя Ричарда в Львиную башню. Рассказывали о трех львах, огромной змее и ярких попугаях, умеющих говорить...

Тихо было, пожалуй, только на чердаке Юго-западной башни, где трудился придворный механик князя Ричарда Эдмунд Кордери. На медной опоре, стоящей на верстаке, он осторожно укрепил небольшое вогнутое зеркало, улавливающее лучи полуденного солнца через отверстие в потолке. Главным в приборе были линзы, пропускавшие свет.

Он встал и отодвинулся, пропуская своего сына Ноэла.

– Скажи мне, все ли в порядке? – спросил он. – Не могу рассмотреть.

Ноэл прищурил левый глаз, правым приник к микроскопу, настроил резкость.

– Отлично. Это что?

– Крыло бабочки, – ответил отец.

Эдмунд проверил, все ли образцы готовы для показа. Ожидание леди Кармиллы наполнило его тревожным чувством, и это было неприятно. Даже в старые добрые времена

она нечасто заходила в его мастерскую, а видеть ее здесь значило пробудить воспоминания, которые не приходили, когда он видел ее в Тауэре на праздниках.

– Образец с водой не готов, – сказал Ноэл. – Сделать?

Эдмунд покачал головой:

– Я приготовлю свежий, когда придет время. Все живое хрупко, тем более в капле воды.

Он посмотрел на верстак и спрятал тигель за кувшинами. Убрать мастерскую было невозможно, да и не нужно, но видимость порядка необходимо сохранить. Он подошел к окну, взглянул поверх таверны «Холодная гавань» и башен Святого Томаса на искрящиеся воды Темзы, покатые крыши домов на противоположном берегу.

Отсюда, с высоты, фигурки людей во Внешнем дворе казались крошечными. Он здесь был выше, чем крест на куполе церкви у Кожевенного рынка. Взгляд Эдмунда задержался на этом символе. Нельзя, конечно, сказать, что он был очень набожен, но тревога заставила его перекреститься, бормоча молитву. И сразу же обругал себя за слабость.

«Мне сорок четыре, – думал Эдмунд. – Я ремесленник и больше не мальчик, который удостоился любви женщины. Мое волнение ни к чему».

Эти укоры были не совсем справедливы. Не только то, что он был когда-то любовником Кармиллы Бурдийон, взволновало его. Тут смешалось многое. И то, что на верстаке стоял новый прибор – микроскоп. И то, что когда бы он ни про-

ходил по Внешнему двору, за ним наблюдали, любые встречи были бы замечены. И то, что капитан судна, пришедшего из Африки, выполнил не только заказ Ричарда, привезя ему львов, но и поручение Невидимой коллегии.

Уже много лет Эдмунд жил, чувствуя опасность, и приучил себя оставаться спокойным. Другое дело – леди Кармила. Связь с ней шла от сердца, и то, что она работала на Ричарда, став посредником между князем и ремесленником, ранило Эдмунда. Появление посредника показывало, что Эдмунд больше не был в фаворе. Он надеялся угадать по ее поведению, стоило ли ему опасаться.

Дверь распахнулась, и Кармила вошла. Полуобернувшись, жестом отправила слугу прочь. С ней больше никого не было. Хотя пол был чистым, она пересекла комнату, приподняв подол юбки. Ее взгляд блуждал по полкам с горшками и бутылками, тиглю, токарному станку – всем многочисленным инструментам ремесленника.

И для вампиров, и для обычных людей эта комната казалась полной таинств, как каморка алхимика: такую устроил для себя несчастный Гарри Перси, будучи против своего желания гостем Мартиновской башни. Вероятно, леди Кармила не усматривала большой разницы между работой ремесленника и короля духов. Всегда было трудно понять, как относятся вампиры к стремлению простых смертных к знаниям.

– Ты хорошо выглядишь, Кордери, – спокойно произнес-

ла она, – но ты бледен. Не стоит закрываться здесь, когда в Нормандию пришла весна.

Эдмунд поклонился.

Она совершенно не изменилась с тех пор, как они были близки. Кармилле было уже четыреста пятьдесят лет, – не намного меньше, чем Ричарду, – но красота ее даже не начала увядать. Кожа была белоснежной, что свойственно вампирам Северной Европы, и сверкающе чистой, почти блеска серебра, – безошибочный признак бессмертия. Ни родинка, ни шрам – ничто не бросало тень на совершенство лица. Ее глаза были темно-карими, губы – с нежным изгибом, шапка волос – цвета воронова крыла – поразительный контраст с белизной кожи. У вампиров волосы редко остаются густыми после превращения, даже если они родились с пышной шевелюрой.

Он несколько лет не видел ее так близко и не мог подавить в себе волну воспоминаний. Его волосы стали седеть, а кожа – грубеть. Наверное, он совсем изменился. Но ее взгляд сказал, что она тоже вспоминает о чем-то, и не без нежности.

– Моя госпожа, – сказал он ровным голосом, – позвольте представить моего сына и ученика Ноэла.

Ноэл вспыхнул и поклонился.

Кармилла удостоила юношу улыбкой.

– Он похож на вас, Кордери, – сказала она и прибавила, взглянув на Ноэла: – Когда ты родился, твой отец был самым привлекательным мужчиной в Англии. Ты очень похож на

него, можешь гордиться этим.

Она обратила свое внимание на прибор.

– Сделан хорошо? – спросила она.

– Да, конечно, – ответил Эдмунд. – Интересно задуман, и я был бы рад познакомиться с автором. Он строго оценил умение моего шлифовальщика линз, думаю, следующий прибор получится еще лучше.

Леди Кармила села, и Эдмунд показал ей, куда смотреть, как навести резкость, повернуть зеркальце.

Она удивилась увеличенным во много раз крылу бабочки, насекомым, образцам стеблей и семян растений.

– Мне нужен скальпель поострей, рука поуверенней, – сказал он. – Прибор показывает, насколько я неуклюж.

– О нет, Кордери, – возразила Кармила, – образцы замечательны. Но нам сказали, что здесь можно увидеть вещи более интересные. Например, живые существа, которых не различишь невооруженным глазом.

Эдмунд объяснил, как берут пробы воды, приготовил новую, взяв пипеткой каплю из кувшина, наполненного речной водой. Затем терпеливо помог леди найти мельчайшие создания, обычно невидимые, показав на существо, которое само было частичкой жидкости, на другие, передвигающиеся при помощи ресничек. Женщина в восхищении смотрела еще некоторое время, едва касаясь микроскопа длинными пальцами с покрашенными ногтями.

Она вдруг спросила:

– А другие жидкости вы тоже наблюдали?

– Какие жидкости? – спросил он, хотя вопрос был ясен и обеспокоил его.

– Кровь, Кордери.

Былое знакомство с ним научило ее уважать его ум, и сейчас Эдмунд почти жалел об этом.

– Кровь очень быстро свешивается, – сказал он. – Я не могу взять хорошую пробу. Для этого нужна большая сноровка, чем у меня. Но Ноэл сделал рисунки многих проб, которые мы изучали. Не хотите ли взглянуть?

Она была согласна изменить тему разговора, придвинулась к Ноэлу и стала рассматривать рисунки, иногда поглядывая на юношу и хваля его работу.

Эдмунд наблюдал за всем этим, вспоминая, как когда-то действовали на него ее капризы, как стремился угадать все ее желания. От одного из ее взглядов на Ноэла у Кордери внутри похолодело, он сам не знал, чего здесь больше – беспокойства за сына или ревности.

– Могу я показать их князю? – спросила вампирша, обращаясь не столько к Кордери, сколько к его сыну. Тот в замешательстве кивнул. Она выбрала несколько рисунков, свернула их в трубку и встала, глядя Эдмунду в лицо.

– Двор заинтересован в приборе, – сказала она. – Мы подумаем, нужны ли вам еще помощники, а пока вы можете заниматься обычным делом. Я пришлю за прибором, чтобы князь мог его осмотреть. Ваш сын хорошо рисует и будет по-

ощрен. Приходите ко мне в следующий понедельник, в семь вечера. Мы поужинаем.

Эдмунд поклоном показал, что согласен: конечно, это был приказ, а не приглашение. Прошел вперед, открыл дверь, ле-ди Кармилла вышла. Ее лицо было непроницаемым.

После ухода Кармиллы будто какая-то пружина распрямилась, освободив его. Он подумал, что его жизнь была в опасности, но эта мысль не взволновала.

«Это даже не мое изобретение, – думал он сердито. – После многих лет тщательных поисков, стремления раскрыть их секрет меня даже не считают опасным?»

Хотя у меня и есть прибор, но это же не я его придумал! Или они смотрят теперь иначе на наши ранние попытки, на магию Эрла Нортумберлендского и решили следить за всеми друзьями Фрэнсиса Бэкона?»

Ноэл тщательно раскладывал по местам показанные пробы. Он так делал уже на протяжении нескольких недель, с тех пор как начал помогать Эдмунду в работе. Как сказала Кармилла, Ноэл был очень похож на отца, хотя не сравнился с ним ни ростом, ни пытливостью и изобретательностью, которые выделяли Эдмунда среди других.

«Увы, – подумал Эдмунд, – я надеялся, что однажды я раскрою тебе причину моих поисков. Но сейчас, вероятно, мне придется отправить тебя подальше и доверить другому попечителю».

Вслух он произнес:

– Будь осторожен, сын. Стекло хрупко, его края остры: можно пораниться, если будешь неловким.

2

Опустились вечерние сумерки, Эдмунд зажег свечу на полке, сел, глядя на дрожащее пламя. Затем открыл книгу Антонио Нери «Арте Витрариа», рассказавшую Европе о тайнах венецианских мастеров стекольных дел, но не мог вдуматься в текст. Отложив книгу, наполнил бокал темным вином и не заметил, как вошел Ноэл. Когда юноша поставил рядом кресло и сел, Эдмунд протянул ему штоф. Ноэл взял, явно удивившись, нашел бокал, наполнил его и аккуратно отпил.

– Как, я уже достаточно большой, чтобы пить с тобой вино? – спросил Ноэл с легкой горечью в голосе.

– Ты достаточно большой, – заверил Эдмунд нарочито ласково. – Не злоупотребляй только и не пей в одиночестве, советую тебе как отец.

Ноэл потянулся через стол, чтобы дотронуться до микроскопа тонкими пальцами. Нечасто приходилось слышать отеческие советы. Эдмунд считал необходимым держать его подале от опасных мыслей и неверных поступков.

– Чего ты опасаться? – спросил Ноэл, подражая тону отца, стараясь говорить не как ребенок с отцом, а на равных.

Эдмунд вздохнул:

– Я думаю, что ты и для этого достаточно взрослый.

– Наверно, ты должен мне сказать.

Эдмунд взглянул на сверкающий медью прибор:

– Мне кажется, что такой прибор следовало держать в тайне, хотя бы на время. Один сметливый мастер, итальянец, как я осмелюсь предположить, желая ублажить вампиров – мужчин и женщин, – выставил свое изобретение – гордый как петух, – чтобы услышать их аплодисменты. Конечно, эту штуку рано или поздно все равно бы открыли. Такой секрет нельзя хранить долго, тем более что все эти линзы сейчас вошли в моду.

– Ты будешь рад очкам, когда глаза начнут слабесть, – сказал Ноэл. – В любом случае не вижу зла в новой забаве.

Эдмунд улыбнулся.

– Новые забавы, – хмыкнул он. – Часы для определения времени, жернова для перемалывания пшеницы, линзы для усиления зрения. Токарные станки – вытачивать винты, монетные прессы – чеканить богатство империи. Все делают простые ремесленники, чтобы ублажить хозяев. Кажется, нам удалось убедить вампиров, каким умным может быть человек и сколько еще можно узнать кроме того, что написано в мифах Греции и Рима.

– Ты думаешь, что вампиры начинают страшиться нас?

Эдмунд плеснул вина из штофа и протянул сыну опять.

– Они поддерживали науку, потому что считали ее простым развлечением, отвлекающим нашу энергию от обид и мятежных мыслей. Они не подозревали о плодах, которые стали собирать наши ученые. Великие перемены преобража-

ют мир, перемены, выкованные искусством и изобретательностью. Но империя бессмертных любит постоянство. Вампиры не верят в новое, как только оно выходит за рамки простой новинки. Да, это точно, вампиры начинают нервничать.

– Но простые смертные, беззащитные перед болью, болезнями и ранами, никогда не смогут угрожать их царству.

– Их правление покоится на страхе и предрассудках, – спокойно сказал Эдмунд. – Конечно, они долгожители и лишь немного страдают от болезней, смертельных для нас, у них есть волшебные силы восстановления. Но они не неуязвимы. Их империя более ненадежна, чем они рискуют признать. После сотен лет борьбы вампирам не удалось навязать свое господство магометанам.

Ужас, на котором держится их правление в Галлии и Валахии, основан на невежестве. Высокомерие наших князей и рыцарей скрывает глубокий страх перед тем, что может случиться, если простые смертные освободятся от боязни перед вампирами. Им не так просто умереть, но смерти от этого они боятся не меньше.

– В Галлии и Валахии случались восстания против вампиров, но всегда терпели поражение.

Эдмунд кивнул.

– Но в Большой Нормандии три миллиона обычных людей и меньше пяти тысяч вампиров, – сказал он. – Во всей Галлии не больше сорока тысяч вампиров, в Валахии не больше. Я не знаю, сколько их может быть в Китае, или в Индии, или

в сердце Африки за исламскими странами, но и там обычных людей должно быть значительно больше, чем вампиров. Если смертные будут видеть в своих хозяевах не полубогов или дьяволов, а просто более крепко сбитые существа, империя вампиров станет хрупкой. Вампиры утверждают, что сотни лет жизни дают им ум, недостижимый для смертных, но в это верится все меньше. В этом мире почти все сделали руки простых смертных: голландские суда и ткацкие станки, нормандские пушки и стекло. Наше искусство механики превосходит их магическую силу, и они знают это.

– А разве вампиры не утверждают, что все это делает мир удобнее для смертных и что наше искусство механики – только жалкое подобие их магической силы, которой мы не обладаем?

Эдмунд взглянул на сына, скрывая чувство горечи.

Он был рад тому, что сын умеет вести дискуссию. Отдавая Ноэла другим учителям в раннем возрасте, думал, что так будет лучше. Однако за несколько недель более тесного общения он увидел многое в поведении мальчика, что напоминало о собственных склонностях, привычках. Это было приятно – любовь к сыну всегда жила в нем, только обстоятельства не позволяли раскрыться чувствам. Казалось, что это никогда и не случится. Может быть, сейчас была единственная возможность передать дальше ту частичку знания, которой владел, но никому не осмеливался доверить.

Он сомневался. Но никакого вреда не будет – не так ли? –

от дискуссии и обсуждения, которые ученые затевали для развлечения.

– У вампиров есть сила, – согласился Эдмунд, – мы называем ее волшебной. Но что такое волшебная сила? Разве это волшебство, если мы ставим паруса так, что судно идет против ветра? Разве волшебная сила заключается в вакууме, при помощи которого мы выкачиваем насосами воду из шахт? Разве волшебство растворяет серебро в ртути, как сахар в воде? Все эти трюки кажутся волшебством для тех, кто не знает, как все это делается. Волшебство – это то, чего мы еще не понимаем.

– Но вампир очень отличается от обычного человека, – настаивал Ноэл. – Все дело в душе, здесь нет ничего общего с механикой. Душа в теле простого смертного слабее, чем душа в теле вампира. Простая физическая сила здесь не поможет.

– Простая физическая сила, – повторил Эдмунд. – Все же любопытно. Этот князь колдунов, Гарри Перси, столько лет просидевший в Мартиновской башне, стремился создать эликсир жизни, который уравнил бы всех нас с вампирами. Рыцари Ричарда наблюдали все это с любопытством, называли его сумасшедшим князем – но наблюдали очень внимательно. Ричард был в восторге от его опытов в предсказаниях и от его изучения текстов алхимиков. Если Перси хотя бы приблизился к тем средствам, какими вампиры защищают себя, они убили бы его.

– Грегорианцы думают, что вампиры – исчадие ада, – сказал Ноэл. – Они говорят, что вампиры устраивают шабаши, на которых появляется Сатана, и что вампиры сильнее простых смертных, поскольку ими владеют души дьяволов, помещенные в их тела Сатаной, когда они отреклись от Бога и присягнули пороку.

Эти слова обеспокоили Эдмунда. Было неразумно говорить это в Тауэре, могли подслушать. Осуждение отцом Грегори вампиров считалось большим мятежом против их господства, чем вооруженное восстание. Они поспешили заставить нового папу осудить Грегори как худшего из еретиков, дошли до того, что посадили вампира на трон Санкт-Петербурга, но не смогли отделаться от представления о них как о посланцах дьявола. Это была жуткая история – вид запрещенных слухов, в которых каждый мог найти что-то для себя, своей веры.

– Обычно полагают, что состояние вампиров, как и простых люфей, определено Богом, – напомнил Эдмунд сыну. – Церковь теперь говорит нам, что вампиры живут долго на земле, но это и привилегия, и бремя, поскольку приходится долго ждать Божьей милости.

– Ты хочешь, чтобы я поверил этому? – спросил Ноэл, зная достаточно хорошо, что отец неверующий.

– Не хочу, чтобы ты верил, что они пешки в руках дьявола, – мягко сказал Эдмунд. – Это не похоже на правду. Жаль, если кого-нибудь сожгут как еретика только за случайно вы-

сказанную истину.

– Скажи мне тогда, во что же ты веришь.

Эдмунд смущенно пожал плечами.

– Не уверен, что речь идет о вере, – сказал он. – Я не знаю.

Их долголетие реально, как и сопротивляемость болезням, способность к самовосстановлению. Но разве действительно магия обеспечивает эти возможности? Готов поверить, что они производят таинственные ритуалы с заклинаниями, но не знаю, что это дает. Часто думаю, так ли уж они уверены в себе. Возможно, держатся за свой ритуал, как католики за мессу, последователи Магомета – за намаз, следуя привычке и вере.

Им известно, что делать, чтобы превратить обычного человека в вампира, но понимают ли они, что творят, не могу сказать. Иногда я думаю, не являются ли они такими же жертвами ужаса, который пытаются вселить в нас, как и мы.

– Ты веришь, что существует эликсир – зелье, которое обезопасит любого от болезней, ран, на много веков отсрочит смерть?

– Алхимики говорят о секрете, давно известном в Африке и который сейчас хранят вампиры. Но не знаю, верить этому или нет. Если бы вампиром можно было стать только при помощи волшебного варева, его секрет давно был бы раскрыт.

Ноэл в глубокой задумчивости смотрел на микроскоп. Потом сказал:

– Ты думаешь, что этот инструмент поможет раскрыть

тайну сущности вампиров?

– Боюсь, что так думает Ричард. Он очень обеспокоен. Империя в тревоге, говорят, что «Фримартин» подтвердил слухи о действии африканской болезни как на простых людях, так и на вампиров.

Он произнес эти слова хмуро и удивился, услышав смех Ноэла.

– Если раскроем тайну, все станем вампирами, – произнес тот, – чью кровь тогда будем пить?

Это замечание было похоже на иронию ребенка. В первый момент Эдмунд хотел ответить в том же тоне, обернуть всю беседу в шутку, но понял, что сын хотел не этого. Смех Ноэла был признаком смущения, извинением за неудобную тему беседы. Но при разговоре о вампирах нельзя не говорить о питье крови, как бы это ни было неприличным. Кармила Бурдийон не постеснялась такой темы. Почему же должен смущаться Ноэл?

– Вампиры пьют человеческую кровь не для насыщения. Это не хлеб и не мясо, крови им нужно совсем немного. Но она им действительно необходима. Если вампира лишить крови, то он впадает в глубокий сон. Она доставляет им удовольствие, которое мы толком не можем понять. Это главное в тайне, делающей их такими чудовищными, такими бесчеловечными и, следовательно, такими сильными. – Он замолк, почувствовав смущение, но не от неприличия сказанного, а потому что не знал, насколько Ноэл разобрался в ис-

точниках его осведомленности. Эдмунд никогда не рассказывал о тех днях, когда встречался с Кармиллой, тем более жене, которую встретил позже, или сыну, которого она ему родила, но от сплетен и слухов Ноэла оградить было нельзя. Должно быть, Ноэл знал, что произошло с его отцом.

Ноэл опять взял штоф и на этот раз наполнил свой бокал.

– Мне сказали, – произнес он, – что люди тоже получают удовольствие... предлагая свою кровь вампирам.

– Это не так, – пробормотал Эдмунд, – удовольствие, которое обычный мужчина получает с женщиной-вампиром, такое же, что и с обычной женщиной. Это может быть иначе для женщин с вампирами-мужчинами, но я подозреваю, что единственное удовольствие, которое они переживают, происходит оттого, что вампиры-мужчины редко занимаются любовью как обыкновенные мужчины. Любовницы вампиров возбуждаются еще потому, что надеются сами стать вампирами. Кажется, они пользуются преимуществом в этом отношении.

Эдмунд колебался, но все же не хотел оставлять начатую тему. Сын имеет право знать это и, может быть, должен. Он вспомнил, как Кармила смотрела на юношу, сказав, что тот похож на отца.

– Возможно, в чем-то это и верно, – продолжал Эдмунд. – Когда Кармила пробовала мою кровь, мне было приятно потому, что было приятно ей. Любовь к женщине-вампиру волнует, это и отличает ее от любви к обычной женщине –

даже если любовник женщины-вампира очень редко становится вампиром – и никогда только потому, что он ее любовник.

Ноэл вспыхнул, не зная, как реагировать на откровенность отца. И, видимо, решив сделать вид, что этот разговор интересует его чисто теоретически, спросил:

– Почему же в Лондоне и других городах Галлии намного больше вампиров-женщин, чем мужчин?

– Точно никто не знает, – ответил Эдмунд. – Во всяком случае, обычные люди не знают. Могу сказать тебе о своих догадках, по слухам и своим рассуждениям, но ты должен понять, что об этом опасно даже думать, не то что говорить. Ты должен знать, что я многое от тебя скрывал, наверное, причину ты знаешь. Ты понимаешь, что если мы продолжим разговор, то это опасно для нас?

Ноэл кивнул. Он сделал еще глоток из бокала, показывая, что готов взять на себя любую ответственность, как взрослый. Ноэл стремился к знаниям, Эдмунда это радовало.

– Вампиры держат в тайне свою историю, – сказал Эдмунд. – Они пытались контролировать и создание истории людей, хотя появление печатных станков сделало это невозможным из-за распространения запрещенных книг. Похоже, что вампиры-аристократы пришли в Западную Европу в пятом веке с ордами Атилы, покорившего Рим. Атила, вероятно, достаточно хорошо знал, как превращать в вампиров тех, кто ему пришелся по вкусу. Здесь все началось с Этия,

ставшего первым властителем Галльской империи, и Феодосия, который был императором Византии, прежде чем этот город вошел в Валашское ханство.

Из всех существующих сегодня князей и рыцарей-вампиров большинство происходят от Атиллы, из его рода, я слышал о детях-вампирах, рожденных женщинами-вампирами, но, кажется, это выдумки. Женщины-вампиры бесплодны, мужчины-вампиры же намного сильнее, чем обычные мужчины. Хорошо известно, что они редко соединяются между собой, хотя мужчины-вампиры по ночам побуждают своих любовниц пить кровь. Тем не менее любовницы вампиров сами часто становятся вампирами. Рыцари-вампиры утверждают, что это волшебный дар, но не уверен, что любое превращение в вампира задумано заранее и желанно.

Он сделал паузу, затем продолжил:

– Возможно, что сперма вампиров-мужчин несет семя, передающее вампиризм так же, как семя обычных мужчин делает женщин беременными, а, может быть, это происходит случайно. Любовники-мужчины вампиров-женщин не становятся вампирами, как это часто бывает с женщинами – любовницами вампиров. Вывод подсказывает логика.

Ноэл, подумав, спросил:

– Как же получают вампиры-мужчины?

– Превращение совершают другие мужчины-вампиры, – сказал Эдмунд. – Несомненно, превращение включает в себя определенные обряды и песнопения, возможно, эликсир, та-

кой, как у графа Нортумберлендского, но думаю, что в старых описаниях шабаша вампиров, представленных грегорианцами, мало правды, даже если предположить, что роль Сатаны играл вампир-вожак. – Он не уточнил свою мысль, но подождал, чтобы увидеть, понял ли его Ноэл.

На лице юноши отразилось отвращение, сменившееся недоверием. Эдмунд не знал, радоваться или печалиться тому, что сын смог проследить за логикой его суждений, но он не был удивлен. Рассказы грегорианцев о шабаше вампиров, в которых Сатана обвинялся в противоестественном половом сношении со своими приспешниками, были так невероятны, что их пересказывали, не пропуская ни одной детали. Кроме того, рядом с жилищем лорда-лейтенанта был позорный столб, к которому иногда приковывали провинившихся слуг. Для охранников с определенными склонностями было обычным навещать ночью позорный столб и использовать злополучную жертву, чьи кисти были прикованы к столбу. Прислуга в Тауэре знала это. Поэтому Ноэл имел представление о мужеложстве.

– Не все женщины, которые спят с вампирами, превращаются в вампиров, – продолжал Эдмунд, – поэтому они могут утверждать, что обладают волшебной силой. Но некоторые женщины никогда не беременеют, хотя живут с мужьями годами. Не уверен, стоит ли верить в эту волшебную силу.

– Говорят, – заметил Ноэл, – что обычный человек тоже может стать вампиром, если будет пить кровь вампира и

узнает нужное заклинание.

– Это опасный миф, – сказал Эдмунд, – слух, который вампиры ненавидят по очевидным причинам. Они учиняют жестокие наказания, если кто-нибудь пытается это проделать, и я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то стал вампиром таким образом. Женщины нашего двора большей частью становятся любовницами на одну ночь для рыцарей князя, сам же Ричард, несмотря на свою привлекательность, никогда не интересовался женщинами. Мы можем только гадать об обращении самого князя, что, вероятно, было задумано по политическим причинам, но говорят, что он был фаворитом того Вильяма, который включил этот остров в Галльскую империю в 1066 году. Кажется, его ценили больше, чем отца. Генри, и больше другого Генри – прадеда, которых обратили, обоих, в вампиров уже в пожилом возрасте. Вероятно, самого Вильяма обратили у Шарлеманя.

Ноэл вытянул руку ладонью вниз, провел ею над пламенем свечи так, что оно заколебалось из стороны в сторону, взглянул на микроскоп.

– Ты рассматривал кровь? – спросил он.

– Да, – ответил Эдмунд. – И сперму. Обычную кровь, конечно, и обычное семя.

– И?

Эдмунд покачал головой.

– Это – неоднородные жидкости, но прибор не подходит для тщательного анализа. Ты сам наблюдал: цветные блики

искажают очертания, увеличение маловато. Там маленькие тельца – те, в семени, с длинными жгутиками – но их должно быть больше... много больше... для наблюдения, была бы только такая возможность. Завтра этот микроскоп исчезнет, и я не думаю, что мне разрешат построить другой.

– Тебе не грозит опасность, – запротестовал Ноэл, – ты важная персона, твоя верность никогда не стояла под вопросом. О тебе самом люди думают как о вампире, называют алхимиком или колдуном! Служанки на кухне боятся меня, потому что я твой сын; они крестятся, видя меня.

Эдмунд засмеялся с горечью:

– Несомненно, невежды подозревают меня в общении с чертями. Многие избегают моего взгляда, так как боятся дурного глаза. Но все это не относится к вампирам. Для вампиров я простой человек. Но если даже они ценят мое умение, они немедленно убили бы меня, если бы заподозрили, что я знаю что-либо опасное для них.

Ноэл явно встревожился.

– А она? – Остановился, потом опять продолжил. – Леди Кармила... разве она...

– Не поможет мне? – Эдмунд покачал головой. – Нет, даже если бы я был и сегодня ее любовником. Верность вампиров – только для вампиров.

Он встал, больше не чувствуя, что должен помочь сыну понять. Кое-что сын мог уяснить для себя только сам. Эдмунд взял свечу, пошел к двери, прикрывая пламя рукой.

Ноэл последовал за ним, не удержавшись, чтобы не задать последний вопрос.

– Но... она любила тебя, не так ли?

– Наверное, да, – печально ответил Эдмунд Кордери. – По-своему.

Эдмунд вышел из Тауэра через Львиные ворота, и поглядывая, не следит ли кто за ним, быстро пошел в Петти-Уэйлс. Дома между причалом и воротами стояли во мраке, но движение на улицах не прекращалось. Даже в два часа ночи жизнь большого города не замирала полностью. Тьма спустилась, и только блики света мерцали на мостовой. В некоторых лампах масло выгорело, но в эту пору некому было их наполнить. Эдмунда тьма не беспокоила, напротив, вполне устраивала.

Подходя к набережной, он заметил, что двое следовали за ним по пятам, и притворился поздним гулякой, которому все равно, где ходить в эту пору. На набережной Эдмунд мигом нашел паромщика – единственного на берегу в этот неурочный час, – дал ему три трехпенсовые монеты за перевозку через Темзу.

Позади себя, в свете лампы, Эдмунд увидел обоих шпионов, решавших, преследовать ли его дальше. Один смотрел вдоль набережной на Ворота предателей, но даже ведьма на метле не смогла бы достичь моста Тауэр и вернуться по южному берегу к улице Пикл-Херинг, чтобы там перехватить его. Но было преждевременным поздравлять себя, потому что и на противоположном берегу могли притаиться агенты лорда-лейтенанта.

Он осторожно прошел к улице Друидов, прислушиваясь, нет ли за спиной чужих шагов. И услышал их, на этот раз шаги одного человека. Подойдя к Кожевенному рынку, он решил уйти от преследования, слезка уже надоела. Если вампиры уничтожают кого-нибудь, то сначала сводят с ума покошачьему тихим преследованием. Хотелось скрестить свой меч с мечом шпиона, но такая спешка навредила бы сегодня ночью, и он усмирил свою ярость до следующего раза.

Он хорошо знал лабиринт улиц вокруг Кожевенного рынка, так как родился неподалеку, на улице Распятия, и провел здесь детство. Будучи учеником часовщика, обучился владеть инструментом и прибыл в Тауэр вместе с Саймоном Стэртвентом под опекой Фрэнсиса Бэкона. Эдмунд считался лучшим из подмастерьев, хотя у него хватало честности признать, что он не добился бы должности, если бы не заинтересовал Кармиллу. Ее интерес к ловкости его пальцев и хватке совершенно отличался от задумок бедняги Фрэнсиса, надеявшегося стать вампиром, но из-за одной лишней взятки потерявшего даже должность канцлера.

В этом же округе жили и работали брат с сестрой, но он видел их очень редко. Они не очень гордились тем, что у брата была репутация колдуна, и, не являясь грегорианцами, полагали, что в его связи с Кармиллой есть что-то кощунственное. Иногда он отсылал сестре деньги. Ее муж часто уходил в море, и той иногда приходилось трудно.

Эдмунд осторожно шел по темным аллеям, выбирая путь

среди куч хлама, не обращая внимания на визг крыс и держа руку на рукояти меча, который не пришлось обнажить. Полчища крыс на берегах Темзы под покровом темноты нападали на детей, иногда кусали гулящих девок, но были слишком трусливы и хитры, чтобы нападать на взрослых мужчин.

Звезды скрылись за облаками, ночь была непроницаемо темна. Свет свечей мерцал в редких окнах, Эдмунд продолжал свой путь, время от времени касаясь знакомых стен. Скоро звук шагов преследователя стих, теперь Эдмунд был в безопасности.

Он спустился на три ступеньки в сторону от переулка, нашел небольшую дверь, отрывисто постучал, сначала трижды, затем еще два раза. Вскоре дверь открылась, и он быстро вошел внутрь. Дверь захлопнулась. Только сейчас Эдмунд смог расслабиться, понять, в каком напряжении находился.

– Зажги свечу.

Пламя осветило худое, морщинистое лицо женщины.

Глаза старухи были бесцветными, клочковатые седые волосы прикрывала полотняная шапочка.

– Господь с тобой, – прошептал он.

– И с тобой, Эдмунд Кордери, – проскрипела она.

Он нахмурился, услышав свое имя. Она намеренно нарушила правила, слабо и бессмысленно демонстрируя свою независимость. Старухе он не нравился, хотя всегда был любезен с ней. Она не боялась его, как многие другие, но считала отмеченным пороком.

Они работали вместе на Невидимую коллегияю почти двадцать лет, но она никогда полностью не доверяла ему. Он всегда был для нее любовником вампира.

Проводив его дальше, ушла.

Из тени появился незнакомец, небольшого роста, крепкий, лысый, примерно лет шестидесяти, по-особому перекрестился, Эдмунд сделал то же.

– Я Эдмунд Кордери, – сказал он. – Вам поручили уход за львами Ричарда и другими животными на борту «Фримартина»?

– Это так, – ответил мужчина. – Мне пришлось заботиться обо всех животных.

Голос был почтительным, но без тени страха. Он слегка выделил слово «всех» легкой иронией. Эдмунду он показался не простым матросом, а образованным человеком.

– Вы хорошо послужили Ричарду, а коллегии – еще лучше, – сказал Эдмунд подчеркнуто вежливо.

– Да, так и было, – согласился незнакомец, – хотя то, что ваши друзья просили сделать, было безумием. Думаю, вы не знаете, с чем играете.

– Конечно, знаем, сэр, – ответил Эдмунд холодно. – Естественно, я знаю. И понимаю, что вы смелый человек. Не думайте, пожалуйста, что ваше поручение недооценили.

– Надеюсь, вас не затруднил приход сюда, – сказал крепыш.

– Ни в коей мере. – Эдмунд сразу уловил значение этих

слов. – Двое следили за мной от Тауэра, но остались на другом берегу. Еще один шел за мной на южном берегу, но было несложно отделаться и от него.

– Это не очень хорошо.

– Возможно. Но слежка связана с другими делами. Вам здесь нечего опасаться; если животные чувствуют себя хорошо, Ричард будет щедр с вами. Он любит своих львов, поэтому его и прозвали Львиное Сердце. Он горд своей репутацией.

Собеседник кивнул без особой уверенности.

– Попросив об услуге, мне сообщили, что это требуется для Фрэнсиса Бэкона, – оказал он. – Мне велено передать, что коллегия не хочет, чтобы вы рисковали; Я мог бы оставить этот подарок у себя, даже уничтожить.

– Уничтожить! Зачем же вы рисковали своей жизнью, когда везли животных сюда! Так или иначе, не стоит гадать, чего коллегия хочет от меня. Главное, что это знаю я.

Крепыш покачал головой.

– Простите, если вам показалось, что я в вас сомневаюсь, сэр, – сказал он, – но один джентльмен, ваш друг, беспокоился, очень беспокоился о вас.

– Мои друзья, – ответил Эдмунд, – иногда чересчур заботливы.

Его голос посуровел. Он посмотрел в глаза крепыша, давая понять, что здесь торг неуместен.

Тот кивнул в знак подчинения тайной власти и вытащил

из-под кресла большой ящик, обитый кожей, с рядом небольших отверстий в стенке. Внутри что-то шуршало.

– Вы точно выполнили инструкции? – спросил Эдмунд.

Крепыш кивнул:

– Когда двое гибли, двоих сажали кормиться на трупы.

Из-за этого и из-за питона там...

Он вдруг замолчал, задержав руку, протянутую Эдмундом к ящику.

– Сэр, не открывайте его, прошу вас! Не здесь!

– Бояться нечего, – сказал Эдмунд.

– Вы не были в Африке, сэр. Поверьте, там все напуганы.

Говорят, что вампиры тоже гибнут, хотя там, где были мы, их не было. Африка – странный и опасный континент, Кордери. Никто, побывав там, не может, вернувшись, сказать, что в этом крае нет ничего страшного.

– Знаю, – сказал Эдмунд, думая о чем-то своем. – Это другой мир, где все шиворот-навыворот, где люди черные, а вампиры – не господа. Я сказал, что думаю о вашей храбрости, но прошу, избавьте меня от дорожных сплетен.

Отодвинув руку крепыша, он развязал веревки и чуть-чуть приподнял крышку.

В ящике находились две большие черные крысы, бросившиеся в тень. Эдмунд закрыл коробку и завязал веревки.

– Это меня не касается, сэр, – неуверенно произнес моряк, – но, видимо, вы не совсем правильно поняли, что там, в ящике. Я был в Корунне, Марселе. Там помнят разные эпи-

демии, тревожные слухи уже поползли во все стороны. Сэр, если бы что-либо подобное появилось в Лондоне...

Эдмунд, взвесив в руках ящик и убедившись, что его вес невелик, прервал крепыша:

– Это не ваша забота. Вам теперь следует забыть прошедшее. Я свяжусь с вашими хозяевами и все решу сам.

– Извините, – сказал крепыш, – но какой смысл уничтожать вампиров, если при этом мы должны погибнуть сами? Если необдуманно напасть на вампиров, произойдет ужасная трагедия – гибель половины обычных людей в Европе.

Эдмунд сердито посмотрел на собеседника.

– Вы слишком много говорите, – сказал он. – В самом деле, мы зашли слишком далеко в этом разговоре.

– Простите, сэр. – Беспокойство моряка было чистосердечным.

Несколько мгновений Кордери размышлял, стоит ли давать более подробное объяснение, но давний опыт подсказал ему, что в подобных ситуациях лучше много не говорить. Заранее нельзя предугадать, с кем и когда будет человек говорить, а значит, и последствия. В любом случае, не было никакой уверенности в том, что дальнейшие пояснения успокоят если не совесть, то страх собеседника.

Эдмунд взял ящик. Крысы скреблись внутри. Свободной рукой Эдмунд перекрестился.

– Господь с вами, – сказал крепыш искренне.

– И с вашим духом, – ответил Эдмунд, думая о своем. Он

вышел, не останавливаясь для обычных слов прощания со старухой.

Эдмунд быстро шагал по темным улицам, держась свободной рукой за рукоять меча. На этот раз он пересек мост Тауэр, хотя и знал, что там его могут поджидать люди. Они не посмеют тронуть его, но последуют за ним до Тауэра и, если он выйдет из башни, то до его жилища на Холме. Они доложат лорду-лейтенанту о ящике, но, если попытаются узнать, что в нем, ящик не найдут.

Он прошел к Тауэру сквозь Ворота предателей. Кордери знал, что не покинет крепость через эти ворота, чтобы ни произошло с ним в следующие несколько дней, и их название приобрело новый мрачный смысл. Он хотел сделать так, чтобы месть вампиров за измену не смогла достичь его.

Наступил понедельник. Эдмунд и Ноэл отправились в палаты Кармиллы, в галереи рядом с Соляной башней.

Ноэл раньше не бывал в таком жилище, здесь все его поражало. Эдмунд, наблюдая восхищение парня коврами, зеркалами, резьбой, мебелью, невольно вспоминал свой первый приход сюда. Тут ничего не изменилось, все будило воспоминания.

Молодые вампиры довольно часто меняют обстановку, им нравится все новое, их пугает собственная неизменность. Кармилла уже давно прошла этот период. Она привыкла, приспособилась, ее интересы были подчинены вечности. Новинки допускались лишь в строго контролируемых областях жизни, как, например, перенос эротических привязанностей с одного любовника на другого.

Богатая сервировка стола тоже изумила Ноэла.

Обычно он пользовался ножами и вилками из посеребренного олова, хотя купленные отцом вилки были из чистого серебра. Здесь же все приборы были из серебра, даже солонки и перечницы. Вместо керамических сосудов для питья здесь были хрустальные кружки и резные графины для вина. Овальный стол с гнутыми ножками покрывала тонкая полотняная скатерть с персидским узором. Единственное, что было общим у Кармиллы Бурдийон с Эдмундом Кордери, –

это глазурированная глиняная посуда из Саутуорка, украшенная голубой росписью из переплетенных цветов.

Явно смущал Ноэла и выбор блюд. У себя дома парень съедал то, что ему дали, но здесь ему нужно было выбирать. Когда подали два первых блюда, Эдмунд, уловив взгляд сына, выбрал что-то для себя, и тот последовал его примеру.

Ноэл быстро привык к постоянно появляющимся у стола слугам. Со вторым он справился более уверенно.

На официальных приемах Эдмунд всегда стремился подчеркнуть свое невысокое звание – придворный механик, – и соответственно одевался. Сегодня же ему предстояло выступать в другой роли. Готовясь к визиту, Кордери достал из шкафа платье, которое не надевал уже много лет. Ноэл, заметив превращение отца в блестящего джентльмена, понял, что это неспроста.

Эдмунд, ограничивая себя в еде и напитках, был доволен тем, что Ноэл поступал так же, следуя примеру отца, несмотря на соблазны богатого стола.

Когда со вторым было покончено, слуги внесли сладости, горячее вино с молоком и сахаром, приправленное пряностями.

– Нравится? – спросила Кармила, видя, что Эдмунд попробовал напиток. – Это рецепт твоего друга Кенелма Дигби.

Теперь удивился Эдмунд. Кенелм Дигби всего на несколько лет старше Ноэла. Он действительно был другом Эдмун-

да, но являлся также членом Невидимой коллегии, и услышать его имя здесь было тревожным сигналом. Кенелм был сыном сэра Эдварда Дигби, казненного в 1606 году за случайное участие в подготовке «Порохового заговора» – дерзкой, но рискованной попытки уничтожить князя Ричарда.

– Не знал, что он посещает двор, – вежливо солгал Эдмунд. Ему было любопытно, хочет ли Кармилла сделать Дигби следующим фаворитом.

– Напиток замечателен, – сказал он, отодвигая бокал, – но после всех этих блюд больше нет аппетита.

Какое-то время леди довольствовалась обычным обменом любезностями с гостями, но быстро перешла к главному.

– Наш любезный князь Ричард, – сказала она Эдмунду, – восхищен вашим прибором, находит его весьма интересным.

– Тогда я дарю его князю, – ответил Эдмунд. – Готов сделать еще один микроскоп, для вас.

– Я бы не этого хотела, – сказала она холодно, – я имею в виду другое. Князь и лорд-лейтенант обсуждали некоторые задачи, которые вы могли бы не без успеха выполнить. Инструкции вам сообщат.

Эдмунд поклонился в знак признательности.

– Придворным дамам понравились рисунки, которые я показала, – сказала Кармилла, обращаясь к Ноэлу. – У тебя хорошая рука. Ты хотел бы стать портретистом, рисовать милых вампиров?

– Я бы хотел стать механиком, – ответил Ноэл.

– Естественно. Ты же очень похож на отца. Не так ли, Эдмунд?

– Ему еще надо расти, – ответил механик.

Кармила опять обратилась к Ноэлу:

– Даже Ричарда восхитило то, что в кружке воды из Темзы могут жить тысячи мельчайших живых существ. Как ты полагаешь, в наших телах тоже могут обитать бесчисленные невидимые насекомые?

Ноэл собрался было ответить, потому что вопрос предначался ему, но Эдмунд мягко вмешался.

– Есть существа, которые могут жить на нашей коже, – сказал он, – и черви внутри нас. Нам говорят, что макровселенная, в сущности, воспроизводит микрокосмос человеческих существ; возможно, внутри нас есть еще меньший микрокосмос, который воспроизводит нас опять, в невероятном уменьшении. У лорда Нортумберлендского есть кое-какие мысли на эту тему, я читал...

– Я слышала, Кордери, – перебила его Кармила, – что болезни, поражающие обычных людей, могут переноситься такими мельчайшими существами.

– Мысль о том, что болезни переносятся от человека человеку крошечными существами, не нова, – ответил Эдмунд, – но я не знаю, как их можно распознать. Думаю, что существа в речной воде не похожи на болезнетворных. Гален говорит нам...

– Меня беспокоит мысль о том, – сказала она, опять пре-

рвав его, – что в наших телах могут жить существа, о которых мы ничего не знаем, и что с каждым вздохом в нас проникают невидимые, неосязаемые изменения. Это тревожит меня.

– Не стоит беспокоиться, – возразил Эдмунд. – Плевелы распада легко закрепляются в человеческой плоти, но не в вашей.

– Вы знаете, что это не так, Кордери, – спокойно сказала она. – Вы видели, как я болела.

– Это была оспа, убившая множество людей, моя госпожа, у вас же лишь немного поднялась температура.

– Капитаны голландских судов сообщают, что эпидемия, свирепствовавшая в Африке и достигшая юга Галльской империи, не отличает обычных людей от вампиров.

– Это все слухи, моя госпожа, – сказал Эдмунд успокаивающе, – вы знаете, что чем дольше путешествует новость, тем невероятнее она становится. Сомневаюсь, чтобы эта болезнь была хотя бы наполовину так страшна, как ее описывают байки путешественников.

Кармила обернулась опять к Ноэлу, назвав его по имени, так что на этот раз Эдмунд не мог ответить сам.

– Ты боишься меня, Ноэл? – спросила она.

Юноша вздрогнул и пробормотал: «Нет».

– Не надо лгать, – сказала она. – Боишься, потому что я вампир. Эдмунд Кордери – скептик, видимо, сказал тебе, что вампиры – не такие уж волшебники, как думают некоторые.

Но он должен был сказать тебе, что женщина-вампир может навредить тебе, если захочет. Ты сам хотел бы быть вампиром, Ноэл?

Ноэл задержался с ответом:

– Да, наверное.

– Конечно, хотел бы, – промурлыкала она. – Все люди стали бы вампирами, если бы смогли. Не имеет значения, что они утверждают, когда преклоняют колени в церкви, благодаря Бога за то, что они есть. Мужчины могут превратиться в вампиров: бессмертие в наших силах. Таким образом мы всегда пользовались верностью и преданностью большинства подданных. Мы справедливо вознаграждали преданность. Некоторые присоединились к нам, многие вкусили от плодов нашей благосклонности. Даже благородным среди обыкновенных людей, которых в Англии называют лордами и баронетами, есть за что нас благодарить, потому что мы всегда щедры к тем, кого любим.

– Я ему сказал то же самое, моя госпожа, – заверил ее Эдмунд.

– Не сомневаюсь, – проговорила Кармилла, – но все же, если бы я спросила, серьезно ли ты хочешь стать вампиром, ты бы не сказал «да». Я права?

– Сказал, как думал, – ответил Эдмунд. – Это все, что могу пожелать. Я не благородного происхождения, даже среди обыкновенных людей.

– Конечно, – согласилась она. – Ты всегда любил делать

все своими руками, работать с металлом и огнем, что-нибудь изобретать и узнавать все о механике. Тебе все удавалось, Эдмунд, я уверена, что ты передал наши похвалы сыну, сказал ему, какие мы прекрасные хозяева, объяснил, как князья-вампиры спасли Европу от мрака и что, пока правят вампиры, варварство будет держаться в рамках? Несомненно, сказал, что наше правление не всегда было мягким, мы не терпим отступников, но так же справедливы, как и суровы. Было бы значительно хуже – не так ли? – если бы Галлия осталась под властью тех ужасных сумасшедших римских императоров?

– Боюсь, госпожа, что моя работа не всегда позволяла контролировать воспитание сына, – ответил Эдмунд, – но у него были лучшие наставники двора в латыни, греческом, риторике и истории.

– Уверена, что он хорошо учил уроки. – Кармила опять обратилась к Ноэлу: – Есть люди, стремящиеся помешать нашему правлению, уничтожить нас, ты знаешь это?

Ноэл не знал, как ответить, и ждал, что еще она скажет. Казалось, его неловкость немного выводит ее из себя, и Эдмунд обдуманно не прерывал затянувшуюся паузу. Он видел, что его слова не убеждают ее. Возможно, подумал он, плохое впечатление от Ноэла может еще сыграть ему на руку.

– Существует группа мятежников, – вновь заговорила Кармила, – стремящихся раскрыть тайну обращения вампиров. Они насаждают мысль о том, что смогут сделать всех

людей бессмертными, как только узнают, что для этого надо. Но это и ложь, и глупость. Тайное общество просто-напросто рвется к власти.

Леди-вампир остановилась, чтобы заказать еще одну бутылку вина. Ее взгляд блуждал между неловким юношей и его уверенным в себе отцом.

– Верность вашей семьи, конечно, вне всякого сомнения, – продолжила она. – Никто не понимает действие общества лучше механика, который знает, как уравновесить силы, как взаимодействуют и опираются друг на друга различные детали государственной машины. Кордери, видимо, представляет себе, что здравомыслие правителей похоже на ум часовых мастеров, не так ли, Эдмунд?

– Вы правы, моя госпожа, – откликнулся Эдмунд.

– Не исключается, – добавила она странно отрешенным голосом, – что хороший механик может заслужить обращение в вампира.

Эдмунд был достаточно умен, чтобы не расценивать эти слова как предложение или обещание. Он взял бокал с вином, налитым из новой бутылки, и сказал:

– Моя госпожа, есть вещи, которые мы могли бы обсудить вдвоем. Я отошлю сына?

Кармила слегка прищурилась, но выражение ее лица не изменилось. Эдмунд затаил дыхание, зная, как сложно навязать ей какое-либо решение.

– Молодой человек еще не закончил свой обед, – сказала

она.

Эдмунд не стал спорить. Она явно не хотела, чтобы Кордери-младший ушел сейчас.

– Как ты думаешь, Ноэл, – сказала она, – почему большинство обычных людей настроено, против нашего правления?

Ноэл был взволнован. Эдмунд попытался отвлечь внимание Кармиллы от коварного вопроса, но понял: ему хода беседы не изменить, и теперь хотел знать, использует ли она сына, чтобы спровоцировать отца, или просто увлечена жестокой игрой.

Она была способна быть жестокой. Эдмунд знал это как никто другой.

– Ноэл не сможет ответить, – сказал он резко. – Может быть, объясню я?

– Очень хорошо. – Глаза Кармиллы на недовольном лице округлились.

– Обычные люди, – начал Эдмунд, – считают, что вампиры очень жестоки, что вампиру совершенно безразлична боль, напряги он волю. Люди не могут не завидовать этому безразличию, тем более что закон предусматривает в качестве их наказания всевозможные пытки. Любого могут заточить в затхлую темницу, где его будут бить плетьюми, отрубят руки и опустят обрубки в кипящую смолу. Узников распинают на дыбе, ломая кости, рвут тело клещами, выдергивают руки и ноги. Все знают, что подобное происходит в подземельях

этого замка.

Вы упомянули о Кенелме Дигби и волей-неволей напомнили мне, что случилось с его отцом, хотя он, можно сказать, не принимал участия в заговоре против князя. Его и еще троих, если вы припомните, моя госпожа, избили так, что кожа висела клочьями, а затем привязали к лошадям и протащили целую милю к плахе во дворе церкви Святого Павла, по улице среди толпы зрителей. Веревку, на которой повесили сэра Эдварда, верный палач – слуга Ричарда обрезаю, когда тот еще не успел и сознание потерять, не то чтобы задохнуться. Затем он был четвертован, а его сердце вырвали на потеху толпе. Это был добрый человек, не заслуживший такой смерти за то, что помог мятежникам, сам того не зная.

Обыкновенные люди, моя госпожа, верят, что такое не случилось бы, если их судили простые смертные. О, они слышали о Нероне и других сумасбродных римлянах, но не верят, что простые люди, наши современники, могли бы подвергнуть себе подобных таким мучениям. Христиане не сочувствуют язычникам-туркам, но им становится страшно, когда они слышат, что Влад устроил пленникам после овладения Византией. Когда наш Ричард сражался с сарацинами, а Шарлемань подписал договор с Гаруном аль-Рашидом, дела обстояли иначе. Но наше время стало еще мрачнее. Подозреваемых в грегорианской ереси сжигают в Галлии ежедневно. Если такое количество людей идет на костер, разве можно попрекать кого-либо в том, что они видят в вампирах

дьяволов? Вот почему, моя госпожа, многие обыкновенные люди ненавидят вас.

Эдмунд взглянул на Ноэла и увидел, как испугался сын за его судьбу. Высказать такое вампиру в лицо! Но Кармила не злилась. Наоборот, явно довольная, громко рассмеялась.

– О Эдмунд, – сказала она, – я забыла, что такое – спор с честным человеком!

– Но, отец, – заметил Ноэл, – вы же только описали то, о чем могут думать другие люди.

– Моя госпожа знает, – мягко проговорил Эдмунд, – что я не грегорианец. А я знаю, что она не дьявол. Но ей известно также, что мне жаль тех, кто идет на костер по глупости. Хотелось бы, чтобы мир стал лучше, понимаю, почему некоторые полагают, что он таким никогда не будет, потому что наши правители не понимают, что на деле руководит жизнью простых смертных.

– Что же это? – спросила Кармила уже без смеха.

– Страх, моя госпожа, – сказал Эдмунд. – Страх перед смертью, но особенно перед болью. Мы все умрем, даже если наши правители не умрут. Но людям бывает больно, еще больнее становится от того, что те, кто причиняет им эту боль, никогда не будут так страдать сами.

– Мы наказываем вампиров, виновных в преступлениях, – бросила Кармила.

– О да, вы их убиваете. Но вы не причиняете им боль, потому что не можете. Вы все не чувствуете ее, если только

сами этого не захотите. Разве не так?

– Так, – согласилась она. – Но скажи мне, Эдмунд, разве люди более счастливы там, где ими управляют обыкновенные люди? Ты жалеешь турок, но разве не жалеешь их жертв? Что, разве нет страдания в мире арабов, которые отрубают руки вора́м, казнят убийц, жестоко пытаются и держат рабов! В Галлии же нет рабов, за исключением преступников и магометан – гребцов на галерах.

– Вы правы, моя госпожа, – сказал Эдмунд, – напомнив мне, что дикари остаются дикарями. Не сомневаюсь в том, что дела в центре Африки обстоят так же плохо, даже если поверить, что обычные люди могут там править вампирами. Но народ Галлии – христиане, которые знают, что должны любить друг друга. Вы не можете упрекать бедняг – последователей Христа, полагающих, будто вампиры-князья не помнят этой христианской заповеди. Они верят, что короли – обычные люди понимали бы боль, кроме того, были бы христианами и не стали бы делать то, что делают вампиры-князья. Возможно, они ошибаются, но они верят в это.

– Ты думаешь, им удастся занять наше место? – спросила она. Сейчас ее голос звучал жестче.

– Я думаю, что они это могут, моя госпожа. Когда-то всех вампиров Европы объединяли завоевания, приведшие далеко на север, расширившие Галльскую империю до Дании, Британских островов, а Валахию – глубоко в пределы России. Потом вампиров Галлии и Валахии объединила угроза

общего врага – турок. Но турки сейчас присмирели, ушли из Византии. Придет время, когда управляемые вампирами народы перессорятся, – расколота на части империя однажды рухнет.

– По вашим собственным расчетам, – холодно возразила она, – у вампиров всегда будет общий враг.

Эдмунд улыбнулся и признал правоту ее довода, приподняв бокал с вином. Он посмотрел на Ноэла, стараясь угадать настроение Кармиллы после спора.

– Думаю, что для сына уже достаточно вина, моя госпожа, – сказал он. – С вашего разрешения, я отошлю его. Хотелось бы обсудить с вами один вопрос, с глазу на глаз.

Кармилла посмотрела испытующе, затем согласно махнула рукой. Ноэл быстро поднялся и, краснея, вышел. Эдмунд спокойно смотрел на парня, не обращая внимания на его извиняющийся взгляд. Он знал, что сын последует его советам, и не хотел вызвать подозрения.

Когда Ноэл удалился, Кармилла прошла из столовой в другую комнату. Эдмунд последовал за ней.

– Вы самоуверенны, мастер Кордери, – сказала она.

Он отметил изменение в отношении к нему и понял, что эта партия еще далека до выигрыша.

– Я задумался, моя госпожа, – слишком много воспоминаний.

– Мальчик будет мой, – сказала она, – если я так решу.

Эдмунд поклонился, но промолчал.

– Вы будете ревновать?

– Да, моя госпожа, – сказал Эдмунд, – буду. Но я старею, в свою очередь, он должен стать мужчиной, каким когда-то был я. Что же касается вас, вас время не изменит.

– Я не хотела заниматься любовью сегодня вечером. Соблазнить вашего сына не собираюсь. Вопрос, который вы будете обсуждать со мной, – это наука или измена?

– Наука, моя госпожа. Как вы сами сказали, моя верность не вызывает сомнений.

Кармила прилегла на софу, указав Эдмунду на кресло рядом. Они были в прихожей ее спальни, в воздухе чувствовался запах тонких духов.

– Говори, – сказала она.

– Знаю, Ричарда интересует, что может раскрыть мой прибор, – начал он. – Но, думаю, вы знаете достаточно хорошо, что открытие, раз уж оно сделано, будет сделано опять, его нельзя похоронить. Хотите мой совет, леди Кармила? – Он намеренно выбрал более интимную форму общения и со злорадством отметил, что ей это не очень понравилось.

– Ты хочешь дать совет, Эдмунд?

– Да. Не пытайтесь управлять тем, что происходит в Галлии из-за постоянных репрессий. Если ваше правление будет таким же немилосердным, как в прошлом, может начаться разрушительный процесс. Наилучший выход, если вампиры Большой Нормандии постепенно уступят власть парламенту, состоящему из простых смертных, которые смогут указать

путь к лучшему миру.

Вампирша запрокинула голову, глядя на потолок, и изобразила короткий смешок.

– Не могу принять совет. Князь Львиное Сердце полагает, что правит согласно высшему праву по своему кодексу чести. Он уверен, что простые люди признают справедливость его требований.

– Я тоже думал об этом, моя госпожа, – в тон ей ответил Эдмунд. – И должен был высказать свои мысли.

– У обычных людей свое собственное бессмертие, – проговорила она. – Церковь обещает его. Ваша вера говорит, что человек не должен домогаться вечной жизни, она ожидает его в раю. Мы соглашаемся с этим и храним лишь только наше бессмертие. Полагаю, ты понимаешь, что мы не смогли бы обратить всех, если бы даже захотели. Наша магическая сила должна расходоваться бережно. Ты расстроен, потому что тебе ее не предложили? Завидуешь? Станешь нашим врагом из-за того, что не можешь войти в наш клан?

– Князю Ричарду нечего опасаться меня, моя госпожа, – солгал Кордери и прибавил: – Я преданно любил вас. И продолжаю любить.

Она выпрямилась и протянула руку, как будто желая погладить его по щеке. Но он сидел слишком далеко.

– Я сказала Ричарду, когда он называл тебя изменником, что смогу проверить твою верность в своих палатах лучше, чем его чиновники – в своих. Не думаю, что ты способен

обмануть меня, Эдмунд.

Кармила встала, подошла, взяв его лицо в свои ладони.

– К утру, – мягко сказала она, – я буду знать, прав ли князь в своих подозрениях.

– Да, конечно, – заверил он.

Эдмунд проснулся раньше нее, с чувством горечи во рту и пылающим лбом. Тело было сухим, будто вся жидкость испарилась. Голова болела, солнечные лучи, проникавшие через окно, резали глаза.

Он присел, стянул покрывало с обнаженной груди.

«Так быстро!» – подумал он. Усталость пришла неожиданно быстро. Его удивило, что душа наполнилась чувством покоя, а не страха или сожаления. С трудом собрав свои мысли, с долей злорадства сказал себе, что так поступать не стоило.

Взглянул на грудь, на порезы, которые она сделала своим крошечным серебряным ножом. Они были свежими и красными, в отличие от сетки давно заживших следов, свидетельствовавших о незабываемых страстях. Осторожно коснулся порезов, морщась от острой боли.

«Мне больно, – думал он, – но в этой боли – добродетель, которую не знают те, кто не может страдать. Нет страданий – нет и сострадания».

Он жалел спящую любовницу и гордился этим.

– Мы оба – страдальцы, – ласково прошептал он. – Страдальцы оба...

Она проснулась и увидела, что он рассматривает отметины.

– Ты скучал по ножу? – сонно спросила Кармилла. – Тебе были нужны его поцелуи? Ты можешь наслаждаться его ласками, его любовью?

Теперь не надо было лгать, сознание этого давало приятное чувство свободы. Наконец он мог быть с ней, не скрывая свои мысли, не стыдясь их.

– Да, моя госпожа. Я скучал по ножу. Его прикосновение разожгло огонь в моей душе, а я думал, что там остались лишь погасшие угольки.

Она опять закрыла глаза и засмеялась:

– Иногда бывает приятно вернуться на забытые луга. Ты не представляешь, как прикосновение может пробудить воспоминания. Рада, что опять увидела тебя прежним. Я ведь привыкла видеть в тебе неприметного механика. Но сейчас... отблеск молодости в моей памяти.

Он тоже засмеялся, но закашлялся, и это встревожило ее. Она открыла глаза, приподняла голову:

– Что с тобой, Эдмунд? Ты весь в жару!

Кармилла прикоснулась к его щеке, но отдернула руку, настолько неожиданно странным было прикосновение. Тень смущения скользнула по ее отливавшему шелковым блеском лицу, на мгновение лишив его магического шарма.

Он взял ее руку и задержал в своей, глядя в глаза.

– Эдмунд, – мягко спросила она, – что ты сделал?

– Не знаю, что из этого получится, – сказал он, – не думаю, что доживу до того времени, когда смогу узнать, удалось ли

мне убить вас, моя госпожа.

Он был рад видеть, что от изумления она приоткрыла рот. Недоверие и тревога сменялись на ее лице.

– Это бессмыслица, – прошептала она.

– Возможно, – согласился он. – Возможно, и вчера вечером мы несли бессмыслицу об измене. Вы прекрасно знаете, что легли в постель с обреченным человеком. Зачем, моя госпожа, вы попросили меня сделать микроскоп? Познакомить с таким секретом – значит подписать смертный приговор.

– О Эдмунд, – вздохнула она, – ты не можешь думать, что это я так решила. Я пыталась защитить тебя от подозрений лорда-лейтенанта. Из-за того, что когда-то защищала тебя, это поручение и передали через меня. Что же ты натворил, мой бедный изменник?

Он хотел ответить, но опять закашлялся. Она выпрямилась, выдернув руку из ослабевших пальцев, и увидела, как он опускается на подушку.

– Боже! – выкрикнула она как истинный верующий. – Это болезнь, африканская болезнь!

Кордери хотел ответить, поздравить ее с догадкой, но смог лишь кивнуть.

– Но на «Фримартине» не было болезни, – сказала она. – Судно могли бы задержать у берегов Эссекса, но среди экипажа не нашли никаких следов эпидемии.

– Болезнь убивает людей быстро, – прошептал Эдмунд. –

Но в крови животных может находиться задолго до смерти.

– Откуда ты знаешь?

Эдмунд усмехнулся.

– Моя госпожа, – сказал он, – я член Братства, которое интересуется всем, что может убить вампира. Мы вовремя узнали это и устроили доставку разных животных. Когда заказали животных, не думали поступать так, как я это сделал, но недавние события... – Он опять остановился, задыхаясь даже от своего слабого шепота.

Кармила приложила ладонь к горлу, делая глоток, как будто пытаясь уловить признаки заражения.

– Ты хочешь уничтожить меня, Эдмунд? – спросила она, как бы не веря.

– И уничтожу. Пусть все пойдет прахом, только бы положить конец вашему правлению... Мы не позволим растоптать науку, чтобы сохранить жестокую империю. Эти порядки нужно свалить хаосом, а он уже среди вас, моя госпожа, и его не преодолеть. От всего сердца проклинаяю ваш род... хотя я и любил вас, госпожа.

Она хотела подняться с кровати, но он удержал ее, Кармила подчинилась слабому прикосновению. Покрывало соскользнуло, открыв грудь. Кожа отсвечивала блеском мраморной статуи, подобной той, что создавали гиганты среди смертных – греки – с таким совершенством.

– Твой сын умрет за это, Кордери, – сказала она, – его мать тоже.

– Они уехали, – прошептал он. – Ноэл прямо от стола ушел под защиту общества, которому я служу. Ричард никогда не найдет их, его власть невелика. Простые смертные легко спрячутся среди себе подобных.

Кармила пристально смотрела на него, теперь он заметил ненависть и страх в ее глазах.

– Вчера ты пришел, чтобы принести мне яд в крови, – проговорила она, – надеясь, что новая болезнь убьет меня, ты обрек себя на смерть. Что ты наделал?

Эдмунд хотел прикоснуться к ее руке и с удовольствием увидел, как она вздрогнула и отшатнулась.

– Только вампиры живут вечно, – сказал он хрипло. – Но пить кровь может всякий, кому это нравится. Я вдоволь напился крови двух больных крыс и теперь молю Бога, чтобы эта лихорадка бушевала в моей крови и семени. Вы получили полной мерой, моя госпожа, и сейчас вы в руках Божьих, как простая смертная. Не знаю, заразитесь ли вы, умрете ли, но не стыжусь молиться за это. Возможно, вам тоже следует помолиться, моя госпожа, и мы увидим, чью молитву предпочтет Господь.

Ее застывшее лицо напоминало лик статуи недоброй богини.

– Я доверяла тебе, – прошептала она, – могла бы сделать так, что и Ричард поверил бы. Ты мог бы стать вампиром. Мы бы жили столетия: любовники навечно. Но ты погубил себя.

Они оба знали, что это неправда. Вампиры не любят вампиров – просто не могут. Время убило бы такую любовь. Только кровь смертных может их питать, и эта пища им нужна. Эдмунд не знал, почему это было истиной, но не сомневался в ней. Он был любовником Кармиллы Бурдийон, потом расстался с ней, стал старше настолько, что теперь она видела в сыне его самого. Ее обещания были пустыми, и она должна была понять по тому, как он смотрел на нее, что слова ему безразличны. Ни малейшего сожаления не шевельнулось в нем.

Кармилла подобрала рядом с постелью маленький серебряный нож, которым расчертила ему грудь до крови, и держала его сейчас, как будто это был кинжал, а не тонкий инструмент, достойный любви и заботы.

– Я считала, что ты все еще любишь меня.

«И это могло быть правдой», – подумал он, закинув голову назад и подставляя горло лезвию. Ему хотелось, чтобы она ударила – зло, жестоко, грубо. Он сказал все.

Эдмунд не знал, почему подверг себя такому испытанию – то ли из-за обычной верности своему делу, то ли из-за ненависти к этой совершенной женщине, которая больше не любила его.

Сейчас это не имело значения.

Она полоснула его по горлу, и он несколько долгих секунд наблюдал, как вампирша смотрела на кровь, хлынувшую из раны.

«Я был прав, – подумал он. – Никакой жалости».

Но потом, увидев, как она поднесла окровавленные пальцы к губам, зная о страшной болезни, понял, что Кармила по-своему все еще любила его.

Часть 2

ТЕНЬ ВЕЧНОСТИ

«53. Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни.

54. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день.

55. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье.

56. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем».

Евангелие от Иоанна.

ПРОЛОГ

Расшифрованный текст письма, полученного сэром Кенелмом Дигби в Гэйхерсте летом 1625 года.

Аббатство Кардиган, июнь 1625 г.

Мой друг!

Я еще не совсем привык к шифру, который ты мне доверил, но не позволю себе из-за этого ограничиться кратким посланием. Если это – язык Невидимой коллегии, тогда

мне не терпится овладеть им, потому что моя миссия – служить этой коллегии как должно. На это надеялся мой отец, на это же надеюсь и я.

Кардиган очень отличается от тех мест, где я бывал.

Кажется, что он расположен совсем в других краях, нежели Лондон, и можно легко поверить, что находится где-то за пределами Галльской империи. Если послушать народный говор, когда люди снисходят до употребления того английского языка, который я понимаю, – можно подумать, что ты все еще в Середижсене, королевстве, где был найден Талисин. Конечно, большие нет ни друидов, ни бардов, но лозунг ордена Бардов повторяют так, будто он отражает веру всех: «И гвир ин эрбин и Быд», что значит: «Вера против Мира».

Думаю, что есть заклинания и похуже.

Монахи аббатства, принимающие меня, никакие не грегорианцы, и, по-видимому, им безразличны вампиры, но они настолько замкнуты в своей вере, что это отрицает авторитет Рима, следовательно, отвергает заповеди папы Борджиа. Считают, что до того, как в Британии появился Августин, чтобы обратить людей в свою веру, в Уэльсе существовали христианские церкви, а обращенные саксы принялись истреблять уэльских монахов во имя Рима. В таком месте, как это, тысячи лет недостаточно, чтобы стереть память о ссоре. Здесь не на бумаге увековечивают события, рассказы переходят из уст в уста, от отца к сыну (или от

аббата к новопосвященному) и так остаются свежими.

Из того, что увидел, могу сказать, аббатство не очень процветает, хотя не знаю, зависит ли это от духа независимости монахов. Смею думать, что, если бы сюда прислали искореняющих ересь доминиканцев, те могли бы найти причину для неудовольствия, но я не могу представить себе, что эти любезные и набожные люди могут навлечь на себя хотя бы чем-либо обоснованный гнев. Я считаю, что недостаток в новообращенных больше объясняется общим вероотступничеством, подтачивающим веру, с тех пор как вампиры вывернули ее наизнанку и показали христианам, что голая сила управляет учением. Как бы то ни было, здесь только двадцать монахов, которые поручают за всем смотреть единственному человеку. Один из братьев раздает милостыню, ему помогают три парня. В аббатстве нет рабочих, даже в пивоварне. Монахи возделывают совсем немного земли, а остальные участки сдают в аренду. Немного посетителей обращается к их милосердию, хотя они и помогают многим беднякам города, исключая именов и солдат, живущих в замке.

Я плачу за свое проживание здесь тем, что выполняю в монастыре определенные обязанности. Вначале хотел применить свои знания в механике, то, чему выучился у отца, но монахи сами кое-что умеют, им не нужны те насосы, станки, которыми так гордился и которым так радовался мой отец. Единственное, что я мог, — это показать мона-

хам, как сделать нечто похожее на часовой механизм с гирей, который способен вращать вертел над жаровней, освобождая от этой достаточно утомительной работы людей.

В результате этого меня приставили к кухне помогать брату Мартину и брату Иннокентию в приготовлении пищи, уборке обители. Когда братья уходят на вечерню, я один остаюсь на кухне, и к их возвращению почти все готово, хлеб выпечен, в печи остается только сладкий крем. Много времени уходит, чтобы натаскать воды из колодца да присмотреть за кипящими кастрюлями.

Учением занимаюсь в библиотеке, простой, но уютной комнате. Запрещенные книги здесь держат в помещении за замаскированной дверью. Латынь, греческий, книги, написанные до прихода вампиров в Европу, меня утомляют. Хочу знать своего врага, чтобы уметь бороться с ним, но К. настаивает на том, что я должен стать грамотным человеком, прежде чем вступить в борьбу.

К. – странная особа, не понимаю, почему отец отдал меня ему на попечение. Я знаю, мой отец был неверующим, поэтому странно, что он назначил моим попечителем монаха, пусть даже такого, который более чем скептичен в отношении определенных положений религии. Не то чтобы я сомневался в его мудрости, напротив, готов считать мудрейшим во всей Галлии, но не совсем понятно положение К. в Невидимой коллегии. Он такой отстраненный, спокойный

и совсем не фанатичен в своей оппозиции правлению вампиров.

К. не более грегорианец, чем здешние монахи, хотя и не приверженец Рима. Он гость здесь, как я сам, с нашими хозяевами у него нет особой близости. Он – чужой, которого уважают за ум, но держат на расстоянии. Похоже, что это его ничуть не волнует. Не крупный, – я едва взрослый и перевешиваю его минимум на два фунта, – но думаю, что он очень сильный характером, сложением.

Теперь понимаю, почему отец был так скрытен: хотел защитить меня, не раскрывая до самого конца тайны, не подставлял под угрозу предательства. В результате этой заботы я вырос, почти не зная его, не могу понять, о чем он думал, составляя правила, которым вы так верно следуете. Мне лучше было бы находиться в Гэйхерсте, чем здесь, хотя знаю, что в этом случае подверг бы опасности и ваш дом, и свой. Разлука с матерью делает все еще сложнее. Конечно, теперь я мужчина, больше не ребенок, но оказаться вдали от всего, что знал, – это предательство. Может быть, это нехорошо, что я изливаю свои жалобы перед вами, потерявшим собственного отца в значительно более раннем возрасте; но иногда мне хочется только одного – чтобы мой отец пережил то же, что и ваш. Есть слишком много такого в его жизни, что сложно понять.

Мне хочется действовать. Начинаю думать, что быть ученым – не моя стезя, хотя знаю, что вы легко соединяе-

те в себе умение ученого и навыки бойца. Не уверен, смогу ли я быть таким же разносторонним. Если бы пришлось выбирать, думаю, мог бы стать меченосцем, чтобы драться с вампирами в открытом бою, но не лазутчиком, стремящимся к победе через обман. Не этого хотел отец. Но разве он знал меня лучше, чем я его? Должен ли я верить, что он знал, какой жизненный путь мне избрать?

Я не хочу быть человеком, объявленным вне закона, преследуемым. Хочу идти собственным путем, а не обращаться к другим за помощью и кровом. Иногда смотрю на море, на рыбацкие лодки, на то, как добывают свинец в близлежащих рудниках, и думаю о путешествии в какую-нибудь далекую страну, где никто обо мне даже не слышал. Но вы, без сомнения, подумаете обо мне, что я глупец и что еще не скоро превращусь из ребенка в мужчину.

Даже К. иногда смотрит на суда со странным блеском в глазах и говорит, что страх вампиров перед морем это еще один гвоздь в гроб их погибающей империи. Он утверждает, что большие парусники, бороздящие северные моря, намечают контуры новой империи, которой не могут владеть тяготеющие к суше вампиры. Иногда он глядит на Запад, будто через весь мир, на эту затерянную Атлантиду, которая находится, как думают некоторые, у дальних берегов, между Ирландией и далеким Китаем. А монахи думают, что он сумасшедший, если размышляет о еще не открытых континентах, некоторые, как мне кажется, до сих пор не смири-

лись с мыслью о том, что Земля – круглая. Когда они глядят на запад, их занимают мысли о затерянных городах, крепостях, которые, как гласит предание, затопило море во времена Элфина. Существует много сказок о морских феях, более прекрасных, чем женицины-вампиры, населяющих те края, иногда увлекающих моряков к прыжкам с безопасных палуб в безжалостные объятия моря. Я никогда не слышал призывов сирен и надеюсь, что никогда и не услышу.

Но я не должен волновать вас своими заботами, которые только утомят вас. Надеюсь, что в будущем напишу письма с более существенным содержанием и более радостные. Пока прошу вас побеспокоиться о моей матери, дать ей знать, что я жив и здоров в моем изгнании. Я не слишком часто молюсь, так как не могу заставить себя поверить, что молитвы людей слышны на небесах, но уж если молюсь, молюсь за вас, за мою мать, за освобождение Англии. Если есть Господь, я уверен, что мои сомнения в его существовании не отвратят справедливого внимания к моим просьбам.

Всего доброго. Н.

1

В подземной келье библиотеки бенедиктинского монастыря в Кардигане Ноэл Кордери оторвал взгляд от книги, которую читал, и потер уставшие глаза. Было только четыре часа дня, весеннее солнце стояло высоко в небе, но приходилось читать при свете свечи – келья не имела окон. Официально этого помещения не существовало, там держали запрещенные книги.

Вначале келья казалась Ноэлу прекрасным убежищем, он с удовольствием уходил туда, где камень надежно хранил потайную дверь. Здесь все излучало магию белую, под цвет побеленных стен, но тем не менее магию. В окружении таких чудесных тайн, начертанных на пергаменте монахами, в душу вселяется азарт.

Теперь Ноэл увидел келью по-другому – менее магической, хотя и не менее странной. Библиотека наверху стала для него кладовой мира православной церкви, веры, освященной официальной мудростью. В этом мире были вампиры и обычные люди, на равных созданные Богом, на равных верящие в Бога, будучи каждый по-своему избранным народом. Это был мир не вполне счастливый, несомненно, но в своих основах находящийся в равновесии с собой, смирившийся с царящим в нем устройством. Здесь же, напротив, был подпольный мир, темный, мрачный, в котором грего-

рианцы, гностики, волшебники, алхимики могли выразить свои сомнения и знания. В мире, отраженном на скрытых здесь страницах, вампиры являлись дьявольским отродьем, а обыкновенные люди – беззащитными жертвами их ярости – два народа в вечном раздоре, обреченные на это до Судного дня. Здесь не было войны, но всегда был настоящий крошечный ад, где полные боли крики взывали к справедливости и не получали ответа.

Ноэл больше не хотел читать в келье. Он не слишком опасался брать книги в комнату наверху, хорошо освещенную, или даже в свое жилище за пределами аббатства, игнорируя запреты. О существовании тайной кельи знал каждый монах, хотя никто из них никогда бы не признался в этом. Кроме представителя двора, ведавшего хозяйственными делами, в монастыре редко бывали посетители. Иногда сюда заезжали люди из секретной полиции Коллегии кардиналов, управляемой вампирами. Кардиган был одним из самых безопасных мест в стране – одна из причин, по которой Ноэл выбрал его, – а установленные здесь правила защищали обитателей. Надо сказать, что хозяевам-бенедиктинцам сама мысль об использовании монастыря как укрытия, о нарушении или уклонении от порядка казалась недопустимой. Послушание было основой их существования, все правила для них имели силу закона: *Regula benedicti*.

Глядя на дрожащее на сквозняке пламя свечи, Ноэл спрашивал себя опять, что побудило отца прислать его сюда и

поручить теологу Квинтусу. Он не мог найти ответ – план отца, прерванный смертью, остался без объяснения.

Он опять посмотрел на книгу, которую читал. Книга «Открытие вампиров», написанная в 1591 году жителем Кента Реджинальдом Скотом, продолжала работу, описывавшую безумие охоты на ведьм. Это была первая обстоятельная книга о вампирах, написанная по-английски, скептически изображавшая народные поверья о сверхъестественной силе вампиров. В ней также содержался обширный очерк о происхождении вампиров. Было ясно, что у Скота, книжника и эксперта по выращиванию хмеля, был доступ к другим запрещенным книгам, включая ранние издания принадлежащей перу многих авторов энциклопедии «Вампиры Европы» и английскую версию коварных советов Макиавелли тиранам – «Князь вампиров».

– Почему, – сожалел Ноэл, – меня не могли доверить Скоту? Даже если он человек слова, а не дела, его слово было дерзким.

Бледные лучи солнца устремились в келью, означая, что каменная дверь открылась. Ноэл виновато склонил голову над книгой, показывая своим видом Квинтусу заинтересованность доказательствами Скота, утверждающего, что вампиры пришли из Африки, а не из Индии, как утверждал Корнелий Агриппа.

Квинтус принес кружку холодного эля, который был бы очень кстати к кабачкам и овощному супу в жаре сада, у кух-

ни. В прохладе кельи Ноэл охотнее выпил бы горячего чаю.

– Представитель двора уехал, – сказал монах. – Он привез новости из города. Галион «Файрдрейк» еле дошел до гавани Милфорд два дня назад. К югу от Ирландии его здорово потрепал шторм. Он охотился за пиратом Лангуассом, капитан говорит, что каравелла пирата, без мачт, вся продырявленная, затонула у мыса Клиэр.

– Лангуасс! – воскликнул Ноэл, прибавив скорбно: – Если это правда, во дворце Суонси будет торжество, и, когда новость достигнет Лондона, князь Ричард объявит праздничный день.

Лангуасс был героем – или злодеем! – многих местных баллад. По романтической версии его биографии, когда-то он был французским аристократом, любимцем в Версальском дворце, претендентом на вхождение в высшие круги, но враги, сговорившись, обвинили его в измене и низвергли. Отбывая срок на галерах, он ударил надсмотрщика в ответ на жестокое обращение. Его до полусмерти избивали бичами, и он проклинал Галльскую империю. Возглавив мятеж, захватил галеру, пиратствовал в Средиземном море против торговых судов. Французы и испанцы охотились за ним, но после жестокого сражения он захватил один из лучших кораблей и стал господствовать на морях.

В Лондоне Ноэл слышал другое. В Тауэре все знали, что настоящее имя пирата Вилье. Как и Ноэл, Вилье вырос в Тауэре, но после заточения отца мать взяла его с собой в ссыл-

ку. Он был в Версале, где просил короля Шарля заступиться за отца, но Шарль в этом споре встал на сторону Ричарда. Когда Ричард посетил двор Шарля, император безуспешно пытался примирить обоих. Оскорбленный Вилье хотел вызвать князя Великой Нормандии на дуэль, хотя закон запретил князьям принимать подобные вызовы. Спустя некоторое время, в Париже, Вилье обвинили в убийстве. Несмотря на то, что его окружала не лучшая компания, вполне вероятно, что осудили его несправедливо, скорее всего, не без помощи агентов Ричарда и женщины-вампира. Так или иначе, юноша попал на галеры. Став мятежником, повел захваченную галеру к Мальте, где у него были родственники – важные персоны в ордене Святого Джона – рыцарей-госпитальеров. Хотя мальтийские рыцари были лояльны к Галльской империи и прослыли героями, защищая Европу от турецкого флота во время блокады, в них всегда чувствовалась определенная независимость, в случае нужды они не чурались пиратства.

Плавая с мальтийскими пиратами, человек, которого сейчас знали под именем Лангуасс, изучил науку судовождения, стал пользоваться определенной репутацией. Его пиратство нередко заключалось в ограблении безоружных купеческих судов – небольшие галеры, ходившие между средиземноморскими портами, не могли составлять конкуренцию быстрым парусным судам. Несмотря на это, Лангуасс с энтузиазмом ходил в бурные северные моря, нападая на английские суда в пику князю Ричарду. Ноэл догадывался, точный подсчет

покажет большее количество нападений на сейнеры, чем на караки, что не было очень доходным делом, но большие и медленные суда князя не могли покончить с Лангуассом. Их беспомощность создавали вокруг него легенду.

Зная все это, Ноэл тем не менее считал Лангуасса героем. Он ведь был мятежником, выступал против аристократии вампиров в Гальской империи. Был свободным человеком, который не склонил головы перед алчущими крови хозяевами. Империя вампиров была обширной, но на воде они были такими же уязвимыми, как простые смертные. На океанских просторах люди могут сражаться с вампирами почти на равных, потому что вампиры и тонут, и горят, а адмирал-вампир, идущий на дно вместе с кораблем, обречен на гибель.

Поэтому Ноэла обеспокоили новости, принесенные Квинтусом. Смерть Лангуасса была бы трагедией для Ноэла.

– Может быть, он спасся. В Ирландии у пиратов больше друзей, чем врагов.

– Да, – согласился Квинтус. – Но в проливе СентДжордж дул жестокий ветер, мы сами его чувствовали. Потеряв мачты, он не смог бы выйти к Балтимору или Кинсейлу. У капитана «Файрдрейка» были все основания считать, что каравелла затонула, даже если сам он этого не видел. Потом, если Лангуасс ушел от него, капитану не простят так легко, но королевский представитель говорит, что пират снял с «Уондерера» женщину-вампира, и, когда поднялся ветер, мог спря-

таться в тихой бухте.

– Прекрасная история для разнообразных слухов, если бы ее осмелились опубликовать, – сказал Ноэл. – Женщина-вампир в плену у симпатичного пирата, увезенная в берлогу на Канарские острова, подчиняется его капризам.

Конечно, открыто такое сообщение не опубликует никто. Церковные и светские власти держат все печатные станки в Лондоне под строжайшим контролем, Звездная палата не допустит очернения аристократии. Если о вампирах упоминают, то только в лучших выражениях, даже в уличных пьесах и песнях, хотя их скабрзные версии более популярны в народе. Но вампиры не могут углядеть за всем, слухи наверняка поползут по Лондону.

Ноэл знал, что непристойные рассказы о вампирах и их любовниках-людях широко известны: еще до приезда в Уэльс он обнаружил, что историю о Эдмунде Кордери и Кармилле рассказывают в тавернах, на рынках Большой Нормандии. Особенно всем нравилось ее славное завершение – добровольная смерть Кордери, навлеченная на себя с целью погубить любовницу.

Эта история была не по душе Ноэлу. Он знал, что в первую очередь Кармилла интересовала отца не как любовница, хотя многие доказывали, что он любил ее душой и телом и задумал убить уже тогда, когда та его отвергла. Даже у матери Ноэла было такое подозрение, хотя она и старалась не выдавать своих мыслей.

– Скажи-ка мне, – обратился к Ноэлу Квинтус, возвращая того на брэнную землю, – что ты сегодня узнал у Скота?

Ноэл посмотрел на худое лицо высокого монаха. Худоба не ужесточала его. Квинтус соблюдал наказания святого Бенедикта – вел жизнь аскета, но его сердце не заскорузло. Он часто улыбался, был очень мягким и терпеливым, но вместе с тем и строгим. В последнее время причины для проявления строгости стали появляться чаще, по мере того как Ноэл все больше показывал недовольствие учебой.

– Его знания невелики, – ответил Ноэл с металлической ноткой в голосе, – правда, другие знают еще меньше.

Квинтус вздохнул.

– Это важно – понимать, где начинается невежество, – сказал он. – Мудрости больше всего препятствует не трудность в приобретении новых знаний, а то, что мы уверены в подлинности уже полученных. Фрэнсис Бэкон, который был другом твоего отца, говорит нам, что из церкви познания мы должны удалить многих идолов, если хотим расчистить путь к истине.

Ноэл не раз, будучи ребенком, сидел на руках у Фрэнсиса Бэкона, и это избавляло его от пиетета в отношении взглядов философа.

– Венец учебы не в том, чтобы узнать, где вампиры впервые ступили на землю, – возразил Ноэл. – Главное – узнать, как их можно уничтожить. Если мы хотим приготовить мир к возвращению Христа, то его необходимо очистить от при-

спешников Сатаны.

Квинтус нахмурился. Он знал, что Ноэл не был грегорианцем, не был даже верующим и упомянул Христа, только чтобы придать вес своим словам. Ноэл сознавал, что причиняет боль своему наставнику, не упоминая о его вере, но Квинтус не ждал извинений, не нуждался в них.

– Сын мой, – сказал он. – Ты не можешь сражаться со злом, пока не поймешь его. Мы слишком долго пренебрегали этой истиной. Невежество не меньше подрывает силу оружия, чем силу молитвы. Сатана орудует с Божьего соизволения с тем, чтобы мы могли понять, что такое зло – иначе как же мы отвергнем порок и воспримем добро?

– Отец говорил то же самое, – признал Ноэл. – Вампиры правят нами прежде всего потому, что ужасают нас. Нам не научиться ненавидеть их, пока мы не узнаем точно, что они из себя представляют. Хорошо, что Скот своими доказательствами низводит вампиров с тех высот, до каких подняло их наше испуганное воображение. Представлять вампиров исчадием Сатаны не лучше, чем возводить в разряд любимых сыновей Господних.

Они – не обычные люди, но все же люди, и только люди, мы должны научиться ненавидеть их как людей и победить.

Квинтуса не совсем обрадовал этот ответ, Ноэл знал это. Иногда ему казалось, что учитель предпочел бы совсем не ссориться с вампирами, помня заповедь Христа о необходимости любить даже врагов. Но даже Квинтус терялся при

мысли, что пороки правления вампиров можно устранить без ненависти.

– Окончательное решение, – сказал Квинтус, – нужно оставить Божьей воле.

– Возможно, – ответил Ноэл, – но что касается меня, то я полагаю, те, кто не ощущает боль, не заслуживают сожаления.

2

Спальня Ноэла находилась рядом с помещением, куда несли пожертвования. Сюда вел отдельный вход, поэтому редкие гости монастыря не могли заметить его. Молодой человек не скрывался от бедняков, приходивших за бесплатной пищей, или от жертвователей, потому что те не задумывались о его происхождении, но избегал всех, кто мог проявить к нему интерес. Поэтому всегда был настороже, даже отдыхая, вслушивался в топот копыт на дороге и шум за стенами монастыря. Любой звук в ночи прерывал его чуткий сон.

Как-то, на второй день после шторма, Ноэл заснул крепче обычного и, когда проснулся, не сразу понял, что его разбудило. Был ли это крик? Или кто-то из монастырских слуг говорил слишком громко? Может, просто что-то почудилось во сне?

Пока сон уходил, шум утих. Почти уверившись в том, что это ему приснилось, Ноэл вдруг услышал топот, кто-то бежал через ворота.

Он приподнялся в постели, напрягая слух, и услышал шаги, приближающиеся со стороны монастыря. Это значило, что монахи узнали о присутствии чужих. Аббатство было встревожено.

Ноэл встал с койки, оделся. Первой мыслью было то, что

люди Ричарда раскрыли его убежище и пришли за ним. Шум можно объяснить сотней причин, но что-то настораживало. Редкие гости искали приют в этом отдаленном монастыре, тем более такой глухой ночью.

Ноэл хотел пройти по коридору к окну, оттуда выглянуть во двор и узнать, что происходит.

Когда до окна оставалось совсем немного, послышались крадущиеся шаги на внешней лестнице – кто-то поднимался вверх. Ноэл решил пройти к другой лестнице, но шорохом выдал себя. Его схватили и потащили по переходу.

Свечи освещали лестницу, но рассмотреть схватившего было сложно: душил ворот рубашки. Попытки освободиться были тщетными. Все же юноша увидел мрачное бородатое лицо в шрамах, которое вполне могло принадлежать демону с голландских картин, изображавших ад. Самым жутким было отсутствие носа, вместо которого был виден нарост, похожий на огромную бородавку.

Это высокое и сильное чудовище стащило Ноэла по лестнице во двор.

На площадке уже собралась толпа. Одни спешили мимо пивоварни к монастырю, другие стерегли распахнутые ворота. Эти миряне не имели никакого права находиться здесь, и Ноэл не мог понять, что все это значит. Сквозь арку его толкнули во внутренний двор. Он был не единственным, с кем обошлись столь бесцеремонно. Трех монастырских слуг вывели во двор так же грубо.

Ноэла поставили к монастырской стене рядом со слугами и монахом, вышедшим на шум, а тащивший его присоединился к своим.

Перед пленниками стояли бродяги, выглядевшие в полумраке такими же отвратительными и грязными, как те, которых Ноэл видел в самых нищих уголках Лондона. Все были вооружены мечами и кинжалами. Ноэл насчитал семерых, но по всему было видно, что подойдут и другие, во главе с вожаком. Юноша ощутил острие ножа, приставленного к груди приземистым морщинистым человеком, чьи глаза блестели в полумраке. Великан, притащив его, отступил в тень.

Из келий спустили фонари. Сердце Ноэла забилося спокойнее, когда он разглядел лица аббата и Квинтуса. Но ненадолго – физиономии напавших источали агрессивность. Так, лицо морщинистого человека со щербатой жуткой ухмылкой искажала гримаса уверенной жестокости. Казалось, он ждал повода, чтобы нанести удар.

Вожака банды Ноэл увидел, лишь когда аббат потребовал объяснить происходящее. Это был высокий сильный брюнет, его черная, хорошего качества одежда также была покрыта грязью, однако он обладал манерами джентльмена и был похож на вампира. Он один из всей банды не обнажил меча. Его подручные также производили странное впечатление. Монстр, тащивший Ноэла по лестнице, ростом был выше своего хозяина, рваный шрам, после отсутствия носа, был его второй отличительной чертой, темный цвет кожи гово-

рил о том, что он не был уроженцем Галлии.

Слева от предводителя стояла девушка в мужской одежде. Ее смуглая кожа была слишком гладкой для простой женщины, ярко накрашенные губы смотрелись нелепо. В правой руке она держала пистолет, в левой кинжал, как бы выставляя их напоказ. Всем было не до шуток, зато ее глаза сияли от восторга, как будто происходившее было игрой, в которую ей страстно хотелось сыграть. Пока все смотрели на приближающихся монахов, она откровенно разглядывала Ноэла, что ему совсем не понравилось. За девушкой тенью следовала служанка, которой было не больше двенадцати лет.

Наконец заговорил главарь:

– Нам срочно нужно убежище, господин аббат. Мы проделали долгий путь, а ходить пешком мы не привыкли. Мы голодны. Нам хотелось бы, чтобы вы проявили доброту и пустили нас на постой.

– Кто вы? – с опаской спросил аббат. Ему пришлось, из-за своего маленького роста, смотреть на пришельца снизу вверх. Ноэл подумал, что у аббата недостаточно врожденного авторитета, чтобы разговаривать с наглецами на равных.

– Меня зовут Лангуасс, – последовал насмешливый поклон. Ему явно понравилась шумная реакция на это сообщение.

– Пират! – воскликнул один из монахов.

– Бедный грешник, – с притворной кротостью сказал Лангуасс, – которого несправедливость принудила добывать

пропитание воровством, но все же он стремится к защите и милосердию матушки-церкви и привел сюда людей, готовых обратиться к вере. Это, – он указал на бедного великана, – Селим, турок, который был рабом на галерах вместе со мной много лет назад; а это, – он кивнул на амазонку, – Лейла, цыганская принцесса из Марокко, чья душа нуждается в спасении, несмотря на ее мягкий нрав и благородное сердце. – Его иронический тон больше подходил бы для бесед с благородными дамами.

Увидев, насколько напуганы монахи и в какой нерешительности находится аббат, Квинтус выступил вперед.

– Вашим людям не стоит обнажать клинки, – сказал он. – Если вы голодны, мы накормим вас, наш христианский долг – облегчать участь тех, кто в этом нуждается. Несомненно, цель вашего путешествия далеко отсюда, и мы поможем вам восстановить силы.

Лангуасс рассмеялся. Не ответив, он послал своих людей в монастырскую спальню и церковь, чтобы разбудить и доставить во двор всех остальных. Затем он сказал Квинтусу:

– Мы не хотим, чтобы о нашем приходе узнали в городе. Несомненно, там сейчас спят и рассердятся, если мы им помешаем. Может быть, мы воспользуемся вашим гостеприимством в течение нескольких дней, но, несмотря на то, что это место рекомендовалось как надежное, хотелось бы иметь гарантии нашей безопасности.

Пират повернулся и посмотрел на ворота – сразу же по-

слышался звук закрывающихся деревянных запоров.

Затем оглядел стоявших вдоль стены, его взгляд остановился на Ноэле, чья одежда отличалась от платья монахов и слуг.

– А это кто? – отрывисто спросил Лангуасс.

– Ученый, мирянин, – быстро ответил Квинтус. – Гость, как и вы.

Тогда послышался другой голос, сказавший: «Кордери!»

Ноэл, удивленный тем, что его узнали, повернулся к двери пивоварни, где собирались остальные пираты.

Там же были и другие пленники со связанными за спиной руками. Лицо одного скрывал тяжелый колпак, другой стоял с непокрытой головой.

Заговорила женщина, светловолосая и такая же молодая, как «цыганская принцесса», Ноэл узнал ее сразу, ему было больно видеть ее такой. Это была Мэри Уайт, дочь слуги князя Ричарда, тоже выросшая при лондонском дворе.

Лангуасс подошел к нему и, обнажив меч, приставил острие к горлу Ноэла.

– Откуда она знает тебя? – спросил пират с тревогой.

Но прежде чем Ноэл ответил, лицо пирата изменилось, будто имя, произнесенное девушкой, было ему знакомо.

– Кордери? – повторил Лангуасс. – Конечно, Кордери! Такой же гость здесь, как и я. – Пират убрал меч в ножны.

– Я объявлен вне закона, – сказал Ноэл, изо всех сил стараясь придать голосу уверенность, – как и вы. Но цена за

мою голову всего тридцать гиней, а за вашу, думаю, дают раз в семь больше.

Лангуасс засмеялся.

– Так мало? – сказал он. – Ричард не очень щедр. Он знает, что обижает меня, если заявляет, что моя жизнь его не слишком интересует. Сейчас-то он должен запомнить меня лучше, после того, как я кое-что одолжил на борту тонущего «Уондерера». Потеря госпожи этой девушки напомнит князю о долге чести, и он еще больше меня невзлюбит. – Пират сделал три шага и театральным жестом снял колпак с лица второго пленника.

Женщина не пыталась уклониться от грубых рук, оставаясь спокойной. Даже при слабом свете красота ее не вызывала сомнений. Черные волосы были шелковистыми, черты лица – мягкими, кожа – безупречно гладкой. Свежесть выделяла ее в этом мире, где почти все обычные женщины густо красились, чтобы скрыть оспины и бледность лица. Ее глаза были полуприкрыты. Казалось, она готова рухнуть, только сильная воля держит ее на ногах.

– Разрешите представить вампиршу Кристель д'Юрфе, – сказал Лангуасс. – Недавно придворная дама князя Ричарда, которая, к сожалению, прервала свое путешествие в Лиссабон из-за плохой погоды и непредвиденных обстоятельств. Она не совсем здорова.

Смысл последней фразы был более глубоким, чем казалось. Вампиры редко заболели обычными болезнями или

устанавливали. Ноэл догадался, что ей дали наркотик, может быть, даже яд, чтобы ввести в транс, в который впадали вампиры. Скорее всего, это сделали, чтобы она смогла перенести тяжелое и опасное путешествие.

Ноэл оглянулся, чтобы увидеть реакцию аббата. Лицо монаха было совершенно белым.

– Как вы смеете?.. – начал он.

Лангуасс прервал его.

– ...привести дьявола в монастырь? – хмыкнул он. – Но здесь нет грегорианцев. Даже если бы были, разве можно найти лучшее место для дьявольского отродья, чем Божий дом, где порок можно компенсировать вашим смирением. Что она может натворить в этом святом месте?

Ноэл понимал, что эта небольшая речь предназначалась не столько монахам, собравшимся в монастыре, сколько собственным друзьям пирата, многие из них казались простыми людьми, для которых вампиры были тайной, наделенной сверхъестественной, злой силой. Видимо, они нуждались в заверениях, что вожак не ведет к гибели, а это могло случиться, потому что вампиры всегда жестоко наказывали тех, кто вредил им. Лангуасс был прав, говоря о том, что Ричард не пожалеет сил, чтобы настичь пирата, похитившего женщину его двора.

– Если вам нужна пища, – сказал Квинтус быстро, – тогда кто-нибудь должен пойти на склад, на кухню, а нам следует пройти в трапезную, там удобнее вести беседу, кроме того,

надо отпустить тех, кто должен работать.

– Правильно, – сказал пират. – Но вы должны знать то, что я скажу. Вы знаете, кто мы, знаете также, что мы исполним угрозу.

Ноэл посмотрел на пиратов, подсчитывая мечи и пистолеты. У них не было мушкетов, только один или двое несли мешки. Он понял, что бандиты оснащены так легко не по желанию, а по необходимости: видимо, утратили большую часть своих пожитков во время бури. Многие оглядывались на него с подозрением или заинтересованные тем, что его имя было известно. Юноша представил, какие мысли могли родиться у тех, для кого имя Кордери что-то значило. Он был вне закона, но не такой, как они. Он был сыном любовника вампирши, убившего свою любовницу-аристократку и стремившегося навлечь эпидемию на лондонские улицы. Им не из-за чего было любить его.

Когда банда входила внутрь, низкорослый прижал острие ножа к шее Ноэла, как будто за ним нужно было приглядывать, как за вампиршей. Но подошла молодая цыганка, и Ноэл с удивлением увидел, что она смотрела на него ласково, восхищенно, словно предупреждая, что в ее присутствии ему не причинят вреда.

3

К рассвету монастырь приобрел свой обычный вид. Монахи на утренней молитве, вручая себя во власть Бога, невозмутимо пели. Пиратов не было видно, хотя они оставили часового у ворот и наблюдателя на церковной башне.

Кристель и ее служанку Мэри Уайт заперли в камерах, предназначенных для согрешивших. Иногда мирянам могли приказать искупить здесь какое-то прегрешение, но давно прошли времена, когда господа, навлекшие на себя гнев Господень, могли поручить кому-то в обмен на подходящие дары принять за себя наказание. Постепенное падение церковной власти заключалось и в том, что такие наказания теперь очень редко передавались другим, а если это случалось, то их всерьез не воспринимали. В последние пятьдесят лет камеры аббатства Кардиган редко видели обитателей, монахи были этим довольны, однако никто не возопил о святотатстве, когда Лангуасс решил возобновить использование тюрьмы.

Пират и аббат распорядились, чтобы все в монастыре было как обычно. Поэтому Ноэл пошел в библиотеку, ел в большой комнате, но даже не пытался работать. Он размышлял о том, знают ли пираты о существовании тайной комнаты, и решил, что не знают. Неожиданно документы, казавшиеся такими пресными, вновь приобрели ауру таинственности,

ценности. Он решил защищать их, в случае необходимости, от попыток кражи.

Ноэла не очень удивило появление Лангуасса, усевшегося в кресло рядом.

– Я знал твоего отца, Кордери. Не встречался с ним, но слышал, что он был добрым и надежным человеком. – При дневном свете пират уже не казался таким красивым: освещение выдавало его стареющую кожу, засалившиеся волосы. Ему было около тридцати пяти лет, щеки исчерчены старыми порезами, но ясные карие глаза смотрели живо и пронизательно.

– Уверен, что он слышал о вас, – ответил Ноэл спокойно.

– У нас много общего, – продолжал пират. – Я провел детство в Тауэре, меня тоже отправили в ссылку. Понимаю, что ты должен чувствовать.

– Мы слышали, что ваше судно затонуло у мыса Клиэр, – сказал Ноэл, чтобы перевести разговор. – Вы знали, что «Файрдрейк» в гавани Милфорда?

– Мое судно уже прошло Гарнсор, затем пришлось оставить его, – ответил Лангуасс, – и ветер загнал парусник в залив Кардиган. Мы высадились на берег восточнее, шли по суше. Нам было бы лучше попасть в Бристольский пролив. Из Суонси легко выбраться на корабле, но там подняли бы тревогу. Мне лучше убраться отсюда, пока мои враги не узнали, что я жив, но здесь трудно найти лоцмана.

– Неудобно быть пиратом, – заметил Ноэл, – и не иметь

судна.

Лангуасс беззлобно рассмеялся:

– Такое случилось не в первый и, думаю, не в последний раз.

– Когда узнают, что вы живы, и о вампирше, они будут охотиться за вами еще яростнее, чем раньше. Они не прощают таких преступлений, как похищение женщины-вампира.

– Прощение! – В голосе Лангуасса теперь слышался не смех, а рычание. – Прощения никто не просит. Ричард не прощен за то, что сделал мне, свой долг я ему не прощу, а страх перед местью вампиров меня не остановит.

– Но вы навлекли опасность на добрых монахов тем, что привезли сюда вампира. Их обвинят в том, что они дали убежище вам и вашей команде, никого не заинтересует то, что вы довольно скоро ушли. Присутствие женщины меняет дело – труднее скрыть, легче навлечь наказание.

– Я всегда слышал, – сказал Лангуасс, – что монахи Кардигана принадлежат к Истинной церкви. Твое присутствие здесь, если о нем узнают, может им навредить не меньше. Мы уйдем отсюда спокойно, а если случится не так, аббат может сказать всем, что я заставил его помочь мне. Я не хочу навредить монахам.

Ноэл знал, что монахи Кардигана действительно причисляют себя к Истинной церкви, но какую Истинную церковь имел в виду Лангуасс. Насколько он знал, Лангуасс мог быть грегорианцем, полагая, что вампиры – это орудие Сатаны и

тайнство вампиров. Святая служба, принадлежит дьявольской империи. Но, встретившись взглядом с пиратом, подумал, что тот мог оказаться неверующим. В конце концов, для обыкновенных людей происхождение Лангуасса было знатным, он и сам мог превратиться в вампира.

В любом случае в словах Лангуасса была правда. Нахождение Ноэла здесь доказывало, что аббат не поддерживает нормандцев. Конечно, если бы его нашли, аббат мог бы сказать, что не знал его настоящего имени. Но тем не менее время присутствия Ноэла в монастыре мало чем отличалось от требования Лангуасса предоставить убежище. Присутствие же при похищении женщины-вампира, совершенное даже под угрозой, вообще было тяжким преступлением.

– И что мне делать, по-твоему? – спросил пират, когда Ноэл не ответил. – Отпустить ее или убить и сжечь?

– Не нужно было вообще приводить ее сюда.

– Но она здесь, – ответил Лангуасс. – Хотя я мог бы утащить ее с собой в ад, если бы посчитал нужным. Увезя ее в целости и сохранности, можно обменять ее на другое судно, но самое лучшее – это уничтожить ее. Еще не решил. Хочешь с ней повидаться?

– Зачем?

– Разве ты не ученый, разве приехал сюда не как член Невидимой коллегии Англии? Не твоя ли задача узнать все о вампирах, чтобы бороться с ними? Об этом Квинтусе я тоже слышал. Верно ведь, что твой отец стремился узнать тайну

магии, что превращает обычных людей в вампиров?

– Да, – спокойно сказал Ноэл.

– В этих пыльных книгах есть что-нибудь, что приведет тебя к этой тайне?

– Если это было бы написано в книге, – ответил Ноэл, – то не было бы тайной. Ни один обычный человек не знает, как делают вампиров. Если бы кто-нибудь знал тайну, это, верно, был бы человек, похожий на вас, который уже однажды имел надежду получить эту награду. – Слова были искренними, но в них звучала насмешка. Ноэл, к своему удивлению, не боялся пирата, в котором сейчас совершенно отсутствовала злость.

– Вероятно, ты прав, – сказал Лангуасс. – Возможно, я узнал бы эту тайну, если бы использовал все возможности. Но, когда я ожидал превращения в вампира, никакой спешки не было, а едва стало ясно, что даже мой родственник, гроссмейстер госпитальеров, считался со мной так мало, что хотел использовать как простого разбойника, тайна ушла далеко. Тогда мне оставалось сделать только маленький шаг, чтобы стать врагом их рода. Как ты думаешь, может ли вампира раскрыть нам эту тайну, если мы ее заставим?

– Как мы сделаем это? – спросил Ноэл. – Вампиры могут победить боль, не бояться пыток.

– Но им можно угрожать смертью, не так ли? Честный храбрец, такой как Ричард, конечно, никогда не уступит угрозам, но, хрупкое создание, эта женщина сделана из дру-

того теста. Боль – еще не пытка, многого можно достичь страхом и ужасом.

Хотел ли пират проверить его реакцию? Лангуасс показал себя другом, но у него не было причин доверять Ноэлу. Почему пират должен был считать его своим союзником? Эдмунд Кордери большую часть своей жизни играл роль верного слуги вампиров. Того, что он умер, убив любовницу, было недостаточно, чтобы убедить всех, что он член тайного общества, чья цель – освобождение Британии от ига вампиров.

– Ты слышал, что обычный человек, выпив кровь вампира, сам может стать вампиром?

– Слышал. Мой отец сказал, что это ложь.

Лангуасс улыбнулся:

– Ты не хочешь попробовать? Не хочешь услышать, что Кристель д'Юрфе скажет нам, если ее принудить или попробовать, какими свойствами может обладать ее кровь?

Ноэл облизал пересохшие губы:

– Думаю, что нет.

– Ты хороший парень, – сказал пират. – Моя маленькая марокканка увлеклась тобой. Она милашка, ты должен согласиться. Хочешь стать пиратом и уйти со мной? Я сделаю тебя третьим помощником на моем следующем судне, а марокканка станет твоей, если понравишься ей больше, чем я.

Ноэл вспомнил свое стремление к активной жизни, но пиратство привлекало его сейчас меньше, чем когда бы то ни было.

– Давай, Кордери, – мягко проговорил пират, – такой здоровый парень не должен быть монахом.

Ноэл взглянул на лежавшую перед ним Библию, которую якобы читал, но открытая страница не давала ответа.

– Пока не знаю, – сказал он, – какой жизненный курс я выберу.

Пират грустно засмеялся.

– Предложение действительно до нашего ухода. Подумай хорошенько. А теперь я опять спрашиваю, хочешь ли ты увидеть мою пленницу и послушать, что она скажет?

Ноэл вспомнил лицо вампирши при свете фонарей и почувствовал нечто такое, что не осмелился бы назвать. Он встал и сказал:

– Если вы настаиваете.

Пират насмешливо поклонился, пропуская юношу вперед. Они вместе прошли по запутанным и пустым коридорам к камерам штрафников.

Турок Селим стоял на часах в прихожей, куда выходили двери камер, хотя все они были надежно закрыты на засовы. Когда Лангуасс вытащил засов, открыв дверь и пригласив Ноэла следовать за ним, безносый остался снаружи. Ноэл слышал звук задвинутого за ними засова и подумал о том, сможет ли выйти отсюда после ухода пирата.

Кристель сидела на широкой деревянной скамье, которую внесли в камеру вместо кровати. Мэри Уайт здесь не было, и Ноэл предположил, что ее поместили в другую камеру, что-

бы вампирша не могла пить кровь.

Когда Лангуасс вошел, женщина прижалась к холодной стене. Несмотря на свое состояние, она не выглядела испуганной. Ее лицо, такое бледное, что, казалось, испускало свечение, было совершенно спокойным. Сейчас глаза вампирши не казались застывшими. Яд, которым ее травили, перестал действовать.

– Вижу, что ты отдохнула, – сказал Лангуасс. – Я привел Кордери. Ты должна его знать по двору.

Кристель посмотрела на Ноэла с любопытством.

– Я знала его отца, – ответила она. – Но не думаю, что когда-либо видела Ноэла. Эдмунд Кордери был красивым мужчиной, но не стоило так гибнуть из-за женщины. Это глупо.

Голос женщины был низким, мелодичным. Она была проще, менее настойчивой, чем Кармила, умершая от болезни, которой заразилась через кровь Эдмунда Кордери, но Ноэл подумал, что это смирение может быть следствием того, что ее дом так далеко. Надменность присуща тем, кто правит миром в безопасности своих замков, сейчас же женщина была в темнице.

– Он поможет мне допросить тебя, – сказал пират. – Он ученый и знает лучше меня, какие вопросы задавать.

– Я не могу отвечать на вопросы, – спокойно сказала вампирша, – и вы знаете, что не сможете принудить меня.

Лангуасс повернулся к Ноэлу:

– Она хочет показать, что не боится боли. Но мы же не по-

верим без испытания? Возможно, это просто ложь, распространяемая вампирами для своей защиты.

– Все вампиры могут контролировать боль, – ответил Ноэл, не желая играть. – Это одна из черт их природы. Долгая жизнь, невосприимчивость к болезням, исцеление ран, которые убивают человека. Под пыткой обычные люди говорят все; вампиры не раскрывают ничего.

– Такое мнение при тебе проверяли, Кордери? – спросил пират.

Ноэл покачал головой, в желудке образовалась пустота, когда Лангуасс снял кинжал с пояса.

– Где ты хочешь нанести ей рану? – спросил пират.

Ноэл не взял кинжал. Не потому, что боялся проклятий женщины, – если бы они действовали, все, кто желал зла вампирам, давно бы умерли, – но веры словам отца было достаточно, чтобы отвергнуть этот несерьезный шаг.

– Наверно, тебя убедило то, что сказали тебе книги? – с иронией произнес пират. – Я сам когда-то учился и потом узнал, что многие доказанные истины не настолько правильны, как хотели нас заставить поверить старинные учения. Я слышал, что, если человек попробует кровь вампира, так же, как они пьют нашу, может сам стать вампиром, но не могу сказать, верно это или нет, поскольку никогда не пробовал сделать это сам.

Ноэл молчал, думая о том, что лучше бы его здесь не было. Лангуасс продолжал;

– С другой стороны, возможно, правы грегорианцы. Демон-нов следует изгонять, мы не должны общаться с ними. Нужно вбивать кол им в сердце, отрезать голову, сжигать тело, как предписал последний настоящий священник. Власти заявляют, что это – самый подходящий и правильный метод, чтобы увериться в смерти вампира, не так ли? Или ты предпочтешь магию, использованную твоим отцом для проклятия любовницы-вампириши той болезнью? Надеюсь, он научил тебя этой магии?

Ноэл почувствовал, как пот струится по его лицу, хотя было очень холодно. Сердце бешено билось, ему казалось, что удар готовится против него, а не против Кристель.

– Оставь парня, – сказала Кристель. – Он не дикарь, пригодный для твоего дела. Отошли его и делай, что задумал. От того, что ты прольешь мою кровь, ничего хорошего не получится, пусть уж она будет только на твоих руках.

Пират раздраженно бросился к ней, взмахнул ножом. Кристель едва шевельнулась, Ноэлу показалось, что она могла уклониться от удара, если бы захотела. Лезвие блеснуло над ее правой щекой остановилось, не задев нос. Сцена выглядела так, будто она сама хотела ускорить кровопролитие.

Лангуасс смотрел, как кровавый ручеек спускается из раны к подбородку. Кровь пошла обильной струей, потому что удар был сильным, но через несколько секунд стала застывать, как это случается у вампиров. Женщина провела правой ладонью по щеке от уха к носу и протянула руку Лан-

гуассу.

– Пей, – приказала она.

Он не послушал ее, но не потому, что не хотел, а потому, что она осмелилась приказывать. Ноэл понял это. Лангуасс в глубине души верил опасному поверью, о котором рассказывал.

Кристель поднесла руку к своим губам, слизала кровь с пальцев. Это выглядело естественно, что обеспокоило Ноэла.

– Ты хочешь мое сердце? – спросила она Лангуасса. – Или, может быть, мое горло? – Кристель откинула голову назад, продолжая смотреть на пирата. Ноэл понимал смысл этого движения. Если бы Лангуасс нанес еще один, более сильный удар, она могла бы впасть в глубокую кому, которой вампиры пользуются для самовосстановления. В этом состоянии допрашивать ее было бы бесполезно. Лангуасс мог бы убить ее, но и только.

Пират больше не ударил, спрятал кинжал за пояс, посмотрел на Ноэла, как бы решая, оставить ли его в камере, затем сказал:

– Выйди, ученый. Я с тобой еще посоветуюсь. – Голос его опять стал ироничным.

Ноэл не мог отвести глаз от вампирши. Мысль об этой совершенной красоте, изуродованной ножом, перехватила ему горло. Он знал, что она не ощущала боли, но трагедия искалеченной красоты не становилась меньше от этого.

Через мгновение он отвел глаза и последовал за Лангуасом к двери.

Когда турок выпустил их и задвинул засов, Ноэл услышал всхлипывание Мэри Уайт в соседней камере. Он хотел сказать ей, что надо держаться, что спасет ее, но знал также, что вряд ли сможет сдержать обещание.

– Бедная Мэри! – сказал себе сердито. Было безопаснее держать мысли при себе, чем выражать симпатию вампиру.

Ноэл сидел на табурете-треноге в кухне и смотрел на языки пламени. В сдвоенных кипящих котлах над огнем готовились мясо с травами, овощи, пудинг для ужина монахам и незванным гостям. Ноэл уже работал сегодня с Мартином и Иннокентием, а сейчас должен был следить за котлами, иногда вставая, чтобы принести хвороста в огонь или подлить большим черпаком воду в котлы. Еду подадут на деревянных подносах, используемых монахами сотни лет. Они презируют блюда и вилки, которые вошли в моду при дворе. Последователи святого Бенедикта не подвержены веяниям моды.

Работа Ноэла на кухне была несложной. Поскольку монахи очень гордятся своим кулинарным искусством, им требуется только вспомогательная работа. Однако Кордери подчас считал свой труд тяжелым, особенно летом. Однажды он сказал брату Мартину, что эта работа очень напоминает адский огонь, однако тот не оценил сравнения. Оно даже показалось ему своего рода святотатством.

На следующий вечер после неприятного визита с Лангуасом к Кристель д'Юрфе Ноэл был рад найти уединенное место, где мог остаться со своими чувствами и мыслями, наполненными виной. Даже жар огня не мешал ему, разряжая напряжение, выжигая в душе страхи и сомнения. Но его оставили в одиночестве ненадолго.

Он спал, закрыв глаза, уставшие от огня из-под котлов, когда к нему вдруг подошла любовница Лангуасса.

– Извини, – сказала она. – Я не хотела тебя тревожить.

Ноэл раньше читал на неопрятных афишах, которые сообщали о пиратах, разбойниках с большой дороги и были расклеены вплоть до владений Ричарда, что у людей, подобных Лангуассу, есть подружки, но не знал, правда это или результат литературного украшения. Рассказы, прикрывающие восторги напускной тревогой и осуждением, сопровождались изображениями розовощеких женщин, соблазнительниц с экзотической красотой и непредсказуемым нравом. Сейчас Ноэл встретился с легендой, ставшей реальностью.

Несмотря на то, что Лангуасс назвал ее марокканской цыганской принцессой, Лейла не производила впечатление такой же экзотической и узнаваемой, как героини с афиш. Теперь, вблизи, она показалась юноше сотканной из противоречий: все та же мужская одежда с кинжалом на поясе, но возбужденность вчерашнего вечера исчезла, как и отчаянное бесстрашие, темные глаза были задумчивыми, на лице проглядывало сожаление.

Ноэл заговорил с ней раздраженным тоном:

– Чего ты от меня хочешь?

– Лангуасс просил разыскать тебя, Кордери, – сказала она. – Беспокоился, не обидел ли тебя, а ведь он хочет быть тебе другом.

Ее выговор был отчетливым, с необычным испанским акцентом. Ноэл удивился фамильярному обращению, которое контрастировало с претензией на аристократизм, отразившейся в слове «принцесса» и в том, что Лангуасс предоставил ей служанку. Такое обращение не было принято при дворе, им пользовались любовники в минуты близости или родители при обращении с детьми. Она выучила староанглийский язык или сознательно с ним разговаривала так, возможно, по наставлению Лангуасса.

– Я отношусь к нему хорошо, – сказал Ноэл, – но я здесь гость и опасаясь за положение своих хозяев. Надеюсь, он поймет, что нужно побыстрее уехать, иначе может случиться большая беда.

Лейла стояла перед ним, чуть ближе, чем ему хотелось бы. Пока юноша сидел – смотрела ему прямо в глаза. Он не мог разглядеть их из-за бликов пламени, встал, немного отошел и, когда обернулся, смог рассмотреть ее лучше. «Принцесса» была хорошенькой, в обычном понимании, но не красавицей. Она была милой, по-своему приятной. Но цвет ее лица нельзя было сравнить с опаловой бледностью великолепных женщин-вампиров двора, являющихся для Ноэла верхом привлекательности.

Она же, казалось, смотрела на него с обожанием, это его смущало, вспомнился пристальный взгляд Кармиллы Бурдийон на фатальной встрече накануне бегства из Лондона. Он нечасто бывал в компании женщин и знал, что не умеет

ни понимать их, ни отвечать им.

– Он станет твоим другом, – повторила Лейла, – и лучшим, чем эти монахи.

– У него опасный путь, – ответил он. – Монахи сдержанные, но более надежные друзья.

Она не поняла.

– Ты станешь монахом? – спросила она. – Разве ты создан для безбрачия и молитв, а не для приключений и женской любви?

– Мужчины становятся кем хотят и кем могут, – сказал он.

Она оглядела кухню, будто пытаюсь найти подтверждение его словам.

– Возможно, но я была рабыней, пока Лангуасс не освободил меня. Он мог оставить меня, но дал мне шанс. Теперь он один называет меня принцессой. Я свободна и убила двоих ему подобных, которые пытались удержать и использовать меня.

– Хорошо, – мягко сказал Ноэл, – рад этому. Я не хотел бы, чтобы ты была рабыней или несчастной с Лангуассом. Хочу, чтобы ты была счастлива, но действительно не знаю, смогу ли я стать пиратом.

Она улыбнулась. Эта улыбка застала его врасплох, но он был доволен и улыбнулся в ответ.

Теперь робость охватила ее, она отвела взгляд:

– Ты мне нравишься. Я хотела бы, чтобы ты уехал вместе с нами.

– Вполне возможно, – ответил Ноэл, чувствуя, что не лжет, так как сам не знал своей судьбы.

– Меня попросили сказать тебе еще одно, – добавила она. – Присмотри, чтобы женщину-вампира и ее служанку накормили, но не оставляй их вдвоем. Мой хозяин не хочет, чтобы вампириша получила порцию крови. Принеси Селиму пищу тоже. Он стережет их.

Ноэл нахмурился и коротко ответил, что исполнит это. Потом опять сел, показывая, что ей пора идти. Она колебалась, но, когда после молитвы возвратился Мартин, окинув ее критическим взором, быстро удалилась. Монах искоса глянул и на Ноэла, но тот сделал вид, что не заметил неудовольствия Мартина, и взял один из рычагов, которыми снимали с огня котлы. Чуть позже Ноэл отнес в камеры два подноса. Третий принес турку слуга. Ноэл зашел сначала к Мэри Уайт, та подбежала и, несмотря на открытую дверь, обняла его за плечи.

– О Кордери! – воскликнула она. – Ты должен помочь нам, потому что они хотят сжечь мою госпожу, я боюсь даже думать, что случится со мной. – Она была напугана, и присутствие безносого усиливало эти страхи.

Он не мог успокоить Мэри ложью, даже если бы ей стало лучше, сказал только:

– Сначала я должен зайти к госпоже, Мэри. Вернусь через минуту.

Она отпустила его и заметила, что он закрыл дверь, не по-

ставив засов на место. Турок, который уже набивал свой рот, молча смотрел на них. Ноэл не знал, говорит ли Селим по-английски или вообще не может говорить, поэтому промолчал. Открывая дверь и входя в камеру, он чувствовал на себе взгляд турка.

Войдя, поставил поднос на пол. Кристель посмотрела на мясо не только равнодушно, но даже с подозрением. Она сидела на скамье как и раньше. Шрам уже бледнел, скоро исчезнет совсем.

– Это только мясо, госпожа, – сказал Ноэл, чувствуя ее тревогу. – Оно не отравлено. Когда оно готовилось, его касался только я.

Женщина одарила его болезненной улыбкой.

– Значит, сейчас меня бояться меньше, – сказала она. – Они позволят мне прийти в себя, поскольку считают беспомощной в заточении. Наверное, я так и сделаю: усну глубоким сном.

– А вы сможете? – спросил он.

Ее лицо стало непроницаемым.

– Так они послали вас выведать это хитростью? Не стоит. Я не могу стремиться глубоко уснуть; крепкий сон должен сам прийти. Это не то, что мы делаем, но это то, что происходит с нами. Если мне откажут в крови, как того хочет пират, тогда я погружусь в глубокий сон, как было под воздействием яда. Мы все, каждый по-своему, пленники нашего бытия. Но не ждите здесь, Кордери, – вы нужны Мэри больше чем

мне, и должны сделать все, чтобы помочь ей.

Он не поверил ее заботе, пытаясь понять, не играет ли она, чтобы произвести впечатление. Вампиры-женщины славятся хитроумием соблазнения и бессердечием измен, поэтому Ноэл не принял ее слова за чистую монету. Если все, что рассказывали о вампирах, было правдой, тогда безразлично, что случится с простой служанкой.

Он вышел из камеры, заперев за собой дверь, посмотрел на турка, резавшего кусок мяса с удивительной мягкостью и точностью. Затем вернулся в камеру Мэри Уайт.

Она все еще не прикоснулась к пище, нетерпеливо ожидая его.

– Что же они хотят делать? – спросила Мэри в приступе волнительного ожидания. Она не подошла как раньше, а стояла в пяти футах от него, обняв руками плечи.

– Не знаю. Но монахи не хотят, чтобы вам причинили вред, и даже у пиратов есть крупица уважения к Божьему дому. Лангуасс – нежестокый человек и не станет к своему греховному бремени прибавлять еще одно убийство.

– Но вы поможете мне? Вы не позволите обидеть меня?

«Что это? – думал Ноэл. – Она считает меня одним из них, бесправного среди бесправных!»

– Я сделаю все, чтобы обезопасить тебя, – успокоил он.

– И мою госпожу тоже? – В голосе Мэри слышалось сомнение, будто она не надеялась на подтверждение.

– Не хочу, чтобы кого-нибудь убили или ранили, сказал

он, – даже вампира. Ты должна есть, если можешь. Пища согреет и придаст сил.

Она с готовностью кивнула и села на кровать, подняв поднос с пола. Он вышел, поднял засов, запер дверь и посмотрел на турка. Уходя по коридору, Ноэл чувствовал на себе взгляд его глубоко сидящих раскосых глаз. Парень, который ждал его, дрожал от страха перед стражником.

В трапезной Ноэла подозвал к себе аббат, справа от которого на привычном месте Квинтуса сидел Лангуасс, на месте Иннокентия Ноэл увидел подружку пирата.

– Я попрошу тебя сделать кое-что для аббатства, – сказал аббат, чей ровный голос не мог скрыть беспокойства. – Завтра ты должен пойти в город, чтобы устроить проезд в Ирландию нашим... гостям. Привлекать к этому королевского представителя или арендаторов, работающих на монастырских землях, нежелательно, и мы решили, что лучше всего поручить это тебе. Ты получишь соответствующие бумаги.

Ноэл бросил взгляд на Лангуасса, который внимательно наблюдал за ним. Вероятно, просьба исходила от пирата, хотя слова аббата о нежелательности обращения к королевскому служащему, посредничавшему в делах монастыря, были правдой. Участие аббата в этом деле должно остаться в тайне, а упоминание об арендаторах содержало замаскированный призыв к осмотрительности, скрытности, хотя Ноэл и сам был заинтересован в этом, выходя за пределы своего убежища. Приближалось новое испытание, за прохождени-

ем которого будут внимательно наблюдать все заинтересованные.

«Почему, – спрашивал Ноэл невидимого свидетеля, – меня не оставят в покое, пока не закончится эта заварушка? Почему никто ни о чем у меня не спросит?»

Но только вежливо сказал аббату, что с удовольствием все сделает. В конце концов, мысль о том, что он поможет аббатству избавиться от пришельцев, утешала. Если бы их удалось отправить тайно, жизнь вошла бы в обычную колею.

Когда он занял свое место за столом, ему показалось, что все глаза устремлены на него и все хотят втянуть его в смертельно опасную игру, в которую однажды играл Эдмунд Кордери.

Ноэл с большим удовольствием поехал бы в Кардиган один, чтобы выполнить поручение пиратов, но Лангуасс решил его сопровождать. Аббат назвал суда, находящиеся в это время в гавани, чьи капитаны знали его. Этим капитанам можно доверять, они должны откликнуться на призыв Ноэла о помощи. Аббат иногда ссужал деньгами уэльских рыбаков и купцов, у него была доля в собственности судов, напоминая о более зажиточных временах. Исходя из этих соображений, Ноэл надеялся, что дело можно осуществить спокойно и быстро, но, как видно, пират ему не доверял. Невозмутимо выслушав слова юноши о ненужности риска, Лангуасс сказал:

– Здесь немногие знают меня. В любом случае должен видеть, на чем отсюда отчалию. Я разбираюсь в этих яликах и ботиках, и мне нужно что-то способное ходить в море. Я должен условиться с капитаном о месте и времени посадки. Нам необходимо по возможности тихо смыться, так, чтобы вампиры не узнали. Нужна спокойная бухта, где судно средних размеров могло бы незаметно причалить к берегу.

Так, вместе, на рассвете они отправились в путь. Лангуасс не очень скрывал лицо, надев соломенную шляпу коробейника и неопределенного вида одежду.

Аббатство находилось на северном берегу Тейфи, на низ-

ком холме, и было ближе к морю, чем город, К северу от церкви простирались желто-зеленые поля, спускавшиеся к дюнам, виднелось побережье моря, расходившееся в стороны от впадения реки. Лангуассу ландшафт не понравился.

– Слишком открытое место, – сказал он. – Было бы лучше, если здесь были незаметные бухты, как в Гавере. Если дело дойдет до драки и погони, высокий кустарник, лес нам бы большегодились.

Земли вокруг аббатства были тщательно обработаны не столько из-за тяги монахов к наживе, сколько из-за нужды людей. Население городов Уэльса быстро увеличилось за последние пятьдесят лет, а эта полоса земли у Кардиганского залива дает хороший урожай. Холмы дальше от берега годились только для овцеводства. Когда Лангуасс спросил, какая земля принадлежит аббатству, Ноэл объяснил, что аббат почти всю землю сдал иоменам, собирая налоги через чиновника, сами же монахи держали огороды и разводили кур, но монахов было слишком мало, а преклонный возраст не позволял им пахать, сеять, собирать урожай на всем земельном владении.

– Возможно, им следует заняться разбоем на дорогах, как раньше делали монахи из Вэлли-Круциса, – предположил Лангуасс, когда они вышли на проселок, ведущий к мосту через Тейфи, двумя милями выше города.

Пират сказал, что чувствует резкий неприятный запах, который раньше не ощущал. Ноэл ответил, что так бывает все-

гда после дождя.

– Карьеры Гавера слишком далеко, фермеры не могут покупать там дешевую известь для обработки полей, – объяснил Ноэл. – Поэтому они собирают на берегу водоросли, рубят их, гноят и удобряют землю. Даже сейчас, когда хлеба уже высокие, запах чувствуется.

Скоро, спускаясь к мосту, они увидели город, разбросанный на склоне выше гавани, с замком, возвышавшимся над домами, как нормандский карбункул на болезненной плоти Уэльса. Замок не был похож на крепость. Его предназначением было защищать нормандских аристократов от жителей Уэльса, а не оборонять город от нападения со стороны моря. На самом деле его никогда не атаковали, даже во времена восстания Овейна Глин Дира, бывшего последней серьезной попыткой во всей Британии оказать сопротивление империи вампиров.

Квинтус сказал Ноэлу вскоре после его приезда в Кардиган, что жителям Уэльса в правлении нормандцев больше всего не нравилось не то, что империей руководили наследники Аттилы, а то, что над ними поставили английских ленд-лордов и городских магистров. Если бы Глин Дир стал вампиром, считал монах, Уэльс мог бы легко стать лояльным анклавом империи. Потомки Овейна Тюдора были заклятыми врагами Ричарда и говорили о себе как о законной королевской семье британской нации. Некоторые из приверженцев Тюдора называли себя потомками Артура, проводя связь с

легендарным героическим королевством, но это было преувеличением. Даже если подсчитать все несчастья Уэльса, то не во всех был повинен владелец Кардиганского замка, и к нему относились со снисходительностью, хотя даже безземельные иомены называли его «нормандской кукушкой».

Дорога к Кардигану была оживленной. Хотя день был будничный, по дороге шел поток запряженных быками повозок с грузами для города, скакали всадники. Десятки людей шли пешком с узлами всех видов и размеров. Ноэлу пришлось по душе эта толпа, в которой он меньше привлекал внимания. По лицу Лангуасса было видно, что тот не любит толпу, как и поля.

– Сколько же в мире дураков! – воскликнул он, когда рядом с ними проскрипела повозка, заваленная луком и капустой, за которой следовала телега побольше с упряжкой из двух лошадей, нагруженная углем. Телеги подняли тучу пыли, заставившей путников прикрыть лица руками.

– Почему так? – спросил Ноэл. – От этих честных тружеников ни пирату поживиться нечем, ни вампиру. Гордись, как Ричард, при виде богатых и трудолюбивых.

Лангуасс нахмурился, услышав о Ричарде. Ноэл понял, что их взаимная ненависть не преувеличивалась.

– Несомненно, Ричарду понравилось бы процветание подданных, – ответил пират кисло, – потому что он может изображать из себя героя и раздражается, когда им не восхищаются или его не уважают. Ты знал его в Лондоне?

– О нет, – засмеялся Ноэл. – Мой отец был механиком, а не придворным. Я водил компанию со слугами, такими как Мэри Уайт, не с сильными мира сего.

– Князь иногда не слишком важничал, – хмуро сказал Лангуасс. – Если бы он тебя приметил, такой парень, как ты, мог бы стать вампиром.

– Я не стремлюсь стать вампиром, – заметил юноша.

Лангуасс саркастически засмеялся:

– Не будь лицемером, парень. Нет ничего стыдного в желании быть вечно молодым, даже если ты ненавидишь весь благородный сброд, который подлю присвоил себе этот дар, чтобы удерживать тиранию. Никто по-настоящему не хочет уничтожить вампиров, кроме горстки фанатиков-грегорианцев и пуритан. Сражайся против легиона бессмертных всеми способами, но борись за собственное бессмертие. Вот что я сказал бы своему сыну, если бы он у меня был.

– Возможно, Лейла тебе подарит, – пробормотал Ноэл, отворачиваясь и кашляя от пыли, поднятой тяжелой телегой.

– Не думаю, – спокойно ответил Лангуасс. – Она носила ребенка, когда была в рабстве. Тогда ей было не больше двенадцати лет. Чуть не умерла, и я не думаю, что теперь она вообще сможет родить.

Ноэл изумленно посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Как тебе нравится моя маленькая принцесса? – спросил насмешливо Лангуасс. – Она премиленькая, не так ли?

– Да, – ответил Ноэл. – Она рассказала мне, что была ра-

быней и ты ее освободил.

– Я убил ее хозяина, – подтвердил Лангуасс. – Не могу сказать, что сделал это из благородства, это была просто необходимость. Не мог оставить ее своей рабыней и сказал, что она свободна. Она была восхищена, не думаю, что притворялась. Возможно, ты ее соблазнишь и покажешь, что такое настоящая свобода.

Ноэл покраснел, насмешив пирата.

– А, – сказал Лангуасс, – вижу, Лейла тебе не нравится. Она мила, но не красавица, как Кристель.

– Я не... – начал Ноэл, но понял, что не знает точно, что хочет сказать, и совсем смутился. Но Лангуасс уже перестал насмешничать, сменил тему.

– Красота вампирш – самое коварное орудие их правления. Офицерами их армий владеет простая амбиция. Но у них значительно больше верных слуг, верность которых скреплена любовью к женщинам-вампирам. Это очень умно, что милovidных девушек превращают в вампиров, и то, что я знаю, подсказывает мне, что они не могут получить от своих женщин такое же удовольствие, как обычные люди. Они не все такие, как Ричард, так же как не все турки похожи на моего верного Селима, но долгая жизнь делает их холодными, убивает желания. Думаю, что они создают вампирш не для собственного удовольствия, а для того, чтобы привлекать и околдовывать влюбленных парней и страстных мужчин. Восхищайся Кристель д'Юрфе, если хочешь, но всегда

помни, что она – приманка в смертельной ловушке, учись ненавидеть ее, а не любить. Запомни это, Кордери, я знаю, о чем говорю.

– У моего отца было другое впечатление, – сказал Ноэл, – он сказал мне...

Лангуасс опять прервал его, теперь уже более резко.

– У твоего отца были все основания для другого впечатления. Я не черню его перед тобой, но он не был бескомпромиссным. Я знаю, что в конце концов он убил ту женщину, но, думаю, он служил вампирам всю жизнь более честно и результативно, чем сам считал. Не знаю, почему Бог дал вампирам такое обаяние, но я знаю, как вампиры – лорды и князья – его используют, и говорю тебе еще раз, что умные люди учатся ненавидеть, а не любить. Направь свое сердце, Кордери, и пусть оно хорошо выучит урок, иначе обманет тебя и ты окончишь свою жизнь на плахе, как предатель, или на костре, как еретик.

Ноэлу достаточно хорошо было известно умение пирата убеждать, но он не согласился с ним.

– Мой отец хорошо знал вампиров, – сказал он. – Понимал лучше, чем кто бы то ни было, что они такое и на чем стоит их империя страха. Правление немногих над многими обеспечить нелегко, даже если этих немногих трудно уничтожить. Они говорят, что полностью контролируют превращение в вампиров, но мой отец не был в этом уверен. Он полагал, что вампиры сделали бы больше, если бы могли, что-

бы укрепить свою империю. Однажды сказал мне, что вампиры могут быть такими же рабами предрассудков, как мы, и что даже Аттила не совсем понимал, как получают вампиры. Во всем этом может быть меньше намерения, чем мы думаем.

– Так ты не веришь в шабаш вампиров? – спросил Лангуасс со своей вызывающей иронией. – Разве самого дьявола не призывает в Тауэр князь Ричард, чтобы превратить в вампиров тех, кто на его службе натворил зла больше всех? Разве не говорят некоторые книжники, что человеку достаточно отведать плоть новорожденного и святотатственно поцеловать в задницу Сатану, чтобы стать бессмертным? Разве нет шабашей, на которых черт делает мужчин вампирами через мужеложство?

– О да, – сказал Ноэл, – но это – бредовые фантазии для того, чтобы усилить ужас обыкновенных людей перед вампирами, если это еще нужно. Мой отец говорил, что присутствие Сатаны объясняет или слишком многое, или совсем ничего.

– Ну и критик! Каким многосторонним стал Эдмунд Кордери под покровительством этой великой леди! И все же, с твоего разрешения, я сомневаюсь в его всезнайстве, – заявил пират.

Ноэлу оставалось только выслушать. Они приближались к городским воротам, их могли услышать в густой толпе. Не стоило говорить о вампирах там, где могли шнырять шпио-

ны.

Они спустились по склону от замка к гавани, где виднелся лес мачт рыболовецких судов.

– Мы должны заглянуть в трактиры на набережной, – сказал Ноэл. – Там найдем нужных людей.

– А здесь мы послушаем новости и выясним, знает ли кто-нибудь, что я не погиб. – Голос пирата вдруг стал низким, бесцветным: он не мог чувствовать себя уверенно на суше, в порту, где раньше никогда не бывал, тем более не зная, преследуют его или нет.

Ноэл вначале повел его в «Мэрмейд», где обычно останавливались два капитана, связанные с аббатством, но ни одного из них не оказалось. Ноэл купил для себя и пирата пиво, которое было получше, чем то, какое варили в аббатстве, и они смогли устроиться в темном уголке, притворившись соглядатаями, в свою очередь. Ничего интересного не услышали, и Лангуасс скоро попросил Ноэла отвести его в другое место. Они перешли в «Три бокала» и здесь нашли капитана по имени Ральф Хейлин, стоявшего вторым в списке аббата среди людей, которым можно доверять. Это был грубоватый седой человек лет шестидесяти или старше, но крепкий и крупный, имевший вид джентльмена.

Хейлин никогда не видел Ноэла, но, когда тот показал письмо аббата, немедленно проводил обоих наверх, в комнату, где жила его любовница. Отправив ее с поручением, он пригласил гостей присесть и приготовился говорить о де-

ле с таинственными незнакомцами. Ноэл отметил про себя, что ему наверняка уже приходилось брать на борт секретный груз.

Юноша объяснил, что в Ирландию необходимо незаметно переправить пятнадцать человек, друзей церкви Уэльса. Не сказал прямо, но намекнул, что это еретики, которыми интересовались монахи-доминиканцы. Хейлин посмотрел на Лангуасса, и Ноэл заметил подозрение в его взгляде. Хоть уэльсец не мог узнать пирата по лицу и манерам, он видел, что перед ним решительный человек, который мог бороться против вампиров не только в мыслях, но и на деле.

Единственное возражение Хейлина было вызвано слишком большим количеством перевозимых, на что Ноэл немедленно ответил, что и плата будет соответственной.

– Можете заплатить золотом? – спросил капитан.

Ноэл заколебался, но Лангуасс быстро вмешался в разговор:

– Частично. У нас с собой немного золота, и деньги нам понадобятся в Ирландии. Но я дам вам с радостью десять соверенов, пятую часть того, что у нас есть.

– Слишком мало! – сказал Хейлин, но отказ не был твердым. Ноэл понял, к чему клонит Лангуасс, говоря, что будет везти больше золота, чем готов заплатить. Хейлин думал, что, находясь в море, может запросить больше. Искушение отвлекло его внимание от того, что получение денег вообще было под вопросом.

– Не забывайте, Хейлин, – сказал Ноэл, – что если вы сделаете это, аббатство будет перед вами в долгу, хотя сейчас вы – должник аббата.

Хейлин вновь демонстративно посмотрел на письмо, привезенное от аббата, и заявил:

– Это может быть опасным делом. У меня нет желания оскорбить Уэллбилава или доминиканцев. Я – честный человек.

– Хейлин, – сказал Ноэл, – мы пришли, зная вашу честность. У меня поручение от аббата убедить вас. Добрые монахи будут вашими должниками и помогут вам.

– Не знаю, как вас звать, ученый, – сказал Хейлин Ноэлу, – но думаю, что знаю, кто вы. Вы наверняка называете ваше занятие Истинной верой, но можете накликать дьявола на таких, как я. Не желаю зла монахам, и я их должник, это верно, но они должны знать, что я не скажу им спасибо за эту работу.

– Они отблагодарят вас, – заверил его Ноэл.

– В замке – всадники из Свонси, – сказал неуверенно капитан, – а моряки с «Файрдрейка» находятся на пути сюда от милфордской гавани. Не хочу неприятностей, если эти люди как-либо связаны с вами.

– Нет, – солгал Лангуасс. – Наше дело – полная тайна, нам не нужно подвергать вас риску или слишком торопиться. Готовьте судно как к обычному плаванию. Мы поднимемся на борт тайно, не на виду у всего города. Где безопаснее пере-

правиться на судно в лодке?

Хейлин заколебался, но ответил:

– В четырех милях севернее аббатства есть небольшой заливчик. Это земля Ивэна Розье. Аббат знает это место и покажет вам на карте.

– Вы должны послать там лодку к берегу, – сказал Лангуасс. – В четыре утра послезавтра.

– Здесь редко дует ветер в сторону Ирландии, – возразил Хейлин. – Поэтому я не могу сделать это так скоро.

– Кто знает, какой ветер будет послезавтра? – проговорил Лангуасс. – Чем скорее, тем лучше для всех нас. Я удвою плату; это все, что я могу сделать. Добрая воля аббата увеличит ставку.

– Я должен знать, кто вы, – отрезал Хейлин. – Иначе не могу.

– Вы знаете Мередидда-ап-Гейвиса, – сказал Лангуасс, прежде чем Ноэл успел что-либо ответить. Речь шла об уэльсце, которого недавно посадили в тюрьму в Сwonси, где он ждал суда. Было похоже, что его приговорят к смертной казни за измену. Ноэл не был уверен, знает ли его Лангуасс, но Хейлин знал его совершенно определенно.

– Вы не из его людей, – осторожно заметил Хейлин.

– Я его друг, – ответил пират.

– Но вы не нормандец? – спросил уэльсец.

– Если бы я был нормандцем, – хмуро произнес Лангуасс, – не просил бы помощи у лояльного уэльсца. Говорю

вам, что я друг Мередида-ап-Гейвиса, и у вас есть письмо аббата. Если вы откажете нам в помощи, ваши собственные земляки проклянут вас в будущем. Оставим эту торговлю. Я улажу это дело. Большое это судно?

Хейлин заколебался, но в конце концов ответил на вопрос:

- Тридцать пять ластов ¹.
- Какой экипаж?
- Шестнадцать человек.
- Сколько оружия на борту?

Хейлин нахмурился, и Ноэлу это не понравилось. Капитан попытался смутить пирата взглядом, но не смог.

– Пять полупик и четыре мушкета, – сказал он наконец, – шесть фунтов пороха для пушек, два фунта свинцовых пуль. Вы думаете, что они нам понадобятся?

– Если вы никому ничего не скажете, мы будем в Ирландии, даже не выругавшись, – ответил Лангуасс. – Не раздражайтесь, что я расспрашиваю так подробно. Сейчас мы в ваших руках. Я должен верить незнакомому капитану, его судну; вы – только аббату из Кардигана, которого знаете, и Богу, который добр к честным людям.

– Я сделаю это, – угрюмо сказал Хейлин. – Мне можно доверять, и аббат это знает.

Когда они ушли, обсудив еще раз детали плавания, Лангуасс настоял на посещении бухты, где стояло судно Хейли-

---

¹ 1 ласт – 4000 английских фунтов.

на. Он хотел удостовериться, что оно в порядке, хотя Ноэл не сомневался в этом. Пират нашел судно неплохим, но заметил, что плавание будет лишено удобств, если учесть обусловленную плату.

– Судно в порядке, – сказал Ноэл. – Не нужно было спрашивать об оружии. Так можно отпугнуть.

– Он слишком алчен, чтобы легко пугаться, – пробормотал пират. – Он знает, что есть опасность, а излишняя осторожность может навредить. Чтобы убедить такого человека, его надо запугать или подкупить.

– Это ваше дело. – Ноэл пожал плечами. – Вам нужно плыть... и монахи будут рады.

– О да, – ответил Лангуасс. – Вы, любители покоя, только этого и ждете. Но мне нужно думать о будущем. Ваш аббат не хочет участвовать в моих делах, но мне нужно будет начинать все заново.

– Уже начали, – сказал Ноэл. – Сейчас мы должны поспешить в аббатство, ждать назначенного часа и молиться, чтобы вам ничто не помешало.

Лангуасс посмотрел на него из-под своей соломенной шляпы и улыбнулся, по-волчьи ощерив зубы.

– Ожидание не будет тяжелым, – сказал он. – Мы теперь друзья, не так ли? Мы сумеем развлечься, не сомневаюсь в этом.

Этой ночью Ноэл спал крепким сном впервые с тех пор, как появился в аббатстве. Казалось, что все в порядке, кошмар может уйти, оставив жизнь аббатства неизменной. Он хотел, чтобы его оставили в покое и не требовали обещаний, которые должен был давать, не имея возможности выполнять. Юноша считал малодушным это желание, но тем не менее оно не проходило. Сон пришел к нему как долгожданное избавление: не нужно было думать.

Но спать всю ночь не пришлось. Под утро Ноэл почувствовал легкое прикосновение. Несмотря на усталость, вздрогнул и мгновенно проснулся.

При свете свечи разглядел лицо разбудившего. Это была чем-то озабоченная Лейла, цыганка. На мгновение подумал о ней как о женщине, но она пришла явно не для того, чтобы забраться к нему в постель. На ее лице был написан страх, но не желание.

– Кордери, – сказала она полушепотом, – сделай мне одолжение.

Эти слова можно было бы принять за неловкое приглашение, если бы не выражение лица цыганки. Ноэл смотрел на нее, пытаясь отгадать причину такой обеспокоенности.

– Что такое? – спросил он. – За Лангуассом пришли солдаты?

– Он с госпожой, – прошептала она. – Пойдем к ним. Она сказала, что проклянет его. Я слышала, как она обещала, что, если он причинит ей боль, она отомстит.

Ноэл сознавал, что Лейла очень боится вампирши, так как была магометанкой, принадлежала к нации, которая не терпела вампиров. Она не видела других вампиров, кроме Кристель д'Юрфе, и все, что знала о них, почерпнула из фантастических сказок о магии и злодействе.

– Не думаю, что она может навредить ему, – успокоил ее Ноэл.

– А если он что-нибудь сделает с ней?

Что было за этим вопросом, он не знал. Может быть, ловушка, поставленная пиратом? Как нужно было ответить?

– Почему тебя это беспокоит? – грубо спросил он.

Лейла ответила. Возможно, ревновала, боялась или позвала, чтобы предотвратить насилие. Но она действительно боялась. Это был страх перед магией, перед воплощением порока, перед дьяволом, в существование которого магометане верили не меньше, чем христиане, хотя и называли иначе.

Ноэл не мог ее прогнать и в спешке оделся, еще не зная, что делать. Он ей ничем не был обязан и не думал, что обладает большим влиянием на Лангуасса, чем она сама. Ничем не был обязан и вампирше, чтобы выступить в ее защиту, но все же решил идти, может быть, из-за ненужного обещания, которое дал Мэри Уайт.

Лейла быстро повела его к камерам. У двери на карауле

стоял невысокий человек, который чуть раньше держал нож у горла Ноэла. Их появление изумило его. Он двинулся, чтобы задержать их, но Лейла сделала шаг вперед, положив руку на свой кинжал. Поколебавшись, охранник пропустил их.

Дверь в камеру Мэри была закрыта. Оттуда не доносилось ни звука, но другая дверь была широко распахнута. Лангуасс и турок находились внутри. Они принесли с собой фонарь и жаровню с углями из кухни.

Руки вампирши были связаны, конец веревки пропущен через кольцо в стене, к которому когда-то крепились кандалы. В старину, когда нормандцы еще не построили здесь свой замок, аббатство было единственным надежным местом, служившим тюрьмой для преступников в Абертейфи.

Кольцо висело высоко на стене, тело женщины неловко вытянулось; она чуть касалась пола, прижавшись лицом к холодной стене.

Мучители били ее по спине веревкой в узлах, оставляя на спине багровые пятна и рубцы. Кровь струилась по бедрам. На краю жаровни лежали два ножа лезвиями в углях, турок раздувал жар кухонным мехом.

Лангуасс сделал паузу, пока ждал ножи, которыми намеревался жечь вампиршу. Приход Ноэла не удивил его, а развлек, хотя на любовницу пират посмотрел с легким неудовольствием.

– Ученый! – сказал он. – Добро пожаловать на наш спектакль. Может быть, ты хочешь сам расплатиться с ней или

задать пару вопросов в надежде, что на них ответят?

Кристель молчала, не шевелилась, не повернулась даже, чтобы увидеть, кто пришел. Ноэл не мог сказать, в трансе ли она.

– Это глупая игра, – сказал он пирату, пытаясь говорить разумно, внушительно. – Она может контролировать себя и ничего не скажет.

Лангуасс засмеялся:

– Как мы можем узнать, что она чувствует? Она не будет кричать или просить о пощаде, но тело ее дергается под плетью или когда я прижигаю его. Возможно, ей все равно, но уверен, она чувствует и знает, что с ней происходит. Она еще в сознании, это точно, и, может быть, захочет рассказать нам, например, как стала вампиром, какой эликсир жизни сделал ее бессмертной. – Лангуасс опять посмотрел на Лейлу, съевшуюся под его взглядом и брезгливо добавил: – Она не может навредить мне, дурочка. Ты же не думаешь, что я такой же слуга Сатаны, как она? Неужели, если бы у нее была волшебная сила, она не улетела вместо того, чтобы попасть к нам в руки? Я не испытываю судьбу; это судьба преподнесла мне подарок, и я соберу долги, которые мне причитаются.

– Какие долги? – спросил Ноэл.

Лангуасс смотрел на пылающие угли, на лезвия раскаленных ножей.

– Ей подобные пытали и унижали меня, – проговорил он. – Они послали меня на галеры как нищего уличного вориш-

ку. Мало того, что меня избивали, пока я налегал на весла; они хлестали меня бичом на дьявольской галере, а арабы и марсельская шваль смотрели и радовались каждому удару. Потом они послали меня в гнилую больницу, чтобы растравить раны, там люди кричали, когда их носы превращались в большую гноящуюся рану. Они сказали, что, если я не стану покорным, мне отрежут нос, чтобы украсить к тому дню, когда я встречу с чертом.

Ноэл ничего не мог сказать. Голос пирата, чрезвычайно холодный и отчаянно злой, не допускал возражений.

– Ты знаешь, Кордери, – продолжал Лангуасс менее зло, – что наказанного раба на галере обливают горячей смолой. Здесь ее нет, но уверен, горячие ножи отлично ее заменят. Ты думаешь, что я оправился от ран так же легко, как оправится она? Я причиню этой женщине такую же боль, какую чувствовал сам. Может быть, вы оба скажете, что я не обязан расплатиться за все?

– Это же не она причиняла вам боль, – осмелился возразить Ноэл.

Лангуасс подошел к нему вплотную, полный едва сдерживаемой ярости.

– Эта Кармила Бурдийон мучила твоего отца?! – крикнул он. – Ты не знаешь, что все, кто пользуется привилегиями тиранов, должны отвечать за жестокость? Не утверждала ли римская инквизиция, которая сжигала старух как ведьм, что осужденная ведьма ответственна за все преступления своего

племени? Как мы можем говорить другое о вампирах? Каждый действует от лица всех, и эта женщина должна отвечать за всех.

Она ответственна не только за то, что сделала мне, но и за все, что было сделано англичанам во имя мира и процветания Галльской империи. Я с удовольствием бы мучил Ричарда с его львиным сердцем или какого-нибудь могущественного князя, подобного Владу Дракуле, но все, что у меня сейчас есть, – это Кристель д'Юрфе, и я не смягчусь от ее красоты – маски, скрывающей коварную душу.

Ноэл видел, что в этом человеке накопилась такая ярость против вампиров, которой в нем самом не было и, возможно, никогда не будет, если только не познает боль, унижения, через которые прошел пират.

– Прошу вас, остановитесь, – сказал он, – ради добрых монахов. Вы сегодня мне напомнили, что должны думать не только о том, что делаете здесь. Так и должно быть. Если после вашего отъезда станет известно, что тут пытали вампира, Уэллбилаву ничего не останется, как уничтожить аббатство, а монахов сожжет инквизиция, как вы и сказали. Их обвинят заодно точно так, как вы объяснили.

Лангуасс не желал слушать его.

– Они принадлежат к Истинной вере, – сказал он. – В глазах папы Борджиа, они – еретики и мятежники. А твое учение, Кордери, не чистая ли ересь? Каждый раз, переворачивая страницу в запрещенных книгах, ты предрекаешь свое

сожжение, не так ли?

Это было правдой, хотя Ноэл не любил так думать о своей работе.

– И в глазах Истинной веры, – продолжал Лангуасс, снизив голос до свистящего шепота, – разве не должны гореть вампиры, чтобы возродилось человечество?

Он повернулся к жаровне, обмотал руку тряпкой, чтобы не обжечься раскаленным ножом, подошел к вампирше и положил лезвие ей на спину. Послышался жуткий звук, напомнивший Ноэлу шипение в голосе пирата, в воздухе распространился запах паленого, после чего турок захохотал, забил в ладоши. Это было первым, что Ноэл услышал от него.

Лейла в страхе отпрянула. Ноэл задержал ее так, что она уткнулась лицом в его грудь.

Когда Лангуасс увидел это, огонек злого торжества в его глазах заколебался, он криво усмехнулся и бросил горячий нож на пол. В отличие от турка он не был восхищен тем, что сделал.

«Он все же человек», – подумал Ноэл.

Кристель не издала ни звука, несмотря на кровавую рану на спине. Мышца на лопатке, казалось, наполовину растаяла, тело вздрагивало от шока. Ноэлу было жаль ее.

Женщина повернула голову, чтобы посмотреть через плечо на своего мучителя. В ее глазах читалось злорадное презрение, и Ноэл был рад, что цыганка не увидела этого. Турок Селим заметил все, но захихикал еще больше. Он не боялся

сверхъестественной мести за то, что сделал его хозяин.

– Вы будете жечь ее дюйм за дюймом? – хрипло спросил Ноэл. – Вы это намереваетесь делать?

– Почему бы и нет? – сказал Лангуасс. – А также причинять любую другую боль. До того как она уснет, я пообещал турку и моему верному слуге, что они развлекутся с ней. Селим предпочитает мальчиков, как ваш благородный князь Великой Нормандии, но при случае окажет честь и женской заднице. У него не было вампирш, и хотя госпожа имела много обыкновенных любовников, я рискую предположить, что безносых у нее не было.

Цыганка застонала, еще крепче прижавшись к Ноэлу.

– Для себя, – сказал Лангуасс, – я возьму только немного крови.

Он провел пальцем правой руки по спине женщины, поднял окровавленную руку так же, как это делала вампирша, когда приглашала его лизнуть кровь. Он не хотел брать с ее пальцев то, что охотно зял со своих. Затем посмотрел на Ноэла и уловил упрек в его взгляде.

– Я хотел бы стать вампиром, – сказал Лангуасс с горечью. – Тогда я обратил бы на них собственную ярость, и этот трусливый Ричард не мог бы сказать как когда-то, что для него недостойно встретиться со мной. Я был бы тогда так же жесток, как их легендарный Дракула. – Произнося эти слова, он не казался очень радостным и уверенным в своей решительности, а задумчиво смотрел на свои пальцы. Видимо,

кровь не была такой приятной для пирата, как он ждал.

Лангуасс принес другой нож, обернул руку тряпкой, как раньше, незаметно стерев оставшуюся кровь с пальцев. Когда он поднял горячее лезвие, чья-то рука опустилась на плечо Ноэла и отодвинула его в сторону от двери. Кордери оглянулся и с радостью увидел, что это не аббат, который сомлел бы от шока, а Квинтус, более крепкий и решительный.

– Бросьте нож, прошу вас, – сказал монах спокойным четким голосом. Стражник подошел к нему, но не решился остановить.

– Идите в свою спальню, – сказал Лангуасс. – Я сам здесь разберусь.

Пират направился к вампирше, но Квинтус быстро встал между мучителем и жертвой. Он протянул руку, будто приглашая Лангуасса вложить раскаленный докрасна кинжал ему в ладонь. Пират вздрогнул, отдернул лезвие к своей груди, побледнел, и Ноэлу показалось, что жар лезвия проникает даже через ткань.

Лангуасс не смог ударить монаха и убрал нож.

– Вы здесь гость, – сказал твердо Квинтус, – и то, что делаете здесь, касается не только вас. Происходящее в нашем – и Божьем – доме касается нас и Его. От Его имени я прошу вас уступить. Вы – вор и убийца, но вы еще не отлучены от веры. Мы бы не хотели этого, я надеюсь, что имя Христа что-то для вас значит. Вы действительно хотите навлечь на себя проклятие?

Ноэл не верил, что угроза отлучения от церкви много значила для Лангуасса, но, наверное, законы гостеприимства значили больше. Так или иначе, пират молчал, не шевелился. Квинтус овладел положением.

– Благодарю за снисхождение, – сказал он Лангуассу. – Если вы уберете марокканскую женщину и вашего хихикающего турка, я присмотрю за делами, покараулю до заутрени.

Но это было слишком, и Лангуасс отрезал:

– Нет!

Несколько мгновений монах и пират старались пересмотреть друг друга. Хотя Лангуасс легко превзошел Ральфа Хейлина, Квинтус оказался более твердым орешком. Монах опустил глаза, но сделал это по своему желанию.

Лангуасс остался доволен этой маленькой победой.

– Аббат был любезен со мной, – сказал он. – Я всегда был другом Истинной церкви и не навлеку на себя ее гнев. Теперь вы можете идти; все завершилось.

Квинтус медленно поклонился:

– Я готов услышать ваше честное слово, что вы больше не навредите госпоже.

– Я даю его, – ответил Лангуасс с максимальной издевкой. – Но тем не менее сам буду присматривать за ней. Что касается ее ран, то Кордери их залечит.

– Благодарю, – сказал Квинтус, бросив взгляд на Ноэла, который согласно кивнул.

Цыганка отпустила плечо Ноэла, поблагодарив его взгля-

дом, хотя он знал, что ничего не сделал – и ничего не достиг бы, если бы не Квинтус.

Лангуасс вместе с турком медленно вышли из камеры. Ноэл повернулся к Квинтусу, развязывавшему руки вампирши. У него опять засосало под ложечкой, он хотел выйти, чтобы больше ничего не видеть и не знать. Но остался, чтобы проявить великодушие по примеру Бога, в которого он никак не мог поверить всем сердцем.

Лангуасс решил сделать последний жест пренебрежения, и за уходящим Квинтусом послышался звук закрываемой двери. Дверной засов глухо щелкнул в скобах, оставил Ноэла с раненой женщиной.

Ноэл помог Кристель лечь на лавку, служившую ей кроватью. Прикрыть ей спину не осмелился. Ее руки были холодны, и это тревожило. Жаровня стояла рядом, и он надеялся на ее тепло.

Она была в сознании, но казалась изнуренной. Злоба, с которой женщина смотрела на своего мучителя, прошла. Ноэлу стало ясно, власть вампира над болью не безгранична. Кристель прикладывала определенные усилия, чтобы контролировать себя.

– Не бойся, – обратилась она к нему, – я не обижу тебя.

Ноэл улыбнулся, показывая, что не чувствует страха, хотя на душе скребли кошки.

– Помочь чем-нибудь? – спросил он, думая о воде или мази. Мази не было, но фляга с водой стояла рядом.

– Больше всего, Кордери, – сказала вампирша мягко, – мне нужна порция твоей крови.

Юноша смутился, подумав, что она смеется над ним, но темные глаза глядели вполне серьезно, и он понял не шутит.

– Я не понимаю этого, – прошептал он. Через мгновение прибавил: – Кровь ведь не накормит вас.

– Она мне необходима, – так же шепотом сказала женщина. – Я так нуждаюсь в ней, что даже говорю об этом с трудом. Я не буду заставлять тебя, ты был приветлив со мной,

но клянусь – опасаться нечего. В этом нет никакого риска.

Если бы дверь была открыта, Ноэл ушел бы, чтобы скрыть растерянность. Помедлив, подобрал с каменного пола один из ножей Лангуасса.

– Не уходи, Кордери, – быстро сказала она, не зная, что дверь заперта. – Ты не знаешь, что сделали с Мэри? Они могли ранить ее.

– Думаю, они оставили ее в покое.

Ему было стыдно из-за невыполненного обещания защитить девушку. Он даже не знал, что с ней. Ее могли ранить. Показалось подозрительным, что не слышно шума в камере рядом.

Ноэл отодвинул второй нож ногой, затем поднял, хотя тот еще был горячим. Отбросил оба ножа в угол мрачной клетки. Свет фонаря мерцал, отбрасывая на стену танцующие тени, как будто сообщая о появлении демонов – злых духов над распростертым телом намеченной жертвы.

– Они не пустят ко мне Мэри, – сказала Кристель еле слышно. – Когда она закричала, Лангуасс приказал своим людям заставить ее замолчать. Как бы она не умерла.

Вампириша медленно села, одеждой прикрыв наготу.

Ноэл поморщился от мысли о боли, причиненной ей ударами по спине, но тут же обругал себя, вспомнив, что она может терпеть удары и ожоги. Ей вряд ли больно от прикосновения шерстяной одежды. Даже если так, черты ее лица заострились, и было трудно поверить в отсутствие страданий.

«Откуда мы знаем, как она может чувствовать. Можно ли чувствовать боль в полной мере и не признавать это в силу долга», – размышлял Ноэл и решил, что это невозможно. Ни одно существо, независимо от его сущности, не в состоянии сдержать крик, если его пронзил огонь раскаленного докрасна ножа. Но кто, кроме самого вампира, может сказать, что чувствует вампир, когда его кожу рвут или жгут? Кристель чувствовала себя плохо: неужели Лангуасс был прав, и ее можно заставить говорить, если она действительно знает что-то ценное?

Ноэл смотрел на нее, не зная, что сказать.

– Не надо извиняться, Кордери. Не надо меня жалеть. Если Ричард схватит тебя, его обращение с тобой будет таким же, как обращение пирата со мной.

– Почему? – спросил вдруг приободрившийся Ноэл. – Из-за моего родства с человеком, убившим женщину его двора, или потому, что я знаю, как сделать микроскоп?

Она неподдельно удивилась вопросу:

– Причем здесь эта игрушка? – спросила она.

Ноэл понял: следует поостеречься. Нельзя сказать наверняка, что будет с ней, если Лангуасс увезет ее из аббатства. Их любопытство сплелось в странной игре.

Она была не прочь поговорить, может быть, для того, чтобы забыть о своих ранах и жажде, утоляемой кровью.

– Мой отец полагал, что прибор может многое рассказать об организме и жидкости в нем, – сказал Ноэл. – Он знал,

Ричард хотел убить его, опасаясь, что отец откроет природу человеческой плоти и плоти вампира.

Кристель смотрела на него внимательно, хотя ее лицо еще оставалось бледным. Истощенная, она меньше походила на вампира, кожа ее слегка потускнела, но теперь Кристель опять держала себя в руках, самообладание почти вернулось к ней.

– Эдмунда Кордери следовало арестовать за его тайное предательство, – сказала она. – Какому тщеславию он поддался, поверив в вероятность узнать что-то для себя с помощью странного прибора для подглядывания? Разве человеческие души можно разглядеть, как мышцы? У Ричарда есть магический кристалл, которым пользовались Дэлон Ди и Эдвард Келли; я смотрела в него и думала, что увидела ангельское воинство, но даже этот прибор не может научить Келли, как стать бессмертным.

– Это не волшебство, – возразил Ноэл. – Отец не верил, что в появлении вампиров участвует магия: просто необходимо понять процесс.

– Все это стремление механика, – сказала она и усмехнулась с легкой иронией, – представить мир и живую ткань как машину. Но чего он хотел? Надеялся на смерть вампира или мечтал сам стать одним из них?

Ноэл не был уверен в ответе, но притворился, будто знает его:

– Он сумел убить одного вампира. Со временем, с помо-

щью микроскопа, зная мир клеток и частичек, смог бы убить вас всех.

– Он был глупцом? – ответила Кристель. – Кроме Кармиллы Бурдийон, вампиры не умирали, но обычные мужчины и женщины постоянно умирают на лондонских улицах. Об этой болезни идет дурная слава, ею болеют больше обычные люди, чем вампиры.

– Но Кармилла Бурдийон мертва, – возразил Ноэл.

– Ты гордишься этим, Кордери? Жестоко покончить с милым созданием, которое могло существовать тысячу лет. Знаешь ли ты, сколько ей было лет?

– Четыреста пятьдесят, – сразу же ответил Ноэл, сообщив слишком поздно, что мог раскрыть свое знакомство с «Вампирами Европы» – запрещенной книгой, хранившей истории многих вампиров.

Но она только улыбнулась:

– Ты, наверное, считаешь, будто можешь понять, что значит жить, как мы, в тени вечности. Думаешь, это похоже на твою собственную жизнь, только дольше, и все. Полагаешь обычным делом, что мы можем жить без печали, боли, гнева. Но не можешь представить, насколько мы в самом деле разные. Ты не имеешь понятия о нашей природе, нашем прошлом, бедный мотылек... короткий блик в тени жизни.

– Я понимаю, почему вы так жестоки, – сказал он. – Понимаю, как ваша невосприимчивость к боли заставляет страдать других, поэтому во всей Галльской империи пытки –

обычная вещь. Я слышал истории об Аттиле, Дракуле. Вы, галльские вампиры, думаете, что вы – лучшие существа, соблюдающие рыцарский кодекс Шарлеманя, с его скромностью, благородством и великодушием. Но даже в Тауэре творятся вещи, позорные для его строителей, все виселицы в Лондоне переполнены жертвами. Почему я должен считать вас или другую вампиршу лучше Эржебет Батори, принимавшей ванны из крови детей, чтобы стать прекрасной и сделаться царицей Востока? Я знаю, порок живет в вас, поэтому не заблуждайтесь относительно того, что я хотел для вас сделать сегодня ночью. Возможно, моя вина в том, что проделки Лангуасса мне не по душе.

Эта вспышка гнева озадачила Кристель.

– Наша жестокость не безрассудна, – сказала она с напускной искренностью. – Эржебет Батори была осуждена за свои преступления даже в империи Аттилы. Ее замуровали в собственном замке – разве не знаешь?

– Но не ответили ее же собственной монетой, – произнес Ноэл с досадой. – Она не страдала, как заставляла страдать других. В могиле она просто уснула и может проснуться в любое время, готовая вернуться к жизни. Через какое время она умрет, по вашему мнению? Или может голодать вечно?

– Я не знаю, – сказала Кристель. – Но она платит за свои деяния по закону. Закон поддерживает равновесие, а если бы миром правили обычные люди, имения были бы разорены и законы соблюдались бы с трудом. Разве у мусульман нет па-

лачей? Разве они славятся своей добротой? Даже сотой части страданий не существовало бы в мире, если бы обычные люди удовлетворялись тем, что им дал Бог. Если бы они жили, как должны, у них было бы бессмертие в раю.

– Лицемерие! – воскликнул Ноэл. – Вампиры не следуют Христу по-настоящему и любят жестокость больше, чем простые человеческие существа. Отец рассказывал мне, как вы обошлись с Эдвардом Дигби за его участие в «Пороховом заговоре». Его протащили лошадьми по улицам, повесили, кастрировали и четвертовали. Представляете ли вы себе, что люди могли сотворить такую пакость, если бы он пытался убить обычного князька? Ваша жажда человеческой крови и человеческих страданий – ужаснейшая вещь на земле, и, что бы ни говорил ваш марионеточный папа, Бог не может такого позволить. Разве Христос разрешил вам пить человеческую кровь?

Она ту же завернулась в одежду и опустила глаза:

– Кровь, что я пила, мне давали по желанию. Большею частью по любви или, по меньшей мере, со лживыми обещаниями любви. Кордери, а ты бы не дал свою кровь, если бы любил? Ваш Спаситель не стеснялся кровоточить ради любви к людям, и вы пробуете эту кровь при причастии, не так ли?

– Это разные вещи, – возразил Ноэл.

Она опять посмотрела на него, будто готовясь пронзить взглядом. Усталости и уныния больше не было в ее лице, да и голос совсем изменился.

– Если бы ты любил меня, Ноэл Кордери, – сказала она, – разве ты не предложил бы своей любимой в дар собственную кровь? Разве ты не предложил бы ее с радостью, как Эдмунд Кордери Кармилле Бурдийон? И отказывая мне в ней, разве ты не пытаешь меня по-своему, как это делал грубый и злой пират?

Ее взгляд завораживал, к чему она и стремилась, Ноэл не мог оторвать от нее глаз. Разве он мог отрицать, что Кристель лучше любой обычной девушки? Как он сам мог избавиться от желания? Выбора не оставалось: желание бушевало, как ветер из ада, желание сверхъестественной силы. Он все же не был монахом, и если вампирша взбудоражила его больше, чем цыганская так называемая «принцесса» или бедняга Мэри Уайт, не отражался ли в этом весь мир? Прав ли Лангуасс в том, что ее красота – чудовищная ловушка, а она – сирена, сатанинская девка? Так это или нет? Что должен думать, чувствовать и делать человек?

– Я не люблю вас, – ответил он сдавленно и сразу понял, как неловко звучит ответ, повторивший ее тон. Он перекрестился, но не демонстративно, а застенчиво и незаметно, как бы ища в кресте свою защиту.

– Кармилла Бурдийон могла бы любить тебя, – сказала женщина, – как любила твоего отца. Ты мог бы найти такой покой в ее объятиях, что возненавидел бы жизнь, которая предстоит тебе. В этом покое Эдмунд Кордери не отказал себе, даже когда намеревался убить ее, теряя многое сам.

Юноша попятился назад перед этим странным наступлением, чувствуя угрозу в словах, а не движениях. Опомнился он у каменной стены, будто прикованный к ней своим изумлением.

Но Кристель не смеялась над его тревогой. Она опять стала мягкой и смотрела с невинностью ребенка:

– Пожалуйста, Ноэл, пожалей меня, подари немного крови.

– Нет, – ответил он хрипло, – не могу. Я не стану. – Ноэл отвернулся, прислонившись лицом к двери, желая, чтобы та открылась.

Когда наконец он повернулся, Кристель не была настроена обращать на него внимание. Она подобрала ноги под себя, свернулась клубком, будто устраиваясь на столетний сон вампиров, пробуждающихся, только когда кто-нибудь омочит их иссохшие губы кровью.

Под черными прядями на бледном лице больше не было шрама от ножа Лангуасса. Со временем исчезнут раны на ее спине, как будто их и не было. Шрамы и рубцы, без сомнения, остались на спине Лангуасса, причиняя ему боль при всяком прикосновении. Они, вероятно, так врезались, что не исчезнут, даже если ему удастся стать бессмертным. У некоторых рыцарей Ричарда, обращенных в вампиров в пору зрелости, остались знаки старых ран, которые уже нельзя удалить. Лангуассу было все равно, как выглядеть: он был горд рубцами – следами боли, из которой черпал свободу.

«Настанет ли конец, – думал Ноэл, – кровавой дани, собираемой вампирами с простых людей, – не только ручейком, текшим в свободной любви, но потоком из-под кнута палача, меча воина?» Все правление вампиров, казалось, измерялось шрамами и грабежами шрамами на избитой спине Лангуасса, шрамами на измученной груди Эдмунда Кордери, грешными рубцами на душах бессмертных, не спешащих встретиться со своими судьями и создателями.

«Я не хочу шрамов», – сказал про себя Ноэл так страстно, что эти слова чуть ли не прозвучали вслух.

Сказав это, он почувствовал грех Адама в груди невыносимое желание, освободить от которого могла только кровь.

– О Квинтус, – пробормотал он, садясь в угол, втискиваясь между стеной и дверью, – в конце концов я только горсть плоти?! Я бы помолился и попросил Бога изменить меня, но прекрасно знаю, Он не сделал бы этого, если бы даже мог.

От сонного небытия Ноэла пробудил скрежет дверного запора. Он медленно поднялся, подобрал с пола брошенные накануне ножи и повернулся к открывающейся двери.

Это Селим, а не Лангуасс пришел освободить его. Турок хмуро кольнул глазами (они одни только оставались человеческими на изуродованном лице), сделав знак следовать за ним. Ноэл обернулся к вампирше, в молчании оставшейся на своей кровати. Подобрал плащ, в который та завернулась, медленно и осторожно поднял его, опасаясь, что запекшаяся кровь, пристав к ткани, потревожит. Этого не произошло. Глядя на обнаженную спину, Ноэл не мог поверить, что всего несколько часов назад на нее сыпался град ударов. Крови почти не было, шрамы зарубцевались. Только там, где прикладывали раскаленный нож, остался большой уродливый рубец, алый и блестящий.

Кристель не проснулась, и Ноэл угадал по ее неподвижности, что не проснется совсем – ни сегодня, ни завтра. Она впала в глубокую кому, на которую способны вампиры и которая может длиться и год, и сто лет. Она может просыпаться время от времени, чтобы найти так необходимую кровь. Ее раны затянутся, но останется пустота голода, которую может заполнить только кровь.

Ноэл мягко положил плащ на место, вышел. Турок указал

на проход к монастырю, но Ноэл, отдав ножи, просил подождать. Пока Селим запирает камеру вампирши, юноша снял запор с двери в камеру Мэри Уайт, вошел внутрь.

Мэри лежала на соломенной подстилке со связанными руками, кляпом во рту, в разорванной одежде. Она зашевелилась, но не видела, кто вошел, ей было страшно.

Он быстро подошел к ней, успокаивающе произнес ее имя, вытащил изо рта кляп, стал развязывать руки. Она слабо всхлипывала, Ноэл налил ей воды из кувшина. Девушка пила жадно, но продолжала молчать, отворачивая лицо с болью и стыдом. Он понял – ее изнасиловали, и теперь она мучается лихорадкой от бессонницы и страдания. Она вздрогнула от прикосновения, он не знал, что делать.

Хотел спросить, кто оскорбил ее, но вопрос замер на губах, когда Мэри отпрянула.

«В конце концов, – подумал он, – я только бесправный среди бесправных. Почему ей не шараться от меня?»

Вина заполнила его болью.

– Я пришлю монаха. Он принесет лекарства, чтобы ты уснула.

Она пыталась ответить, но не смогла. Взгляд умолял о помощи, которую он не мог дать. Он чувствовал, что предал ее и себя своим бессилием.

Ноэл не знал, куда идти, искал укрытия. Он не хотел идти ни в трапезную, ни к себе, ни в тихую церковь, где для него Бог отсутствовал. Сказав брату Иннокентию о состоя-

нии Мэри Уайт, юноша направился в библиотеку.

Он не мог объяснить точно, почему предпочитал это место другим, но оно было единственным, в котором имело смысл находиться. Сначала он побыл наверху, но когда колокольный звон известил, что монахи пошли к заутрене, спустился вниз, чтобы прочитать в «Вампирах Европы» о Кристель д'Юрфе.

О ней мало говорилось в книге, большинство авторов которой интересовались деятельностью и амбициями вампиров-мужчин. Ноэл прочел, что она была относительно молодой вампир, родилась в Малой Нормандии примерно в 1456 году и была младшей дочерью кузена маркиза де Верни. В 1472 или 1473 году стала любовницей рыцаря-вампира Жана де Кастри, жившего тогда в Реймсе. Там же и стала вампиром. Кажется, она не была в Аахене при дворе Шарлеманя, и де Кастри привез ее в Большую Нормандию в 1495 году – видимо, из-за ссоры с князем Жоффри. Однако де Кастри вернулся в Реймс, уладив ссору, и оставил Кристель при дворе Ричарда.

В списке любовников Кристель Ноэл отметил только одно имя: авантюриста из Реймса, который женился на дочери Генри Тюдора и Нэн Беллен, до того как его казнили за измену. Ее преступления были банальными, и Ноэл посчитал, что ей, как иностранке при дворе Ричарда, привезенной рыцарем издалека, приписывали лишь самые мелкие интриги.

Поставив книгу на место и возвратившись в освещенную

солнцем комнату наверху, юноша не мог заставить себя читать. Он сидел наедине со своими мыслями и смотрел на облака, гонимые с моря западным ветром.

«Если бы это было время Эльфина, – думал он, – когда вампиры еще не пришли на британскую землю и правда еще могла явиться миру в голосах честных людей».

Позже как обычно пришел Квинтус.

– Я очень сожалею, – сказал монах, – о случившемся ночью. Мы ничего не можем сделать с пиратом, он всех нас держит в своих руках. Не думаю, что он порочный человек, но когда у него плохое настроение – сходит с ума. Собственное положение страшит его, хотя он и не осмеливается показать это. Мы должны молиться, чтобы ничего не беспокоило его до отъезда.

– Что будет с Мэри Уайт? – спросил Ноэл.

– Я попрошу, чтобы ее оставили здесь, мы можем найти ей место в монастыре, – задумчиво ответил монах.

– Хотя мы и не желаем ей зла, – сказал с горечью Ноэл, – она так же опасна для нас, как и для Лангуасса. Если она когда-нибудь расскажет, что с ней здесь случилось, нам всем конец. И почему она должна прикусить язык, если дом Господень не дал ей настоящего убежища? Пусть мы и добрые христиане, нам, возможно, следует молиться, чтобы Лангуасс убрал ее, взял с собой как девку бандита, или убил, после того как ее изнасиловал самый подлый из его компании. Она не виновна в преступлениях и все же угрожает и

моей, и вашей безопасности. Этот грязный мир насылает на нас такую напасть.

– Я буду просить Лангуасса оставить ее, – сказал Квинтус опять, уже более определенно. – Скажу, что мы отошлем ее к монахиням. Я молюсь, чтобы он отпустил девушку и монахини убедили ее не выдавать нормандцам, что с ней здесь произошло.

– И вампириша? – спросил Ноэл. – Вы ее тоже отошлете в монастырь?

Квинтус покачал головой:

– Я не знаю, что с ней делать, пока она спит, но уверен, Лангуасс ее не отдаст.

– Я не знаю ничего, – сказал Ноэл срывающимся от волнения голосом. – Несмотря на все мое учение, мне неизвестно, что я должен знать. Не знаю задач Невидимой коллегии, приютившей меня после смерти отца. Не знаю целей спокойных монахов, следующих тому, что они называют Истинной верой, отказывающих в ней и Александру, и Грегори. Не знаю, что остается для обычного человека в этом мире царственных вампиров и мстительных разбойников. Я думал, что знаю многое. Верил в смелый идеал сохранения истинной Христовой церкви от разрушения лживым папой и его монахами-инквизиторами. Думал, что понял, почему придворные могут входить в тайное общество, готовя заговор против вампиров. Я считал даже, будто знаю, что может сделать пират-герой, завоевывая океаны для обыкновенных лю-

дей, хотя суша принадлежит империи вампиров. Теперь вижу, что не знаю ничего.

– Это важное открытие, – произнес Квинтус бесстрастно, – оно пугает всех нас.

– Не переносу софистику, – отрывисто сказал Ноэл. – Кажется, вся справедливость, сострадание, смелость и мудрость спрятались, а в том, что мы делаем открыто, заложено только коварство, хитрость, страх и безумие. Почему мир обманывает себя? Почему люди не сплотятся большими армиями и не сразятся с вампирами, дабы разрушить их империю, а не плести печальные тени скрытого сопротивления?

– Так уже делали, – ответил Квинтус. – Сотню раз люди выступали против вампиров. Но армии вампиров всегда побеждали. Они – отчаянные бойцы и ужасают своих врагов. Настолько умны, что сохраняют свою самую ценную награду для тех, кто наиболее храбро сражается за их дело. Это – основа их силы. Настанет другой день, когда добрые люди выступят против них, потом еще и еще, но им потребуется оружие, которое бьет вампиров лучше, чем стрелы или мушкетные пули. Если обычным людям придется когда-либо унаследовать мир, они будут нуждаться в пути, подготовленном такими тайными обществами, о которых вы упоминали; им понадобятся умы, подготовленные мудростью Невидимой коллегии, души, оформившиеся под влиянием Истинной веры. Без первых нельзя завоевать мир, без вторых его не стоит завоевывать.

– Но в монастыре есть такие, – сказал Ноэл. – Истинная вера требует не сопротивления, но терпеливой сдержанности, не имеет значения, что материальный мир был отдан господству порока, так как есть более ценное бессмертие, ожидающее нас в раю. Некоторые из наших братьев могли бы просить нас подчиниться временной власти вампиров, спасая души. Отдайте кесарю кесарево, а Богу – Богово!

– Вы поступили бы так? – спросил монах.

– Как мы можем знать, поступаем ли мы правильно? – спросил Ноэл почти умоляющим голосом. – Как мы можем убедиться, что именно обыкновенные люди, а не вампиры – богоизбранный народ? Допуская, что они не совсем дьявольское отродье, а были созданы Богом или Адам, почему нам не думать, что Бог поставил их над нами? Откуда нам знать, что делать для исправления мира?

– Бог прислал нам своего единственного сына как смертного человека, – мягко сказал Квинтус. – Иисус умер за нас, показав путь к спасению. Только смерть может освободить от грехов. Это тяжкий путь, но единственный, который может привести нас в Царство Божие. Другое бессмертие – соблазн. Я не могу честно сказать, то ли это самая хитрая проделка черта, то ли Божий дар, который люди научатся однажды использовать, но знаю, вампиры используют его дурно, против интересов человека и Господа. Сопrotивляться их империи не только молитвой и отрицанием, но и действием законно. Как наш Отец прогнал ростовщиков из храма, так мы можем

прогнать правителей-вампиров.

Но Ноэл взял Библию там, где оставил ее два дня назад, открыл Евангелие святого Иоанна. «53. Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. 54. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. 55. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье». Прочитав, юноша остановился, чтобы посмотреть на выражение лица своего наставника, но Квинтус промолчал.

– Может быть, это завет Бога вампирам? – спросил Ноэл. – Разве не следуют они ему верно, хотя и по-своему? Может быть, в судный день к Ричарду, а не к нам будет обращена благосклонность Божья? Они не нуждаются в нашей крови как пище для своего организма – так чем же может быть для них обычная кровь, как не духовной пищей? А что если именно их путь ведет к спасению, а не наш?

Квинтус, признавая боль сомнений и печали, не обвинял его в святотатстве. Он лишь сказал:

– Дьявол – это кривляка, он искажает и уродует истинную доктрину, создавая лживую. Вампиры – насмешка над посланием Спасителя, чей истинный смысл заключен в Святом Причастии. Иисус направлял свое послание человеческим существам, Ноэл. В то время не было вампиров ни в Галлии, ни во всей Римской империи, которую святой Павел решил обратить в веру. Я не поддерживаю Грегори в утвер-

ждении, что вампиры – это дьяволы в человеческом обличье, но верю. Сатана направил Аттилу против святого царства, когда оно стало слишком большой силой добра.

Ноэл только озабоченно покачал головой.

– Скажите мне правду, – сказал наставник мягко, – вас волнуют не уроки Библии и истории, а жалость к вампирше. Красота – только чары, Ноэл, и самая обманчивая магия.

– Так и Лангуасс сказал мне, – ответил Ноэл, – я этому верю. Но не чувствую это. Когда я видел издевательства над бедной Мэри и слышал, как смеется порочный турок, глядя на пытки Лангуасса, я не верил, что Бог смотрит на это или что Писание может сказать нам, кем быть и что делать. Мы должны найти наш собственный путь, Квинтус, но не знаю, как это сделать.

– Помолитесь за служанку, – указал Квинтус. – Если это утешит вас, помолитесь и за вампиршу. Подручные Сатаны были когда-то ангелами, может быть, они еще способны к обращению. Но прежде всего мы должны молиться за пирата, его душа – под опасностью проклятия, но его еще можно спасти.

Но Ноэл не успел даже приступить к молитве, когда прибежал аббат, красный от возбуждения, и сообщил, что к аббатству скачут вооруженные люди. Они ехали не из города, но по проселку из Лэмпитера и, хуже всего, вместе с черными монахами.

– Пират готовится к сражению? – быстро спросил Квин-

тус.

– Да, – ответил аббат. – Это его человек увидел людей с колокольни. Он хочет устроить засаду – хотя у него несколько пистолетов против их мушкетов и пик.

– Глупец! – воскликнул Квинтус. – Он должен бежать, если может.

Квинтус быстро говорил Ноэлу, который был оглушен до такой степени, что не мог подняться с места:

– Не показывайтесь на виду. Подготовьтесь к выезду в город, чтобы надежно спрятаться там, и держитесь подальше от пирата, если сможете.

Ноэл медленно поднялся, как бы следуя за выбежавшим, но почувствовал, что не представляет, в каком направлении идти.

Ноэл пошел к себе через заднюю лестницу, намереваясь вернуться тем же путем. Хотел собрать вещи, вернуться к церкви и выйти на север через калитку. Юноша знал людей в городе, которые укроют его после того как он переправится через реку, не будучи замеченным. Квинтус придет к нему, когда это будет безопасно, но вряд ли можно будет вернуться в аббатство, если туда прибыли черные монахи.

Едва Ноэл уложил вещи, как дверь распахнулась. Он повернулся, ожидая увидеть Лейлу, но это была девочка, служанка цыганки. В ее черных глазах застыл страх:

– Моя госпожа прислала меня к вам. Она просит, чтобы вы спрятали меня, укрыли на время схватки.

Ноэлу уже было о ком позаботиться, но перед ним стоял ребенок. Лейла не рассказывала, как привезла с собой служанку. Кордери думал, что та была рабыней у арабов, как и сама Лейла. По внезапному побуждению он сказал:

– Тогда пойдем со мной, здесь небезопасно.

Девочка кивнула с доверием, и они вышли. В коридоре встретили Лангуасса, пришедшего за Ноэлом. Пират удивился, увидев девочку рядом с ним, и улыбнулся при виде этой пары.

Ноэл заговорил первым:

– Вы должны спрятаться, Лангуасс. Монахи защитят вас,

с вашего позволения.

– Нет, Кордери, – ответил пират. – На этот раз хочу отплатить добрым монахам за гостеприимство, которое они мне оказали. Здесь только капитан с шестью людьми, с ними пара доминиканцев, забредших случайно, я в этом не сомневаюсь. У меня вдвое больше людей и преимущество в неожиданности; более того, мне нужны их пушки и порох. Куда же вы хотите идти? Я думал, ты останешься со смазливой вампиршей, а не с этой девчушкой, или ты сам еще как ребенок, запутавшийся в безнадежной влюбленности?

– Отправляйтесь со мной, Лангуасс, – торопливо сказал Ноэл. – Я проведу вас по полям. Хейлин встретит нас завтра, а до назначенного часа мы сможем прятаться. Сражение может только принести беду всем нам.

Но Лангуасс покачал головой:

– Те поля – плохое укрытие. Кроме того, от них несет. Всадники уже рядом, и они увидят нас, если мы попытаемся бежать. Вы можете уйти в суматохе, которую мы поднимем, поэтому уходите, пока не поздно. Но если ты решишь иначе, тебе лучше уехать со мной, чем оставаться в этом мрачном Уэльсе. Ты будешь свободен только в чужой стране или в море, куда вампиры боятся идти. Оставаясь здесь, скрываясь в подвалах, обязательно нарвешься на предателя, за тридцать гиней или дешевле. В Уэльсе столько бедняков, они продадут свою мать за половину этих денег.

– Вы приносите сюда несчастье, – повторил Ноэл, когда

Лангуасс приготовился уйти, и сразу же понял – пират принес несчастье, уже когда переступил порог, след его присутствия не так легко смыть. Новые убийства увеличат количество его преступлений, но даже если Лангуасс согласится сдерживать себя, это мало бы чему помогло.

– Я иду к Квинтусу. – Подумав, Ноэл отказался от предыдущих планов. – Он должен сопровождать меня, чтобы убрать запрещенные книги из библиотеки. Доминиканцев будет много, если они узнают о гибели своих людей. Монахи, в свою очередь, должны бежать и искать убежища.

Он пошел к задней лестнице, девочка за ним. На нижнем пролете попросил ее подождать – она не могла идти в монастырь.

Во внутреннем дворе Ноэл нашел брата Мартина, но не успел и заговорить, как монах попросил его возвратиться во внешний двор, позвать оставшихся на собрание в церковь.

Ноэл колебался, но по словам Мартина понял, что монахи знают о замысле Лангуасса и не нуждаются в советах. Он пошел выполнять просьбу, думая найти Квинтуса в церкви, когда там соберутся обитатели аббатства.

В купальне он увидел рядом с бочонками двух мальчишек, с явным любопытством наблюдавших за происходившим во дворе и не собирающихся уходить. Ноэл должен был коснуться плеча одного из них, чтобы его вообще заметили, но даже тогда они ни в малейшей степени не выказали намерения следовать за ним. На дороге послышался стук копыт,

и черный монах въехал в раскрытые ворота, опередив свою группу, возможно, для того, чтобы аббат заранее приготовил провизию для посетителей.

Сердце Ноэла заныло – было слишком поздно что-либо придумывать. Он стоял как вкопанный и смотрел во двор, где разыгрывалась трагедия.

Всадник огляделся и с досадой увидел, что поблизости никого нет. Ноэл спрятался за дверью купальни, зная – так же прячется еще дюжина людей, ожидая, что в западню попадут оставшиеся всадники.

Доминиканец испустил громкое «Эй!», разворачивая лошадь на брусчатке.

Было ясно – отсутствие ответа обеспокоит его. Ноэл посчитал, что всадника необходимо отвлечь, иначе западня не сработает.

И тут он увидел человека в монашеской сутане, торопящегося от ворот во внутренний двор. На мгновение Ноэл подумал, что это брат Стивен, но тотчас понял, что идет один из пиратов, чья натуральная лысина напоминала тонзуру. Эта выходка позволила приблизиться к лошади, взять ее за уздечку. Нахмурившийся доминиканец, не ожидая беды, начал спешиваться. Пират оставил лошадь, схватил монаха за горло и потащил в сторону, будто собираясь задушить.

Доминиканец был достаточно силен и рвался к поводьям лошади, стараясь оторвать руку от своего горла. Пират все еще шарил под сутаной в поисках оружия, запутавшегося в

складках одежды. Пока они оба топтались по двору, в ворота въехал второй монах. Схватившись при виде происходящего за поводья, он издал предупреждающий крик.

В одно мгновение пираты высыпали из своих укрытий. Вооруженные пистолетами ринулись ю воротам, чтобы стрелять по вооруженным. Но засада не удалась, в открытые ворота проскакал только капитан, немедленно сраженный пулей. Люди на дороге соскочили с лошадей и, прячась за ними, торопливо заряжали мушкеты. Однако большинство пуль попало в лошадей, которые пятились и ржали, преграждая нападающим путь к тем, с кем они хотели расправиться.

Ноэл плохо видел, что происходит у ворот после нападения пиратов, но звон стали говорил: обе группы сошлись в рукопашной и не могли стрелять, сражаясь мечами и ножами. Он услышал только один мушкетный выстрел.

Он видел, как Селим схватил второго монаха за ногу, стаскивая с седла. Турок был значительно сильнее доминиканца, который не выдержал и тяжело упал. Ноэл понял, что тот разбил себе череп.

Турок рванулся на помощь пирату, переодетому в монаха. Пират наконец вытащил кинжал и старался ударить монаха, которого держал, но тот отпустил уздечку и уклонялся от ножа, прыгая в разные стороны, как ребенок, скачущий в веселой игре. С помощью турка пират свалил монаха и нанес ему смертельный удар, после чего они бросились к свалке у ворот.

Оба мальчугана, более возбужденные, чем испуганные, устремились посмотреть на происходящее, и Ноэл, после секундного колебания, поспешил им вслед. У ворот он увидел Лангуасса, обменивавшегося ударами меча с солдатом в шлеме, в то время как другой солдат припер к стене четверых только потому, что его меч был длиннее их мечей. На земле лежали двое убитых солдат, три пирата и две раненые лошади. Два других солдата уже ускакали, преследуемые двумя пиратами на захваченных лошадях.

Глядя на дорогу вслед им, Ноэл подумал, что солдаты достигнут моста быстрее своих преследователей, и решил, что это не имеет большого значения. Схватка происходила на гребне холма, за ней наблюдали путники на дороге, и тревожное сообщение должно обязательно достигнуть Кардиганского замка.

Ноэл схватил глазеющего мальчугана, встряхнул его и приказал бежать в церковь к монахам и звонить во всю мочь в колокола, вызывая помощь. Отговорки в незнании не имели смысла – монахи должны были оказать сопротивление незванным гостям. Это значило, что он должен бежать и Квинтус тоже, и не в город, а на север.

Ноэл посмотрел на схватку и увидел, что Лангуасс победил противника, нанеся ему тяжелую рану. Четверым пиратам удалось приблизиться к солдатам, хотя один из них получил сильный удар. На солдатах были легкие доспехи, и они не казались опытными бойцами. Им приходилось туго, и Но-

эл понял: если бы не случайность, засада Лангуасса была бы успешной, но она оказалась бессмысленной.

Подъем чувств, вызванный победой, казалось, заглушил в Лангуассе сознание бессцельности засады. Он приказал своим людям собрать разбросанное оружие и все, что могло еще пригодиться. Он ни секунды не уделил своим раненым, но подошел к капитану, получившему пулю в затылок, и стал обшаривать окровавленное тело.

Ноэл смотрел на него с расстояния пяти ярдов, не в силах отвести взгляд.

Когда тревожно зазвучали колокола, призывающие к оружию горожан, Лангуасс взглянул наверх, будто в тревоге, но затем улыбнулся, перехватив взгляд Ноэла.

– Здесь нектар вампиров, Кордери, – сказал он, показывая руку, перепачканную в крови капитана. – Для нас, увы, это только духовная пища. – Он остановился, чтобы посмотреть на окровавленную бумагу, которую вытащил у убитого. Несколько секунд изучал ее и затем засмеялся. Опять взглянул на Ноэла и бросил ему бумагу, подхваченную ветром.

– Они вообще не за мной приходили, – закричал пират. – Я тебе говорил, что мир полон людей, которые продадут душу за тридцать гиней. Это ордер на тебя, Кордери, на тебя. Я думаю, что спас тебе жизнь, хотя чуть свою не потерял. Глупая цена за мальчишку – любителя вампиров, несомненно, но мы ее заплатили, и звонок зазвенел; пора нам смываться, потому что охотиться удобнее, чем бежать.

Ноэл поднял бумагу. Лангуасс был прав. Капитан прибыл арестовать его, отправившись из Монмаута. Видимо, он собрал доминиканцев в Бреконе, сообщив там о доносе на кардиганских монахов. Кто-то выдал его в Англии.

Озноб страха пробежал по телу, когда Ноэл вспомнил о своей матери, Кенелме Дигби и других людях, помогавших ему выбраться из Лондона. Сейчас нельзя было узнать, какая опасность им угрожала. Он посмотрел на Лангуасса, кричавшего что-то своим людям.

Обернувшись, пират уловил выражение глаз Ноэла.

– Посмотри на себя, Кордери! – сказал он громко. – Ты за меня драться не будешь, а я не буду заниматься тобой. Бери с собой ученого монаха, девчонку, если она тебя беспокоит, и пробивайтесь к судну Хейлина. Если Уэллбилав не схватит вас, сможете попроситься ко мне на борт и спасти свою шкуру! Я тогда выясню, какие запасы хранятся у меня в сердце.

Сказав это, пират выбежал из ворот. Селим, ожидавший его, подхватил поводья лошади, на которой так неосторожно въехал первый монах, и последовал за Лангуассом.

Ноэл вернулся к своим мыслям, решив отыскать Квинтуса в надежде, что он знает, как быть дальше.

Квинтуса не было в церкви, где собралось большинство монахов, пытаюсь найти утешение в молитве.

Ученого монаха не было и в библиотеке, но потайная дверь была открыта. Аббат находился в нижней комнате и собирал книги в сумку.

Ноэл спустился в помещение, где он, как ему теперь казалось, провел так мало времени и с такой небольшой пользой.

– Взять мне эти книги? – спросил он аббата и вздрогнул, когда этот тихий монах рванулся к нему, покраснев от злости.

– В каком безопасном месте вы их спрячете, Кордери? – спросил он. – Эти вещи ценны, брат Джон отвезет их в Страта-Флориду, где о них позаботятся цистерцианцы. Я вынужден запретить вам ехать с ними, сожалею об этом, но я обязан думать только о безопасности Истинной церкви. Вы должны отправиться восвояси, и немедленно. Если вас схватят, я хотел бы, чтобы вы умолчали о том, что вообще были здесь.

– А Квинтус? – спросил Ноэл. – Куда идти Квинтусу?

– Когда придут доминиканцы, он будет в опасности, – ответил аббат. – Я не могу сказать, может ли он уйти в другое место, но не осмелюсь доверить ему эти вещи. Я укрывал его, пока мог, но сейчас все изменилось, и ему лучше уехать в Ирландию или еще дальше.

Ноэл никогда не видел аббата таким, он привык думать о Квинтусе как настоящем главе. Теперь он понял, что Квинтус был просто на переднем крае сделок, которые аббат заключал с развращенным внешним миром.

Мир в аббатстве, где правила бедность, милосердие и покой, всегда был в руках аббата, и аббат был твердо настроен сделать все, чтобы сохранить его от разрушения черными монахами.

– Вы знаете, где Квинтус? – спросил Ноэл.

– Посмотри в спальне, – ответил аббат. – Или на кухне. Он готовится к своей поездке, как ты должен подготовиться к своей. У тебя меньше часа до их прихода из замка. Ты должен добраться до Хейлина, если получится, и предупредить, что он может попасться в эту сеть неудач.

Ноэл пошел в спальню, потом на кухню, но там никто не видел Квинтуса.

Девочка, присланная к нему Лейлой, все еще ждала у кельи, в которой Боэл оставил свои вещи, и с надеждой смотрела на него. Он давно не видел Лейлу, но не тратил время на расспросы о ней. Ему нужен был Квинтус. Вспомнив место, куда еще не заглядывал, Ноэл побежал к камерам, где были закрыты Кристель и Мэри Уайт.

Здесь наконец нашел своего друга. Квинтус находился в камере Мэри Уайт и стоял, склонясь над ее телом. Мартин и Стивен стояли рядом, шепча молитву.

Горло несчастной было разрезано от уха до уха, и темная

кровь обрызгала платье. Следов убийца не оставил.

Ноэл вспомнил, как сказал однажды, что было бы безопаснее, если бы Лангуасс убил ее. Чувство собственной вины обратилось в злость против пирата, и он беззвучно возопил: «яйца!», не нарушив жалкий реквием. Потом пошел в камеру рядом, дверь которой была распахнута. Заглянул внутрь, но вампириши там не оказалось, ее, провалившуюся в бездонный сон, унесли.

Ноэл прикоснулся к руке Квинтуса, но тот не поднял взгляда, пока не закончил молитву. Но и тогда сначала повернулся к Стивену.

– Вы должны похоронить ее и отправить письмо в Лондон, чтобы сообщили семье.

– Мы не можем оставаться здесь. Аббат просил нас уйти. – Ноэл говорил слабым, болезненным от отчаяния голосом, глядя на окровавленный труп Мэри.

«Почему? – мысленно спросил он себя. – Какой вред она могла им причинить?»

Они ушли вместе, и, поднимаясь по каменным ступеням к монастырю, Ноэл сказал монаху, что их ждет ребенок, которого ему доверила марокканка. Квинтусу новость не понравилась, но он не предложил отказаться от поручения. Они пошли к терпеливо ждавшей девочке.

К их удивлению, здесь же была и Лейла. Прежде чем Ноэл успел задать вопрос, она угрюмо сказала:

– Мне Лангуасс приказал идти с вами, но не объяснил по-

чему.

Ноэл не знал, надоела ли пирату цыганка и он хотел бросить ее или он беспокоился о ее безопасности, считая, что ей будет лучше в компании ученого и монаха. Обсуждать не было времени, поэтому они, собрав вещи, вчетвером вышли из аббатства.

Лангуасс и его люди уже ушли, сколько могли – на лошадях, оставшиеся, положившись на волю судьбы, пытались спастись, рассчитывая на свои ноги.

Они направились на восток по дороге, какой приехал черный монах со своим сопровождением. Ноэл понял, пираты пытаются оставить ложный след, прежде чем повернуть на север и пробиваться к истинной цели: тихому берегу, где Ральф Хейлин согласился встретить их, чтобы отправить в Ирландию.

Квинтус, с узлом значительно большим, чем у Ноэла, повел свой маленький отряд к идущей на север тропинке, уверенно шагая вдоль живой изгороди из зреющих хлебов.

В трех милях от аббатства они остановились передохнуть в небольшой рощице. Квинтус переоделся в платье простого иомена, прикрыв шляпой тонзуру. Ноэл изумился изменению внешности своего наставника: в его представлении природа монаха настолько подчеркивалась одеянием, что Квинтус в обычной одежде казался ему неизвестным чужаком. Строгое лицо, кажущееся почти святым в капюшоне сутаны, в новом обрамлении выглядело жестким, как физиономия

простолюдина.

Ноэл был поражен, увидев человека с внешностью преступника, похожего на одного из подручных Лангуасса. Этот странный человек вытащил из своего узла хлеб и разломил его, разделив на четверых.

– Куда мы пойдём? – спросила Лейла, набрасываясь на пищу. В этой группе у нее одной было легко на душе. Ноэл видел на ее смуглом лице такую же невинную радость приключений, которая удивила его тем вечером, когда пираты пришли в аббатство. Каждое путешествие пробуждало в ней надежду, возможно, потому, что она так долго была рабыней, а каждый день, приносящий новости, подтверждал свободу.

– Мы должны идти к Хейлину, – ответил Ноэл. – Пойдем в Ирландию с рыбаками. Люди Уэллбилава перевернут все, разыскивая нас: на востоке или юге опасно. Мы ушли, нам не надо встречаться с Лангуассом. В Ирландии Истинная церковь сильна, а империя слаба. Иностранцы рыбаки, швартающиеся в Балтиморе, почти составляют отдельную нацию.

Ее успокоили эти слова, и она сказала:

– Лангуасс тогда может забрать меня, хотя теперь вампирша будет его любовницей.

Ноэл строго посмотрел на нее, но она, несомненно, верила этому.

– Я думаю, ты ошибаешься.

– Нет, – ответила она. – Он бил ее как любовницу, клеймил, и она будет проклипать меня, потому что не может про-

клинать его. Я буду несчастна, оставаясь с ним. Поэтому он и послал меня к тебе. – Судя по всему, Лейла не очень сожалела об отставке.

– В ее проклятиях нет силы, – устало возразил Ноэл, – иначе сейчас мы все были бы мертвы. Без крови, которая ей необходима, вампирша уснула, и не думаю, что Лангуасс будет ее будить. Он ее взял не для того, чтобы сделать своей любовницей, а для того, чтобы убить.

Он сказал это и задумался. А вдруг Лейла права, и за жестокостью пирата скрывается похотливая возбужденность?

– Мы должны найти пристанище до сумерек, – сказал Квинтус. – Солдаты будут охотиться на Лангуасса и найдут его след легче, чем наш. Но они возьмут в замок всех, кого обнаружат, поэтому мы должны укрыться. Нам нельзя просить помощи у крестьян. Мы можем притаиться в амбаре или на сеновале, но всего безопасней в чащобе, куда никто не забредет. Затем мы должны в сумерках добраться до места, назначенного Хейлином Лангуассу, не привлекая внимания.

Они согласились с планом и, прячась, ушли из рощицы, пригибаясь в надежде избежать встреч с работающими в поле. Хлеба еще не поспели, работников было мало. Они благополучно вышли к извилистому ручью с редкими кустами на берегах. Найдя выемку, заполненную ежевикой и боярышником, спрятались среди колючего кустарника. И сидели там, пока Квинтус не решил, что пора выходить к месту встречи на дальнем берегу.

После полудня никто не появился, хотя Ноэла это мало беспокоило. Несомненно, люди Уэллбилава прочесывали дороги в поисках пирата; Ноэл не мог избавиться от желания, чтобы того схватили, тогда к судну Хейлина пришла бы лишь его группа. Возможно, только в этом случае они могли спокойно добраться до Ирландии.

Насколько жестоко нормандцы отнеслись бы к пирату, – если бы взяли его живым, – зависело бы только от их изобретательности. Они отправили бы его в Лондон, где, как предполагал Ноэл, пират устроил бы из собственной казни великолепное зрелище. Это дополнило бы легенду о нем и подтвердило его славу великого героя и мученика за дело борьбы простых людей против империи вампиров.

Сочинители самых непристойных афиш выжмут все из последнего приключения, а их варианты истории далеко превзойдут уровень сделок в аббатстве. Звездная палата будет следить за печатными станками в Лондоне, но так или иначе история будет опубликована, обойдет нацию в рядах бумажной армии, не знающей границ. Мертвый Лангуасс окажется намного лучше живого Лангуасса. И, конечно же, легенда, побуждающая людей к мятежу, не опустится до недостойного и вульгарного убийства героем невинной девушки.

Ноэл не мог решить, хотел ли он смерти или спасения вампириши. Когда он вспоминал о ней, на ум приходила красота лица и чистота кожи, вытесняя все другие мысли, желал он того или нет, красота обезоруживала, лишала желания зачис-

лять ее в ряды зла. Если бы она была черствой или заносчивой, было бы проще возненавидеть, но она ничего не сказала и не сделала, что бы дало основание для отвращения. Даже в том, как она просила его кровь, был скорее соблазн, чем угроза. Ему было бы легче, если бы он был монахом и дал обет целомудрия, тогда и сам соблазн мог показаться чрезвычайным злом, причиной для резкого ответа. Кроме того, на примере отца Ноэл знал, как незаметно вампириши могут завлекать мужчин.

Они почти не разговаривали во время ожидания. Волнуясь, Лейла оставалась безмолвной, а служанка, казалось, обожала молчание. Квинтус задумался, на вопросы Ноэла отвечал уклончиво. Когда солнце садилось на западе, подсвечивая облака и окрашивая полнеба в красное и золотое, они опять подкрепились. Едва солнце село, Квинтус вывел их из укрытия и поторопил к берегу.

Но девочка не могла идти быстро, и всем стало казаться, что достигнуть моря до наступления темноты не удастся, но они спешили изо всех сил.

Опустилась ночь, но зажигать фонарь путники не стали. Сияла молодая Луна, которую время от времени закрывали бегущие облака; сверкали редкие яркие звезды. В темноте они шли медленнее, но Квинтус вел их вперед уверенно.

С наступлением темноты все более беспокойные мысли посещали Ноэла.

«А если Лангуасс не умрет? – спрашивал Ноэл себя. – Он

захватит вооруженный корабль и будет пиратствовать дальше? Какие появятся легенды, если он пойдет к таинственному югу Африки или пересечет великий океан в поисках руин Атлантиды, что приписывают ему слухи?»

Не мог не думать Ноэл и о будущем Квинтуса и своем собственном. Он был рад тому, что их двое. К одиночеству не был готов. Квинтус сейчас больше не думал о том, как бы спрятаться вместе с еще одним книжником. Их будущее и будущее пирата вполне могло переплестись, а маршруты – совпасть. Его собственное имя может появиться в дешевых изданиях, вызывая восхищение будущих поколений.

Но была еще и бедняжка Мэри с перерезанным горлом, и этого он Лангуассу никогда не простит.

– Что же будет с оставшимися в монастыре монахами? – спросил Ноэл у Квинтуса, вовлекая учителя в игру своей мысли.

– Они будут играть роли жертв трагедии и ужаса, – ответил Квинтус, стараясь задержать дыхание и говорить спокойно, – надеюсь, доминиканцы не смогут обвинить их в ереси и оставят в покое. Аббат достаточно приветлив, в церкви или вне ее. Третировать аббатство было бы неразумно, и, думаю, по воле Божьей, монахам позволят заниматься собственными делами. От нашего пребывания здесь не останется следов, пятна от убийств Лангуасса смоются в молитвах и причитаниях, как это обычно происходит. Истинная вера – скала в бушующем море, которую не может опрокинуть даже жесто-

чайший шторм.

– Я надеюсь, что вы правы, – сказал Ноэл, – верю в это.

Тем временем они достигли назначенного места, идя самой извилистой дорогой. Ноэл, потеряв счет часам и минутам, был удивлен, оказавшись у цели. На берегу они не встретили никого, но Квинтус заверил, время сбора еще не наступило и они должны ожидать по меньшей мере еще час, а затем посмотреть, кто пришел, а кто нет.

Они отдыхали, не в силах даже есть, хотя и сделали несколько глотков воды из бурдюка Квинтуса. Лежали на гальке, восстанавливая силы.

Ноэл лежал на спине, глядя на звездное небо – свод, полузакрытый облаками. Было проще думать о действительном существовании Бога, когда землю укрывала темнота. Небо за облаками казалось почти пустым, а несколько звезд на нем – одинокими и покинутыми.

Ноэл знал, что еще недавно большинство людей верили в близость неподвижных звезд. Было чудовищно упражнять воображение на правде, на безбрежности темноты, на затерянности мириад солнц в пространстве.

«Если мы такие крошечные, – спросил он небо, – какое имеет значение, живем мы шестьдесят, шестьсот или шесть тысяч лет? Разве Вселенная не останется прежней, невозмутимой, равнодушной к нашим мелким усилиям и страданиям? И если, в конце концов, существует Бог, скрывающийся за этим бездонным простором, заботят ли его несчастья та-

ких, как мы?»

Небо, естественно, молчало. Но когда Ноэл взглянул на него вновь, ему показалось, что смотрит в мощный оптический прибор, уменьшавший безграничность и одиночество Вселенной. Как будто его взгляд и сознание выбрались из тесной темницы и освободились для странствий по этой бездонной пустыне с одинокими и затерянными звездами.

«Но я же здесь, – сказал он себе, – в моей голове – не только пространство, но и все, что я ощущаю, и все, что воспринимает мой разум. Я так мал и так велик, каким делаю себя сам, и мне стоит только посмотреть на себя, чтобы возвеличить, насколько хочу. Я смотрел в микроскоп, видел миры в мире, а сейчас смотрю в лицо бесконечности. Если есть Бог, он тоже может смотреть в лицо мне своими пронизательными глазами, читать мои сокровенные мысли».

Он подумал в шоке открытия, что вампирша сказала неправду, утверждая, будто только ее род живет в тени вечности. В этой тени должно жить все, каждый по-своему: бессмертные и смертные.

Ноэл чувствовал – даже обычный человек не мог сказать, что здесь есть сегодня и завтра, и потом – ничего; какой бы малой ни была его жизнь, он остается гражданином обширной империи Вечности. У каждого есть предшественники, у большинства – наследники; что бы человек не сделал в мире, он наследует это от предыдущих поколений, последствия распространятся на будущее человечество – и так пока су-

ществует мир.

В этой мысли Ноэла ужаснуло то, что ему предшествовала вся история человека и мира, а следствия распространяются, пусть и не очень явно, на все будущие времена... но как ни странно, он был рад ощущать этот ужас.

Сглотнув комок в горле, Ноэл вдруг испугался, что потеряет это мгновенное видение, забудет преподанный урок. Но затем понял необоснованность своих страхов.

«Мы не просто живем в тени вечности, – сказал он себе, – мы храним ее, люди и вампиры. В биении наших маленьких сердец – отражение вечности».

Они узнали о прибытии судна Хейлина по звуку весел лодки, приближающейся к берегу. В ней был только один человек, и она не могла взять больше полудюжины. Рыбак негромко свистнул подбегавшим Квинтусу и Ноэлу.

– Здесь брат Квинтус из аббатства и мирянин, – негромко крикнул монах, когда те карабкались по скользким камням через водоросли к песчаному берегу, где остановилась лодка.

Рыбак успокоился, услышав эти слова, и негромко спросил:

– Сколько вас всего?

– С нами еще двое, – ответил Квинтус. – Женщина и ребенок.

Рыбак вышел из лодки, и они помогли вытащить ее на берег.

– Это все? – вновь спросил рыбак с заметной радостью в голосе.

И тут Ноэл услышал звук шагов по мокрому песку и понял – другие тоже здесь, но молчат. Он их не видел и представил, что это – люди Уэлбилава, готовые схватить его. Вдруг юноша ощутил железные объятия и задергался, но освободиться не смог. Услышав, как схвативший его человек заговорил, и узнав голос Лангуасса, Ноэл понял, что произошло.

– Пистолет у твоего лба, господин рыбак, – тихо прошипел

пират, – тебе ничего не будет, пока молчишь. Брат Квинтус, Кордери, садитесь в лодку и закройте собой мушкеты, когда вас осветят фонарем. Если хотите избежать крови, убедите Хейлина, что все хорошо, пока мы не загрузимся.

– Вы хотите захватить судно! – удивленно воскликнул Ноэл.

– Конечно, дурачок. Зачем же я спрашивал о его команде и оружии?

Это было очевидно, и Ноэл почувствовал себя действительно одураченным.

– Делаем, как он говорит, – сказал Квинтус отрешенно. Ясно, Квинтус все тщательно продумал и не был так шокирован поворотом событий.

– Хейлин тебя знает? – спросил монаха пират.

– Он видел меня в аббатстве.

– Хорошо, Но ты должен переодеться, и быстро, прошу.

Квинтус подчинился, пираты нетерпеливо ждали.

Ноэл влез в лодку, прошел на нос. Лангуасс дал весла Квинтусу и турку, присев с двумя другими на дно, пряча ружья. Они молча выгребли к морю, Ноэл вглядывался в темноту в поисках судна. Его сердце учащенно билось, хотя на берегу он чувствовал себя спокойно. Путешествие обещало быть долгим.

Увидев судно, Ноэл скомандовал причаливать и крикнул, как приказал Лангуасс, чтобы показали огонь.

Моряки на судне зажгли фонарь на правом борту.

Ноэл увидел четверых с мушкетами наизготовку.

– Кто в лодке? – крикнул Хейлин.

– Брат Квинтус из аббатства и Кордери, – ответил монах.

Хейлин опустил фонарь, осветив голову и плечи монаха.

Он удовлетворенно хмыкнул, но страхи, видимо, полностью не прошли.

– Почему сегодня звонили колокола в аббатстве? – настоятельно спросил он.

– Заявились доминиканцы с солдатами, – ответил Квинтус. – Они пришли корчевать ересь, им это удалось, и мы здесь, как видите. Опустите ваши мушкеты, Ральф, и помогите нам взобраться на борт.

Хейлина наполовину удовлетворил ответ, он сбросил веревочную лестницу, приказав своим людям быть наготове. Ноэл первым взобрался на судно, за ним последовал Квинтус. Затем вскарабкался Лангуасс и, едва он оказался на палубе, двое, сидевших с ним в лодке, вытащили мушкеты, звели курки и прицелились.

Турок, не обращая внимания на лестницу, в несколько мгновений взобрался по борту судна на палубу и вытащил пистолет из-за пояса, держа нож в зубах. Свой пистолет Лангуасс нацелил в голову Хейлина. Рыбаки с мушкетами растерялись, Лангуасс приказал бросить оружие.

Хейлин зло взглянул на Квинтуса, назвав его предателем.

– Увы, Хейлин, – сказал Квинтус, – так будет лучше. Если бы, переправив нас в Ирландию, вы возвратились, то оказа-

лись бы в смертельной опасности. Лучше быть грубо ограбленным пиратом Лангуассом, чем по собственной воле помочь ему и спасти от врагов. Вы должны придумать историю об ограблении и проклинать нас на все лады. Когда все закончится, вы пойдете к аббату и напомните ему о долге, если он еще сможет платить. Могу сказать, что вы не проиграете, но наверняка сохраните свою жизнь.

Хейлин был готов пуститься в проклятия, но, узнав Лангуасса, он и его команда решили не ввязываться в драку. Рыбаков разоружили, турок и еще один пират переправили полкоманды на берег, вернувшись с Лейлой, ее служанкой и несколькими из своих людей, затем отправили на берег остальных рыбаков. Последним они отвезли Хейлина, оставив на берегу обдумывать свою неудачу и ругать жестокую судьбу, сети которой его опутали.

Когда пираты, подняв якорь, отчалили, Селим отвел Квинтуса и Ноэла вниз, в каюту боцмана, и держал их там, пока Лангуасс осматривал свою добычу.

Ноэл сидел на сундуке, а Квинтус – на полу в крошечной каюте, пропахшей, как и все судно, рыбой. Турок терпеливо стоял в дверном проеме, скрестив руки на груди. Тени от мерцающего пламени свечи прыгали на стенах, когда судно ныряло по волнам, идя против ветра. Странные черты обезображенного лица турка оживали в отблесках света, из глазниц черепа, покрытого сеткой шрамов, блестели живые глаза.

«Это черт, – думал Ноэл, – который в состоянии приглядывать за котлом в любом аду. Но где же красотка, чертова шлюха?»

Он не видел Кристель, хотя она могла прибыть на судно с последней группой.

Наконец Лангуасс спустился к ним, неся узлы. Два из них он втолкнул в каюту, оставив два других в коридоре.

– Ну, друзья мои, – сказал он, – что мне с вами делать? Скормить бы вас рыбам, но моя цыганочка просила оставить вам жизнь. Конечно, вы сейчас пираты, потому что участвовали в захвате судна Хейлина и, если моряки Ричарда вас схватят, висеть вам в Чэтэме. Но Ричард может придумать что-нибудь поинтереснее в Тауэре или Тайберне для вас, как, впрочем, и для меня.

– Мы должны переправиться в Ирландию, – спокойно произнес Квинтус. – Вы можете высадить нас в Балтиморе.

– Я не буду причаливать там, где «Файрдрейк» может меня догнать, – отрезал Лангуасс. – Хейлин сделал так, как мы просили, – запасся провизией на дорогу. Без его команды пищи для нас хватит до Тенерифе, и мне там будет безопаснее, чем в любом месте Галльской империи, если судно туда дойдет, а я на это надеюсь.

– И вы будете пиратом на селедочном судне? – спросил Квинтус. – Это не принесет вам большой славы. Боюсь, вам придется охотиться за крупным торговым судном.

Лангуасс ухмыльнулся, показав зубы.

– Я был однажды пиратом на галере-развалюхе, – сказал он. – И тогда у меня не было ничего, кроме моих сильных рук и дружбы Селима. С храбрцами и мушкетерами на африканском берегу можно сделать многое, думаю, я мог бы даже помириться с мальтийскими вампирами, если бы укрылся у госпитальеров. Я мог бы продать вас в рабство, но не так жесток, и вы это знаете.

– Не так жесток? А какой подлец зарезал несчастную Мэри? – холодно спросил Ноэл. – Это не тот грех, который я когда-либо прощу. Такого человека я никогда не назову другом.

Лангуасс сухо засмеялся:

– Это был не я, и не я приказал это сделать. Человек, сделавший это, лежит мертвый у ворот там, откуда мы бежали. Ты сам видел его мертвым.

– Вы лжец.

Пират мгновенно вспыхнул:

– Никогда не называй меня лжецом, Кордери, я не прощаю оскорбления. Мне наплевать на глупую служанку, меня не волнует, что она мертва, но не я сделал это, я бы не сделал такого, и говорю тебе, что убийца мертв. Хватит об этом. Или ты хочешь, чтобы мы решили наш спор иначе?

Ноэл, почувствовав, как пальцы Квинтуса сжимают его руку, подсказывая не отвечать, опустил глаза и промолчал, хотя был не согласен с этим.

– Вы могли убить нас на берегу, – спокойно сказал мо-

нах, – или оставить вместе с Хейлином. Я думаю, вы не навредите нам.

– Ты прав. – Grimаса злости медленно сходила с лица Лангуасса. – Я бы не оставил вас для палача и инквизиции даже за тридцать гиней, которых стоил Кордери до начала игры. Если он не пожмет мне руку и не станет моим другом, меня это не расстроит. Но я обращался с вами честно, и вам не за что ненавидеть меня.

– Я не питаю ненависти ни к кому, – произнес монах. – Я молюсь за Божье прощение для вас, как и для всех, и буду благодарен от всего сердца, если вы доставите нас в безопасное место, в Ирландии или где-либо еще.

Этим пират удовлетворился и ушел. Ноэл хотел узнать, что случилось с вампиршей, но, уверовав в мудрость молчания, понял, что рано или поздно получит ответ.

Турок последовал за хозяином, оставив Ноэла и Квинтуса одних. Они подобрали свои узлы, положили их на полку, сели рядом и осмотрелись.

– Теснота, деревянные стены, – сказал монах, – гамак для сна. Но мы не привыкли к роскоши, и этого нам достаточно.

– Сейчас достаточно быть в живых, – хмуро заметил Ноэл.

– Истинная церковь, – продолжил Квинтус, – не знает границ. Куда бы ни попал добрый человек, его душа – на пути в рай, и он может следовать дорогой праведности.

– Эта дорога, – ответил Ноэл, – кажется слегка извилистой.

Они приготовились ко сну, донельзя усталые. Ноэл занял гамак, менее удобный, чем кровать, к которой привык, а Квинтус улегся на дощатом полу. Ноэл спал неглубоким сном, но кошмары не будили, и когда проснулся, солнце уже стояло высоко в небе.

Квинтуса рядом не было, и Ноэл неуверенным шагом поднялся на палубу. Юноша был голоден. От резкого запаха рыбы его мутило.

Все в его жизни теперь будет странным, пока он не привыкнет к своей роли пассажира на пиратском судне, но это его не очень беспокоило. У него было два друга: цыганка и Квинтус, а смертельных врагов не стало больше.

Трое людей Лангуасса на палубе посмотрели на него, но ничего не сказали.

Ноэл остановился, ощущая тепло ясного утра, поток прошел на нос судна. Перед ним простирался океан, спокойный и голубой под ясным сверкающим небом. Ноэл почувствовал: что бы ни ожидало его в будущем, он выдержит.

Он бросил взгляд на мачту маленького судна, и его замутило. Там на гвозде, привязанная узлом черных волос, висела отрубленная голова Кристель.

Почему-то в памяти всплыли слова, сказанные цыганке в ответ на ее подозрение, что Лангуасс хочет сделать вампиршу своей любовницей: «Я думаю, что ты ошибаешься». Он угадал.

В следующие дни Кордери – и не только он один – не раз

бросал косые взгляды на темные, пустые, обвиняющие глаза вампирши. Иногда ему казалось, что перед ним голова Горгоны, Медузы, чей взгляд медленно превращает душу в крепчайший камень.

Ноэл наблюдал, как со временем цепкая жизнь все же покинула окончательно плоть вампирши, но голова еще долго сопротивлялась неумолимому влиянию разложения.

Часть 3

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

И Господь Бог сотворил человека из земельной пыли и вдохнул в его ноздри дыхание жизни; и стал человек живой душой.

И Господь Бог посадил сад на востоке Эдема; и там он поместил человека, которого создал.

И из земли Господь Бог взрастил всякое дерево, приятное для глаз и хорошее в пищу; а также древо жизни среди сада, и древо познания добра и зла.

Книга Бытия

ПРОЛОГ

Расшифрованный текст письма, полученного Кенелмом Дигби в Гэйхерсте летом 1643 года.

Буруту, август 1642.

Мой верный друг. Ваше письмо, сообщившее о смерти моей матери, принесло мне самую печальную для человека весть, на несколько дней свергнув меня в отчаяние. Хотя мы виделись примерно девятнадцать лет назад, я часто думал о ней и всегда дорожил ее словами, когда вам удавалось переслать их через половину мира в мою ссылку. Ваш рассказ о ее последних днях и мыслях дорог мне, хотя и напомнил о

том, что я потерял, покинув родину.

Не будь в вашем письме этого печального известия, во всем прочем оно доставило бы мне радость. Тысячу раз спасибо за присланные подарки – все они бесценны. Так много из того, о чем мы в Европе не задумывались, очень трудно получить здесь, и хотя устроенная теперь фактория принимает ежемесячно пять или шесть судов, многие вещи капитаны даже не думают включать в свой груз. Спасибо за бумагу, чернила и особенно за книги.

Среди присланных линз К. нашел пару помогающих его слабеющему зрению большие, чем старые, и он чрезвычайно благодарен.

Ничто не пробудило мой энтузиазм больше со времени отъезда из Англии, как микроскоп и инструменты для приготовления образцов. Вы пишете, что просто возвращаете долг, потому что наброски моего отца позволили вам начать опыты с такими приборами, но вы намного улучшили инструмент, сделанный им в Лондоне так давно. Ваша изобретательность в сочетании различных линз для уменьшения искажений просто гениальна. Этим инструментом можно сделать так много, что я даже не знаю, с чего начать.

Иногда даже не верится, что наше пребывание здесь измеряется девятью годами нашей жизни. К. не постарел ни на день с тех пор, как мы оставили берег Уэльса, хотя ему перевалило за шестьдесят. Тропическое солнце сделало его

кожу похожей на кору какого-то экзотического дерева – коричнево-желтую и жесткую. Он всегда носит белое монашеское одеяние и большую соломенную шляпу, поэтому, когда он шагает по песку речного берега, то напоминает ангела-воителя армии Михаила, готового поднять оружие против падиших. Он воздействует на туземцев, принимающих его за святого и называющих «бабалаво с моря». Бабалаво – здесь называют местных священников, представляющих Ифа, бога мудрости и прорицания племени уруба. Бабалаво значит «отец, владеющий тайной». Все туземцы – священники этого ордена носят белые одежды, и одеяние К. позволяет ему занять свое место в туземном порядке вещей.

Любопытно, что К. чувствует себя здесь уютнее, чем в аббатстве Кардиган. Он не всегда ведет себя как священник, хотя и отмечает обеты для нашей маленькой христианской общины. Он не стремится быть миссионером в племенах, хотя желает узнать их веру, и миссионерам, иногда прибывающим сюда, не оказывает особой поддержки. Иногда я думаю, не нравится ли ему больше быть бабалаво, чем слугой фальшивого папы римского.

Он не считает, что все сто богов, которым здесь поклоняются, – черти, и говорит, что некоторые из них, например, Ифа и Обитала, похожи на единого истинного Бога. Его удручает поклонение таким мрачным богам, как Элегба и Олори-мерин, потому что в ритуалы, связанные с ними, входят кровавые жертвоприношения.

Я, конечно, очень изменился и уже не тот испуганный мальчик, прятавшийся в вашем доме после странной смерти моего отца. Я такой же высокий, каким был он, и похож на него, хотя вряд ли меня можно назвать, как его, самым привлекательным мужчиной Лондона. Со здоровьем мне повезло, потому что лишь немногие белые процветают в этом краю лихорадки. Я видел храбрых и сильных людей, настолько изможденных тропической лихорадкой, что они превратились в развалины. После моего последнего письма мы потеряли четырех людей, включая ценного Есперсена, и приобрели только двоих голландцев, прибывших на «Хенджело». В нашей колонии, если ее можно так назвать, только четырнадцать белых, трое из них – женщины, есть у нас и двадцать четыре черных работника.

Я слышал, что если мы здесь не гибнем сразу, то становимся крепче, но автор этой выдумки, видимо, никогда не бывал в Африке. От каждого приступа болезни человек здесь слабеет и постепенно подходит к тому, что не может пережить очередной кризис. Кажется, я переношу это лучше, чем другие, но следует быть осторожным. Похоже, что река привлекает болезнь, и немногие белые, ходившие вверх по реке и возвратившиеся (многие не вернулись), говорят, что там – такой ад, который наша раса не выдержит. Туземцы, помещенные сюда Богом, сами едва могут переносить это. Только не большие трети новорожденных выживают после эпидемий малярии и оспы; выжившие по-

стоянно страдают от головокружения и «кра-кра»; сонная болезнь и проказа угрожают каждому. Мы привыкли не ходить босыми или с непокрытой головой, кипятить питьевую воду, спать под пологами с мелкой сеткой, спасающей нас от полчищ жалящих насекомых. Иногда наша ссылка кажется родом чистилища.

Сейчас у нас худшее время – сезон дождей. В последние две недели дождь идет два раза в день: после обеда и с наступлением сумерек. Каждая буря длится три часа и более. Река постоянно выходит из берегов, сейчас крокодилы опаснее всего. Утешает лишь то, что днем сейчас не так жарко, а ночью – не так холодно. Приятно брать ручку каждый день, и, хотя я не могу представить свое возвращение в Большую Нормандию, знаю, что обращаюсь к единственному другу в моем отечестве, следовательно, не совсем оторван от края, куда надеюсь однажды вернуться.

Торговля в это время года вялая, но суда приходят. Большей частью это галльские суда из Британии, Голландии и Франции, иногда сюда заходят марокканские торговцы, несмотря на то, что солдаты султана воюют на севере с Сонгаем. Мусульманские караванщики пытаются установить торговый путь через Сахару, но многовековой джихад, который их правители вели против чернокожих племен, может сделать это невозможным.

Наша фактория бесконечно облегчает многое капитанам этих судов, ни один из них не вернулся бы к дням «немой»

торговли, но некоторые завидуют нашему присутствию здесь. Марокканцы заявляют, что владеют правом торговать здесь, несмотря на войну, свирепствующую с незапамятных времен. Португальцы тоже заявляют, что «открыли» целое побережье и что британцам здесь нечего делать; но правители-вампиры в Лиссабоне и Сетубале покончили с плаваниями португальцев, когда Генрик впал в немилость, и претензии португальцев основаны только на догадках, но не фактах.

Мне не нравится общаться с португальцами, потому что они больше заинтересованы в покупке рабов, чем в наших товарах, несмотря на то, что рабовладение запрещено в империи. Так как мы не торгуем рабами, бенинское племя оба посылает этот товар к западу от Икороду, но берег там беспокойный, потому что племя уруба ведет войну с народами ашанти и дагоми. С другой стороны, то, что Икороду стал портом работорговли, значит, что мы получаем лучшую часть слоновой кости, перца и других товаров. Бенин не так богат золотом, как царство ашанти, но внутриконтинентальные племена сейчас требуют золото за рабов, которых доставляют на побережье, и много этого золота доходит к нам через уруба, которые властвуют над эдау, ибо и другими племенами.

Уруба научили обрабатывать металлы эдау, желающих заполучить хорошее английское железо, особенно пушки. Эти пушки использовали против магометан и племен,

не плативших дань уруба. Когда племена этого странного царства воюют друг с другом, – а они делают это часто, несмотря на якобы общее дело, – они пользуются только копьями, и хотя людей убивают или берут в рабство, в этих сражениях правила запрещают тотальное побоище.

Моя роль и роль К. в развитии фактории сделали нас зажиточными. Придя сюда, мы увидели лишь кучку деревянных хижин, построенных моряками, пережившими кораблекрушение «Электриона», и оставленных ими после спасения в 1629 году. Они строили на песчаной отмели, чтобы защититься от туземцев, которых очень боялись. Племена оба сожалели об их уходе, поскольку сознавали важность торговли с Галлией. Сейчас с помощью туземцев мы построили большие склады, деревянные пристани и мастерскую. Там я поставил токарный станок, подобный тому, что был у моего отца, чтобы делать резьбу.

Две дюжины чернокожих на фактории построили здесь деревню, разбили огороды, хотя их жены и дети все еще живут в глубине континента. К. сейчас бегло говорит на двух местных языках, включая уруба. Он немного знает и другие, но здесь такое множество языков, что это место можно принять за Вавилон. Представители племени оба из Бенина дважды приезжали в Буруту и однажды прислали мастеровых показать мне литье бронзы, в чем его люди большие умельцы. Отношения с ними не совсем хороши из-за наших стараний быть друзьями с ибо, живущими на востоке. Они

могут снабжать нас ценными товарами, потому что господствуют на берегах реки Кварра на сто и больше миль выше дельты. Большинство наших работников – ибо, хотя у нас есть шестеро эдау и один сирота-уруба по имени Нтикима, проявивший себя особенно способным учеником.

Большая часть товаров, таких как слоновая кость и шкуры животных, поступает из степей, с севера по реке. Нтикима уверяет, что слухи о нас распространились на севере, хотя мы не углублялись на континент больше чем на пятнадцать-двадцать миль. Мальчик уверен, что о нас знают в городах племени хауса и в легендарных странах Борну и Кварарафа, но ему неоткуда об этом знать, а туземцы очень склонны преувеличивать, особенно если хотят сделать комплимент. Я сомневаюсь, чтобы парень когда-либо видел торговца хауса, и подозреваю, что Борну и Кварарафа для него такая же легенда, как и для нас.

Иногда боюсь, что этот успех закончится нашей гибелью. К. сказал, что прибытие вампиров сюда на судах империи – только вопрос времени. Он волнуется потому, что они могут установить связь с вампирами Африки в надежде получить выгоду. Несмотря на все различия между Галлией и Африкой (а мы знаем, какими могут быть контрасты!), те и другие стоят перед враждебностью магометан. Правители империи могут думать, что если белые и чернокожие люди, объединившись, разобьют магометан, они укрепят империю.

Не уверен, можно ли создать такой союз. Здесь нет империи, хотя мы говорим о «царстве» уруба, нет вампиров-правителей, к которым европейские князья могли посылать своих эмиссаров. Если верить слухам, у Алафина, царя племени уруба, двор не меньше европейского, но Алафин, его вожди и чиновники – обычные люди. Много попов и колдунов Огбоне – тайного общества на службе вампиров – тоже обычные люди. Роду Аттилы сложнее понять земли, где вампиры не правят в открытую, чем народ, где правят обычные люди, потому что они безжалостно уничтожают вампиров-пришельцев. Хотя я живу здесь уже много лет, мне трудно понять, что происходит в этих местах.

Я только трижды видел черных вампиров – они не испытывают интереса к торговле. У большинства кожа похожа на полированный черный янтарь, иногда украшенный выцветшими узорами татуировки. Они, все без исключения, кажутся людьми преклонного возраста, потому что обыкновенный человек не может стать вампиром, пока не покажет себя в течение длительного времени настоящим священником-колдуном. Уруба называют вампиров «элеми», что значит «вдыхающие жизнь». Название указывает на прямую связь с богами: небесного бога Олоруна часто называют Олорун-элеми.

Говорят, что элеми – мудрецы, но нам также доказывают, что их не интересуют металлы, механизмы или вообще новое. Их мудрость не любознательна, в основном касается

ся магии, свойств лекарств. Мы слышали множество рассказов о целительской силе вампиров, их умении составлять смеси зельев, чтобы сделать мужчин храбрыми, а женщин – плодовитыми. Они убивают проклятиями, если верить слухам. У местных племен нет элеми, последние из них умерли от эпидемии двадцать лет назад, и об этом сожалеют. Если бы их мудрецы жили вечно, говорят они, народ стал бы лучше и сильнее.

Обычным туземцам кажется, что элеми поддерживают тесную связь с отдаленным прошлым предков. Туземцы здесь очень уважают предков, верят, что их отцы и деды обитают рядом, в родных деревнях, даже будучи мертвыми, живо интересуясь делами потомков. Нам сказали, что в центре земли урубса, в большом поселении Ойо, новые цари должны есть сердца своих мертвых предшественников, чтобы олицетворять их. Считают, что души предков могут награждать и наказывать, неся ответственность за события, которые мы приписываем Божьей воле или случаю. Их присутствие обычно не замечают, но по определенным дням в деревни приходит Эгунгун, воскресший мертвец, чтобы наказать нарушивших табу. Ни я, ни К. не видели этого, но незаменимый Нтикима описал все это в деталях. Роль Эгунгуна обычно играет переодетый священник в большой уродливой маске, но для урубса и для подвластных им племен такие переодевания священны, и актер действительно является той сверхъестественной силой, которую пред-

ставляет. По-видимому, в задачу Эгунгуна входит суд над теми, чьи действия, оскорбляя предков, принесли несчастье. К счастью, вину за неудачи нечасто валят на невиновных; во многом обвиняют ведьм, известных как непримиримые враги Огбоне – общества, к которому принадлежат элеми и священники-колдуны.

Эпидемию, бушевавшую здесь двадцать лет назад, все еще вспоминают как ужаснейшую трагедию. Если бы нашим черным рабочим сказали, что мой отец умышленно заразил вампира этой болезнью, они бы подумали, что он был безумным, – не порочным, ибо они не смогли бы представить, что кто-либо, кроме сумасшедшего, мог совершить такое странное преступление. Но они бы не поняли любви к вампиру-женицине, потому что элеми всегда мужчины. Огбоне – исключительно мужское дело, хотя у женицин могут быть собственные частные общества, они занимаются только приемом родов, ритуалами обрезания женицин.

Мне сложно примирить здешнее положение с теориями моего отца о природе и создании вампиров. Нтикима, являющийся незаменимым источником информации, несмотря на юные годы, – я думаю, ему примерно семнадцать, – убеждает, что обычных людей, которые станут элеми, берут в Адамавару – легендарную страну на континенте. Они вкушают от сердца богов на церемонии, очень похожей на ритуалы человеческого жертвоприношения, о которых нам рассказывали. Белым людям обычно не позволяют наблю-

дать даже обычные ритуалы, хотя Нтикима описал нам икеику – его посвящение в зрелость. Это род обрезания каменным ножом, часто сделанного так грубо, что постоянно нарушаются функции полового органа. Как всегда красноречиво, Нтикима рассказывал нам, что однажды Огбоне придет, чтобы взять бабалаво в Адамавару, где он отдаст сердце богов и в него вдохнут жизнь, но пока таких случаев не было.

Многое из того, что мы знаем об элеме, мы слышали от путешественников, и трудно сказать, чему верить. Чем дальше страны, тем курьезнее рассказы о местных племенах, силе элеме. Существование Адамавары доказать невозможно. Многие в рассказах повторяют историю о садах Эдема, где Бог вдохнул жизнь в Адама. Огбоне так тщательно хранит свои тайны, что создание вампиров – такая же тайна для африканцев, как для обычных людей в Галлии. У нас есть григорианские рассказы о дьявольских шабашах, у них – истории о небесных богах, спускающихся на землю в Адамаваре. Мне думается, что к этим сказкам нужно относиться с большим скепсисом.

Элеме, видимо, пьют кровь обычных людей, как наши вампиры, но отношение к этому не такое, как в Галлии. То, что делают галльские вампиры, кажется извращенным и чудовищным, но то же самое легко вписывается в африканское мышление. Туземцы часто совершают жертвоприношения и ритуальные дарения своим богам, например, мелют

муку или извлекают пальмовое масло, немного рассыпают на землю. От каждого блюда оставляют немного своим богам. Это делают, не задумываясь, как христиане осеняют себя крестом. Все это называют жертвоприношением, как и приношения животных, иногда людей, какие совершают по святым дням. Кровь, что охотно предлагают обыкновенные люди вампирам, – это тоже приношение самому элми Олоруну. Это легко понять африканцу, хотя он вряд ли поймет причащение, когда христианин отведаёт от крови и тела Христова.

Туземцы не думают, что ими правят элми, несомненно, что истинная власть в этой стране принадлежит Огбоне. Огбоне наблюдает за всеми ритуалами, особенно икейка, за порядком. Огбоне – голос предков, прорицатель, целитель. Все цари держат перед ним ответ, и, хотя они главенствуют в судах, обвинить человека или оправдать его могут только бабалаво. Цари определяют наказание, но его применение решается колдунами и «вставшими мертвецами». Цари объявляют войну, ведут свои армии в битву, но это колдуньи подсказывают им, когда подходит время воевать и против кого.

К. хотел бы узнать правду о странах. Он подсчитал, сколько провизии понадобится для путешествия вверх по реке. Уверен, в скором времени он будет побуждать меня следовать за ним. Меня мало интересуют такие мифическими края, как Адамавара, но я пойду с ним, если это будет по-

знавательное путешествие. Знаю, что это рискованно, но ни по природе, ни по характеру я не торговец, и будни нашей жизни здесь начинают мне надоедать.

Жива ли все еще в Большой Нормандии пиратская легенда о Л.? Он ежегодно навещает нас. Он ослаб после болезни и не такой красавец. Л. больше не пиратствует, хотя гордится славой корсара и божится, что для него нет большей радости, чем орудийная канонада. Пушки на фактории были одно время под его командой, и он дважды помог нам спастись от марокканских мародеров. Его цыганская красотка все еще с ним, как и безносый турок. Вероятно, он приезжает сюда по настоянию женщины. Л. не очень меня любит, как и я его, но цыганка относится ко мне хорошо, и я рад быть ей другом. Она стала крепкой и красивой женщиной, процветает в тропиках, где люди с более светлой кожей чахнут, увядают. Как однажды сказал мне Есперсен, единственное, что приводит ее сюда так часто, – это досада из-за моего безбрачия, и что если бы я уложил ее в свою постель, то избавил бы от этой ужасной зависимости. Но я привык к монашескому образу жизни. Если К. умрет – унаследую его сутану, сам стану ангелом-меченосцем.

Л. делает вид, что ему безразлична симпатия его любовницы ко мне, но, напившись, обвиняет меня в преступлении – любви к вампирше в диком Уэльсе и коварно утверждает, что из-за нее я больше не могу любить. Хотя он говорит это, чтобы досадить любовнице, я иногда задумываюсь, не

прав ли он. Конечно, во мне не возникает желание при виде цыганки, тем более от обнаженных черных женщин племен побережья или поселения. Иногда думаю, что в моей крови, может быть, есть что-либо, унаследованное от отца и несущее печать его истинной любви. Микроскоп всегда напоминает мне то, что произошло в те последние дни в Лондоне. Даже сейчас эти воспоминания тревожат меня.

Иногда думаю, не переоценивал ли отец то, чем занимался, и страх вампиров перед этим: возможно, его самоубийство было бесцельным, Ричард не хотел нас убивать. Но теперь ваш подарок рядом со мной, и я вспоминаю, что мой отец полагал его оружием более мощным, чем большая пушка. Сегодня ночью мне приснилось, будто я смотрел в микроскоп, стремясь различить то, что подсказывал мне отец, но, как ни пытался, не смог ничего увидеть. Возможно, туземцы все же правы – наши предки остаются с нами, навязывая обязанности, которые мы не выполняем. Теперь с присланным вами микроскопом я надеюсь приблизиться к выполнению моего обязательства.

Я надеюсь однажды вернуться в Британию. Чувствую, что это моя обязанность и судьба. Очень хочу нанести удар галльской ватаге вампиров, прежде чем умру, так что мое имя пополнит легион смертных, которые в конечном счете победят бессмертных. Несмотря на скуку здесь, сообщаю вам, что не покинул ту коллегия, которой вы служите, или ее дело, и надеюсь однажды занять свое место на

поле битвы, на моей родине. В этот день, с Божьей помощью, я опять увижу друга и пожму вашу руку.

Передам это письмо с капитаном «Розы Тюдоров», надежнейшим из английских моряков. Надеюсь, что вы обязательно его получите. Прошу вас помолиться за меня, и, если сможете, попросить Божьей милости для неверующего.

Всего доброго. Н.

1

Это был «аджо аво», день тайны, священный для ифа. Нтикима знал об этом дне по его названию, потому что уруба не отмечают, как белые, дни числами.

Белый, Ноэл Кордери, на веранде большого дома, стоявшего в центре основного частотола, смотрел, как часто это делал, в трубу медного прибора, привезенного капитаном одного из торговых судов. Правой рукой он набрасывал куском угля рисунок быстрыми точными движениями. Его работа шла в странном ритме: он временами отрывал глаз от объектива, мигал, привыкая к свету дня, критически разглядывал рисунок, дополнял его новыми линиями и опять вглядывался в объектив. Иногда он откладывал уголь, подстраивал маленькое зеркальце, улавливающее солнечный свет и направляющее его в линзы микроскопа, затем поворачивал колесико настройки фокуса, добываясь максимальной резкости. Нтикима знал, для чего служил прибор, потому что Ноэл разрешал смотреть в него.

Другие черные, наблюдавшие Ноэла за работой, думали, что он совершает ритуал, настолько тщательно были отработаны его движения, но Нтикима знал, в чем тут дело. Он понимал белых, хотя племена эдау и ибо не могли их понять. Нтикима был уруба. Более того, принадлежал Огбоне, хотя и не мог признаться в этом. Даже ибо Нгадзе, живший здесь

много лет, думал, что странный высокий белый ищет медной штукой богов, живущих в деревянном ящике со стеклянными прямоугольниками и маленькими стальными лезвиями. Ибо часто рассказывали своим братьям с верховьев реки о магических приборах белых и о духах с волшебной силой, воодушевлявших их. Нтикима никогда не участвовал в таких разговорах: он принадлежал Огбоне, умел хранить тайны.

Черные не вмешивались в ритуал, только когда Ноэл, сделав перерыв, посмотрел на них, – хотя, казалось, не видел никого, настолько был увлечен миром, увиденным в микроскопе, – Нтикима крикнул, что к берегу подходит судно.

– «Феникс»? – спросил белый. «Феникс» ждали с нетерпением. Но Нтикима покачал головой и показал, что не знает.

Ноэл вздохнул и стал убирать микроскоп. Он не спешил: нужно было сложить прибор правильно, разобрав его на части. Микроскоп был очень дорог Ноэлу – значительно дороже, чем подозрная труба, которую он отдал наблюдателям на стене, выходящей к морю.

Нтикима последовал за ним, когда закончил работу.

Судно прошло значительное расстояние с тех пор, как Нтикима углядел его, и он опознал его сразу, но зрение Ноэла Кордери не было таким острым. Белый приставил подозрную трубу к глазу, стал наблюдать, как подходит судно. Это была каравелла «Стингрей» капитана Лангуасса. Нтики-

ма не любил громкого хвастливого Лангуасса и не без удовольствия заметил, что судно было в плохом состоянии. С истрепанными парусами и порванным такелажем, оно глубоко сидело в воде. Нтикима плохо знал море и не мог отгадать, было ли судно в сражении или его потрепали грозы Шанго в сильной буре.

Лангуасс с трудом пришвартовал судно к стоянке, хотя ветер не мешал ему. Буруту находился в десяти милях от берега, поэтому суда всегда с трудом достигали причала, особенно в сезон дождей, когда течения становились сильными. Иногда туземным каноэ приходилось буксировать торговцев к причалу. Хотя честным торговцам было сложно, зато частокол в Буруту защищал не только от местных мародеров, но и от непрошенных гостей из-за океана. Опасность чаще всего приходила оттуда. Шесть пушек форта смотрели в море, а не на внутреннюю дельту.

Белый бабалаво по имени Квинтус подошел к лестнице вместе с Яном де Гротом, чтобы узнать новости, но когда Нтикима крикнул: «Стингрей!», де Грот свернул в сторону. Он, как Нтикима, не любил Лангуасса и знал, что от его визитов толку мало. Но Квинтус подошел к Ноэлу Кордери и Нтикиме, встал за ними, пока те смотрели на судно, борющееся с течением.

На каравелле не подавали сигналов, но Нтикима увидел женщину, любившую Ноэла Кордери, она стояла на мостике и махала рукой. Нтикима не мог понять, почему Ноэл не

купит ее у Лангуасса себе в жены, но было сложно представить отношение белых к женщинам, которое отличалось от их отношения к другим видам собственности.

– Надо зарезать хорошего теленка, – вздохнув, сказал Квинтус. – Блудный сын опять вернулся.

Это была бессмыслица, так как в Буруту не было коров, и ужин будет состоять из горсти муки, хлеба из пшена, супа из земляных орехов. Нтикима, однако, знал, что Лангуасс всегда привозил бутылки с экзотическим вином и с друзьями обычно напивался им, не притрагиваясь к пальмовому вину, пшённому пиву, сделанным черными.

– Помочь им причалить? – спросил Квинтус Ноэла Кордери.

– Они войдут с приливом, – сказал Ноэл. – У них достаточно парусов, чтобы взять бриз.

Квинтус потрепал Ноэла по плечу с наигранным энтузиазмом:

– Они привезут небылицы, ничего больше. В течение недели обязательно придет «Феникс» с товарами для нас и увезет наши запасы слоновой кости, пальмового масла, каучука.

Нтикима прислушивался к разговору. Квинтус проявлял большой интерес к обещанному приходу «Феникса» и в последние недели был очень внимателен к подсчету, накоплению запасов, как перед осадой или путешествием. Возможно, был более предусмотрителен и знал, что скоро Огбоне

пришлет за ним. Еще до прихода Нतिकимы он начал держать ослов за внешним частоколом, Нतिकима угадал, что это для грузового каравана. Квинтус, очевидно, знал, что ему предназначено судьбой идти в Адамавару. Нतिकима не был удивлен: бабалаво всегда должен знать что-то о будущем.

Пока население фактории встречало Лангуасса и его команду, Нतिकима наблюдал, слушал. Белые редко обращали на него внимание, его интерес к ним забавлял, но не тревожил. Он всегда был на побегушках, с удовольствием учил английский язык, слушал рассказы о дальних странах. Ноэл Кордери и Квинтус любили его, помогали учиться.

Нतिकима постоянно улавливал любые нюансы отношений белых. Он заметил, например, что Квинтус организовал встречу, а Ноэл Кордери был сдержан. Это определенно не нравилось смуглой женщине – Лейле, которая ожидала более теплого приема от того, кто был ее любовью. Казалось, она жила надеждой, что Ноэл однажды научится смотреть на нее с большим желанием.

Когда она спрыгнула на причал, он спокойно принял ее поцелуй в щеку и не ответил поцелуем. Сдержанность Ноэла не пришлась по вкусу и Лангуассу, но у него были собственные причины. Нतिकима уже раньше заметил, что так называемый пират всегда придерживался оптимистического мнения о том, что все должны быть в восторге от его компании. Нतिकиму не удивляло, что празднику, который торговцы устроили гостям, не очень радовались участники, хотя

было ясно, что свежая пища пришлась по вкусу изголодавшимся Лангуассу и его команде.

Единственным человеком за столом, путавшим молодого уруба, был обезображенный турок Селим, всегда пребывавший в дурном настроении. Нтикима ненавидел его обезображенное лицо, напоминавшее об Эгунгуне, вставшем мертвеце, или о видении, посланном Шигиди, пугающем людей во сне. Лангуасс всегда приглашал своего верного слугу к столу, хотя некоторые хотели, конечно, чтобы он приказал турку есть с матросами на судне. Нтикима был рад, когда обед закончился и турок ушел. Женщина ушла тоже, правда, не совсем охотно.

Оставшись за столом с Квинтусом и Ноэлом Кордери, Лангуасс выставил подарок, которым явно надеялся завоевать расположение хозяев, – бутылъ мадеры, – и принялся развлекать компанию рассказами о последнем шторме и портах, в которых бросал якорь. Нтикима молча сидел на полу в углу комнаты. Он не все понимал из сказанного, но жаждал узнать названия заморских стран и услышать рассказы о них.

Время от времени Нтикима плыл на своем каноэ в лес, где рассказывал колдуну или странствующему рассказчику акпало все, что слышал. Даже не совсем понимая его рассказы, они важно качали головой и хвалили. Несомненно, Огбоне понимало больше него смысл всех рассказов.

Сегодня Лангуасс говорил о Марокко, Испании, о стране за океаном по имени Атлантида. Эти названия Нтикима уже

слышал, в них не было ничего нового, но он насторожился, когда Лангуасс спросил Квинтуса, слышал ли тот о царстве под правлением Пресвитера Иоанна.

– Это легендарное христианское царство в Азии, объяснил Квинтус Лангуассу, – говорят, что оно находится за Валашским княжеством, в пустыне на краю Китая. Византийцы посылали людей, чтобы найти его и приобрести там союзников, когда мусульмане прогнали армии вампиров из Малой Азии, но назад никто не вернулся, позже Влад Цепеш самостоятельно вернул утраченные земли.

Мысли Нतिकимы путались, когда он старался запомнить эти странные имена.

– Вампиры – правители Гранады сейчас убеждены, что царство находится в Африке, – сказал Лангуасс. – Они говорят, что это то же, что и страна под названием Адамавара, о которой вы мне говорили раньше, где в начале мира были сады Эдема. По слухам, туда выводит большая река, Кварра может быть одной из этих рек. Зимой испанцы собираются послать в Сенегал три судна, если французы им позволят, с ротой солдат, лошадьми. Они надеются на успех, хотя французы говорят, что там ничего нет, кроме пустынь и безводных гор. Арабы смеются над испанцами за их спиной. Как вы думаете, может Кварра привести к этому чудесному царству?

– Я не могу поверить этому, – покачал головой Квинтус. – Не верю, что существует царство Пресвитера Иоанна, и, ко-

нечно, это не та страна, которую уруба называют Адамаварой.

Лангуасс пожал плечами:

– Кто-то пустил слух о белом царе в Адамаваре. К тому же где-то якобы написано, что христиане давно пришли туда. Возможно, в эту страну ведет третья река, упоминаемая в легендах, – ее устье лежит много южнее.

– Там река побольше Кварры, – согласился Кринтус. – Представители племени оба в Бенине утверждают, что суда их предка Эвуаре Великого пошли туда двести лет назад. Может быть, это правда, хотя суда Бенина не очень хороши.

Нтикима слышал все истории о Эвуаре Великом. Он знал, что далеко, за землями, признающими мудрость элеми, есть еще одна большая река. Тем не менее белые ошибались. Кварра была одной из трех рек, по которым можно достичь Адамавары, и хотя там действительно жили белые, они не правили. И никакого Джона там не было.

– Как вы думаете, придут ли сюда испанцы? – спросил Ноэл Кордери.

– Возможно, – сказал белый бабалаво. – В поисках легенд люди путешествуют дальше, чем для практических потребностей. Капитан «Розы Тюдоров» рассказал нам о судах, выходящих из Бристоля в поисках Атлантиды через великий океан, в надежде найти путь в Китай. Иногда я боялся, что истории об Адамаваре, которые мы рассказывали мореходам, привлекут сюда исследователей, выполняющих при-

каз какого-нибудь любопытствующего князя-вампира. Это только вопрос времени – наш мир уменьшается, и интересы Галльской империи выходят за ее пределы.

– Возможно, пришло время нам самим предпринять исследовательский поход, – сказал Ноэл.

– Возможно, – согласился Лангуасс. – Подобные мне и тебе никогда не станут купцами. Море уже устало от моего бедного «Стингрея», лучше мне пойти в поисках удачи вверх по Кварре. Интересно, какое удовольствие сидеть здесь в деревянной клетке, когда вы слышите так много рассказов о богатых землях вокруг. Почему вам не поехать в Ойо или Ифе, или же в Адамавару? Зачем вам сидеть здесь, выменивая хорошую сталь за скудные горсти золотой пыли или случайные самоцветы из их сундуков? Я не могу довольствоваться торговлей слоновой костью, маслом и каучуком, когда люди получают сокровища в стране Джона или в любых других в центре континента. Разве вы не знаете, как мир жаждет золота?

Кордери эти слова не понравились, и он резко сказал:

– Континент опасен. Там больше болезней, нищеты, чем золота и славы.

Белый бабалаво ответил спокойнее:

– Не думаю, что черные роют золото. Они используют самородки, как медь в своих украшениях, которую легче переплавить, чем найти. С тех пор как мы стали покупать золото, камни, они отыскивали для нас все, что могли, потому что же-

лезо и жечь для них важнее. Сомневаюсь, что у них есть набитые золотом тайные сундуки. Все путешественники рассказывают истории о сказочных сокровищах в странах, где никогда не бывали. Думают, что если континент загадочен, он должен быть богат. Вы, как и мы, знаете, что многие ушли вверх по реке, но не вернулись.

– У них не было твоих знаний, – возразил Лангуасс. – Если я кому поверю как проводнику в этой языческой стране, так это только тебе. Обещаю, что если ты пойдешь на континент, я пойду с тобой – не ради золота, но чтобы увидеть страны, где вампиры живут и не правят, страны, откуда они пришли в Европу.

Квинтус повернулся к Нтикима и встретился с ним взглядом.

– Здесь есть человек, – сказал он, – который расскажет вам об Адамаваре. – Он махнул рукой, Нтикима встал, подошел к бабалаво, ощущая враждебный взгляд моряка.

– Но это еще мальчик, – проговорил Лангуасс небрежно.

– Он – уруба, – быстро сказал Ноэл, – и он мужчина, прошел обряд икеика, заслужил свое место в мире. Его родители умерли от болезни, но он в лесу встретил бога, и мальчика отдали на воспитание колдунам. Он очень умен, и за три года узнал английский язык лучше, чем Нгадзе за десять. Расскажи нам, Нтикима, что ты знаешь об Адамаваре.

– Адамавара – это страна тигу, – послушно начал Нтикима. – Она находится в стране мкумке, откуда пришел первый

элеми, когда мир был молод. Ее создали, когда Шанго пустил молнию, так что Олорун смог предложить свое сердце самому мудрому человеку.

Лангуасс стал выказывать признаки нетерпения, но Ноэл Кордери жестом остановил его.

– Тигу, – объяснил он, – значит «законченный». Элеми являются тигу, потому что прошли ритуал перехода: как икеика превращает юношей в мужчин, этот ритуал, называемый Ого-Эйодун, превращает людей в вампиров. Эйодун – значит «сезон крови» и так уруба называют кровавые жертвоприношения. Верно, Нतिकима?

Нतिकима кивнул в ответ.

– Где находится Адамавара? – спросил Ноэл.

– На закате солнца, – ответил Нतिकима, – но чтобы добраться туда, нужно плыть по рекам – сначала по Кварре, потом по Бенуаи, потом по Логоне. Это опасное путешествие, потому что будущие элеми должны выжить в мертвом лесу, где серебряная болезнь валит их и куда приходит Эгунгун судить их.

– Центр страны уруба – на западе, – прибавил Ноэл Кордери, – но уруба полагают, что их предки сначала пришли в Ифе и Ойо из другой страны, ведомые Огбоне, так же как дети Израиля пересекли пустыню во времена Моисея.

– В Адамаваре есть золото? – саркастически спросил Лангуасс.

– О нет, – сказал Нतिकима, – совсем нет.

– Откуда ты это знаешь?

Нтикима пожал плечами. Он знал, потому что входил в Огбоне, но сказать не мог.

– Как делают элемеи в Адамаваре? – спросил Ноэл Кордери.

– Их делает Они-Олорун, мудрейший из старейшин. Они готовят сердце Олоруна, его дают мудрейшему и лучшему, вдыхают в него жизнь, а недостойные умирают.

Ноэл посмотрел на Лангуасса и сделал жест, как бы говоря: вот оно.

– Белые были в Адамаваре? – прохрипел пират.

Этот вопрос никогда не задавали ни Квинтус, ни Ноэл Кордери.

– О да, – сказал Нтикима, – уже давно. Теперь там всего несколько человек.

Все трое с удивлением смотрели на него.

– Как давно? – спросил Ноэл Кордери. Нтикима пожал плечами.

– Давно, – повторил он.

– Но там еще кто-то есть? – опять спросил Ноэл. Есть белые элемеи в Адамаваре?

– О нет, – терпеливо объяснил Нтикима. – Они не элемеи, потому что они айтигу, но они жили долго. Там есть женщина, которая старше старейшины, хотя выглядит молодо. Есть также мужчины, и хотя они не станут тигу, возможно, они не умрут.

Нтикима видел, что эти слова вызвали замешательство среди слушателей, хотя, казалось, они не совсем понимали его.

– Когда ты говоришь айтигу, мы можем сказать незаконченный, – обратился к уруба Квинтус, – ты имеешь в виду обыкновенных людей? Элеми являются тигу – законченными. Но ведь есть и не тигу, но живущие дольше обычных людей?

– О да, – подтвердил Нтикима.

– Вампиры, – констатировал Лангуасс. – Ты говоришь, что в Адамаваре есть белые вампиры?

Нтикима нахмурился и не ответил.

– Нтикима, – продолжал Квинтус. – Ты знаешь это от арокина или акпало? – Арокины были летописцами, обязанными знать поколения предков, и им верили. Рассказчикам акпало, знавшим приключения паука Ананси и черепахи Авон, нельзя было доверять целиком. Нтикима на этот вопрос не мог ответить. Он пожал плечами.

Ноэл Кордери рассмеялся.

– Помните, – сказал он собеседникам, – перед вами мальчик, в которого когда-то вселилась душа мертвого ребенка и он изгнал ее ядом, мальчик, встретивший в лесу бога, обещавшего научить его медицинским тайнам.

Нтикима знал, белый сказал это, чтобы подчеркнуть, что его словам не всегда можно доверять. Но когда он был маленьким, а его мать и отец умерли, в него действительно все-

лился абику, злой дух, которого изгнал колдун. После этого он встретил в лесу Арони с такой смелостью, что не погиб, а был отдан в Огбоне, которое однажды научит его тайнам медицины, он станет одетым в белое колдуном и после этого – элеми. Он знал то, что знал, и мысли белых его не беспокоили.

Квинтус вмешался и велел Нтикима идти спать. Нтикима знал, что его отправляют, так как белые будут разговаривать между собой, но поклонился и вышел. Но он не отправился в хижину, а остался стоять у окна большого дома, хотя и не слышал большей части сказанного.

Только когда белые пошли к своим кроватям, закрытым пологом, Нтикима оставил свою засаду, пошел спать. Больше ничего не произошло, но он не жалел о времени. Знал, теперь нужно бежать к своим хозяевам и рассказать, что белые планируют экспедицию в Адамавару, потому что в планы Огбоне входило именно это, они будут рады услышать новость. Будущее было определено и должно разворачиваться, как надежда на дыхание жизни.

2

«Феникс» пришел и ушел. Дожди стали идти реже и вскоре вообще прекратятся до весны. Буруту кишел, как муравейник, потому что Квинтус собирал запасы, подсчитывал, сколько ослов, пороха, соли, иголок, ножей, зерна, одеял понадобится для экспедиции. Монах и Лангуасс спорили о количестве участников. Квинтус расспрашивал туземцев из полудюжины племен о притоках большой реки, прибрежных жителях, ландшафте на пути к загадочной земле Адамавара.

Ноэл оставался в стороне от сумятицы подготовки, опять занявшись микроскопом. Перспектива путешествия в загадочную Адамавару интриговала его, но он не мог поверить в африканский Эдем, где Адам-вампир ощутил священное дыхание жизни.

Единственным, кто заметил равнодушие Ноэла, была Лейла. Цыганка считала, что имеет право вмешиваться в его занятия, и, хотя это ему не нравилось, наступил день, когда он даже обрадовался этому, потому что микроскоп уже не поглощал полностью его внимание, не отвлекал от раздумий о будущем.

– Ты не любезен со мной, – сказала Лейла с укоризной, имея в виду сдержанность Ноэла, особенно в беседах наедине. В последнее время он говорил с ней более доверительно, в ответ она делилась своими сокровенными мыслями. Не

будучи прилежной христианкой, Лейла не имела другого исповедника, да и не хотела, ей нравилось думать о Ноэле как о друге, если уж она не могла сделать его своим любовником. Цыганка получала удовольствие, делясь с ним мыслями, которые остались бы в тайне, однако сейчас она не могла вызвать Ноэла на откровенность.

– Извини, – сказал он ей, – у меня много работы, из-за «Феникса» отстал. В микромире надо увидеть еще очень многое, а я далеко не все понимаю.

Лейла сидела на веранде рядом с ним.

– Ты печален, – заметила она, – в плохом настроении. Знаю, тебе не очень нравится путешествие в джунгли, но ты не можешь отказаться.

Она говорила по-английски лучше, чем при первой их встрече, и, хотя знала различия между «ты» и «вы», в разговоре с Ноэлом упрямо употребляла менее официальное обращение. Он ей отвечал тем же.

– Ты поняла меня правильно, – сказал Кордери. – Лес – плохое место, там мы уязвимы. Уже пять лет на фабрику не нападали, но это потому, что черные, живущие рядом, получают больше от нашего присутствия здесь, чем от грабежа наших складов. Они держат дальних соседей на расстоянии эффективнее наших пушек. Квинтус привык доверять туземцам, и надеется жить с ними в мире. Я в этом не уверен.

Кроме того, здесь свирепствует лихорадка. Квинтус годами искал лечение. Он оставил кровопускание как безрезульт-

татное, пробовал местные лекарства, но все напрасно. Днем здесь жарко, ночью холодно. Я знаю, что Квинтус исходил пешком пол-Европы и что посланцы папы и князей не задумываются о тысячемильных путешествиях, но в Европе есть дороги, колодцы и климат более мягкий. Не знаю, далеко ли Адамавара, если она вообще существует, но дорога туда и обратно будет длинной, эта затея напоминает мне игру в кости с чертом, где кости падают не в нашу пользу.

– Тогда не иди, – сказала она просто. – Я останусь здесь с тобой ожидать возвращения наших друзей.

– Могу ли я оставить Квинтуса? – возразил Ноэл. – Могу ли пожелать ему удачи, если уверен, что его может подстергать опасность? Со смертью матери он кажется мне единственным настоящим другом на свете, даже родственником. Я не могу оставить его: не верю, что Лангуасс будет о нем заботиться.

Лейла не обиделась на его слова о родственниках, так как не хотела быть ему сестрой.

– Это копия прибора, построенного твоим отцом? – спросила она, указывая на микроскоп после небольшой паузы. – Можно мне посмотреть?

Он показал, как смотреть правым глазом в микроскоп, закрывая левый, положил ее пальцы на колесико наводки резкости.

– Что это? – спросила она.

Ноэл объяснил, что это маленькое семечко, начинающее

расти, и здесь можно рассмотреть росток, корешок.

Потом рассказал немного о работе с микроскопом Кенелма Дигби в Гэйхерсте. Объяснил, что Дигби оспаривал теорию присутствия, утверждавшую, что все органы животного уже есть в яйцеклетке и растут вместе с зародышем вплоть до рождения. Вместо этого Дигби поддерживал теорию эпигенезиса, по которой все части организма появляются постепенно, а яйцеклетка очень проста и в своем развитии резко изменяется.

Ноэл объяснил, что Дигби, доказывая свою теорию, брал кладку яиц, разбивал их в разное время и наблюдал развитие зародыша с помощью микроскопа.

Рассказал, что Дигби был атомистом, верившим, что все состоит из мельчайших частичек и все можно объяснить, если описать атомы, их взаимодействие, изменения. Но объяснения стали слишком сложными, Лейла с трудом следила за ними. Она попросила рассказать, чем занимается сам Ноэл.

– Я тоже изучаю развитие семян, зародышей, – объяснил Ноэл, – думаю, что процесс развития, посредством которого мельчайшие организмы становятся законченными живыми существами, – это размножение, в котором живые атомы постоянно делятся. Полагаю, что они изменяются по заранее установленной схеме. Я видел, что ткань простых растений состоит из множества похожих частиц, живых атомов. Такие же атомы я наблюдал в тканях животных: печени, коже. Жидкость в организмах, кровь, сперма состоят из частиц

в сыворотке, вода в реке полна живых существ, некоторые похожи друг на друга.

Мне интересны эти атомы, потому что они могут переносить болезни: мой отец однажды обсуждал это с Кармиллой Бурдийон. Нас учили думать о болезни как о нарушении функций организма, но наши тела сложнее такого простого понятия. Думаю, что болезнь – это повреждение частичек тела, возможно, что-то меняет их плохо или неправильно. Думаю, что в организм, особенно в кровь, часто проникают посторонние частицы и атомы. Может быть, кровопускание лечит некоторые болезни не восстановлением равновесия функций тела, а тем, что освобождает чужие частицы, но оно как метод работает несовершенно, не борется с основной причиной заболевания. Действенными лекарствами могут быть те, атомы которых борются с атомами болезни, а не нашего тела.

Ноэл понимал, что Лейла не может следовать логике его рассуждений, достаточно скрытой для нее, но она не сказала об этом, а лишь смотрела на него мягким взглядом. Он продолжал, пытаясь находить слова попонятнее.

– Если это так, – сказал он, – тогда я надеюсь понять, что такое вампиры. Не верю грегорианцам, что это черти в человеческом обличье, ни им самим, утверждающим, что различие кроется в душе, а не плоти. Возможно, частички тела вампиров подверглись изменениям, которые не произошли у обыкновенных людей. Ясно, что долгая жизнь вампиров

зависит не от Божьей схемы для человечества, а заложена в них процессом, о котором только они одни и знают. Возможно, существует приводящее к изменениям средство, которое африканские вампиры применяют на ритуалах Ого-Эйдун, как галльские вампиры – на шабашах. Я не верю в действие молитв или песнопений вампиров. Только изменения в теле, вызванные прибавлением новых частичек, вызывают превращение обычной ткани в ткань вампиров. В это верил мой отец, хотя не успел все объяснить до своей смерти. Он, наверное, думал, что ткань вампиров можно обратить в человеческую ткань – возможно, введением какой-то клетки в их кровь. Может быть, своей смертью он хотел доказать это. Чтобы уничтожить вампиров, сначала их надо превратить в людей.

– Ты этого хочешь? – спросила она. – Не самому стать вампиром, но уничтожить тех, кто является ими?

Кордери покачал головой:

– Пока я только хочу понять, отодвинуть занавес, закрывающий механизм обычной жизни и тайны ткани вампиров. В росте растений или жизни существ, невидимых простым глазом, больше тайны, чем я представлял. Поэтому сначала нужно узнать правду: только тогда я смогу применить ее против пороков мира.

– А что говорит Квинтус о твоих атомах и частицах? – невинно спросила она.

Иногда Ноэл задумывался, всегда ли он должен быть в те-

ни своего учителя. Когда Квинтус приобрел репутацию мудрейшего англичанина, первым вопросом по любому поводу всегда было: «Что говорит Квинтус?» Здесь повторялось то же самое. Квинтус был заокеанским бабалаво, которого слушали черные. Ноэл же оставался тем, кто смотрел в странный прибор.

Прежде чем он ответил, к ним подбежал Нтикима с новостью, переполнившей его так, что он едва мог ее произнести.

– Еще одно судно? – воскликнул Ноэл, вскакивая.

Но Нтикима тряс головой, показывая не на море, а на лес на северном берегу. Он взволнованно повторял: «Мкумкве! Мкумкве!»

– Что это? – спросила Лейла.

– Не знаю. – Ноэл слышал это слово, но забыл его значение.

Нтикима что-то говорил, захлебываясь, на урубба, но Ноэл не очень хорошо владел этим языком, и он перешел на английский.

– Идут люди, – сказал Нтикима. – Люди Адамавары. Они идут с элеме за бабалаво с моря. Время идти в Адамавару. Они идут! Они идут!

Ноэл смотрел на него, не веря своим ушам. Только двенадцать дней назад Квинтус и Лангуасс решили, что экспедиция продлится год. Как могли элеме узнать об этом? Когда эти путешественники отправились из своей страны?

– Откуда он знает об их приходе? – спросила Лейла.

– Живущие в лесу могут общаться звуком барабанов, – объяснил Ноэл. – Возможно, он услышал сигнал или новость сообщили спустившиеся по реке. Прибрежные племена посылают товары по реке на каноэ, новости по воде приходят быстрее, чем по суше. Африканские вампиры редко посещают дельту, и если они приходят, об этом знают все.

– И никто не пытается убить их?

– Конечно, нет. Эти вампиры – не князья, правящие как тираны, но боги, плетущие узоры из веры и магии, и туземцы полагают, что они плетут их хорошо.

Прибежали дети, раздосадованные тем, что не они первые сообщили новость, но стремящиеся исправить положение рассказами о подробностях. В гаме трудно было выделить что-то определенное, но других новостей, видимо, не было. Ноэл призвал к тишине и, убедившись в отсутствии важных сообщений, приказал всем разойтись.

– Что-то плохо? – неуверенно спросила Лейла.

– Трудно сказать. Элеми – это загадка, мы не знаем, могут ли они принести нам зло. Если они пришли за Квинтусом, они могут и уничтожить его, и помочь ему в путешествии.

– Как они могли узнать, что им надо прибыть сюда именно сейчас?

– Возможно, это совпадение, или они способны угадывать, этого мы не можем понять. Но судьба фактории в руках этих вампиров. Если бы они огласили наш смертный приговор, туземцы уже начали бы бойню. Мы видели черных вам-

пиров раз или два, но они были безразличны к нам, будто мы принадлежим другому миру. Я всегда думал, что здесь, как и в империи, лучше не привлекать внимания таких существ.

– Так или иначе, «Стингрей» у причала, – сказала она, – и в случае необходимости рядом с твоей пушкой мы поставим много других.

Он засмеялся:

– Возможно, нам придется подняться на борт и оставить это место. Если элеме желают нам зла, в их стране нас ничто не спасет, лучше довериться дырявому судну и истрепаным парусам. Но если они хотят показать нам путь, тогда можно надеяться попасть в Адамавару живыми и здоровыми.

Ноэл смотрел на детей, которые побежали с новостью к Квинтусу, возившемуся с ослиами. Он увидел, как монах взял Нतिकиму за плечо, успокаивая его. Затем Квинтус бросил взгляд на веранду, где стояли он и Лейла, и хотя голубые глаза монаха не были видны под широкими полями шляпы, Ноэл знал, что они блестят от любопытства и множества заманчивых мыслей.

3

Нтикима с жадным интересом смотрел на черных воинов, прибывших в поселение на каноэ. Они явно отличались высоким ростом, круглой и большой головой, широко расставленными миндалевидными глазами, жесткими черными волосами, собранными в косички. Носы у них были плоские, губы толстые, щеки, лбы, предплечья раскрашены красным и желтым. Это были мкумкве.

Воины мкумкве отличались высокомерием, что Нтикима полагал характерным для жителей гор. Горцы, оценивавшие человека по количеству скота, которым тот обладал, казалось, презирали жителей джунглей с их домашней птицей и несколькими козами, ведущих, по мнению горца, отвратительно бедную жизнь. Мкумкве были вооружены длинными пиками с широкими железными лезвиями и украшены белыми перьями и медными браслетами. Они объявили на языке уруба Квинтусу и Ноэлу Кордери, что великий Они-Олорун ждет в соседней деревне, чтобы поговорить с ними.

Нтикиме было ясно, что Ноэлу Кордери не понравился тон приглашения, но Квинтус предложил ему не обращать на это внимание, так как для священника Олоруна, элеми и старейшины Адамавары, проделавшего столь долгий путь, приезд белых будет делом чести.

Белый бабалаво позаботился об определении собственно-

го положения, перед тем как отправиться на встречу. Он спросил что-то у воинов, те ответили повторением его слов. Нтикима знал, что мкумкве никогда не отвечают на прямые вопросы, и помог Квинтусу, сказав, что воины привезли Они-Олоруна из Адамавары, так как старейшины в Адамаваре слышали об излечении его лекарствами и хотели научиться немного заокеанской мудрости. Мкумкве согласился с этим предположением.

Квинтус попросил Мбуррай и Нгадзе – самых внушительных черных работников фактории – перевезти его и Ноэла на северный берег. Он не упомянул Нтикиму, но не возражал, когда тот сел в каноэ. Ноэл был одет достаточно просто – в белой рубашке и плотно облегающих штанах, но в сапогах из тонкой кожи. Бабалаво оставался в своем обычном белом одеянии, коротких сапогах и большой широкополой шляпе, наполовину скрывавшей блестящие очки. Нтикима гордился внешним видом своих белых покровителей: для него они превосходили воинов в перьях и татуировке уже только ростом – были выше самого высокого из гордых горцев на полладони.

Путь по лесу не вызывал трудностей, хотя Нтикима посоветовал бы белым проделать его на ослах. Обычно, когда Нтикима шел здесь в неверном утреннем свете, лес молчал, был безлюдным, но сейчас здесь собрались взрослые и дети ибо, чтобы увидеть мкумкве и поговорить о цели их прихода. Нтикима был рад этому вниманию, идя в экзотической ком-

пании, он шагал с уверенностью, выделяющей воина уруба среди подчиненных ему туземцев.

Когда они пришли в деревню, солнце поднялось уже высоко. Нтикима видел, Квинтус и Ноэл надеются, что встреча не затянется. После полудня жара становилась ощутимей, ведь после сезона дождей облака больше не смягчали лучи солнца. Дорога домой после полудня была бы слишком уютной для белых.

Деревня ибо стояла на берегу озера, ее окружал частокол от крокодилов. Хижины были высокими, в виде глиняных бутылок, с крутыми коническими крышами из тростника, защищавшими от ливней в сезон дождей.

Двери хижин смотрели на юго-запад, закрытые от харматана: ветры сухого сезона часто приносили мелкую, всепроникающую пыль даже сюда, далеко на юг.

Они-Олорун ожидал на площади перед хижиной вождя. Нтикима смотрел на него с любопытством, как и белые. В сравнении со своим ярким сопровождением он казался спокойной птицей без ярких перьев и богатого узора из цветных шрамов. Однако, вероятно, когда-то его татуировали, потому что на морщинистой коже виднелись следы цветных линий – светлая сетка на черном фоне. Они-Олорун был невысокого роста, не выше пяти футов. Тем не менее он имел начальственный вид, требовавший послушания, которое ибо с удовольствием ему демонстрировали.

Они-Олорун был очень стар. По внешности трудно было

определить, как давно он ступает по земле, поскольку это зависело от возраста, в каком он стал элеме. Редкие седые волосы, изборожденное морщинами лицо, тонкие руки не могли сказать правды. Его мышцы казались высохшими, но что-то в его виде, в том, как он изучал посетителей, говорило Нтикиме о преклонном возрасте и большой мудрости. Этот человек стоял в Огбоне выше любого, рядом с Экеи Ориша, старейшиной старейшин.

Они-Олорун с Достоинством поклонился белым.

Квинтус и Ноэл Кордери ответили поклоном. Нгадзе и Мбурраи стояли сзади. Затем Они-Олорун сел, показав похожей на птичью лапу рукой, что Квинтус тоже может сесть. Они-Олорун едва замечал Ноэла Кордери, но тот тоже сел, как и они, скрестив ноги, чуть позади монаха.

Они-Олорун говорил на уруба, как и воины, зная, что белый бабалаво понимает этот язык. Вначале элеме выразил надежду, что белое племя, пришедшее жить на большую реку, процветает в великом братстве племен. Несомненно, он знал, что вначале на поселение часто нападали, но племена великого братства были постоянно на ножах, и стычки являлись частью их жизни. Нтикиму не удивило утверждение Квинтуса, что белое племя прекрасно живет благодаря дружбе с соседями.

– Решено, – заметил Они-Олорун, – что вы скоро пойдете на север, за большой лес.

При этих словах Ноэл Кордери выказал некоторое удив-

ление, хотя Нтикима уже говорил ему, что Они-Олорун знает о их планах. Хотя белый не представлял, насколько осведомлен элэми, он понимал, что путешествие займет много месяцев. Вероятно, он думает, не обладает ли элэми даром предвидения, подсказавшим ему о намерениях бабалаво еще до его окончательного решения. У Нтикимы не было повода для удивления: ведь это он был основным источником знания Огбоне планов и мыслей белого человека.

– Это так, – спокойно ответил Квинтус. – Мы много слышали о племенах на континенте и об Адамаваре. И хотели бы больше узнать о землях на большой реке Кварра, на Бенуаи и Логоне.

Они-Олорун не выказал удивления, когда Квинтус назвал три реки, ведущие к Адамаваре, сказал просто, что белый бабалаво известен даже в Адамаваре как мудрец, целитель и что Экеи Ориша приветствует его в этой стране.

Квинтус, похоже, понял, что значит Экеи Ориша, хотя Нтикима никогда не говорил о нем; он знал слова уруба, значившие «рядом с богами», и воспринял их как титул.

Они-Олорун говорил Квинтусу, что путешествие в Адамавару будет очень трудным и даже храбрые мкумкве не любят некоторые участки пути, населенные дикими племенами, чертями, другими странными созданиями. Квинтус сказал, что рассказы о таких чудесах лишь усиливают желание храброго человека идти туда, а у него храбрые товарищи, готовые отправиться хоть на край света за мудростью.

Они-Олорун поздравил Квинтуса с такими друзьями, но сказал, что он не сможет успешно пройти безжизненный лес и пережить серебряную смерть без помощи элеми с сильными снадобьями и амулетами против ведьм и их сверхъестественных сил.

Нтикима видел, что белый бабалаво заколебался, боясь обидеть Они-Олоруна. В конце концов белый человек ответил: «Мы были бы весьма счастливы, если бы нашли такую помощь и защиту».

Они-Олорун снисходительно ответил, что Экеи Ориша охотно предоставит свою защиту такому умному и доброму человеку, как заморский бабалаво, и назначил элеми Гендва, мудрого Они-Осангина, и человека в белом проводниками белых в Адамавару.

Нтикима знал, что белые люди не совсем понимают смысл обмена подарками, что было сложнее, чем обмен товарами. Дарение подарков представляло собой своего рода обмен обязательствами и могло или уладить отношения между племенами, или безвозвратно испортить их. Если человек хотел жить здесь долго, он должен был принимать подарки осторожно и вдвое осторожнее их вручать. Любое неосторожное слово могло привести в движение схему подразумеваемых обещаний, которые, будучи нарушенными – даже невольно, – способны были вызвать насилие. Нтикима даже задержал дыхание, надеясь, что белый бабалаво примет это предложение как подарок, с должной благодарностью, и об-

легченно вздохнул, услышав слова Квинтуса, признающего свой большой долг. Нтикима опять посмотрел на Ноэла Кордери и увидел его явную озабоченность. Белые люди не любили, когда им напоминали о зависимости от доброй воли черных племен, в чью страну они пришли.

Они-Олорун хлопнул в ладоши, и из темного коридора дома вождя вышел еще один элеми с «незаконченным человеком», колдуном ибо. Этот элеми казался моложе Они-Олоруна, хотя был таким же худым и морщинистым. Ибо был в белом платье с пряжкой на плече и кожаными кисетами с лекарствами.

– Я Гендва, – сказал элеми.

– Я Мсури, – сказал ибо с лекарствами, которые указывали, что он лечил магией. Нтикима угадал, что Мсури тоже берет в Адамавару, оценят и, если посчитают достойным, будут готовить к вечной жизни.

– Это ваши проводники, – сказал Они-Олорун Квинтусу. – Они доставят вас в Адамавару. Мкумкве пойдут со мной в город Бенина, но у вас есть свои воины, которые защитят вас от дикарей. – Он поднялся в знак завершения встречи.

Квинтус поднялся тоже, поклонился. Ноэл Кордери сделал то же самое. Они-Олорун вошел в хижину вождя, Гендва и Мсури остались.

– Я приду к вам, – сказал Гендва, – когда придет и уйдет последний дождь. Вы должны приготовиться к большому пу-

тешествию, потому что мы вернемся только с наступлением сухого сезона.

Сказав это, элеме в свою очередь поклонился и вместе с Мсури пошел в хижину.

Квинтус и Ноэл направились к ожидавшим их Нтикиме, Нгадзе и Мбурраи. Мкумкве тесной группой уселись у частокола, где на них с любопытством глазела кучка деревенских ребятишек.

– Что вы думаете обо всем этом? – спросил Ноэл Квинтуса за деревней.

– Возможно, нам его Бог послал, – сказал ему Квинтус без улыбки, – или это хитрый трюк дьявола. Время покажет.

Нтикима радовался сообразительности белого бабалаво, знавшего, что Они-Олорун был посланцем бога, которому мальчик служил, и понимавшего, что во время путешествия они будут общаться с Шигиди, властвовавшим над людьми во время их сна, – потому что Шигиди белые люди называли Сатаной.

«Время, конечно, покажет, – думал Нтикима, – какое решение вынесут о чужеземцах старейшины Адамавары и Эгунгун – голос предков его народа».

4

Элеми Гендва пришел в Буруту через два дня. Ноэл наблюдал, с какими церемониями его принимали туземцы, как они обхаживали его. Элеми нечего было сказать белым, и они, скрепя сердце, не принуждали его. Наблюдали, как он оглядывает дома поселения, заходит внутрь. Чтобы ни делали в домах или у судна Лашуасса, Гендва был там, наблюдая на расстоянии, обычно с Мсури и Нтикимой. Но и за элеми все время следило много глаз, с таким же или даже большим интересом.

– Он пришел сюда не только для того, чтобы проводить нас, – сказал Квинтус Ноэлу и Лангуассу за ужином. – Наверняка ему велели выяснить, кто мы, чтобы его хозяева из Огбоне могли решить, что делать с нами.

– И после его вынюхивания, – заметил Лангуасс едко, – мы должны идти с ним домой и сдать его хозяевам-вампирам, чтобы, как овцы, ждать их решения. Но, во всяком случае, у нас есть ружья.

– Пусть высматривает, – сказал Ноэл. – Мы хотим побывать в этой стране, а он приведет нас туда. Ясно, что от его защиты мы выиграем больше, и, пока он изучает нас, мы будем учиться у него.

– Думаю, мы вправе беспокоиться, – добавил Квинтус с досадой. – Предложив разыскать эту сказочную страну, я не

думал, что они сразу же пошлют кого-нибудь навстречу. Все это очень напоминает паука и мух.

– Это Огбоне слишком много знает о наших делах, – проговорил Лангуасс, кисло глядя в свою пустую чашку.

– Мы не можем судить, как много они знают, – сказал ему Квинтус. – Это естественно, что они интересуются нами, шлют лазутчиков, чтобы изучить факторию, но не думаю, что старый вампир отправился в путь, чтобы выманить нас отсюда. Я подозреваю, что он узнал о нашем намерении посетить его страну уже после прихода сюда и сразу же изменил свои планы. Если бы Огбоне хотело навредить нам, оно могло бы легко уничтожить нас здесь. Если бы элеме приказали, весь Бенин поднялся бы против нас. Раз Они-Осангин говорит, что приведет нас в Адамавару, думаю, что он так и сделает.

– Но они не сказали, что нас затем отпустят, – заметил пират. – Я бы лучше доверился моим ружьям и пороху.

– Ружья могут только частично защитить нас, – возразил Ноэл. – Я не знаю ценность лекарств этих людей, но нам потребуется любая помощь, чтобы выжить после ожидающей нас лихорадки. Кто знает, какая опасность может подстеречь нас в безжизненном лесу с серебряной смертью, о котором упоминал Нтикима. Поэтому знания Гендвы сейчас нам нужнее, чем ваши ружья.

– Это безумие – верить вампиру, – бросил Лангуасс хмуро.

– В этой стране вампирам верят больше, чем обычным людям, – напомнил Квинтус, – здесь их жестокость неизвестна. Глупо бороться с элемеи, как мы боремся с правителями Галлии. Это другой мир, где черные терпят нас, а могли бы и восстать.

Установилось молчание, прерванное наконец Ноэлом:

– Как все изменилось бы в Европе, если бы вампиры там занимали такое же место, как здесь. Ведь, как утверждают, эта Адамавара – страна, откуда пришли наши вампиры. Почему же африканские элемеи так отличаются от своих родственников-подонков?

– Вероятно, потому что люди их принимали по-разному, – сказал Квинтус. – Черные приветствовали и почитали, а арабы выживали, уничтожали, где могли. Возможно, у вампиров не было выбора – если они должны были пересечь великую пустыню, они могли это сделать, применив новые методы и навязав власть силы.

– Вероятнее всего, это разные вампиры, – высказал свою точку зрения Лангуасс. – Я никогда не слышал о черном вампире в Европе или на Востоке, кроме того, в древности не было больших судов, чтобы перевезти таких людей, как мы, на этот постылый берег.

– Я в этом не уверен, – возразил ему Квинтус. – Известно, что христиане и другие белые в древности достигали стран черных вампиров разными путями. Я читал о греческом капитане, обогнувшем Африку, финикийцах-моряхах.

Миссионеры-христиане ходили в эфиопские земли в третьем и четвертом веках – Эзана, король Аксума, был крещен Фрументием, и Святой Атанасий сделал его этнархом Эфиопии. Другие миссионеры ходили еще дальше на запад, юг. Можно представить, что из-за святости и учености африканские вампиры встречали их как равных.

Некоторые историки считают, что, возможно, определенные кандидаты в святые были превращены в вампиров и вернулись как миссионеры в Малую Азию, чтобы внушить черным гуннам мысль о завоеваниях. Другие утверждают, что выходцы из Сирии еще живы, скрываясь в основанных Аттилой империях; существует и гипотеза, что Аттила, став вампиром, из алчности уничтожил одаривших его бессмертием и скрыл их участие в своих делах.

– Это что же, доктрина Истинной веры? – спросил пират.

– Нет, – безразлично ответил монах. – Это мнение историка.

Ноэл часто слышал ссоры Лангуасса и Квинтуса об истории и теологии. Лангуасс, большой грешник, был всегда готов найти ересь в идеях блаженного Квинтуса.

– Если это правда, – сказал Ноэл Квинтусу, – как могут относиться вампиры Адамавары к своим заблудшим собратьям? Возможно, они хотят привести нас на свою родину, чтобы услышать о них. Думаю, мы должны быть осторожными и скрыть наше отношение к вампирам Галлии и Валахии.

– Боюсь, что слишком поздно, – задумчиво сказал Квин-

тус. – Я заметил, что элеме проводят много времени с Нтикимой, всегда стремившимся выяснить наши мысли и обычаи. Но не думаю, что элеме Адамавары будут более довольны своими родственниками-гуннами, чем покоренные народы.

– Как мало мы все-таки знаем, – философски заметил Лангуасс, – несмотря на долгие годы учения.

Эти слова раздосадовали Ноэла, но Квинтус только пожал плечами:

– Раз мы знаем так мало, то нам и следует ехать в чужие края. Мы стремимся не к золоту, а к пониманию, что, по моему, стоит большого риска. У вас есть «Стингрей», вы можете выйти в море, если передумаете; но если останетесь, то придется согласиться на Гендва в качестве проводника и следовать его советам.

– Я настроен на приключения, – настаивал Лангуасс. – Присутствие вампира и его слуги сделает меня более внимательным к каверзам разного рода. Если ты прав, и гуннов в Адамаваре нет, я тебя защищу в случае необходимости.

– Наше путешествие продлится много месяцев, – сказал монах, – мы можем подвергнуться разным испытаниям. Не сомневаюсь, ваши ружья потребуются нам, но полагаться только на их мощь мы не можем.

– Я внимательно наблюдал за этим черным вампиром, – опять вступил в разговор Ноэл, – и понял, что он далеко не дурак, интересуется всем, на фактории расспрашивал о нас

ибо и эдау. Подошел ко мне, когда я работал с микроскопом, и смотрел так внимательно, что мне пришлось пригласить его заглянуть в прибор. Он ничего не сказал, и я не знаю, что подумал, но он все время изучает нас, мы должны это учесть. Если на вопросы этого вампира будем отвечать своими, как это делают туземцы, то сможем многое узнать в этом обмене, специалистами в котором стали за прошедшие десять лет. Так же, как меняем иглы и ножи на золото и слоновую кость, мы можем выменивать галльскую мудрость на африканскую. Независимо от веры в наши ружья будем вооружаться и знаниями.

Монах кивнул, соглашаясь с Ноэлом. Лангуасс пожал плечами. Они закончили есть, Квинтус отодвинул свой стул от стола. Когда все ушли, Ноэл стал ждать, пока Нтикима убежит со стола. Наблюдая за работающим мальчиком, он поглядывал в окно на наступающие сумерки.

– Ты не боишься, Нтикима, идти с нами в Адамавару? – спросил он в конце концов.

– О нет, – ответил мальчик. – Когда много лет назад я встретил в лесу Арони, он сказал, что однажды я буду обязан проделать это путешествие. Я не боюсь даже серебряной смерти.

– Ты вернешься с нами? Или останешься с мкумкве в надежде самому получить дыхание жизни? – Ноэл наблюдал, как мальчик смотрел на него – не смущаясь и без очевидного желания обмануть.

– Не знаю, – сказал Нтикима. – Сделаю, как мне скажут.

Уже после ухода юного уруба Ноэл сообразил, что Нтикима не сказал, от кого получит наставления.

Ноэл лег рано, чтобы встать до рассвета. Он понимал, что в путешествии начинать дневной переход нужно как можно раньше и делать остановку после полудня, чтобы сохранить силы. В самую жару лучше спрятаться, переждать. Он спал чутко, как всегда перед чем-то новым, и в своих снах видел чертей – не бесов собственной веры, но странных африканских духов, чьи имена и приметы узнал недавно. Эти ночные тени грозили ему обещанием, что нанесут еще больший вред, если он пойдет дальше.

Несмотря на это, ранним утром следующего дня Ноэл уже трудился, готовя ослов и поклажу для переправы на северный берег реки, откуда начиналось их путешествие. Он решил, что, как самый сильный, возьмет на себя роль вожака.

В караване было двадцать два осла с грузом, кроме трех, которые предназначались для того, чтобы везти уставших. В состав экспедиции вошли шестнадцать человек, из них шестеро белых. Лангуасс решил, что с ним пойдут Лейла, Селим и два матроса – лучшие стрелки, англичане Эйре и Кори: первый – щуплый, невысокого роста, второй – здоровяк, когда-то служивший в морской пехоте. Ноэл сомневался в правильности решения пирата взять женщину, но Лангуасс настаивал, присягая, что она справится с любой работой не хуже мужчины. Несомненно, цыганка сама предпочла идти с

ними, чем остаться с матросами «Стингрея», и Ноэл не стал противиться.

Семью черными из поселения руководил Нгадзе, живший здесь дольше других и выучивший, вдобавок к полудюжине местных наречий, английский язык; Мбурраи и Нтикима были в этой группе. Власть Нгадзе была чисто формальной, потому что Гендва сразу же стал верховодить горцами, превосходя даже белых. Черные подчинялись и Мсури, хотя Ноэл знал, что в любом споре Нгадзе будет колебаться и предпочтет выполнить приказы элемеи.

Караван, возглавляемый Квинтусом и элемеи, двинулся в путь через три часа после рассвета. За ними шел Ноэл, ведя осла с его и монаха пожитками, включая ящик с микроскопом. Лангуасс и его люди вели ослов с ружьями, порохом, замыкали шествие черные, ведя по два-три осла с припасами, товарами, чтобы в случае необходимости обменивать их на пищу в местных деревнях.

Так началось его путешествие в глубь континента.

Ноэл чувствовал, глядя на поселение, которое было много лет его домом, что уходит без сожаления, хотя он не знал, что ожидает его впереди. Сейчас он дрейфовал в море судьбы, был спокоен, терпелив, готов встретить все, что таит этот странный континент. Он ощущал, что это будет великое приключение в его жизни, которое позволит ему лучше разобраться в себе и раскрыться для окружающих.

Продвижение экспедиции поначалу казалось Нтикиме мучительно медленным. Тяжело груженным ослам было трудно идти по лесу, частые остановки выматывали. Ноэл Кордери и белый бабалаво знали, что их ждет, и были терпеливы, зато Лангуасс с матросами дали волю проклятиям, жалобам, и мальчик старался быть подальше от них, когда мог.

Они ушли от реки, на которой стоял Буруту, направляясь на северо-восток, к основному руслу Кварры, пересекая тихие неглубокие речушки, ручьи, опасные из-за крокодилов, которых приходилось отгонять пиками и ружьями. Почва была болотистой, кишела насекомыми. Особенно много было черных пиявок, и, хотя одежда служила определенной защитой, матросы избегали их. Нтикима знал, как легко и быстро удалять этих тварей с ног, но их жгучие укусы раздражали.

Дальше от дельты на некоторое время идти стало легче, но скоро тропа исчезла в жесткой траве, образующей густой ковер среди пальм. Приходилось постоянно петлять. Все чаще попадались унылые, безмолвные болота, участки медленно сохнущей грязи. Нередко приходилось идти под безжалостно палящим солнцем.

Кроме крокодилов, другие животные джунглей не представляли опасности, хотя белые обходили питонов, лениво

лежащих на ветвях, научились не замечать обезьян, тараторивших о своем на вершинах деревьев. Насекомые были надоедливее. Привычный Нтикима игнорировал их, но Квинтус уверял, что по-своему они опаснее крокодилов. Бабалаво раздал белым тонкие, защищающие лица от насекомых сетки, и настаивал, чтобы все спали, прикрываясь ими. Гендва сказал, что бояться нечего и его снадобья защитят всех, но белые предпочитали собственные меры предосторожности. Нтикима уважал врачебные способности белого бабалаво, поэтому слушал и того и другого. Квинтус рекомендовал пить только кипяченую воду, так как кипячение изгоняет из нее болезнетворных духов. Мальчик с любопытством ждал случая проверить умение Квинтуса и Мсури.

Лангуасс сначала протестовал против сетки, но со временем смирился. Даже Селим боялся укусов насекомых больше всего другого, ведь от них он ни мог защититься своим мечом. Он постоянно ходил в сетке, которая обладала, по мнению путешественников, тем преимуществом, что скрывала его уродливое лицо.

Нтикима не мог сказать почему, но белые люди пока не страдали серьезной лихорадкой. У них были проблемы с болью в животе, недержанием, несмотря на изгнание злых духов кипячением воды и тщательным приготовлением пищи. Несколько ослов заболели, но свои грузы все же тащили, сдох только один. Другой потерей было исчезновение двух ибо, для которых соблазн возвращения в родные деревни пе-

ресилил перспективу путешествия в незнакомые края.

С началом сухого сезона уровень воды большой реки постоянно падал, и полосы грязи и песка на обеих сторонах Кварры стали более проходимыми. На берегах было много деревень, жители которых возделывали поля, покрытые илом, пищи было в изобилии, особенно рыбы, вылавливаемой многочисленными рыбаками. В большинстве деревень с удовольствием приветствовали Они-Осангина, и, хотя ему приходилось часто присутствовать на тайных церемониях, для экспедиции было великим благом, что местные священники и колдуны единогласно объявляли его своим другом. Многие были щедры к Мсури, который однажды мог возвратиться сюда в качестве элемеи.

По мере удаления от дельты растительность на берегах стала реже, а берега – выше и круче. Прохладный бриз струился вдоль реки, облегчая маршрут, сдувая мириады насекомых с болот. Постоянными спутниками экспедиции были речные птицы – журавли, белые цапли, грифы, питавшиеся остатками добычи крокодилов. Караван покрывал большое расстояние с рассвета до полудня; после обеда наступал отдых, в приятном ничегонеделании, с дружественными соседями и обильной пищей.

Вечерами холодало, и белые ставили палатки на открытых местах, предпочитая их даже близким деревням с хижинами, плетеными из прутьев. Ночами Нтикима ходил с Гендва и Мсури на собрания Огбоне, где всегда знали об их прихо-

де. Иногда в деревни отправлялись и другие черные – кроме Нгадзе, который всегда оставался с белыми, но тайные собрания посещал только Нтикима и часто возвращался разочарованным, потому что магии на них почти не было.

Белые с осторожностью принимали гостеприимство туземцев, получая съестные припасы, и всегда выставляли посты. Нтикима считал это мудрым – груз каждого осла мог считаться богатством для любого вождя. Он сомневался, что ружья помогли бы, если белые не находились бы под защитой Огбоне; никто бы не задумался, убить или нет, чтобы завладеть добром, и многие рискнули бы пойти против ружей. Деревни сами устанавливали свои законы, больше уважая самого Гендва, чем далекую власть, такую как власть оба в Бенине.

Дни проходили спокойно, и белые стали больше верить в свою безопасность. Ноэл перестал носить мушкет, проявлял больше интереса к посещаемым местам, к действиям элеме. Квинтус незаметно присматривался к Гендва. Когда элеме пил кровь, обычно Мсури, но иногда Нтикимы и других, Квинтус тайком наблюдал за ним. Когда Гендва, Мсури, Нтикима приносили растения из леса, чтобы делать снадобья, Квинтус спрашивал Нтикиму, что и как делается. Когда Гендва пил кровь, колдовал или просто сидел у себя, Квинтус обычно наблюдал, слушал. Гендва не возражал против этого и не запрещал Нтикиме отвечать на вопросы, хотя его ответы были всегда уклончивы.

Когда элемепил кровь Нтикима, то открывал вену бронзовым ножом и терпеливо сосал надрез перед тем, как смазать пастой, взятой из мешочка. Нтикима давал свою кровь только по просьбе Гендва, и это скоро стало для него обычным делом. Порезы, сделанные элемеми, никогда не гноились, он часто подобным образом лечил раны туземцев.

Гендва никогда не просил кровь у белых и все их царапины, укусы лечил Квинтус. Нтикима заметил, что белые интересовались результатами лечения вампира, а Гендва следил за врачеванием Квинтуса. Нтикима хотел знать больше о методах белых, чтобы быть полезным элемеми, поэтому обо всем спрашивал Квинтуса, стремясь запомнить ответы.

Лангуасс и его мушкетеры не могли охотиться в лесу – берегли порох. Ибо, хотя и жили в джунглях, не были искусны в обращении с луком и стрелами. Мясо путешественники брали из своих тающих запасов или покупали у туземцев, державших птицу. Рыбы было больше, но основной пищей было пшено, каша и оладьи из него, суп из земляного гороха. Ибо находили съедобные плоды – бананы, яме и земляные орехи. Их было немного, но достаточно для питания, если рядом не было деревни. Нгадзе невесело предсказал, что с пищей будет похуже в горах.

Лес стал реже, и вскоре северо-восточный ветер начал приносить тонкую голубую пыль: это было первым знакомством путешественников с харматтаном, дующим в сухой сезон. Особенно тяжело приходилось днем, потому что путе-

шественники часто вынуждены были идти против пыльного ветра, забивающего глаза и мешающего дышать. Нтикиме, как и белым, это не нравилось, но Гендва предупредил, что чем севернее и выше они поднимутся, тем суше и грязней станет харматтан.

Вдоль берегов тянулись округлые холмы с коричневой травой на вершинах, в зеленых долинах густо росли пальмы. Утром можно было различить пики гор на северо-западе, но к полудню пелена харматтана закрывала их. Ночью с вершин холмов путешественники видели десятки разбросанных по округе костров, а однажды они заметили на западе зарево большого лесного пожара – первого из многих, что испепелят громадные площади в следующие месяцы. Они часто пересекали районы с почерневшими от прежних пожаров деревьями.

Наконец они вышли из леса в долину – территорию нупаев, занимающихся, как и мкумкве, скотоводством. Мужчины-нупаи одевались не столь экстравагантно, как воины мкумкве, сопровождавшие Они-Олоруна, и украшали себя узорами, а не цветными шрамами. Ноэл Кордери рассматривал землю нупаев как менее враждебное место, чем лес, но Нтикима родился и вырос в лесу, открытые степи пастухов были чужды ему. Однако он старался не показывать этого, потому что принадлежал Огбоне, для которого никакая земля на континенте не является чужой.

Двое из фактории страдали болезнью, которую Квинтус

называл «йоз», – обычной здесь, особенно среди людей; Гендва дал им лекарство. Нтикима знал, что большинство больных обычно выздоравливает без лечения, даже маленькие дети редко умирали от неё, но знал также, что иногда случается воспаление, которое может обезобразить человека. Поэтому не удивился, что для двоих страданий показалось достаточно и они сбежали. Из туземцев Буруту остались только Нгадзе, Мбурраи и Нтикима. Ноэл Кордери был огорчен потерей, но не испуган. На открытой местности было проще управляться с ослами.

Мбурраи тоже прихворнул, его правая рука болела из-за червя, который, по словам самого Мбурраи, уже несколько лет рос в ней. Вначале Квинтус этому не поверил, но в деревнях у реки Нтикима показал ему других людей страдающих этим заболеванием. Один из них воспользовался тем, что червь показался в ранке у запястья, и стал его дюйм за дюймом вытаскивать, наматывая на палку. Нтикима уверял Квинтуса, что таким образом мужчина удалит паразита, хотя это и очень мучительно. Мбурраи спросил, можно ли вытащить червя из его руки, но ни Квинтус, ни Гендва не знали, что предложить.

Особенно много проблем в путешествии создавали киго – впивающиеся насекомые, которых Гендва и Квинтус ловко выцарапывали острием иголки. Иной возможности испытать силу белого и черного колдунов пока не представлялось.

Сапоги белых защищали от киго, но они вытряхивали их

каждое утро, чтобы уберечься от заползших скорпионов. Однажды низкорослый Эйре впал в жуткую панику, когда ему на спину свалился громадный фруктовый паук, но Нтикима заверил его, что такие создания безобидны. Нтикима не боялся пауков, позволял им передвигаться по себе, радуясь тому, что даже безносый турок рассматривал это как доказательство необыкновенной смелости и стойкости.

На равнине, где жили пастухи, Нтикима увидел много животных, удивительных и для него, и для белых. Их поразили жирафы, объедающие листву высоких деревьев.

Странно, но некоторых из этих созданий Ноэл уже знал, он сказал, что видел львов, леопардов, даже пойманного слона. Ноэл надеялся увидеть животных на их родине, но, к его разочарованию, большие кошки были очень осторожны и не показывались, хотя путешественники часто слышали их голоса. Ноэл обрисовывал львов, но гиены и шакалы, бродившие вокруг деревень, были так же неизвестны ему, как и Нтикиме.

Некоторые вещи пугали Ноэла. Он спрашивал Нтикиму о кочевниках-животноводах, их обычае доить животных, пускать им кровь. Пастухи надрезали шеи животных и смешивали кровь с молоком, предлагая путешественникам. Нтикима нашел эту смесь вполне терпимой, но видел, что белые отказываются пить ее, этот обычай смущает их. Мальчик решил, что белые ограничивают себя странным и строгим табу в использовании крови и что это как-то связано с их

отношением к элеме. Но, когда Нтикима рассказал Гендва о своем открытии, Они-Осангин промолчал.

Путешествие по долине было таким легким, что на второй день они увидели место переправы через Кварру и Бенуаи, сходящиеся неподалеку в большую реку, которую нельзя было перейти вброд. Им пришлось убеждать рыбаков прибрежного поселения переправить их. Даже без помощи Гендва это было несложно, потому что местные жители привыкли к жизни на воде. Многие говорили на уруба, а некоторые утверждали, что бывали в Буруту. Вид белых их совсем не удивил, не напугал, в отличие от лесных жителей, предпочитавших держаться от них подальше. Вождь этой деревни был более радушен, чем любой царек лесных жителей.

Позади места слияния рек между Бенуаи и холмами тянулась узкая полоска земли, по которой они шли на восток, используя тропы, проложенные местными торговцами. Скота здесь было мало; по словам Гендва, из-за распространенной здесь падучей болезни. Несколькими милями выше скоту ничего не грозило. Местные жители боялись и ненавидели горцев, проходивших со скотом, потому что те часто грабили деревни, и даже Гендва опасался их. На пути участников экспедиции не раз встречались деревни, дотла разоренные мародерами.

Две группы торговцев хауса три дня шли за караваном, уверовав в силу ружей Лангуасса в качестве защиты против возможного нападения. Как и местные жители, эти хауса уже

видели белых. Обычно хауса продолжали путь и после полудня, но сейчас они останавливались, когда белые укрывались от солнца. Вешали свои товары на сучья и усаживались рядом с Нгадзе и Мбурраи, обмениваясь рассказами, шутками. Нтикима держался на расстоянии, стараясь быть рядом с элеми. Гендва игнорировал попутчиков. Хауса пошли своей дорогой, когда Гендва увел ослон с реки на север, к холмам, по течению ручья.

Когда путешествие показалось всем утомительно бесконечным, Нтикима набрался духу спросить, сколько еще идти – о чем Кордери уже спрашивал. Но Гендва сказал мальчику, как и белому, что они только начали свой путь, плодородную землю Адамавары не так легко достичь с такими путешественниками.

Из сонного расслабления Ноэла вывел далекий звук, нарушивший тишину тропической ночи. Кордери быстро поднял голову с грубой подушки, сделанной из свернутой одежды, но распознал природу звука и успокоился. Потом перевернулся на спину, но не встал. Знал, что звук стихнет и он опять уснет.

Квинтус, лежавший рядом, тоже проснулся, сел, отодвинув противомоскитную сетку, и натянул ботинки.

Его лицо было освещено тусклым светом фонаря, стоявшего на земле между ними.

– Это Оро, – сказал Ноэл. – Нас это не касается.

– Но Лангуасс этого не знает, – ответил монах. – Надо предупредить его и его людей, чтобы оставались в палатках. Нам вовсе не нужен человек с мушкетом в ночных поисках зверя. Если утром объявятся мертвые, пусть это будут воры хауса или преступники уруба.

– Конечно, – ответил Ноэл. – Мне тоже идти?

– Не надо. Я сделаю все сам.

Монах поправил свое белое одеяние и выбрался из сетки, окружавшей постель. Выходя, он прикрыл вход, но не долго он оставался закрытым. Под сетку Ноэла проскользнула Лейла. Ее приход насторожил, но то, что она была одета, успокоило; ночи сейчас стали холодными, и одеваться приходи-

лось теплее.

– Что это за шум? – нервно спросила цыганка, сев на его кровать и стараясь скрыть тревогу.

– Это Оро, – сказал он. – Слово означает «ярость» или «свирепость». Туземцы говорят, что это что-то вроде демона, приходящего наказать виновных, но шум производит священник, вращая на плети кусок дерева с отверстиями. Оро чем-то похож на Эгунгуна, появляющегося по другим случаям. Огбоне вызывает его, чтобы наказать ведьм и других нарушителей неписаных законов. Когда раздается его голос, женщины закрываются в хижинах, потому что это касается только мужчин. Выданных преступников больше не видят, но иногда изуродованные тела находят на ветвях высоких деревьев, куда их забрасывает демон. Их кровь пьют элеме и обычные люди, ею мажут, в качестве жертвоприношения, большие барабаны – гбеду.

Иногда, когда приходит Оро, туземцы убивают пленных рабов или детей, но это зависит от вида праздника. На праздник Олори-мерина, бога, хранящего города, в жертву приносят новорожденного. Это случается четыре раза в год, но и тут опасности для нас нет.

– Но не наш приход поднял их? – спросила Лейла.

– Нет. Наш приход для этих людей ничего не значит. Они могут только радоваться присутствию вампира Гендва на их церемониях, устроить для него целый спектакль. В Огбоне он важная персона – священник Осангина, доброго бога-ле-

каря.

– Это ужасная страна, – пожаловалась она, – где вампиры, живут долго или нет. Боги, которых боятся черные, требуют кровопролития, даже в молоке для детей – кровь животных. Это чудовищно.

– Эти леса не краснее, чем улицы любого галльского города, – возразил Ноэл цинично. – Сомневаюсь, что арабские страны чище. Ни христиане, ни мусульмане не церемонятся с врагами, все мы просим помощи у наших богов в своих делах. Да, Олори-мерин – мрачный бог, но честнее жестокостью служить жестоким богам, чем, как инквизиция-папы, пытаться во имя доброго, ласкового Бога, который якобы любит и жалеет всех нас.

Снаружи голос Оро стал стихать и наконец все смолкло.

– Это все? – спросила цыганка.

– Нет, – сказал Ноэл. – Сейчас раздастся барабанный бой – но мы не в самом городе, будет не очень громко. Мы в безопасности и должны уснуть.

– Если я останусь с тобой, – сказала она, – то буду спать лучше.

– Лангуасс будет искать тебя, – ответил он, стараясь смягчить тон.

Она хотела ответить, но вошел Квинтус и посмотрел на обоих, неудобно устроившихся в складках защитной сетки. Лейла питала уважение к Квинтусу, хотя он не был суров с ней, и замешательство, смешанное с раздражением, застави-

ли ее отодвинуться.

– Не бойтесь, – сказал Квинтус. – Лагерю ничего не угрожает. Нгадзе будет наблюдать. Гендва и Мсури ушли, Нтикима тоже, возможно, потому что он уруба.

Ноэл задумчиво кивнул. Ни он, ни Квинтус не верили, что Нтикима ушел из-за того, что был уруба. Они давно решили, что он принадлежит к Огбоне и с самого начала должен был следить за торговцами из Буруту, докладывая своим хозяевам об их действиях, планах. Они не особенно сердились, потому что мальчик нравился обоим, но должны были остерегаться.

– Пойду к Лангуассу, – сказала Лейла, – хотя я ему больше не нужна. Он теперь не успокоится, пока не узнает, сможет ли использовать тайну черных вампиров, если, конечно, доберется до нее.

Цыганка вышла из палатки. Ноэл удивленно посмотрел ей след.

– Что она хотела сказать? – спросил он монаха.

Квинтус забрался под сетку своей постели и сбросил сапоги:

– Думаю, она пыталась намекнуть тебе, что Лангуасс импотент или что-то в этом роде. Он как-то осторожно расспрашивал меня о лечении.

Ноэл недоуменно смотрел на монаха, пытаясь понять слова марокканки:

– А при чем здесь тайна черных вампиров?

– Под мешочки элеме ты заглядывал? – спросил Квинтус.

Гендва постоянно носил мешочки и тряпку на бедрах, мылся нечасто. Ноэл не видел укрываемого, всегда отворачиваясь от обнаженных.

– Его член изуродован, – продолжал Квинтус. – Увидев это впервые, я подумал, что он жертва неудачного обрезания или несчастного случая до того, как стал вампиром, и его ткань не восстановилась, но потом понял – это сделано умышленно. Если ритуалом икеика мальчика превращают в мужчину, то так же может происходить превращение мужчины в элеме, видимо это называется Ого-Эйдун. Элеме довольны, потому что они выше обычных удовольствий и соблазнов; мы знаем, цветные шрамы, наносимые себе такими племенами, как мкумкве, не заживают полностью даже тогда, когда их носители становятся элеме. Возможно, что головку члена Гендва отрезали и смазали чем-то, чтобы она не восстановилась после того, как он станет вампиром.

Ноэл удивился ощущению пустоты, которое почувствовал в животе. На секунду ему показалось, что он заболел. Кордери видел эдау, раненных неосторожным обрезанием на церемониях посвящения в ряды племени, вид воспаленного, гноящегося пениса удручал. Мысль о том, что возведение в статус элеме влечет более основательную кастрацию, была еще мрачнее, чем представление о том, что может происходить примерно в миле отсюда, где кровь ребенка капает в бутылочную тыкву, которую поставят на могильный холмик

с захороненной плотью дитяти.

– Этого не может быть, – хрипло прошептал Ноэл. – Вампиров создают содомией, так говорил мой отец.

– Другие тоже так считали, – согласился Квинтус, – хотя грегорианцы всегда говорили, что это делает черт. Я бы хотел посмотреть на другого элемеи, чтобы увидеть, чего ему недостает.

С этими словами монах улегся спать и, хотя барабаны гбе-ду уже били неподалеку, с удовольствием отдался объятиям Морфея. Мысли же Ноэла были так смущены узанным, что он ворочался несколько часов и все еще не спал, когда прекратился барабанный бой. К утру его глаза покраснели, и в пути он еле двигался, вызывая раздражение Лангуасса. Пират никогда не вспоминал эту ночь, хотя явно хотел знать, что произошло между Ноэлом и его любовницей, которая, видимо, уже не была таковой в полном смысле этого слова.

Низина, по которой теперь шла экспедиция, была покрыта пышной, богатой зеленью, то и дело путникам встречались тучные стада, посева проса, кассавы, ямса. Но дорога стала каменистой, покрытой выбоинами. Постепенно земля, жители становились беднее, и в течение дня путешественники перешли из края молока и меда в суровый край жухлой травы, редких деревьев, мрачных туземцев. Этим вечером солнце садилось в странном мертвенно-бледном зареве, харматтан затенял пурпурную линию горизонта, где край плато выделялся ломаной линией на фоне долины, простираясь вдаль

насколько мог видеть глаз.

Нгадзе сказал, что торговцы хауса, сопровождавшие их, называли это плато Баучи и предупредили, что его жители, кибуны, – дикари, людоеды. Как хауса поведали Нгадзе, мужчины-кибуны – краснокожие, а у женщин есть хвосты. Эти краснокожие скачут, как черти, по пыльным степям на своих тощих пони. Еще хуже то, что они не любят элеми. Своих элеми у них нет, и они не хотят, чтобы однажды к ним пришли мудрецы. Мало того, благодарят своих дикарских богов за то, что у Огбоне нет власти над ними. Нгадзе повторил сказки торговцев о вампирах, убитых и съеденных этим чудовищным народом. Когда Квинтус спросил Гендва, представляют ли жители плато опасность, элеми остался невозмутимым.

Гендва повел их по усыпанной валунами долине к высоким гранитным скалам, и Ноэл понял, что они направляются к расселине в скале, по которой бежал быстрый ручей. Крутая тропа вела на тысячетрехсотфутовую высоту и была трудной для ослов. Тюки с животных приходилось снимать, но подъем был завершён до наступления жары. Белые разбили палатки на вершине, пока остальные заканчивали переноску грузов от подножия.

На следующий день они увидели первую деревню кибунов, без деревянной стены или рва, как у нупаев и их соседей, но окруженную высокой оградой колючих кактусов. Хижины были маленькие, а участки разделены изгородью в

рост человека. На участках росло просо; домашняя птица, пони содержались в загонах.

Кибуны наблюдали за караваном из своих укрытий, но не пытались напасть. Ноэл видел, что они действительно были красными из-за того, что их обнаженные тела покрывала краска. Их копья были легче и короче, чем у воинов мкум-кве. Женщин не было видно, и поэтому слова хауса о хвостах не представлялось возможным проверить. Проезжая перед кибунами, Гендва повернулся к ним, поднял правую руку и крикнул: «Шо-шо! Шошо!» На приветствие ему ответили так же – подняв руку и выкрикивая: «Шо-шо! Абоки!»

За деревней тянулась равнина с редкими низкими, искривленными ветром деревьями, желтой, местами почерневшей от огня травой. Когда вечером путешественники разбили лагерь, единственным зеленым пятном вокруг была изгородь из кактуса, различимая на южном краю горизонта.

По ровной земле продвигались быстро. Солнце сверкало в безоблачном небе, харматтан дул весь день, но на этой высоте жара менее изнуряла. На плато было меньше жителей, чем в низине, когда они проезжали крепости из кактусов, окружающие деревни кибунов, туземцы скрывались, отвечая на приветствие вампира, но не рискуя выходить навстречу или предлагать пищу. Как и предсказывал Нгадзе, с питанием стало хуже, дичи было мало. Количество пищи пришлось ограничить, скоро путешественники стали ощущать голод. Иногда они видели группы охотников-кибунов, скачущих на

спинах тощих пони, Нгадзе пытался подзвать их, чтобы выменять свежее мясо на ножи и иглы, но охотники не приближались.

Ночью дул холодный ветер, неприятный, как пыльный харматтан, заставляя дрожать даже в одеялах.

Топлива было мало, слабый жар костров почти не давал тепла. Нгадзе и Мбурраи спали сидя, касаясь коленями подбородков, закутавшись в одеяла. Они часто покачивали копиями, направленными в небо, и отказывались от палаток. Казалось, Гендва боролся с холодом магическими заклинаниями, покачиваясь из стороны в сторону; мелодия растворялась в длинных припевах, в которых бесконечно повторялась единственная фраза: «Ада-ма! А-да-ма!»

Несмотря на одежду, выброшенную по настоянию Ноэла, ибо дрожали в прохладе утра, скакали и танцевали после выхода каравана, чтобы согреться. Нтикима меньше страдал от холода, чем старшие, но обычно простужался, и когда лекарства элеме не помогали, ехал на ослах.

Подъем опять мягко пошел вверх, после того как они изменили направление, обходя конусы трех умолкнувших вулканов. В одном месте им пришлось пересечь глубокое ущелье по сделанному из веревок и планок мосту, что было тяжело для ослов, осторожно проведенных Квинтусом и Нгадзе. Идти стало труднее из-за частых каменных осыпей, скалистых выступов, выющихся по холмам.

Туземцы здесь звались джавара, и их поселения, разбро-

санные по вершинам холмов или вокруг плодородных долин Джавара, были больше, чем у кибунов. Как и кибуны, они держались подальше от каравана, неохотно отвечали на приветствия вампира, пока однажды экспедиция не подошла к большому поселению в лесистой долине, где Гендва встретили восторженно. Причину Ноэл понял, когда их привели на лужайку к хижине со старейшинами племени. Это были три элеме весьма преклонного возраста.

Здесь экспедиция пополнила свои припасы и приняла участие в празднестве в честь посещения Гендва. Гендва и Мсури допоздна беседовали с местными элеме, а туземцы рассматривали белых, которых никогда не видели раньше. Они не слышали и рассказы о бледных людях, чьи суда постепенно расширяли связи с прибрежными африканскими народами.

Ноэлу джавара казались цивилизованнее лесных народов. Они не умели обрабатывать бронзу, как ремесленники Бенина, зато добывали оловянную руду, плавили ее в глиняных печах, изготавливали проволоку, украшения. Их мастерские, горны, печи, молоты будили в Ноэле странное чувство ностальгии, вызывали непонятное ощущение духовного родства.

Но он нечасто наблюдал ремесленников в работе. Тянуло к хижинам элеме – взглянуть на бедра вампиров джавара. Он уже видел изуродованный член Гендва, теперь, как и Квинтус, хотел выяснить, подверглись ли такой же операции

другие элеме, и узнать, в чем заключается операция «тигу». Подобное любопытство рождало некоторое пренебрежение к себе, но противостоять соблазну Ноэл не мог. Увы, ему не представлялся случай увидеть то, что он хотел.

Экспедиция миновала центр большого плато, путь пошел под уклон. Они спустились на северный берег реки, очевидно, основной здесь в дождливый сезон, но текущей сейчас в глубине русла. Гендва называл ее Гонгола. Они двигались между речной долиной и степью. Эта полоса плодородной земли была усеяна стадами кочевников, называвших себя фулбаи и господствовавших здесь.

Фулбаи, с длинными, прямыми волосами, медно-коричневой кожей, отличались от лесных жителей и обитателей плато. Многие носили бороды, в отличие от лесных туземцев, выщипывавших скудную растительность на подбородках.

Фулбаи были в плохих отношениях со своими соседями-землепашцами. Караван наткнулся на две разрушенные покинутые деревни с костями убитых воинов, обглоданными шакалами и вороньем. Гендва не приближался к стадам, принадлежащим фулбаи. Нтикима сказал Ноэлу, что сейчас пришло время людям Лангуасса держать мушкеты наготове. Даже элеме опасался этих дикарей. Ноэл спросил Нтикиму, есть ли у фулбаи собственные элеме. Тот ответил отрицательно.

В этих местах царили специфические запахи, по-видимо-

му, из-за гниения водорослей, принесенных рекой. Запах напомнил Ноэлу о полях вокруг Абертейфи и их удобрении морскими водорослями. Здесь впервые Ноэл увидел множество антилоп, хотя на большой площади пасся и домашний скот.

Двигаясь вдоль Гонголы, между откосами, они вышли из широкой долины. Река повернула на юг, и Гендва повел экспедицию на восток к другому плато, не такому высокому, как Баучи, но более лесистому, поросшему густым кустарником. Стены городов, где жило племя тера, были укреплены для защиты от налетов фулбаи. В городах были элеме, Гендва охотно принимали, путешественники больше не страдали от превратностей дороги. Белые поставили палатки на укрепленных участках тера, но через пару дней перешли на более открытое место.

Здесь на них сразу же напали мародеры фулбаи, которые не имели понятия о средствах защиты экспедиции. Первые нападавшие выскочили из кустов, ринулись на караван, пропустив вперед его большую часть, швыряя копья в людей, идущих за последними тремя животными. Кори и Лангуасс разрядили свои мушкеты, пока к ним бежали на помощь Эйре, Селим и Ноэл. Мушкетные выстрелы скосили двух бородатых налетчиков: одного на близком расстоянии убил Лангуасс, второго, замахнувшегося копьем, Эйре.

Остальные бросились в кустарник, но один осел все же был ранен в бок и обезумел от боли. Трое животных, отпу-

ценных Кори и Лангуассом, разбежались в разные стороны, два осла исчезли в кустах вслед за фулбаи. Кори хотел последовать за ними, но Ноэл удержал, посоветовав собрать вместе оставшихся животных. В экспедиции осталось слишком мало людей, чтобы решиться на преследование.

В тот же вечер они подверглись еще одному нападению. На этот раз из кустов выскочили человек тридцать – сорок, Лангуассу пришлось построить людей в каре, в первом ряду которого стояли он сам. Кори, Эйре и Селим, а Ноэл, Квинтус, Лейла и Нгадзе ожидали сзади, чтобы выступить вперед.

Хотя нападавшим нужно было пробежать более семидесяти ярдов, только трое упали сразу же, казалось, что схватка перейдет в рукопашную. Но когда фулбаи приблизились к ружьям, их натиск ослаб, страх усилился. Они издавали свой боевой клич, но не приближались. Турок Селим издал еще более злобный вопль, и у его товарищей появилось время на еще одну перезарядку, и они его использовали с толком – выстрелили еще раз под дождем копий, убив или ранив пятерых. Эйре был ранен в бок, копыта попали в двух ослов, но налетчики бежали.

Вначале Ноэл считал, что они отделались легко, но Эйре умер ночью от своей раны, кроме того, им пришлось бросить раненых животных и часть груза. Гендва, в состоянии крайнего беспокойства, торопил всех, желая быстрее покинуть опасное место. Истощившаяся экспедиция выступила на следующий день. Ноэл чувствовал, что удача отвернулась

от них. Казалось, стоявшая до сих пор в стороне опасность во всей своей силе и ярости подошла вплотную.

Нтикима был напуган налетами фулбаи в немалой степени потому, что Гендва, в чьей мудрости он ранее не сомневался, не смог предвидеть опасность или справиться с ней. Молодой уруба видел, что без ружей Лангуасса экспедиция потеряла бы все, и обрадовался, когда ружье Эйре по настоянию Ноэла Кордери отдало ему, а Лангуасс согласился научить его стрелять, хотя эти уроки и отодвинулись в бесконечность.

Они продвигались быстро и в тревоге, пока не выбрались из поросшей кустарником местности. Несколько дней прошли спокойно, и Нтикима стал верить, что худшее позади. Фулбаи не появлялись, видимо удовлетворившись своей добычей.

Караван теперь шел по местности со странным рельефом, где рощицы вторгались в равнины, поросшие высокой, часто в два человеческих роста, травой. Разрастаясь в сезон дождей, сейчас высохшие растения таили опасность пожара. Выжженные участки были легче для перехода, хотя и полны серого пепла. Участки с растительностью скрывали другие ловушки, опасные для экспедиции.

На четвертый день перехода по этой местности, не увидев ни одного живого существа, путешественники чуть было не попали в полосу пожара, идущего с севера, им пришлось бе-

жать сломя голову в поисках спасения. Они не могли даже остановиться, чтобы переждать жару, и все двигались вперед, задыхаясь от кислого запаха дыма, подхлестывая обеспокоенных вьючных животных. Когда могли, шли при свете звезд, пока не достигли широкой и мелкой реки, за которой начиналась зеленая зона, где они почувствовали себя в безопасности.

К этому времени в экспедиции осталось только семь ослов, запасы пищи кончились, и все, кроме элеме, страдали от жестокого истощения. У Нтикимы начался отрывистый кашель из-за дыма, грудь болела. Большинство палаток пропали, защитные сетки были утеряны, к счастью, насекомых здесь было меньше, чем в лесу. Ночи оставались еще холодными, но большинство одеял захватили нападавшие. Нтикима опасался, что кашель обострится, хотя Ноэл Кордери и белый бабалаво довольствовались ночью своей одеждой, пока он был болен.

Утром после пожара оказалось, что Лангуасс и Кори получили солнечный удар. В этот день караван прошел немного, на следующее утро у Лангуасса поднялась температура. Поскольку вьючных животных осталось мало, даже белые должны были нести груз. Лангуасс не мог ехать верхом, но после часа ходьбы он стал спотыкаться, теряя последние силы. Квинтус соорудил носилки, и Селим с Ноэлом несли их до полудня. После обеда черные пошли на поиски земляных орехов и съедобных корней, и хотя они нашли довольно мно-

го пищи, в этот вечер настроение у всех было плохим.

На следующий день температура поднялась у Кори, а Лангуасс почувствовал себя лучше. Лейлу это не утешало. Нтикима, избавившись от кашля, отдал свое одеяло больным. Квинтус, хотя и не заболел, но очень устал и ослабел. Нтикиме стало ясно, что Ноэл и Селим не смогут бесконечно тащить доставшийся им груз. Нтикиме сейчас думалось, что Гендва должен доказать ценность своих лекарств, иначе им всем не достигнуть Адамавары.

Гендва терпеливо ухаживал за Лангуассом и Кори.

Он пел молитвы, давал лекарство из похудевшего мешочка, затем, отойдя в сторону, садился на корточки и тихо пел в ночи: «А-да-ма! А-да-ма!» По своему обыкновению, он часами повторял это, впадая в состояние, близкое к трансу. Нтикима наблюдал с любопытством и видел, что Мсури тоже проявлял интерес к этой сцене.

Несмотря на постоянный уход, белые больные не выздоравливали. Экспедиция шла черепашьям шагом, разбивая лагерь уже через несколько миль перехода. Как-то под вечер Гендва послал Нтикиму к Ноэлу и Квинтусу с неслыханным предложением. Элеми впервые выступал официально, что никогда не позволял себе ранее.

– Рядом помощи нет, – сказал Гендва на уруба низким голосом, звучащим для Нтикимы странно. – Опасно задерживаться здесь, потому что могут быть еще пожары, к тому же лихорадка держится. Нам нужно пройти завтра много –

больные должны идти пешком. Я дам им новое лекарство, которое заставит их думать, что они полны сил, но в нем есть опасность. Они могут идти, пока не упадут, но потом не встанут. У меня нет другого выхода.

– Сколько нам еще осталось до цели? – спросил Квинтус.

Элеми никогда не отвечал точно на вопрос, как далеко находится Адамавара, но сейчас пошел на уступки:

– Двенадцать – двадцать дней. Лучше двенадцать, но что смогут мои люди, ваши не сделают. Мсури крепок, ваши спутники слабы. Вам решать, сколько вам нести. Я всем дам лекарство, но предупреждаю, что, когда достигнем безжизненного леса, встретим еще больше болезней. Серебряная смерть хуже, чем лихорадка, и путь будет труден.

– Если вы предлагаете бросить наших друзей, – спокойно произнес Квинтус, – то мы не можем этого сделать.

Нтикима смотрел, как черные старческие глаза элеми изучают лицо белого колдуна. Не знал, о чем они думали, но понимал, что, ощупывая друг друга глазами, они ведут какую-то борьбу.

– Я приведу вас в Адамавару, – сказал наконец элеми, – как мне сказали.

– Мы тщательно рассчитаем наши припасы, – пообещал монах, – но Лангуасс не оставит свои ружья и порох, да я этого и не хочу. Мы понесем все, что можем, и будем молиться, чтобы с помощью ваших лекарств добраться живыми в Адамавару.

– Так и будет, – ответил Гендва. – Я не прошу выбросить оружие или глаз, разглядывающий вещи. Только предупреждаю, путешествие будет трудным, кто-то может умереть, хотя я сделаю все, что смогу.

– Спасибо, – сказал белый бабалаво, кивая элеми. Он и Ноэл Кордери ушли, Нтикима присоединился к ним. Ноэл отвел его в сторону:

– Я вспоминаю, ты рассказывал нам о безжизненном лесе и серебряной смерти. Я хотел бы, чтобы ты повторил все, что знаешь. Элеми встревожил меня.

Нтикима взглянул на высокого бородатого белого:

– Я не знаю больше того, что уже сказал. Земля Адамавары темная, птицы не поют там. Людей уносит серебряная смерть, отбирающая чувства из тел.

Ноэл Кордери нахмурился.

– Как проказа? – спросил он, но Нтикима только пожал плечами.

– Приходит Шигиди, – добавил он после минутной паузы. – В ночь серебряной смерти приходит Шигиди.

Нтикима рассказывал раньше о Шигиди, имевшем силу во время сна людей и вселяющем ужас. Но он не знал, понимают ли его белые.

– Нтикима, – опять спросил Ноэл, – скажи мне, почему Огбоне приказало привести нас в Адамавару?

Нтикима хотел пожать плечами, но заколебался. Белые знали теперь, что он принадлежит Огбоне, хотя никогда не

говорили об этом. Они знали это и не пытались укрыться от его внимательных глаз, не отказывались отвечать на вопросы. Нтикима хотел бы ответить, но не мог.

– Все будет в порядке, – сказал наконец, не будучи в этом уверенным. – Адамавару сделал Шанго молнией, сейчас там правят добрые Они-Олорун, которые не вредят. В Адамаваре нет зла, человек питается сердцем Олоруна, а дыхание жизни хранит законченных, им не нужно сразу же отправляться к Ипо-Оку.

– Это все сказки, Нтикима, – сказал Ноэл. – Все бессмысленные слова. Ты надеешься однажды стать бабалаво, присоединиться к элеми с тем, чтобы стать законченным и не идти в Ипо-Оку?

Ипо-Оку была страной мертвых, куда в конце концов приходили даже законченные. Нтикима не хотел идти туда раньше времени.

– Арони, которого я встретил в лесу, – ответил он, – обещал, что я узнаю тайны растений и буду ходить в белом, как бабалаво. Однажды я отведаю сердце Олоруна, получу дыхание жизни и постараюсь быть мудрейшим среди мудрых.

– Ты пройдешь большую икеику, как Гендва?

– Я буду тигу, – сказал Нтикима и ушел, чтобы помочь Нгадзе приготовить обед.

Вечером Нтикима сидел поодаль от костра, наблюдая за тем, что делают другие. Прохлада ночи еще не спустилась, у костра было слишком жарко, и белые быстро разошлись.

Лангуассу и Кори предоставили палатку, они улеглись там. Квинтус отвел Нгадзе в сторону и завязал с ним оживленную беседу. Турок Селим сидел, опершись спиной о дерево, и строгал кусок дерева ножом с широким лезвием. Ноэл Кордери и женщина сидели рядом, глядя на запад, в волны травы под ветром, на скрюченные деревья. Нтикима проследил за их взглядом и минуту-две смотрел на запыленное, наполовину скрывшееся за горизонтом солнце; темно-красное на багровом небе, оно быстро садилось в распадок между двумя холмами.

– Ужасное место, – услышал он слова Лейлы. – Я не представляла себе таким сердце Африки. Путешественники рассказывали о джунглях в тумане, диких зверях, но не о желтой траве и сгоревших дотла деревьях. Даже насекомым, кроме скорпионов, не нравится здесь.

– Сейчас неудачное время, – возразил Ноэл. – Но в сезон дождей мы не прошли бы джунгли и долину Гонголы. Думаю, мы столкнулись с наименьшим злом, хотя и этого было достаточно.

– Мы не нашли сокровищ, – горько сказала она, – к которым стремился Лангуасс.

– Мы еще не достигли сказочного царства. – По тону Ноэла Нтикима определил, он и не ожидал найти то, что Лангуасс называл сокровищем, даже в Адамаваре. – Он де должен был подвергать тебя такому испытанию.

– Я-пошла не из-за него, а ради тебя, – прошептала она. –

Не он меня привел. Я сама захотела.

– У тебя жар, – заметил Ноэл, как бы обвиняя. – Тебе будет непросто завтра или послезавтра. Кто-то из нас может умереть, не дойдя до цели.

– Но ты будешь жить, – сказала она, – потому что по силе и хитрости почти равен вампиру.

Нтикима не понял этого, потому что для него Кордери совсем не был похож на элеме. Он мог представить, что белый бабалаво однажды мог вступить в ряды старейшин Адамавары, но никак не Ноэл Кордери, напоминавший воина, но не священника.

– У меня крепкий организм, – сказал он женщине, – но отец был крепче, однако умер от африканской болезни.

Лангуасс закричал: «Воды!», женщина встала, но Ноэл увидел сидящего рядом Нтикиму и послал его за водой для больного.

Кипевшую в котле на костре воду отлили в тыкву для охлаждения, когда Нтикима попробовал ее, она еще была теплой. Тем не менее принес ее Ноэлу, который, отпив немного, поморщился, но утвердительно кивнул. Нтикима пошел в палатку, дал отхлебнуть воды пирату. Лангуасс пожаловался, что ему не становится легче.

– Подожди до ночи, – пробормотал Нтикима. – Стемнеет, станет прохладнее.

Лангуасса прошиб холодный пот. Его зрачки расширились, вокруг пролегла белая полоска, глаза отекли и болели.

– Уходи, мальчишка, – сказал с досадой.

Нтикима пожал плечами. Они с Лангуассом не любили друг друга. Он бы не сожалел о смерти Лангуасса, хотя в трудном положении предпочел бы видеть безносого турка, неприязнь между ними была еще большей.

– Гендва принесет лекарство, – проговорил Нтикима. – Доверяй элеми.

– Верить черту! – взревел Лангуасс. – О да, черт мне обязан тем, что я для него сделал. Запомни меня, черный чертенок, в аду есть почетное место для таких, как я. Вера говорит нам, что за грехи мы расплачиваемся смертью, чувствую, как адский пламень прожигает мне внутренности. Но я не боюсь тебе подобных, хотя у тебя ружье бедного Эйре и Кори. Я послал чертей назад в ад, ты сможешь подтвердить это перед Божьим престолом, если призову тебя в свидетели, чертенок.

Нтикима невозмутимо держал тыкву у губ больного, чтобы он мог пить. Затем повернулся к Кори, слишком слабому, чтобы встать, и брызнул водой ему на губы.

Лангуасс хотел тряхнуть головой, как бы желая прийти в чувство, но движение причинило ему сильную боль, заставило вскрикнуть. Нтикима понял, что Шигиди уже пришел к Лангуассу и будет мучить до тех пор, пока серебряная смерть не подберется к его сердцу.

– Спи, – сказал мальчик.

– Убирайся, – прошептал пират. – Пришли мне Селима. Он будет стеречь меня, отгонять черных чертей. Прочь!

Нтикима ушел. Возвратясь к Ноэлу Кордери, он сказал ему, что пират очень плох. Ноэл кивнул, он уже знал это.

– Пойдем дальше, если сможем. Мы зашли так далеко, и наша цель совсем рядом. Думаю, лекарства элеми помогут.

– Шигиди приближается, – сказал Нтикима, – Лангуасс чувствует его близость, хотя не знает его имени.

– Кошмарами и бредом мы называем вашего бога ужаса, – сказал ему Ноэл. – Каждый из нас знает о его приближении. Иди отдыхать, Нтикима, не подпускай его, если можешь.

Нтикима послушался. Шигиди не беспокоил его ночью, но в молчании его дремоты таилась тревога, говорившая, что скоро Шигиди придет к нему не благодушно настроенный, а опасный в своей ярости.

На следующий день Ноэл проснулся в плохом настроении, здоровый, но изломанный болью, неудобством, ощущая себя бледной тенью человека, вышедшего из Буруту. На заре они скудно позавтракали пшенной кашей с кассавой и земляным горохом. Гендва дал Квинтусу темный порошок, который надо было подсыпать больным. Хотя порошок не был горьким и его специфический вкус не ощущался в пище, было нелегко убедить Лангуасса, Кори и Лейлу проглотить всю дозу. Они спали беспокойно, но проснувшись, почувствовали себя здоровыми, есть им не хотелось. Все трое хотели пить, Квинтус убедил их поест, запивая кашу горячим кофе.

Когда экспедиция тронулась в путь, Ноэл не заметил значительного улучшения состояния больных, казавшихся неуверенными в движениях, но постепенно шаги их стали более твердыми, хотя ощущалась их близость к трансу.

Было трудно прокладывать дорогу в высокой траве, от утра до полудня они ярошли чуть больше десяти миль, Двигались и после полудня, пока жара, усталость не превозмогли. Лангуасс, Кори и Лейла сразу же уснули, Ноэл растянул над ними палатку, укрывая от палящего солнца.

Нгадзе пришел к Ноэлу сообщить, что идет в заросли травы за пищей. Попросил Ноэла пойти с ним, взяв ружье, чтобы попытаться добыть мяса, но тот отказался – плохой

стрелок. Попросил пойти Селима, турок охотно согласился. Нгадзе, Мбурраи и Селим отправились вместе, пообещав вернуться до наступления сумерек.

Однако солнце уже почти зашло, а их все еще не было.

Ноэл да Нтикима собрали охапки травы для большого костра, который должен был стать маяком для охотников, хотя такой сигнал едва ли был нужен. Ноэл чувствовал – что-то случилось.

Квинтус не будил спящих к ужину, сказав Ноэлу, что опасается за их жизнь, особенно за Кори. Гендва отметил, что их шансы на жизнь были бы меньше, остановись они в океане травы.

Через два часа после прихода ночи Нгадзе и турок, раненный в голову, наконец пришли. Скользящий удар копьем оторвал Селиму часть левого уха, длинную полосу кожи на черепе, пополнив и без того жуткий набор шрамов. Его кремневое ружье исчезло. Нгадзе удалось собрать что-то из съестного, но этого было недостаточно, чтобы уберечь запасы от дальнейшего истощения.

Нгадзе рассказал, что они попали в засаду фулбаи, которые следили за экспедицией несколько дней. Селима ранили сразу – главным для нападающих было захватить ружье. Ибо пытались сопротивляться, звали на помощь, но они ушли слишком далеко от лагеря. Мбурраи прикончили, затем убийцы исчезли с ружьем, только один нападавший был убит.

– Они не вернутся, – сказал Нгадзе. – Конечно, будут пытаться украсть что-нибудь еще, но их маловато для нападения на лагерь.

Квинтус забинтовал Селима под его невнятные проклятия. Гендва дал ему пожевать порошок, от которого должна была уменьшиться боль, но воздействие лекарства не было быстрым.

– Когда закончится степь, фулбаи перестанут нападать на нас, – успокоил всех элеме. – У холмов, где возвышается Логоне, мы будем в безопасности. Но нужно спешить изо всех сил.

Разбудили изнуренных спящих, и они поели немного вместе с Нгадзе и Селимом, но потом Кори опять уснул. Это показалось Ноэлу плохим признаком. Лангуасса и Лейлу мучили боли, они стонали. Кордери сидел рядом, успокаивая, затем уснул. На рассвете он сам почувствовал необходимость в порошке Гендва, но не осмелился попросить, убеждая себя, что это только усталость и нельзя поддаваться лихорадке.

Кори с трудом подняли, убедили принять немного пищи с порошком. Ему стало еще хуже. Ноэлу было больно смотреть на него – так сильно он похудел. Лангуассу и Лейле было лучше, но на пирате с самого начала сказывался возраст.

К обеду прошли двенадцать миль. Лангуасс и Лейла, казалось, чувствовали себя такими же больными, как Кори, который без поддержки больше не мог двигаться. Гендва хотел идти дальше, но Квинтус настоял на остановке. Монах

надеялся, что за ночь больным станет лучше, и они смогут больше пройти. Нгадзе, Нтикима, Квинтус и Йоэл по очереди дежурили с ружьем в руках, опасаясь, что фулбаи, догадавшись об их слабости, рискнут напасть.

На следующее утро все изменилось. Кори поднялся, но Ноэл не верил, что тот выдержит еще сутки. Лихорадка у Лангуасса и Лейлы спала, но марш вскоре подорвал их неокрепшие силы. Харматтан дул во всю мощь, принося дым попеременно с едкой пылью, заставляя прилагать большие усилия, чтобы двигаться вперед. В одиннадцать часов далеко на севере показались длинные столбы дыма от пожара. Они продолжали идти под палящим солнцем, с короткими остановками через каждый час.

Настроение Ноэла совсем упало, степь казалась бесконечной. Жажда и голод мучили. Он чувствовал приближение лихорадки. Хотелось упасть на землю от слабости, но Ноэл видел Гендва и Мсури, идущих впереди, стариковские ноги передвигались, как детали часов, тогда как его мышцы напоминали струны на костях. Мсури, такой же старый, даже не вампир, следовал за элеме без видимых признаков напряжения. Ноэл, крупнее и моложе их, говорил себе с гневом, что может делать то, что делают они. Презирал себя за слабость мертвенно-бледных мышц. Эта решимость была в конечном счете вознаграждена, хотя пожар приблизился на несколько часов раньше, чем они ожидали.

Позже Ноэл гадал, был ли пожар проклятием или благо-

словением, так как заставил караван двигаться быстрее, а фулбаи отказаться от погони, повернуть назад. Солнце садилось за их спинами, трава стала реже, попадались рощицы. Они легко находили место для лагеря, Нгадзе и Нтикима даже на ходу отыскивали пищу. Когда остановились, Мсури из лука подстрелил птицу для ужина. Все говорило Ноэлу: худшее должно быть позади.

Ночью Ноэл и Квинтус наблюдали отдаленное зарево лесного пожара, который распространялся на запад, выжигая участки, где они недавно прошли. Нтикима присоединился к ним, сказав, что теперь не следует беспокоиться о пище, перед безжизненным лесом будет полоса хорошей земли с деревьями и элемеми, которые помогут. Он подвел их к другой стороне лагеря и показал на востоке огоньки костров.

Нтикима сообщил, что это костры племени сахра, близких родственников мкумкве. Они дадут пищу, а элемеми возобновят запас лекарств Гендва. Мальчика взволновало сознание того, что Адамавара лежит за землями сахра. Ноэл не нашел в себе сил разделить энтузиазм Нтикимы.

Лангуасс и Лейла спали ночью спокойно. Ноэл посчитал, что им становится лучше. Сон Кори был другим. Ему не снились кошмары, но, казалось, утром он не проснется. Так и случилось, Кори умер ночью. Квинтус произнес над ним молитву, труп оставили для хищников, потому что не было времени копать могилу примитивными инструментами. Лангуассу и Лейле действительно стало лучше, но Гендва на-

стаивал, чтобы они опять приняли лекарство, в этом случае они могли идти быстрее.

В деревню сахара путешественники пришли до полудня, их встретили как гостей. Это была маленькая деревня, разбросанная вокруг колодца, к каждой конусообразной хижине примыкал небольшой участок земли, отгороженный плетнем. Амбары, сделанные из соломы в форме ульев, возвышались на деревянных подпорках для защиты от насекомых. Женщины племени носили круглые пластинки, растягивающие их губы и придававшие им вид птиц с широким клювом. Татуировка мужчин напоминала рисунки на телах воинов мкумкве.

Тут жили четверо элеме – больше, чем в деревнях, которые экспедиция посетила раньше. Элеме сидели в ряд перед хижиной вождя и казались старше, чем кто-либо, кого Ноэл видел до сих пор. Они были более морщинистыми, чем Они-Олорун, почти без волос, с глубоко впавшими глазами. Кордери не мог определить их возраст, но не удивился бы, если бы ему сказали, что старики живут здесь тысячу лет. У них не было кисетов на поясе, на бедрах – только тонкие тесемки вместо повязок. Кордери увидел: с ними проделали то же, что и с Гендва. Пенис каждого представлял собой неровный выступ, такой же уродливый и неестественный, как нос бедного Селима. Однако мошонки остались нетронутыми, значит, кастрация была неполной.

После официального обеда, на котором Лангуасс и Лейла

едва могли говорить, сахара подали своим гостям араки, напиток более крепкий, чем обычное пшеничное пиво. Квинтус едва пригубил, Ноэл пил очень умеренно, а Лангуасс, Нгадзе и Нтикима изрядно напились. Эти излишества не понравились Гендва, заботившемуся о выполнении своей миссии. Ноэл же забеспокоился, как бы это опьянение не вызвало новых приступов лихорадки.

Ноэл внимательно наблюдал за тем, как Гендва вел себя здесь и как обходились с ним. На западе он был высокомерен, даже когда встречался с элеми, ожидая к себе почтения, как к важной персоне. Теперь все было совершенно иначе. Местные элеми общались с ним как с равным. Ноэл понял, что, хотя черные вампиры не были ни богатыми, ни сильными, они пользовались большим авторитетом.

Ночью спали в деревне, не выставляя часовых, и спали спокойно, впервые за много дней. Однако Ноэл чувствовал, что не избавился окончательно от недомогания.

Следующую ночь тоже провели здесь. К уходу Лангуасс и Лейла почувствовали себя достаточно здоровыми, чтобы отказаться от лекарств Гендва. Оба похудели.

Лангуасс выглядел озабоченным, хотя они уверяли, что самое плохое позади. Еще один осел пал, осталось только шесть. Рана Селима по-прежнему беспокоила, требуя постоянного ухода элеми. Запасы пищи пополнили в деревне. Нгадзе и Нтикима на самочувствие не жаловались.

Территория, принадлежащая племени, была узкой поло-

сой плодородной земли, и, тронувшись в путь, караван опять стал подниматься по лесистым склонам. Гендва вел их с уверенностью бывавшего здесь человека, но мешали жара и насекомые. Ноэл и Квинтус не снимали сеток, к этому же Квинтус вынудил Лангуасса, но никто не посмел убеждать обожленного турка. Больше всего страдали от укусов черные, вечером Гендва накладывал мазь на их спины и лица.

Таких деревьев, как здесь, Ноэл еще не видел. Знал только немногие, такие, как пышные пальмы, овала, дика, но и они были больше обыкновенных, часто с искривленными стволами, будто какой-то гигант мял их. Другие, с черной корой, увитые лианами, стояли в величественном одиночестве, отбрасывая тень на много ярдов. Их стволы походили на множество тыкв, нанизанных на длинные копья. Подлесок был скудный, а кусты даже на полянах казались чахлыми и маленькими.

Вечером Нгадзе и Нтикима пошли за фруктами. Принесенные плоды Гендва внимательно осмотрел, некоторые выбросил.

По холмам путешественники вышли к другой реке, Логоне, – полувысохшей, с влажной и липкой грязью посередине русла. За рекой лес оказался еще более странным. Подлесок почти исчез, ветви деревьев были высоки и не мешали движению, но, несмотря на это, место было неприятным. Здесь почти не было птиц, не встречались обезьяны. Насекомых было много, а цветов очень мало. Самым ярким, что освеща-

ли проникающие сквозь листву солнечные лучи, были древесные грибы оранжевые, желтые, иногда белые в ярко-красных или голубых прожилках. Они часто росли на стволах погибших деревьев. Чем дальше караван углублялся в лес, тем больше казалось Ноэлу, что вместо деревьев он видит только их гниющие, искривленные стволы.

Усталая группа переходила притоки, питающие Логоне в дождливый сезон, в которых сейчас почти не было воды. Ноэла удивило отсутствие постоянных обитателей африканских вод – крокодилов, пиявок, речных птиц и рыбы.

Затем, уже перейдя Логоне, много миль шли по мрачному лесу, не встречая ни одной деревни. Дважды разбивали лагерь у мутных речек, не слыша по ночам ни звука. Лангуасс страдал от приступов лихорадки, Лейла же постепенно избавилась от болезни.

– Об этом безжизненном лесе ты говорил? – спросил Ноэл Нтикиму в лагере на склоне горы. – Неприветливый край, не думаю, чтобы люди его охотно посещали. Более неподходящего места для садов Эдема трудно представить.

Нтикима подтвердил, что этот большой лес, окружающий Адамавару, плохое и безжизненное место. Однако кое-какая жизнь здесь существовала – насекомые, деревья, летучие мыши, находившие какие-то плоды на вершинах деревьев. Обитали здесь и шимпанзе, мальчик сообщил, что среди них есть бывшие черти, жившие сверх положенного срока и пившие кровь самок и детенышей, как элеме поступают с

людьми. Ноэл не знал, верить ли.

Путешественники подошли к хребту – черной каменистой гряде в три четверти мили. В дождливый сезон здесь был водопад шириной в сорок – пятьдесят ярдов с пятью утесами посредине. За водопадом тянулся длинный каменистый выступ; сейчас, когда воды было мало, он представлял собой что-то вроде мостика. Люди перешли, но ослам было нелегко идти по узкой, с выбоинами тропе, поэтому их пришлось переводить через грязное русло внизу.

За выступом был еще один крутой подъем, более трудный для животных, чем подъем к плато Баучи. Их пришлось разгрузить, и все-таки один осел, поскользнувшись, сломал ногу, и его пришлось забить на мясо. Каждый человек нес свой груз, теперь он увеличился у всех, кроме Лангуасса, который сам еле передвигался. Гендва не разрешил оставлять пищу, говоря, что с ней дальше станет еще труднее. Ноэл беспокоился о запасах воды.

Тропа вилась среди камней. Деревьев стало меньше, а дорога – трудней из-за крутого гористого подъема. Нещадно палило солнце и чем выше поднимался караван, тем нестерпимее становилась жара. Сетки стали ненужными, насекомые исчезли.

Гноящаяся рана Селима, несмотря на старания Гендва, видимо, сильно болела, потому что турок, стоически переносивший все, постоянно вскрикивал и стонал. Ноэлу представлялось, что Селим ведет некий спор с мстительным бо-

жеством, жестоко наказавшим его. По спине страдальца, рядом с раной, от затылка к плечу стало распространяться странное пятно – будто что-то росло под кожей. Квинтус не видел раньше ничего подобного, но Они-Осангин смотрел на пятно с большой тревогой. Пятно казалось Ноэлу черным или темно-серым, и он не сразу связал его с серебряной смертью, о которой говорил Нтикима. Но мальчик сказал, что это она.

Мсури и Нгадзе возились со своими небольшими ранами, которые не заживали, с каждым часом перехода все больше беспокоя их. Поначалу это были обыкновенные ссадины, но скоро появились роковые признаки чего-то, распространявшегося в мышцах. На иссиня-черной коже пятно выглядело серым, и Ноэл понял, почему туземцы называют болезнь серебряной смертью. Гендва раздал лекарство всем троим, но улучшения не наступало, да элему его и не ждал, расспрашивая, тем не менее, о развитии болезни.

Ночью разбили лагерь на наибольшей высоте за весь переход. Ноэл пошел за сухостоем для костра и нашел в небольшой пещере несколько трупов, лежащих вокруг давно потухшего костра. Иссушенные, сморщившиеся тела мумифицировались. Кожа, натянутая на костях, была не черной или коричневой, а имела пепельный оттенок, как пятна на теле его спутников. Квинтус заметил, что трупы, видимо, лежат здесь много лет, но хищники не тронули их. Леопард, шакал или стервятник не пытались есть это мясо, не было даже червей

или личинок, питающихся останками.

Открытие встревожило Ноэла, особенно сейчас, когда экспедиция находилась рядом с Адамаварой. Казалось, что Лангуасс не дотянет до цели, а турка серебряная смерть настигнет через день. Кордери не знал, доживет ли сам до роковой встречи, искал при свете костра на коже признаки болезни более страшной, чем любая лихорадка. То же делал Квинтус, осматривая любую царапину или ссадину.

Ноэл признался монаху в своих страхах, как бы прося отпущения тревог. Квинтус успокоил его, показав свою невосприимчивость к страху:

– Гендва уверяет, что через день мы подойдем к Адамаваре, самое большое – через два. Мы ушли так далеко, столько претерпели, и можем надеяться, что Господь избавит нас от страданий. Даже Лангуасс, великий грешник, пока что уберется от серебряной болезни. Верь в провидение, Ноэл, я уверен: ангелы смотрят за нами.

Ноэл, благодаря, прикоснулся к плечу старика. Они сели на валун и посмотрели на звездное небо. Воздух был очень чистый, надоедливая пыль харматтана не достигала этих мест, Кордери думал, что никогда в жизни не видел таких ярких, сверкающих звезд.

– Их свет делает наше тепло призрачным, – сказал Ноэл. – Иногда из-за звезд я чувствую себя крошечным, как под микроскопом, затерянным в бесконечности мироздания.

– Это неверие делает тебя крошечным, – заметил Квин-

тус. – Без веры люди пропали бы.

– Не сомневаюсь, – согласился Ноэл, – но думаю, найду ли верный путь. Сознание малости и потерянности препятствует моей вере. И все же...

Он замолчал, Квинтус сказал: «Продолжай!»

– Иногда... если смотрю на небо долго... впечатление меняется. Начинаю ощущать себя огромным, а не крошечным... будто что-то от меня в них и что-то от них во мне. Я как бы расширяюсь, будто мое тело – Вселенная, а каждое мгновение – вечность.

Квинтус открыл рот для ответа, но обернулся, услышав шорох. Ноэл насторожился, увидев Лейлу и Нтикиму, и пошел им навстречу.

– Что-нибудь случилось? – спросила цыганка.

– Нет, – ответил Квинтус, – мы только измеряем величину Вселенной и величие человеческой души.

– Звезды – зерна из жерновов, которыми мелет Олорун, – сказал Нтикима, – когда идет по земле с солнцем в сердце.

– Я так не думаю. – Лейла по-матерински обняла мальчика за плечи. – Лангуасс сказал, что вертится Земля, а на месте стоят звезды. Это так, брат Квинтус?

– Вращается круглая Земля, – подтвердил Квинтус, – ее вращение отражается на изменении сезонов. Звёзды могут вращаться вокруг другого центра очень далеко отсюда, но мы не можем увидеть солнце в середине Создания нашим ограниченным зрением, так же, как и руку Господню за ра-

ботой.

Нтикима не поверил.

Цыганка села за спиной Ноэла:

– Звезды очень далеки – больше миль, чем ты и я можем сосчитать, даже если начнем сейчас и продолжим до самой смерти. Они ведь действительно так далеко, святой отец?

– Планеты от нас в миллионах миль, – ответил Квинтус, – а звезды так далеко, что сомневаюсь, сможем ли мы измерить удаление. Это солнца со своими собственными мирами, где есть моря и леса, люди и звери. На какой-нибудь другой земле, невидимой на небосклоне, другие люди идут к своей Адамаваре в поисках дыхания жизни и света разума.

Нтикима взглянул вверх, будто проникнувшись этим понятием, Ноэлу хотелось бы увидеть выражение его темного лица.

– Там, наверное, миллион миров, – спросил мальчик, – где Шанго прячет свои молнии? Нужно ли искать сердце Олоруна в каждом мире, чтобы сделать лучших людей мудрыми и заковать Шигиди в темных углах сна, усмиряя его гнев?

– Миллион и больше миров, – сказал Квинтус. – И в каждом Божье сердце питает людские души, ведя в райское царство желающих туда идти.

Нтикиме и Нгадзе пришлось ютиться этой ночью под одним одеялом. Они сидели рядом у скудного огня, ночь была пронизывающе холодной. Ноэл Кордери, Квинтус и Лейла набились в палатку к Лангуассу, оставив Мсури согреться рядом с Гендва. Селим был один под одеялом. Туда никто не стремился.

– Мне не нравится эта странная страна – Адамавара, – сказал Нгадзе Нтикиме. – Безжизненность пугает. Я думал, что мир везде одинаков, но эти кошмарные деревья угнетают. Я был бы рад увидеть даже скорпиона или змею.

Нтикиму также потрясло окружающее. Лес, в котором он жил и где встретил Арони, был совсем другим опасным, но в сущности гостеприимным. Местные Боги были мрачнее Арони, убивавшего всех, кто не пришелся ему по вкусу. Это действительно была обитель Эгунгуна, царство вставших мертвецов. Мальчик не сомневался, что скоро с ним будут говорить о предках и судить его по их делам, как судили в детстве в деревнях племени уруба.

Нтикима предупредил своих спутников, что Шигиди придет к ним – сначала в горячечном бреду, потом в глубоком сне серебряной смерти. Гендва говорил ему об этом. Но он не мог не задаться вопросом, не сильнее ли Шигиди здесь, чем в краях, откуда они пришли. Живет ли здесь и Элегба,

бог диких самцов и голодного желания, изгнанный из Адамавары, так как тигу не имели с ним ничего общего, но это могло быть еще одной причиной, заставлявшей его бродить по сим пустынным местам.

Нтикима спросил бы об этом Гендва, но элеми стал беспокойным и необщительным, может быть, потому что умерли слишком многие, а он хотел достичь цели – привести белого бабалаво в Илетигу, месту законченных. Вероятно, от такого путешествия может устать и элеми – Нтикима не мог знать.

Мальчик боялся серебряной смерти, которая уже пометила Мсури и Нгадзе. Не сомневался, что она придет и за ним, потому что ему обещали встречу с Шигиди для проверки мужества, но не понимал, почему пришел сюда с белыми. Гендва никак не объяснял происходящего, и Нтикима не был уверен, знает ли что-нибудь сам Они-Осангин. Может быть, только Экеи Ориша, близкий к богам, знал, чего ждали от белого целителя и его друга, а, возможно, знали только боги, и на землю спустится в белом одеянии Обатала, чтобы переговорить с учеником, который называл его другим именем. Шпионы услышали бы много интересного! После встречи с Арони Нтикима с воодушевлением видел его богов на земле – и где еще, как не в Адамаваре, может ступить Обатала на землю, а Шанго Якута увидеть результат брошенного им камня?

Что-то зашевелилось в ночи, и Нтикима вздрогнул, напуганный своими мыслями. Но это ворочался безносый турок

в беспокойном сне. Нтикима слышал его бормотание, знал, что Селим не мог разговаривать, потому что у него был отрезан язык, но бормотание, которым он выражал свои страдания, было таким красноречивым – словно бой гулкового и одушевленного барабана или чирикание вещей птицы.

Нтикима погрузился в чуткий сон, ощущая холодный воздух в ногах. Он ждал, но Шигиди не шел, и время проходило незаметно.

Мальчик не знал, в котором часу его разбудил ужасный вопль. Он резко встал, вглядываясь в ночной мрак. Нгадзе тоже проснулся, вскочил, держа одеяло.

Панический визг заставил подумать, что кричала Лейла, но звук исходил не из палатки, а оттуда, где спали Мсури и Гендва.

Нтикима подумал, что кричал элеме, но мысль о том, что живое существо может издать такой вопль, пронизала ужасом. Он услышал стонущего в лихорадке Лангуасса, разбуженного криком и испускавшего проклятия. Затем увидел выбегающего из палатки Ноэла Кордери и белое пятно одеяния бабалаво.

Звезды ярко сияли в безоблачном небе, но луны не было, на востоке небо уже озарялось первыми лучами солнца. Высокие деревья вокруг лагеря отбрасывали длинные тени, жар головешек в костре был слишком слаб, чтобы Нгадзе смог зажечь факел.

Тишина была разорвана вторым криком, и Нтикима за-

вертел головой, стремясь определить источник. Вдруг что-то ринулось на него из тьмы, он пригнулся, внезапно обозлившись на отсутствие оружия, которым мог бы защититься, и бросился в сторону. Какое-то чудовище прошумело рядом, прокатившись через Нгадзе и разбросав в стороны остатки костра.

В это мгновение солнечный диск показался над горизонтом и осветил лес.

Ноэл Кордери схватил Нтикиму за руку, помогая встать, но тот, оттолкнув его, побежал к месту, где рядом с четырьмя привязанными ослами Гендва и Мсури старались согреться ночью.

В полумраке Нтикима увидел, что из большой раны на груди Гендва медленно течет кровь, руки и голова в глубоких порезах, а в широко раскрытых глазах отражаются первые лучи солнца.

За Гендва, обнимая его за талию в последней судороге, лежал Мсури, истекая кровью из ран на голове. Мсури попытался открыть глаза, но не сумел – умер в следующее мгновение.

Раздался третий крик, но не вопль боли, а вой дикого зверя, полный ужаса и ликования одновременно. Нтикима увидел в веере солнечных лучей турка Селима, бежавшего по склону холма и размахивающего мечом. Скачущая фигура была видна лишь мгновение. Ноэл Кордери сделал три шага в том направлении, затем остановился, посмотрел на Нтики-

му. Было ясно: он понимает, что происходит.

Ноэл взглянул на элеми и Мсури, на их разбитые головы, встал на колени и прикоснулся к горлу Гендва там зияла рваная рана. Кровь Мсури текла на черный камень и мох, образуя лужицу.

Квинтус склонился над вампиром, отодвинув Нтикиму, охотно уступившего инициативу белому бабалаво.

– Мы не должны были оставлять Селима одного, – прошептал Ноэл Нтикиме, потянувшему его за рукав. – Бедняга! Нам нужно было позаботиться о нем. Лангуасс, если бы был здоров, не оставил бы его в бреду.

– Ужасную вещь он сделал, – сказал Нтикима с горечью.

– Нет, – сказал Ноэл с сожалением. – Я это сделал. Я должен был быть рядом с ним.

Квинтус посмотрел на него.

– Он умрет? – спросил Ноэл.

– Мсури мертв, – ответил монах. – Но Гендва вампир. Он не может умереть от таких ран.

Нтикима смотрел на распростертого элеми, его широко открытые невидящие глаза. Несмотря на глубокие раны, по сравнению с бедным Мсури Гендва потерял очень мало крови. Квинтус мягко положил пальцы на края раны, сдвинул их вместе и держал так всего несколько мгновений, но она стянулась.

С большой раной на груди было сложнее, однако монах занимался ею со знанием дела, хотя Нтикима не думал, что

Квинтус когда-либо раньше ухаживал за ранеными элеме. Мальчик не удивился. Какой бы бог или волшебник ни учил белого бабалаво, его умение проявилось в нужный момент.

Нгадзе плакал, всхлипывая, но Нтикима не мог сказать, из-за любви к элеме или из страха перед наказанием виновных в нападении на старейшину Адамавары.

Квинтус прикрыл веками открытые глаза Гендва.

– Он в трансе? – спросил Ноэл.

– Думаю, да, – ответил Квинтус. – Колотая рана в груди достигла легкого, даже задела сердце. Не могу сказать, когда он выздоровеет, но уверен, что будет спать долго, возможно, месяцы.

Ноэл оглянулся, Нтикима проследил за его взглядом. Место, где они находились, казалось безопасным, тихим – не пели птицы, не жужжали насекомые, но мальчику, возможно, и Кордери тоже, оно напоминало огромную могилу. Маленькая группа людей, казалось, была вне мира, на пути к Ипо-Оку, где их души ждал суровый прием.

«Идет Шигиди», – подумал Нтикима и сразу же понял, что Шигиди уже пришел, призвав к себе чудовищного турка, дав выход ненависти, тлевшей в его душе.

Лейла стояла у палатки, поглядывая то на Квинтуса, то на место, где исчез сумасшедший турок. Нтикима посмотрел на нее, пытаясь определить ее чувства, потом повернулся к осламам, которые стояли совершенно спокойно, несмотря на необычное пробуждение. Они давно служили людям, и крик

человека их не пугал.

Ноэл подошел к Лейле, чтобы объяснить происшедшее:

– Кричал Селим. Он убил Мсури и напал на вампира. Боль лишила его разума.

– Вампир умрет? – спросила она.

«Странно, – думал Нтикима, – что прежде всего задают именно этот вопрос, хотя знают: убить элеме чрезвычайно трудно».

– Он выживет, – ответил Ноэл. – Но будет пребывать в глубоком сне, пока тело не восстановится.

Лицо Лейлы было спокойным.

– Почему? – спросила она.

– Друг моего отца, Вильям Харви, – начал Ноэл неестественно спокойным для этой минуты голосом, нарисовал схему кровообращения и сказал, что, если кровь останавливается, мозг отключается. Он предположил, что вампиры переносят замедленное кровообращение, даже сами вызывают его, пока активные клетки восстанавливаются. – Помолчав, Кордери продолжал: – Гендва будет жить, и, в отличие от турка, у него не останется шрамов после этого случая. Но не знаю, продлится ли выздоровление дни или месяцы. У нас нет помощника, мы не умеем применять его лекарства, которые помогли нам выжить.

– Мы погибнем в этой дыре, – сказала она, начиная с худшего. – Будем блуждать здесь до самой смерти. А если нас найдут, как они накажут за то, что мы позволили напасть на

вампира в самой Адамаваре?

Все посмотрели на Нतिकиму, не на Нгадзе, а на него, потому что он принадлежал к Огбоне.

– Не знаю, – пожал плечами молодой уруба и добавил: – Я не знаю, где Адамавара. Но мы должны доставить туда Гендва, чтобы он мог отдохнуть в Илетигу.

Он не совсем понимал, почему турок, одержимый Шигиди или нет, должен был напасть на Гендва. Белый бабалаво сказал, что элеми в Галлии, свирепые и жестокие, убивают оскорбивших их. Мальчик думал об этом, как об Оро, как о законе, который не может вызвать ненависть или желание отомстить. Он не очень верил этим рассказам, даже когда Арокин рассказал о пустынных землях, где люди были колдунами и ими руководили черти, которые убивали и жгли элеми, презирая их способность к излечению. Нतिकима видел, что белые боялись, не верили Гендва, даже когда он давал лекарства, но не представлял, что может случиться подобное. Его мысли путались.

Белый бабалаво встал и сказал Нतिकиме:

– Возможно, ты прав. Нам нет пути назад, мы должны идти в Адамавару. Но как встретят нас там с Гендва в таком состоянии?

– Не знаю, – ответил Нतिकима. – Возможно, нас всех покарают.

– Что же делать? – с тревогой спросила Лейла.

– А что мы можем сделать? – отозвался Ноэл Кордери. –

Мы здесь, элеме ранен, и нужно быть готовыми ко всему. Мы же не можем спрятаться.

– Мы должны идти вперед, – сказал Нतिकима, – в горы. Мы знаем, что Адамавара рядом.

– Он прав, – поддержал мальчика Квинтус. – Нужно поехать и идти вперед. Будем нести элеме и Лангуасса тоже, если не сможет идти сам.

Нгадзе повиновался и начал готовить пищу. Нतिकима помогал, думая о будущем. Как теперь их примут в Адамаваре? Чего ожидает Огбоне от своего слуги, Нतिकимы? Накажут ли белых? Покарают ли его? Но хватит вопросов. Мсури мертв, турка нет, а Гендва из носильщика превратился в ношу. В лесу нет пищи, поэтому нужно все нести с собой, включая горшки и бутылки с водой. Из-за холодных ночей нельзя оставить палатку или одеяла. Белые не бросят ружья, порох и приспособления для добывания огня. Ничего ценного не имелось, но оставить что-либо и облегчить груз было невозможно.

– Нгадзе и я можем нести вампира, – сказал Ноэл Нतिकиме, – и каждый должен нести мешки. Мы должны загрузить ослов побольше. Ты согласен?

Нतिकима серьезно посмотрел на белого, спрашивающего его мнение, удивившись своей уступчивости этому влиянию, и принял на себя ответственность. Он ведь принадлежал Огбоне.

– Согласен, – сказал Нतिकима. – Я потащу сколько смогу.

Думаю, что нам осталось идти немного.

– Цель должна быть рядом, – добавил Ноэл, – если только эта земля не бесконечна.

– Боги поведут нас, – заверил мальчик, – если заблудимся. Они знают, что мы здесь, и ждут нас.

Ноэл Кордери натянуто улыбнулся:

– Надеюсь, что они неприхотливы и в этом сезоне насытились кровью.

– В Адамаваре, – заметил Нтикима, – и у богов, и у тех, кто пробует сердце Олоруна, достаточно крови.

Когда начали переход, Ноэл пошел впереди, несмотря на то, что вместе с Нгадзе нес самодельные носилки с Гендва. Путь был нелегким: все время спускались или поднимались, часто обходили скалы. Нсэл шел в направлении утреннего солнца, ориентируясь на его жаркий свет.

Поднявшись на гребень гряды, Кордери всякий раз надеялся увидеть признаки живого: каменную крепость, ухоженное поле, тропинку с человеческими следами. Но таких признаков не было, разве что жук в блестящем панцире выскакивал из-под ног или какие-то непонятные создания переползали дорогу. Однажды они услышали в отдалении голос хищного зверя и посмотрели друг на друга, поняв происхождение звука. Это был Селим в аду собственного бреда.

Квинтус сменил через час Нгадзе, Нтикима в свою очередь недолго нес носилки, перед тем как их подхватил ибо. Ноэл никому не уступал свое место, хотя его руки очень болели, а ляжки мешка терли спину. Он покрывался потом и очень хотел пить – но кипяченой воды было немного, уже давно не находили источников.

Ноэл знал, что сейчас середина сухого сезона, и с изумлением вспомнил, что до нового года остался день или два, хотя Квинтус, следивший за календарем, не сказал об этом.

В полдень сделали привал в тени большой черной скалы.

Их обед составили земляные орехи и шарики пшенной каши, сухие из-за недостатка воды, из которой сварили кофе.

Гендва лежал спокойно, тихо дыша. Квинтус услышал очень слабые, редкие удары сердца и, довольный объявил, что вампир чувствует себя лучше и скоро будет здоров. Но его опасение вызывало состояние Лангуасса, истощенного и высохшего. Когда солнце уже садилось в небе, окрашенном харматтаном, монах сказал Ноэлу, что нельзя двигаться дальше, чтобы не убить пирата. Жажда отнимет у него последние силы. Лейла хотела размять мышцы Ноэла, но его кожу сплошь покрывали ссадины, и он попросил ее прекратить массаж.

До захода солнца Ноэл успел взобраться на скалу, в надежде, что последние лучи осветят стену или башню, показывая, что путешествие близится к концу. Но, стоя на гладкой скале, он увидел только безрадостную серозеленую пелену с вкраплениями камня или щебня, над которой гулял прохладный ветер. Казалось, нигде в мире нет больше такой пустоты и безмолвия.

«Здесь нет никакого города вампиров, – сказал себе Ноэл раздраженно. – Гендва привел нас сюда, чтобы ввергнуть в опасность. Если бы не раны, он сейчас исчез бы, вернулся назад к приветливым водам Логоне и ее притоков».

Но сам не верил в это. Он не знал, хуже ли эта дикая местность пустыни, через которую Моисей вел детей израилевых, и услышал ли пророк десять заповедей на горе, похожей на

эту. Но, посмотрев в темнеющее небо, он не мог уловить милосердного присутствия Бога.

«Может ли подобное место быть Эдемом? – спрашивал он себя. – Где приятные взору деревья, посаженные Господом Богом? Где фрукты, пригодные в пищу? Где растет сказочное древо жизни? Где находится древо знания добра и порока, от которого неосторожно вкусила Ева? Где витает дыхание жизни, которое Бог вдохнул в плоть Адама, чтобы тот стал царем всех птиц и зверей, созданных Всевышним? Эти деревья с корнями в аду, чьи ссохшиеся плоды несут горькие знания падения и оскудения, Божьи или Сатанинские? Если Адамавара – Эдем, о котором говорит писание, тогда Господь, верно, оставил ее; и даже змий, предавший людей, больше не бдит в этой глуши».

Ноэл поправил прядь на лбу и взглянул на свои натертые руки. На правой ладони вокруг лопнувшего волдыря образовалось темное пятно!

Ужас пронзил его, он, вдруг поняв причину боли в своем теле, быстро расстегнул рубашку и осмотрел грудь. Пятен не было, но на правом плече, под лямкой мешка, осталась тонкая черная полоса, как черная змейка, не спеша ползущая к горлу.

В момент отчаяния эти знаки показались ему символом приближающейся смерти. Он не проклинал Бога или неудачу, или любопытство, приведшее к осмотру. Не молился ради избавления, потому что отчаяние не загло свет веры в

душе неверующего. Он просто спустился со скалы, потому что нижний край солнца уже зашел за горизонт.

Внизу Квинтус спускал белую сутану с плеча. На его спине два черных пятна расходились от плеча. Ноэл подошел к другу и очертил пятна пальцем так, чтобы тот ощутил их размер.

– Я говорил с Нतिकимой, – сказал монах. – Он называет эту болезнь серебряной, хотя пятна другого цвета. Если даже ее называют смертью, она почти не убивает. Однако он предупреждает, что Шигиди придет ко мне во время сна.

– Ты защищен от кошмаров, – успокоил его Ноэл, – несомненно, защищен лучше меня.

Он подумал, что надо найти цыганку и осмотреть ее тело, но вдруг его внимание привлек странный огонек в темнеющем лесу. Ноэл смотрел на светлую точку, мерцавшую вдали, как блуждающий огонь. Появился еще один огонек, за ним второй, третий, стало понятно, что это люди с факелами идут из леса к черной скале.

Люди или чудовища.

Квинтус тоже увидел факелы и быстро поправил на себе сутану, будто стесняясь голых плеч с чертовой печатью. Монах сделал шаг вперед, как бы встречая пришельцев, но остановился, поняв, что они не похожи на людей.

Силуэты с факелами были очень большими, в длинных зеленых рясах, с гигантскими рожками – отвратительной карикатурой на человеческие лица. У них были ярко-красные

рты с острыми выступающими клыками и огромные глаза с черными как смоль зрачками.

Ноэл быстро огляделся.

Лейлы не было видно, вероятно, она сидела в палатке больного Лангуасса. Нгадзе и Нтикима возились у огня, но, поняв, что что-то неладно, встали в полный рост, ожидая развития событий.

Нтикима подошел к Ноэлу и сказал только одно слово: «Эгунгун!»

Кордери никогда не видел Эгунгуна, зная о нем только из рассказов мальчика. Как и у Оро, у Эгунгуна были дни, когда он приходил в деревню, танцевал на улицах, возвратившись из Ипо-Оку, страны мертвых, чтобы узнать у живых об их предках. Прикосновение к нему означало смерть, его обвинение было ужасной угрозой и помечало тех, кого ожидало наказание за оскорбление прародителей племени. Но в деревни уруба Эгунгун всегда приходил один. Здесь же было целое войско Эгунгунов, Кордери насчитал девять – настоящее полчище живых мертвецов.

Это только люди в масках, успокаивал себя Ноэл, понимая, что здесь нечто большее, нежели комедия масок. Когда Нтикима встретил в лесу бога Арони, тот предстал перед ним в облике священника или колдуна в украшениях, но перед мальчиком из племени уруба колдун не притворялся богом – он был им. Приближающиеся фигуры не притворялись живыми мертвецами – они были живыми мертвецами.

Как полагали уруба, они и не могли быть иными. Это были переодетые воины мкумкве или элеми, но они были и вставшими мертвецами, пришедшими свести счеты с живыми.

Факельщики подошли ближе, остановились полукругом на краю лагеря, глядя на пришельцев. Они молчали, а Ноэл думал, на каком языке приветствовать странные фигуры. Лейла вышла на шум из палатки, подбежала, в страхе прижалась к нему, но не закричала, и он был горд ее выдержкой.

– Они не навредят нам, – прошептал он ей. – Они не за этим пришли.

Повернувшись к Нтикиме, сказал:

– Прошу тебя, подскажи, что нам делать. Теперь ты должен быть нашим проводником, потому что ни элеми, ни Мсури уже не помогут.

– Пусть женщина отойдет, – прошептал мальчик. – Это не ее дело.

Лейла, поняв, отпустила Ноэла. Нтикима взял его за руку и провел вперед, к живым мертвецам. Мальчик огляделся и сделал знак Квинтусу, который тоже выступил вперед. Все трое, с Нтикимой посередине, вышли в центр полукруга Эгунгунов.

Нтикима поднял руки и приветствовал вампиров на уруба, спрашивая, согласно ритуалу, что они хотят сказать.

Один из них что-то ответил на уруба, но Ноэл ничего не понял. Было неясно, к кому обращался вампир, оставалось только молча ждать.

Нтикима заговорил, наклонив голову и жестикулируя. Ноэл расслышал «Огбоне», «элеми», «Они-Олорун» и другие знакомые слова. Когда Нтикима указал туда, где лежал Гендва, Эгунгуны забеспокоились. Шестеро из них несли факелы, а трое, кроме того, короткие копья; у троих без факелов были церемониальные барабаны. У некоторых имелись жезлы с перьями, которые Ноэл видел в храмах, напоминавшие о Элегбе, Олори-мерине, то есть о самой действенной загробной магии. Когда Нтикима показал на Гендва, копья с жезлами были подняты в знак обвинения или угрозы, но Ноэл не знал, чего должен бояться больше.

Один из Эгунгунов отделился от группы, наклонился над Гендва, осмотрел его. Выпрямившись и повернув разукрашенное лицо-маску к свету факелов, он выкрикнул угрозу и нацелился жезлом в сердце Нтикимы.

Нтикима что-то отрицал, но отпрянул назад, как после удара.

Ноэл не сомневался, мальчик в смертельной опасности, несмотря на кажущуюся безобидность жеста, – ведь живые мертвецы стояли перед людьми с бременем вины. Каким бы ни был жезл, он мог убить скорее, чем копье или пушка.

Недолго думая Ноэл прикрыл собой Нтикиму, толкнув его себе за спину и делая шаг вперед, к угрожающему жезлу.

– Мальчик ничего не сделал, – сказал Ноэл на уруба. – Он не виноват. Он служил элеми и Огбоне, как мог.

– Осторожно! – прошептал Квинтус.

Но Ноэл не нуждался в предупреждении. Он достаточно хорошо знал, что у туземцев отсутствовали галльские представления о вине и ответственности. Если дела шли плохо, они искали козлов отпущения, на которых можно отыгаться за вину племени, даже если виноват был кто-то другой.

– Один из нас напал на элеме, – произнес Ноэл медленно, потому что недостаточно бегло говорил на уруба. – Серебряная болезнь лишила его разума. К нему пришел Шигиди! – Он хлопнул себя по лбу, чтобы подчеркнуть свои слова.

– Шигиди! – повторил Эгунгун и сделал шаг к Ноэлу, направляя жезл в его сердце.

Ноэл стоял молча. Эгунгун шагнул еще раз, и Нтикима прошептал по-английски:

– Если он прикоснется к тебе, ты умрешь.

– Мы пришли в Адамавару, – опять заговорил Ноэл на уруба. – Потому что нас позвал Экеи Ориша. Нас не надо уничтожать и обвинять. Вы должны привести всех... каждого... в Илетигу. Олорун хочет этого.

Эгунгун сделал еще один шаг, целясь смертоносным жезлом.

– Олорун хочет этого, – повторил Ноэл, не смея отвести взгляд от выпученных глаз огромной маски. Это было абсурдом, но он физически ощутил давление жезла на бьющееся сердце, как будто жизнь попала в смертельный капкан, сжимающий его, пока кровь не брызнет из тела и душа не сгорит, как моль в пламени свечи.

Кордери знал – перед ним человек в маске и на сердце нацелено не оружие, а символ, бессмысленный с точки зрения его собственных убеждений. И все же чувствовал, что умрет от касания жезла, как сказал Нтикима. Эгунгун обеспечит это.

Вдруг Ноэл почувствовал переполняющую его лихорадку. Ни рука, ни плечо, на котором начало расплзаться черное пятно, не болели, казались онемевшими, но его бросало в жар, мутило. Волнение лишало сил, и он понял, что от прикосновения жезла упадет.

Ноэл не видел Квинтуса, однако ясно различал других, позади и рядом с Эгунгуном. Лейла застыла в напряжении, не понимая, что происходит, но замирая от мысли, что их жизнь под угрозой. Нгадзе тоже был испуган, пламя факелов отражалось в белках его глаз. Ибо так же боялись Эгунгуна, как уруба, потому что через него Огбоне осуществляло свою власть над племенами.

И в этот момент Ноэл увидел Лангуасса.

Лицо его было изможденным, темные волосы и плохо постриженная борода свернулись пыльными прядями, глаза лихорадочно блестели, отражая пламя факелов. Он стоял на колене, упираясь локтем в левое бедро, и тщательно целился из мушкета.

Ноэлу показалось, что между человеком в химерической маске, роковым жезлом, вобравшим в себя ярость всех темных языческих богов, и безумным пиратом, чужим на этой

безжизненной, мрачной земле, с выплевывающим свинец оружием, почти нет различий.

– Лангуасс! – крикнул он. – Ради Бога, нет!

Возможно, призыв к Богу был неверным. Возможно, не стоило кричать на языке, непонятном для колдуна в маске.

Эгунгун издал вопль, бросился вперед, целясь жезлом в грудь Ноэла.

Лангуасс выстрелил.

Эгунгуна рухнул на землю – жезл прошел в нескольких дюймах от груди Ноэла.

Ни звука не издали фигуры, стоявшие полукругом.

Они смотрели, застыв в изумлении.

Упавшее тело лежало одно мгновение спокойно, затем задергалось. Огромная маска треснула и развалилась, уступая резким движениям головы. Когда татуированное лицо священника-мкумкве показалось из обломков, Ноэл понял, что выстрел Лангуасса разбил маску, но пощадил голову под ней. Человек был испуган и оглушен, но невредим. Он встал на ноги – живой, вышедший из оболочки поднявшегося мертвеца, в переплетении естественного и сверхъестественного.

– Нас зовет Олорун, – сказал Ноэл, глядя в глаза живого человека. – Не надо вредить нам.

Колдун не пытался подобрать упавший жезл. Он больше не был Эгунгуном. Встретившись на мгновение взглядом с Ноэлом, он оглянулся на полукруг вставших мертвецов, чьей задачей было обвинение, осуждение от имени всех поколе-

ний предков, чьи жизни пунктиром отмечали линию от черных туземцев к их собственному черному Адаму.

Жезлы не поднялись. Копья остались недвижимыми.

Суда не последовало. Кто-то говорил на уруба так быстро, что Ноэл не мог понять ничего, кроме имени Шанго, бога бурь.

– Шанго хранит тебя, – прошептал Нтикима. – Ты нас привел невредимыми в Адамавару.

– Они бы убили нас, – произнес Ноэл. – Гендва провел нас через полконтинента, и все же они убили бы нас всех.

– О нет, – сказал Нтикима. – Они бы не тронули бабалаво. Могли потребовать одну жизнь или несколько, и только. Они бы убили тебя, если бы ты встал на мое место. Человек может делать выбор, подставить себя, хотя ты, наверное, не знаешь этого. Я теперь обязан тебе жизнью, Ноэл Кордери, и однажды оплачу свой долг.

Ноги Ноэла внезапно ослабли, Квинтус поддержал его, взяв за руку.

– Это должен был сделать я, – сказал монах низким напряженным голосом.

– Нет. – Ноэл слабо отрицал, положив почерневшую ладонь на голову и удивляясь усилению головокружения, когда опасность уже миновала. – Твой разум и моя сила... моя сила...

Говоря это, он понял, что силы оставляют его. Последнее, что увидел Ноэл, было лицо наставника, Божьего человека,

поддерживавшего его своими слабыми руками. Яркие глаза смотрели на него, завораживая, как две заводи.

Когда сознание покинуло Ноэла, он удалился от боли и страданий тела, душа его воспарила: впервые в жизни он подумал, что вера в провидение, к которой призывал Квинтус, и в самом деле несет в себе нечто...

Часть 4

КРОВАВАЯ ПОРА

«Империей страха правит величайший деспот, чье имя – Смерть, с супругой по имени Страдание; этот правитель отравляет воителей по имени Война, Болезнь и Голод против человечества, подстрекает их почитать эйдолу, скрывающую от него действительное знание божественного и светского миров.

Обыкновенные люди обманываются, думая, что их враги – вампиры; потому что истинные враги человечества принадлежат этой огромной империи – империи страха, невежества, а не мелким княжествам Аттилы и его племени, которые когда-то падут сами.

Избавление человечества от несчастий не последует от падения мелких княжеств, если огромная империя будет существовать. Я прошу вас помнить, что следует разрушить эйдолу, чтобы восторжествовала правда».

Фрэнсис Бэкон. Из письма к Эдмунду Кордери, май 1622 года

ПРОЛОГ

Последователи Грегори Великого говорят, что вампиры

перед шабашем смазывают тело мазью, составленной из различных мерзких компонентов, но в основном из умерщвленных детей. На сборном месте зажигают отталкивающий, отвратительный костер. На собрании верховодит Сатана в виде козла с крыльями летучей мыши, сидящий на троне из черного камня. Вампиры выказывают ему свое почтение, опускаясь на колени, подносят ему дары – черные свечи или детские пуповины, целуют его волосатые руки. Они рассказывают о своих мерзких поступках, например, о пытках, издевательствах, причиненных обыкновенным людям, или о принесенной ими в мир нищете.

Дьявол подносит им пищу, полусгнившую, в червях, но для вампиров нет ничего гадостнее, чем хлеб и сахар, а в своей пище они находят любимую ими человеческую кровь, детскую плоть. Дьявол дает им в большом роге черное вино – смесь из мочи, приправ, крови, выпиваемую с большой охотой.

Обычно вампиры дико, до головокружения, пляшут под звуки труб и барабанов вместе с исчадиями ада, выходящими на поверхность, топча ее своими костистыми лапами, отравляя испражнениями.

После всего вампирам разрешается приблизиться к хозяину за чудовищным причащением, тогда они на всех четырех пятятся к трону, выставляя напоказ зад. Холодный как лед, размером с конский, член Дьявола вонзается в них и извергает черное как ночь семя, питая заключенные в их

плоти дьявольские души. Потом вампиры разрывают собственное мясо и предлагают сочащуюся кровь гигантскому языку хозяина, жадно пьющему ее как воплощение порока.

Раны, нанесенные вампирами друг другу, быстро заживают, вытертые досуха хозяином или разорванные им в ненасытном голоде. Вампиры, целые и невредимые, встают при крике петухов, распространяя порок в мире, созданном Господом не для их племени, но для людей.

Все это видели посланные, чтобы стать свидетелями кошмара, пришедшего к людям. Риск большой, если человека-лазутчика находят, его приводят к трону, всаживают острый кол вместо дьявольского члена, кол вбивают в землю, и он служит майским шестом для танца вампиров. Площадка, где скачут черти с подручными, пропитана кровью жертв.

Вампиры ставят себя выше обыкновенных людей, на место хозяев, сатанинскими средствами. Они стремятся увести людей с пути, проложенного Богом к спасению. Пока вампиры правят на земле, души людей подвергаются суровой опасности: поддавшиеся временному соблазну пожертвуют Раем ради радостей долгой жизни, свободы от боли. Но людям обещано, что Иисус придет опять и воздаст живым и мертвым, оставшиеся на Его пути будут жить вечно в Раю. Аттила – антихрист, чье пришествие было предсказано Святым Иоанном в Апокалипсисе, и лжепапа Александр станет его подручным.

И Христос, чтобы очистить землю, низвергнет их и весь адский легион вместе с ними.

Не страдавшие на земле будут гореть вечно, те же, кто склонились перед Божьей волей, воспринимая муки и смерть, определенные павшим сынам Адамовым, увидят Господа и узнают правду его прощения.

Из «Компендиум Молефикарум» Франческо Гуаццо,

1608 год.

1

Проснулся он от сна, который тотчас же забыл, хотя осталось ощущение, что сон был таким неприятным, что избавиться от него было радостью. Не открывая глаза, попытался вспомнить, где он уснул и где сейчас находится, но не смог.

Какое-то мгновение вспоминал собственное имя, но первые звуки, пришедшие к его губам, были не его именем, а словом «Шигиди».

Тогда, с облегчением, понял, что он – Ноэл Кордери, спасенный провидением от ярости поднявшегося мертвеца... или небесным громом, который метнул бог племени уруба Шанго – или пулей из мушкета пирата Лангуасса.

Тепло на опущенных веках говорило, что солнце стоит высоко и лучи светят ему в лицо. Поэтому прежде чем открыть глаза, их нужно затенить рукой. Попытался сделать это и понял, что не может, совсем не ощущает правую руку. Сжал левую руку и прикрыл ею глаза.

Солнце светило в широкий прямоугольник окна размером десять на четыре фута, вырезанного в каменной стене. Ноэл попытался встать, отвернулся от солнца, опираясь левой рукой. Одеяло соскользнуло с груди, и он вскрикнул – правое плечо, руку и правую сторону тела от подмышки до бедра покрывали черные и серые пятна, будто под кожей выступила гниль.

Из-за попытки встать голова закружилась, и он упал на кровать, как от опия или спирта. Хотелось пить, рот и глотка горели от сухости.

Он лежал на вязанке сухой травы, завернутой в ткань и перевязанной веревкой, удерживающей форму матраца. Рядом стоял деревянный стол, сделанный из ствола дерева, на котором Ноэл увидел глиняный кувшин с водой. Он потянулся к нему, но не смог достать правой рукой и попытался сесть, поворачиваясь так, чтобы взять кувшин левой. Несмотря на жажду, вгляделся в воду, сомневаясь в ее чистоте, осторожно отпил и, почувствовав ее свежесть, сделал большой глоток, смачивая пересохший язык.

Поставив кувшин, он увидел тысячи узких извивающихся колец на полированном столе. Он знал, что каждое кольцо на срезе дерева значит год жизни, и подумал, что стол вырезали из дерева, выросшего еще до Рождества Христова. Казалось, кольца изгибаются, вращаются, и Ноэл замигал, чтобы смахнуть слезы с ресниц.

Потом осмотрелся, почувствовав тяжесть в голове при повороте. Он находился в комнате длиной в одиннадцать и шириной в десять футов, со стенами, сложенными из каменных плит. Из мебели здесь были только грубо сколоченная кровать и стол рядом с ней, почти весь пол покрывал тростниковый мат. Напротив окна Ноэл увидел дверь из темного, почти черного, дерева на ржавых стальных петлях. Напротив кровати располагалась ниша с приступком высотой в

несколько дюймов. Ноэл был один, обнаженный, груда одежды лежала у кровати, рядом с соломенной шляпой и сапогами.

Опять отпив из кувшина, он попытался поставить его на стол, но кувшин выскользнул из руки и стукнулся о каменный пол так, что вода брызнула во все стороны. С большим напряжением привстал, пополз к нише на четвереньках, хотя голова кружилась и прошибал пот. Казалось, половина тела мертва и живая часть тащила груз второй.

Снял деревянную крышку с отверстия. Запах был достаточно резок, чтобы определить назначение ниши, и Ноэл с трудом использовал ее. Затем сел в нише, крайне ослабевший, близкий к обмороку. Ясность ума после пробуждения ушла, и он находился в состоянии полусна, но холодная шершавость камня говорила о реальности.

После минутного отдыха стало лучше. Ноэл не знал, сможет ли одеться, но решил, что об этом не может быть и речи, так как он не владеет верхней частью тела. Понял, что не в состоянии даже натянуть сапоги, но решил все же подняться на ноги. Подполз к окну, но беспомощная правая рука не позволила ему встать. С большим трудом одной рукой он подтянулся к подоконнику и посмотрел вниз.

С высоты он увидел обширную долину в обрамлении далекой гряды скал и гранитных утесов. На востоке лучи солнца сверкали над озером. Круглая долина простиралась на двадцать или более миль. Вся земля была засеяна, фрукто-

вые сады перемежались с полями корнеплодов, посаженных ровными рядами.

На площадках в крутой скале, внизу и по сторонам, стояли дома. Он сразу понял, что это и есть настоящая Адамавара, а странная безжизненная земля, которую они прошли, была лишь защитным барьером, предохраняющим от вторжения.

Далеко на полях работали люди, одетые в белое. Ноэл попытался высунуться больше, но голова у него закружилась, он потерял равновесие, и ноги разъехались в стороны, как у тряпичной куклы, брошенной ребенком. Он упал на правый бок, почувствовав глухой удар, от которого не было боли. Даже так. Слезы выступили на глазах, мысли перемешались. Дверь открылась, Ноэл резко и удивленно повернул голову, но его чувства были в таком замешательстве, что он едва мог воспринимать происходящее.

Первой вошла чернокожая женщина в белом платье свободного покроя. Ее лицо было настолько гладким, что поначалу Ноэл принял ее за элемеи, но затем по манерам распознал в ней служанку и поэтому обыкновенного человека. Следующий за ней мужчина, вероятно, был вампиром, хотя и не похожим на тех, кого раньше видел Ноэл.

Он был не черным, а бледно-коричневым, с яркими кари-ми глазами, под цвет кожи, почти того же роста, что и Но-эл, – необычное явление для этих мест. Голову его прикрывал тюрбан. Лицо не было морщинистым, как у пожилых черных вампиров, виденных Ноэлом, но, несмотря на это,

он казался очень старым. Руки и ноги были худыми, но не лишенными мышц, как у Гендва, движения – неспешными. Одет вампир был в белую рубаху до колен и легкие сандалии.

Увидев, что Ноэл лежит не в кровати, а на полу, он ринулся, чтобы помочь. Ноэлу показалось, что он вновь теряет чувство реальности. Глаза затуманились, и он смог разглядеть лицо пришедшего на помощь лишь после того, как его усадили на кровать.

Женщина, судя по блеску кожи, была вампиром светлокожая, светлее, чем Лейла, однако не такая бледная, как галльские вампирши, с каштановыми волосами. Глаза странные, скорее серые, чем карие, левый светлее правого. Лицо худощавое, с прямыми скулами и подбородком. Она показалась Ноэлу самой красивой женщиной из тех, что он видел с тех пор, как покинул воды Кардиганского залива, полжизни назад.

Мужчина заговорил со служанкой на незнакомом Ноэлу языке, и та стала собирать осколки разбитого кувшина. Затем обернулся, посмотрел на Ноэла, сделав паузу, будто сомневаясь, расслышит и поймет ли его Ноэл, заговорил:

– Понимаешь латынь?

Ноэлу, который собирался с силами, это показалось совершенно абсурдным. Он ожидал услышать уруба и удивился бы меньше при звуках французской речи. Но услышать вместо этого язык церкви! Он кивнул, не в силах произнести ни авука.

– Я могу говорить с тобой на этом языке? Я перейду на уруба, если хочешь.

Ноэл кивнул опять, надеясь, что его поймут. Голова раскалывалась.

– Тогда я приветствую тебя, – мягко сказал посетитель и взглянул на окно, угадав, очевидно, что Ноэл, прежде чем упасть, смотрел в него. – Это наш дом. Это Адамавара.

Он взглянул на служанку, выносившую черепки кувшина, сделал жест молча вышедшей вампирше и продолжил дружески:

– Меня зовут Кантибх. Имя женщины Береника. Ты в ее доме, который мы называем местом айтигу. Это слово означает «незаконченный». Должен сказать, что твоя болезнь продолжается, худшее впереди. Ты слышал, что ее называют серебряной смертью, но она редко убивает. У элемеи есть лекарства, которые укрепят тебя. Ты будешь чувствовать себя беспомощным – пленником своего тела, твой разум будет бродить по странным землям невозможного: Ты будешь ощущать себя в Ипо-Оку или в пламени вашего христианского ада, но возвратишься невредимым из испытаний, я обещаю это. Ты можешь сейчас ответить?

Ноэл облизал губы и выдавил:

– Да. Я понимаю. – Хотя ему приходилось искать латинские слова, с трудом приходившие на ум, он прибавил: – Мои спутники?

– Все живы, – ответил Кантибх. – Один, по имени Квин-

тус, назвал нам ваши имена. Он тоже болен, но не так сильно. То же самое с женщиной. Хуже было с Лангуассом: он очень ослабел от горячки, хотя серебряная смерть не достала его. Ибо Нгадзе сейчас болен, но скоро выздоровеет. Мальчик уруба, Нтикима, будет страдать меньше всех.

– А Гендва? – тихо спросил Ноэл.

– Он будет жить, а ранивший его человек умрет в лесу, я полагаю. Мкумкве не будут его искать.

Ноэл облегченно вздохнул, довольный этими словами.

Он взглянул на расплывавшиеся черты лица человека и спросил:

– Ты элеми?

Кантибх покачал головой.

– Айтигу, – сказал он. – Незаконченный. Я тот, кого вы называете вампиром. Приехал сюда, как ты, путешествуя, несколько столетий назад. Прибыл в город Мероэ страны Куш с послами моего народа, жившего в Персии. Я был образованным человеком, посетил Рим и Лондон, путешествовал с караваном через большую пустыню к Борну, где впервые услышал об Адамаваре. Мне давно хотелось разыскать первый народ мира, и когда собрался в путь, взял проводником элеми. Первые христиане уже побывали здесь и вернулись домой. Первыми белыми были греки времен Александра, до них страну посещали бронзовокожие из Шумера и Египта. Береника здесь уже две тысячи лет. Вампиры Адамавары раскинули широкую сеть, чтобы уловить мудрость

мира, они очень терпеливы и ждали долго, пока нашли человека, подобного тебе.

Ноэл не совсем понял, что подразумевалось под словами «подобный тебе», но не сомневался, что речь идет не о цвете кожи.

– Нашли? – повторил он.

Ему надо было сейчас говорить, он хотел представиться, но закашлялся и не мог остановить кашель.

Вампир положил прохладную руку ему на плечо, как бы желая остановить спазм.

– Ты очень болен, – сказал Кантибх. – Думаю, после отдыха тебе станет получше, но затем серебряная смерть лишит тебя чувств. Обещаю, что мы с тобой поговорим, но сейчас тебе лучше поспать. Я приду опять.

Ноэл кивнул, соглашаясь на уход Кантибха – если его согласие вообще требовалось.

Кантибх улыбнулся:

– Ты проголодаешься. Береника пришлет пищу, ты получишь свои вещи. Пришлет воду со слугами, и ты вымоешься, если сможешь. А я должен сейчас идти к Квинтусу.

Когда Кантибх ушел, прикрыв за собой дверь, Ноэл опять закрыл глаза. Он злился на себя из-за своей слабости, беспомощности. Он знал, что нужно задать тысячу вопросов, но понимал также, что должно пройти время, прежде чем он сможет возобновить свою миссию: понять, что такое Адамавара и сущность дыхания жизни.

Ноэл твердо решил жить, каким бы мучениям его ни подверг Шигиди. Если он не выстоит, все его жертвы будут напрасны, потому что он зашел слишком далеко, чтобы все усилия пропали впустую.

– Я – Ноэл Кордери, – прошептал он. – Сын Эдмунда Кордери.

2

Он заснул не сразу. Мог еще видеть чернокожих, – вероятно, мкумкве, хотя не раскрашенных, как воины, каких видел раньше, – принесших кувшины с водой в его комнату, льющих ее в ванну из полированного дерева. Он был слаб, но не спал, когда они подошли и подняли его, хотя почти не ощущал прикосновения их рук. Вода была теплой и благоухала. Слуги мыли его осторожно, мягко, с мылом – не жирным, расплывающимся, из сального дерева и дикой яблони, к которому он вынужденно привык, а плотным, благоухающим.

Когда его вымыли, на стол поставили хлеб, фрукты, но к столу не пригласили. Оставили понежиться в ванне и вернулись, чтобы вымыть его длинные прямые волосы. Одежду, сложенную у кровати, выстирали, развесили над подоконником сушиться в лучах полуденного солнца. Один из слуг принес бритву, намылил щеки и принялся сбривать густую бороду, отросшую с начала экспедиции.

Одежда быстро высохла, и слуги помогли Ноэлу надеть рубаху и брюки. Он мог сидеть за столом с достоинством, возможным в его состоянии. Ел мало, с трудом. Движения были неловкими, все еще не удавалось пользоваться правой рукой.

После этого рухнул на кровать не в состоянии пошевелить

здоровой рукой или ногами. Долго лежал без движения. И когда вошел элеми с бритым черепом в красно-белом ожерелье, показывающим, что он Они-Шанго, Ноэл уже не знал, спит или нет. Он начал свое второе путешествие, такое же долгое и трудное, как и то, что привело его в Адамавару, но на этот раз дорога петляла по неизведанным лабиринтам его души.

Возможно, Они-Шанго дал лекарство или дотронулся жезлом в перьях, более добрым, чем тот, которым Эгунгун едва не убил его, Ноэл вспомнить не мог, но когда элеми пришел, он уже переступил порог своего опыта.

Всю свою жизнь Ноэл Кордери видел сны, но большей частью, как большинство людей, забывал их. Но в пору болезни все перевернулось. Путешествуя с Шигиди, он переживал все свои сны, которые толкались и требовали внимания как никогда раньше. Бодрствующее «я» было забыто, а спящее освободилось, завладело сознанием.

Казалось, все, что снилось раньше, возвращается, все, что проделывал в безопасном укрытии сна – свободное от Божьего суда и людского, спрятанное в тиши его тела, – подвергается двойной ноше изучения и осознания.

Вначале путешествие с Шигиди приняло форму длинного допроса, познания глубин души, в котором применялись все методы инквизиции.

Его бодрствующее «я» никогда не входило в пыточные камеры, находившиеся под лондонским Тауэром, хотя ино-

гда улавливало отдаленное эхо криков. Но спящее «я» часто бродило в детстве по темным коридорам, взбудораженное любопытством и чарами, наблюдало людей князя за работой. Он позволял вздернуть себя на дыбу и со страхом ждал раскаленного железа. Теперь он опять висел на дыбе, наблюдал игру ярко-красного металла, танцующего в темноте, а замогильные голоса требовали выдачи тайн.

Странно, боли он не чувствовал, но осознавал обязанность делать вид, что мучается, показать страх и отчаяние палачам, скрыть свою нечувствительность к их трюкам.

Почему он должен притворяться умирающим? Этого Ноэл не мог сказать. Не знал, зачем ему разыгрывать роль человека, измученного и запуганного, не имеющего больше возможности лгать или скрывать; знал только, что должен делать это и оправдать перед собой неизбежность признаний. Возможно, они совсем не угрожали ему, но он сам хотел предать себя, стремясь сознаться и облегчить свою душу. Ему угрожали смертью снова и снова – в этом он был уверен. Была ли это его собственная извращенность? Или это безжалостное божество Шигиди, в чьем создании он вынужден пребывать? Ноэл не знал.

Не все было допросом и инквизицией: существовала Вселенная для изучения, настолько многообразное озарение, что смущало прежнее «я», чья целостность была связана с бодрствованием. Его пробуждающееся «я» ничего не знало о шабаше вампиров и таинственной магии, при помощи ко-

торой творили себя вампиры, но его спящее «я» раскрыло эти тайные собрания и видело происходящее. Он видел Сатану за работой, чествуемого вампирами, наблюдающего их танцы, свое неестественное соитие с ними, рвущего их мясо, знающего, что все заживет. Теперь Ноэл мог делать такие визиты, когда хотел, и понимал увиденное.

Видел Ричарда-нормандца на шабаше: Львиное Сердце с медными глазами смеялся со своим льстивым другом Блонделем де Несле. Видел на шабаше Кармиллу Бурдийон, с красными от горячки глазами, с пальцами как когти, с которых капала кровь. Видел Гендва на шабаше, выставяющего напоказ свой целомудренно испорченный член, показывающего бледным леди, как, несмотря на это, он может мочиться кровью и испускать черное семя тягучей струей.

Видел людей, еще не ставших вампирами, претендовавших на происхождение от князя ада, приносивших жуткие клятвы и распевающих гимны, когда Сатана вводил в них ледяной фаллос. Он напрягал слух, чтобы слышать слова и запомнить их, но, когда повторял одну фразу, другие терялись; их язык был непонятен. Когда шабаш закончился, он все еще не знал, какая магия нужна, чтобы превратить в вампира; не узнал многих приносивших клятву и предлагавших свой зад.

На шабаше Ноэл видел Лангуасса, несущего отрубленную голову Кристель, ее губы пытались говорить; Нतिकиму в маске Эгунгуна, с жезлом в перьях. Видел Эдмунда Кордери

в маске, определяющей его как члена Невидимой коллегии Англии.

Ноэл хотел просить их не продавать свои души, а верить в провидение, передать им послание святого Квинтуса, но не посмел выдать себя. Не хотел быть пойманным за подсматриванием ритуалов и посаженным на заостренный кол.

На шабаше были и другие, достойные изучения, колдорские тайны.

Его живое «я» никогда не было в Тайберне, не видело набитых в телеги несчастных, подвозимых к треногим козлам. Никогда не видело повешенного, бьющегося в судорогах, испускающего дух человека. Но его спящее «я» было там с Шигиди и забывало, забывало, забывало... Но сейчас он не должен забыть, мог записать все картины в своей душе.

Его живое «я» никогда не присутствовало в африканской деревне на жертвоприношении, не видело, как для Олори-мерина зарезали ребенка, иссекали тело, сцеживали и пили кровь. Он никогда не видел священников Огуна, вынимающих сердце облагороженного раба, взвешивающих и съедающих его со снадобьями. Но его спящее «я» было там и узнало больше тайн, чем он когда-либо надеялся раскрыть.

Его живое «я» никогда не было в аду, ничего не знало об огненных ямах, замерзших пространствах, морях крови, железных иглах, но спящее «я» видело это так близко, что он не осмелился бы даже заподозрить. Видело людей, чье наказание лучше бы не знать. Его спящее «я» знало, Эдмунд

Кордери горел в аду и рядом пустовало место для его неблагодарного сына... Бодрствующее «я» не хотело – но напрасно! – этого знать.

Во Вселенной Шигиди не было места сокрытию, тайне.

У него много спрашивали, и он давал беспощадный отчет о себе и других. Но худшими были вопросы о себе самом – он получал такие ответы, что сомневался, можно ли что-либо вообще забыть. Он видел в душе и за душой то, что никогда не мог себе простить и за что не стал бы просить прощения у любящих его; понимал, почему Божья милость должна быть бесконечной, иначе она не могла бы соперничать с тайными желаниями людей.

Иногда Ноэл видел своих собеседников, но чаще голоса доносились из бесформенной темноты, которая могла быть или зловещим богом, или тенью чудовища, слишком страшного даже для бреда.

С ним говорили Кантибх, Квинтус и Эдмунд Кордери.

Один заявлял, что Ноэла сожгут на костре как еретика. Другой обещал святое мученичество. Третий утверждал, что он далек от конечной расплаты и еще ему откроется богатейший мир чудес. Но кому какое обещание принадлежит – не помнил.

Все, что Ноэл рассказывал о себе, он переживал вновь, но это видело и чувствовало не живое «я», а спящее. Говорил о детстве, о Тауэре, об отце и матери, о Большой Нормандии и Галльской империи. Возбужденно рассказывал о механике,

машинах, используемых сейчас в Европе, о мириадах путей, какими те изменяют жизнь людей. Подробно описывал различные доктрины христианской веры, грегорианские ереси, разложение Рима, группы духовенства, капризы веры.

Рассказывая о мире своим собеседникам, он говорил так, будто огромная круглая земля и бесконечная история направляются его собственной маленькой душой, состоят из его мыслей, знаний, чувств, отношений. Он говорил об Африке так, будто в ней ничего нет, кроме того, что рождает его богатое воображение: смешные звери, чудовищные божества, леса в дымке.

Много позже, когда Ноэл пришел к выводу, что некоторые из собеседников действительно находились рядом и слышали часть бормотания его спящего «я», он пытался вспомнить, что же мог сказать своим призрачным собеседникам. Но это была непосильная задача.

В чем он себя обвинял? В чем признавалась его душа? Ноэл не мог ответить. Более того. Его спящее «я», его спящая душа обладали спящей плотью, измученной не только пытками и наказаниями допроса. Бесчисленное множество раз он чувствовал себя педерастом, хотя живое «я» никогда не претерпевало подобного унижения. Отсутствие жизненного опыта обусловило появление абсурдных ощущений, создававших иллюзию проникновения.

Орган, пронзавший его, был то холодным и липким, то горячим и твердым. Невидимый член был то огромным, и

эякуляция заполняла его всего – от низа живота до горла, то маленьким гладким, выстреливающим семя, сотрясая его тело. Насилие совершалось кем-то, похожим на Квинтуса, в другой раз это был турок Селим, насилувавший его, прико- ванного к позорному столбу стальными наручниками.

Спящее «я» было вне стыда, вне страдания. Он терпел на- падения без спасительной надежды, что одно из них заронит в его плоть семя бессмертия. На него ни разу не напал ни грегорианский Сатана, ни Ричард Львиное Сердце, ни кто- то из его рода.

Но если картины в снах были только разными кругами ада Данте, то ему являлись и видения рая.

Его живое «я» путешествовало по миру, но видело немно- го из обширного творения, созданного Божьей рукой; живое «я» восхищенно смотрело на небо, считая звезды или наблю- дая за странствием планет. Но спящее «я», освобожденное, часто извлекало его чувствительную душу из темницы плоти в полет, уносясь в небо, купаясь в лучах солнца, следуя за кометами среди звезд, душу одинокую в великой темноте, но гордую своей силой.

Увы, привкус рая в снах был слабым, потому что в сокру- шительных просторах пустоты он ощущал особенную уда- ленность, такую же адскую, как загадочные и крепкие тюрь- мы, в которые иногда его заключали кошмары. Когда душа улетела слишком далеко от теплоты солнца, превратившего- ся в крошечную звезду, он чувствовал себя Одиссеем, на-

влекшим на себя гнев судьбы и пытку невозвращения домой. Такие полеты никогда не достигали завершения.

Но был и другой полурай, который он делил с женщинами-вампирами, использовавшими его более ласково, чем пытавшие или те, с кем Ноэл играл в прятки. Позже, оценивая это время, думал, что от отчаяния его спасли только вампирши.

Или, по меньшей мере, вампирша.

Его живое «я» никогда не лежало с обычной женщиной или с вампиршей. Он никогда не занимался любовью, даже с цыганкой, которая его любила с юности. Робкое и стыдливое, сделавшееся еще пугливее от долгого воздержания, его живое «я» отодвигало в сторону эротические чувства, пеленая личными запретами.

Но его спящее «я»!

Ни робость, ни стыд не омрачали этот внутренний призрак, никакие оковы сознания не могли сдерживать свободно вздымающиеся в спящем теле импульсы.

В снах он всегда уступал свою блестящую и неумирающую плоть кровавым поцелуям бессмертных. Там все еще жила Кристель, целая, свободная, ухоженная, одетая, как только он себе мог представить, всегда открытая ему, готовая ласкать; и отделенная от тела голова не летела с криком в ад. Кармила Бурдийон тоже была там, не раздуваясь от болезни, превратившей кровь в желчь, но теплая, белая, крепкая, всегда милая, всегда любящая, всегда жаждущая.

В снах были тысячи вампиров, часто безликих, но всегда совершенных; часто безымянных, но всегда нежных. В этих снах без страха и ярости, чудовищ и злорадства не было границ для красоты и волшебства, экстаза и легкости. Не было даже обычных любовников, потому что спящему «я» не нужна была слабая плоть, предпочтение отдавалось порочному перед чистым и портящемуся перед вечным. Сатанинские любовницы не покидали, их становилось больше, одна приходила, мягко касаясь, другая служила страстно и полно. Одна была непохожа на других, потому что она нашептывала, лежа рядом, будто тоже затерялась во сне, обреченная изливать свое сердце допрашивающими, щекотавшими нечувствительное к боли тело стрелами бреда.

Имя этой вампирши-призрака было Береника. Его спящее «я» узнало, что она родилась в Александрии, на закате империи Александра, когда Рим был еще в колыбели. Ее продали в рабство авантюристам, шедшим по пустыне в поисках сокровищ Соломона. Пустыня была не такой жестокой в те давние дни, и Александр послал в сердце Африки несколько экспедиций, некоторые возвратились. Их руководители, услышав об Адамаваре, подумали, что это земля обетованная, и отправились на поиски Элизиума.

Безжизненный лес, в отличие от пустыни, был тогда более жестоким. Люди, приведшие рабыню Беренику туда, заболели серебряной болезнью и готовились умереть. Она сама лежала много дней в горячечном ужасе, в кошмарах, тоске.

Береника умерла бы, но элеми нашел лекарство, спасшее ее, превратившее ее в айтигу – незаконченную.

В последующие столетия другие люди пришли в Адамавару из арабских стран и империй, возникавших и гибнущих в средиземноморской колыбели цивилизации. Элеми использовали лекарства, чтобы прогнать серебряную болезнь и сделать из людей бессмертных айтигу, Береника не была единственной. Но элеми однажды рассердились на айтигу и больше не применяли лекарства. Мало-помалу айтигу умерли или ушли, и Береника уже давно осталась одна. Сны уносили ее в райские поля, где она не боялась времени, но иногда возвращали в менее счастливые края, если на то была причина. Казалось, что Ноэл был причиной ее прихода из рая.

В его снах ее любовь была прикосновением ангела. Встречи с ней были неясными, он часто не знал, приходила ли к нему Береника или одна из мириад других, но это всегда доставляло радость.

Иногда успокоение приносила Кристель. Иногда Кармилла. Иногда это была одна особа без имени, чье лицо он еще должен был увидеть. Одна из них сказала ему, что он был красивейшим мужчиной в Англии, после того как убил своего отца. Ноэл не знал, кто эта женщина. Другая утверждала, что в нем – дыхание лучшей жизни и его дети обновят старый мир, но он тоже не знал, кто она. Третья обещала, что всегда будет помнить его во всех лицах, которых он коснется, и в каждой капле крови, которую выпьет, но он не мог

ВСПОМНИТЬ И ЕЕ ГОЛОС.

3

Бодрствование пришло в его сны постепенно.

Сначала он забывал события, как только засыпал, но со временем сознание окрепло и стало воспринимать внешний мир. Ноэл выполз из адской ямы, куда его затащили серебряная смерть и ее демон уруба.

Память восстановилась, поначалу смутно и отрывочно. Ощущение пищи и воды во рту перемежалось с какофонией обрывков разговоров. Он знал, Кантибх часто приходил к нему, иногда со старым черным вампиром Аедой – Они-Шанго, говорившим с ним на уруба. Знал, что много времени болел, иногда был в лихорадке. Иногда бредил и бормотал, отвечая на вопросы, стараясь высказать свои мысли и идеи, как будто это был яд, накопленный за многие годы, когда как неверующий он отказывался от исповеди и причащения.

Случалось, смотрел на свое обнаженное тело, почти полностью покрытое черным пятном, имевшим вид гигантского кровоподтека. Когда мысли опять стали связными, Ноэл спрашивал себя, какое пламя сделало его пепельным, будто адский огонь превратил его в золу. Было ли это судьбой для грешников и неверующих? Отражался ли на плоти распад души? Не поэтому ли Бог допустил Шигиди и его племя в человеческую душу?

Живое «я» опять стало царствовать над его чувствами и памятью, но эта победа была не легкой и не осталась без последствий. Восстановившееся сознание принялось за то, что освободило сны, но Ноэл не мог не признать, что изменился, и не был уверен, в лучшую или худшую сторону.

Из всего потока бреда душа спасла цепочку событий, память сберегла одно лицо: лицо женщины Береники.

Когда здоровье вернулось, он знал, что любовь из снов перебросила мостик к реальности. Береника действительно приходила к нему, как и допрашивающие, и она спала с ним.

Он не мог сказать, когда это случилось на самом деле, и когда в вымыслах, но знал, что в желании и нежности между иллюзией и реальностью почти не было границы. Возможно, страсть была истинной встречей внутреннего и внешнего мира, достаточно сильной, чтобы соединить сон и явь, ночь и свет, рай и ад, бесплодие и потенцию, вампира и обычного человека.

Он думал, что у Береники могли быть любовники за семнадцать веков до его рождения и ее чувства настигли его через большой промежуток человеческой истории. Она тесно связала его со всей сложной схемой человеческих поступков, лежащих в тени истории. Ноэл чувствовал, что в первый раз, когда совершенно сознательно любил ее, он обнимает Божественное сердце и воспринимает свою часть дыхания жизни, даже если она слишком мала, чтобы спасти от боли и смерти.

Он предположил, что Береника много говорила с ним,

несмотря на его бред, рассказывая о своей жизни и о столетиях, прожитых ею в Адамаваре. Возможно, она выговаривалась, чтобы излить душу, как и он сам. Когда Ноэл выздоровел и стал осознавать их встречи, она смущалась, воздерживалась от разговоров с ним. И он тоже начал стыдиться ее.

Он знал: Береника пила его кровь, когда он бредил во время любви, это обеспокоило. Странно, но беспокоился не о себе, а о Беренике, ведь пила она зараженную черную кровь из больных вен. Он не раз молчаливо сопротивлялся, когда женщина склонялась над ним, та смущенно отходила, не зная причину тревоги.

Ему привиделось, по меньшей мере, однажды, что она разрешила ему горло ножом, жадно слизывала хлынувшую кровь, но, выздоровев, он понял: это был сон. Береника пила его кровь из порезов на груди, а не на шее, и он ощущал только томное согласие с тем, что она делала.

Ноэл не уловил момента своего возвращения из болота отрывочных воспоминаний к полному сознанию, но один случай запомнил как истинное возобновление жизни с ее проблемами. Это случилось ночью, когда он проснулся от какого-то звука.

Он знал, что лежит на своей кровати, на левом боку, лицом к черной каменной стене. Ощущал одеяло, согревающее тело, матрац, и вдруг по затылку пробежал сквозняк. За спиной, в комнате, что-то двигалось.

Какое-то время лежал, прислушиваясь. Звуки создавали

впечатление, как будто по полу тащили тело, тяжело и отрывисто дыша.

После безуспешной попытки он наконец повернулся и спросил, удивляясь немного своему голосу:

– Кто здесь?

Раздался короткий тревожный крик:

– Кордери? Мастер Кордери? Это в самом деле ты?

Голос был едва узнаваем, но слова сказали больше, чем звук.

– Лангуасс? – Ноэл попытался сесть и понял, что опять чувствует свое тело, может управлять любой мышцей.

– Слава Богу! – воскликнул пират, чуть не плача. – Кордери, я был в аду! Я горел, дружище Ноэл, и черти мучили меня!

– Да, – сказал Ноэл, больше озабоченный своими ощущениями, чем приходом посетителя. – Я сам был там и только теперь уверился, что меня там нет.

Он вглядывался в темноту, желая рассмотреть лицо пирата. Ночь была светлой, сквозь прямоугольник окна виднелись звезды. Их свет не был ярким, но позволял видеть. Когда протянутая рука коснулась лица Ноэла и перешла к плечу, он различил неясную тень. Голова была внизу, рука поднята вверх, Ноэл понял, что Лангуасс полз по полу не в состоянии идти.

– Помоги мне, – попросил Лангуасс. – Ради Бога, помоги. Ноэл не представлял себе, как помочь, но Лангуасс схва-

тил его правую руку, и он перехватил ее левой, поддержал.

– Спокойно, парень, – проговорил он. – Ты вернулся из ада, куда тебя унесли сны. Ты в мире опять, и серебряная болезнь уходит из усталых мышц. Мы побелеем, как кость, раньше чем сообразим об этом.

– Если я теперь не в аду, – сказал пират, – тогда наверняка оттуда недавно пришел, если усну, опять окажусь там. – Казалось, он не доверял словам Ноэла.

– Этот ад внутри нас.

– Мы болели, парень, и это все. Серебряная смерть угостила нас страхом перед будущим. – Ноэл вспомнил, что Лангуасс заболел до того, как черные пятна появились на его коже. Пират ходил тогда целый день, демонстрируя силу, храбрость, сопротивляясь истощению, истекая потом в полубреду. Понял, что Лангуасс мог не помнить об Эгунгуне и о своей попытке убить поднявшегося мертвеца. Мог даже не знать, что они в Адамаваре.

– Они расспрашивали тебя? – спросил Ноэл.

– Адовы дети мучили меня, – пожаловался Лангуасс, – на проклятом языке, который я забыл.

Лангуасс в юности был образованным человеком, видимо, изучал латынь, но это было давно. Пират знал всего несколько слов на урубба. Что бы ни узнали элеме от Квинтуса и самого Кордери, они вынуждены были довольствоваться меньшим в случае Лангуасса.

– Где мы? – прошептал пират.

– В цитадели, в Адамаваре, – сказал Ноэл. – Дворец вампиров. Ты видел перса, называющего себя Кантибх, или женщину, Беренику, в чьем доме мы находимся?

– Кордери, – шэпотом ответил Лангуасс, – я не знаю, что видел и что со мной сделали. Пока не нашел тебя, я бы поклялся, что был во дворце Вельзевула в городе Дис, где его сатанинское величество сыграло дурную шутку с моей душой и телом, и поклялся бы отказаться от всего мною сделанного и сознаться во всех своих грехах. Попросил бы прощения у самого Ричарда, если бы он пришел как благородный рыцарь, каким прикидывается, чтобы избавить меня от этой напасти!

– Тише, – мягко сказал Ноэл. – Если бы Квинтус был здесь, он бы отпустил твои прегрешения, услышав твою исповедь, но я только Ноэл Кордери, который не может прощать все грехи и не будет просить раскаяться во вражде к Ричарду Львиное Сердце, Галльской империи. Хотелось бы зажечь здесь лампу или свечу.

– О нет! – Лангуасс всхлипнул. – Я не тот, кем был, тебе не понравится смотреть на меня. Если я не мертв, Кордери, то покрыт черной проказой и более противен для глаза, чем верный Селим.

– Не думаю, – успокоил его Ноэл. – Я тоже был в них, и все прошло. Как я тебе сказал, чистота вернется к коже, хотя может не возвратиться к нашим бессмертным душам. Ад не может нас удерживать, и однажды мы сможем получить

дыхание жизни.

– Мой Бог, – простонал Лангуасс. – Ты не... ты не можешь. О, какая связь между такими, как я, и наказующим Богом? Проклятие Богу и его трудам! Но ты должен простить меня, Кордери, простить меня за все то, что я...

Ноэл не хотел слушать дальше, ему не нравилось, что Лангуасс сначала проклинает Господа, а потом просит прощения. Но пират не смог закончить фразу, закашлялся и опустился на пол.

Послышались еще звуки, Ноэл понял, в комнату вошли люди. Лангуасс ослабил хватку, и Ноэл освободил свою руку.

Пламя свечи осветило каменные стены, две большие черные тени появились у кровати. Пламя приблизилось, и Ноэл узнал перса Кантибха.

Лангуасс с трудом поднял голову, повернул лицо к свету. Он казался жуткой карикатурой человека, с лицом, покрытым серыми пятнами, черными губами, глазами лунатика. Ноэлу казалось, что он стал похож на поднявшегося мертвеца в пятнистой маске, искупающего нападение на Эгунгуна.

– Это Сатана! – простонал Лангуасс. – О Кордери!..

Он повернулся к Ноэлу, глядя ему в глаза.

Ноэл смотрел на перепуганного пирата, и образ Эгунгуна растаял. Черты лица в серых пятнах утратили символичность неземного мира и выражали просто страх, отчаяние. Ноэл видел, что кисти и предплечья Лангуасса почернели от серебряной смерти, но их обычный цвет восстанавливается.

Болезнь казалась отступающей тенью, а не всепоглощающей опухолью.

– Это не черт, – сказал Ноэл громче, чтобы пират услышал. – Это только человек. Вампир, но человек.

Раньше он никогда не видел Лангуасса в таком состоянии, лишенным злости, жестокости, высокомерия.

Но он был человеком большого мужества, несмотря на свои пороки. Ноэл, хотя и не сообщил об этом вслух, простил Лангуассу то, за что раньше ненавидел.

Лангуасс понял что-то, его лицо прояснилось, он попытался улыбнуться.

– Как, Кордери, – прошептал он. – Это только ты. Я спал, дружище Ноэл... спал.

Черные слуги осторожно подняли пирата, Ноэл постарался помочь им.

– Лангуасс, – сказал он, – мы в Адамаваре. Не могу сказать, гости мы или пленники, но нас не хотят погубить. Иди с ними, я приду к тебе, как только смогу.

Сказав, подумал, может ли обещать это. Откуда ему знать о намерениях Кантибха теперь, когда старейшинам Адамавары известно рассказанное Квинтусом и им самим? Что случится завтра? Долгожданный ли он гость или выжатый ненужный плод?

– Это болезнь, – сказал Лангуасс, как бы закрепляя новость в памяти. Затем засмеялся слабым, тонким смехом, но все же смехом. – В аду есть микроскопы? Спросил и опять

ушел в себя, опускаясь на руки державших его людей в белом. Они без труда подхватили его почти невесомое тело и унесли.

Кантибх вышел вслед, не закрыв дверь. Вошла Береника, неся свечу, посмотрела на Ноэла. Она ничего не сказала, выражение ее глаз было странным, будто мысли улетели далеко, в мир снов, не находя обратного пути.

Ноэл не в первый раз смотрел на нее рассудочно, оценивая ее красоту, но раньше он делал это под влиянием страсти и видел в ней только предмет желания. Сейчас между ними была дистанция. Она не была ни на йоту менее красивой, с совершенной кожей, полными губами, слегка приоткрывающими чистые белые зубы, светлокаштановыми волосами, каких он никогда не видел. Она была настолько красива, что перехватывало дыхание. Но сейчас он видел то, чего раньше не замечал, – она смотрела на него совсем иначе, без нежности и восхищения, жадно.

Ноэл приложил руку к голове, как бы измеряя температуру. Голова кружилась, видимо, его помощь Лангуассу зашла слишком далеко.

– Оставь меня, прошу, – сказал он. – Я хочу спать...

Вежливо поклонившись, Береника вышла, он вернул ее, попросил оставить свечу в комнате. Она поставила ее на стол, сделанный из ствола дерева.

– Мне скоро станет лучше, – пообещал он. – Очень скоро. Но когда она ушла и он уснул, ему приснилось, будто вам-

пирша тайком вернулась, легла к нему, разрешила горло, сосала кровь, пока они были вместе, а боль не вытеснила его душу бродить по бесконечным коридорам, плавать в воздухе, как серебряный угорь, устремляясь вперед и вперед, без конца и без начала.

Пока спал, все казалось явью, но когда проснулся, сон, как и все сны, испарился. Он увидел лишь серые стены комнаты и голубое покрывало неба за окном.

Солнце уже было высоко в небе, и Ноэл радовался чувству покоя, которого уже давно не испытывал.

Откинув одеяло в сторону, он сел, чтобы осмотреть тело. Пятна на руках исчезли, обычный цвет кожи почти восстановился, хотя стал более бледным из-за отсутствия загара. Осмотрев ноги, нашел их темнее обычного, чувствительность стоп и коленей была меньше. Конечности стали тоньше, слабее.

Обнаружив, что с небольшим усилием может встать, он с трудом доковылял до ниши. Затем стал разыскивать одежду, оказалось, ее унесли, хотя другие вещи были рядом с кроватью. Опять сел, вновь почувствовав слабость.

Позже сел за завтрак, состоящий из холодной каши и фруктов, попросил одного из чернокожих, подавших еду, принести его одежду. Слуга не понял слов, но жесты помогли, и платье принесли вместе с водой для умывания.

Когда солнце было в зените, пришел Кантибх, без Береники, но с двумя старыми вампирами по имени Аеда и Няня. Аеда был Они-Шанго, которого Ноэл видел несколько раз, но не помнил, при каких обстоятельствах.

– Ты достаточно здоров для разговора с нами? – спросил Кантибх на латыни.

Ноэл вспомнил, что они задавали много вопросов, когда

он еще не был достаточно здоров для связных ответов, и сказал им об этом.

– Верно, – подтвердил Кантибх, присаживаясь на циновку рядом с элеми. – Мы выяснили многое из того, о чем просили старейшины. Но многое ты не мог сказать в прежнем состоянии. Мы бы послушали более обоснованные доказательства, которые можно привести только будучи спокойным.

– Мы пленники здесь? – бросил Ноэл.

– Вы, конечно, пленники обстоятельств, – ровно ответил Кантибх. – Вы не достигнете Баучи, пока сезон дождей не будет в разгаре.

Ноэл посмотрел на него с подозрением:

– Сезон дождей! Сезон дождей не начнется раньше апреля.

– По вашему календарю, – спокойно сказал Кантибх, – это май. Вы находитесь в Адамаваре сто сорок дней.

Ноэл пытался скрыть свое изумление, но Кантибх рассчитывал на эффект своих слов. Он добавил:

– Серебряная смерть приводит к особому сну – не к тому, в который впадают элеми, когда дыхание жизни в них слабеет. Вы серьезно болели.

Ноэл вспомнил, как мкумкве подобрали рухнувшего Лангуасса, опять посмотрел на свои тонкие руки. Это не было потерей дней, но он представить не мог, что потеряны месяцы. Во время сна угасла связь со временем, телом и душой.

– Зачем вы привели нас сюда? – спокойно спросил Ноэл.

– Это вы хотели прийти, – поправил Кантибх. – Без Генд-ва вы бы погибли в пути. Элеми помогли вам, потому что хотели знать, какие люди вырастают в большом мире. Квинтус, которого туземцы называют белым бабалаво, был представлен старейшинам как человек, могущий рассказать о мудрости мира, его истории, и Экеи распорядился, чтобы ему облегчили путь.

– И что теперь будет с нами? – настаивал Ноэл. – Мы вольны идти в Адамаваре куда захотим? Мы можем уйти, если этого пожелаем?

– В Адамаваре все свободны, – спокойно ответил Кантибх. – Здесь боги близки к земле и бессмертные идут рядом с поднявшимися мертвецами. Немногие покидают Адамавару, потому что на земле нет другого места, где предпочел бы находиться человек.

– Но некоторые ушли отсюда, не так ли? – резко спросил Ноэл, которому не понравилось обхождение с ним, когда он бредил. – Айтигу, принесшие дыхание жизни в Валахию и Галлию, не хотели оставаться с поднявшимися мертвецами, богами племен урубба и мкумкве.

Кантибх улыбнулся:

– Это были несдержанные люди. Они не обладали даром терпения и счастьем истинной мудрости.

Ноэл посмотрел на Аеду, чьи карие глаза внимательно следили за ним, вычисляя степень терпения и мудрости в сердце Ноэла после возвращения из пустоты, куда его вверг-

ла серебряная смерть. Кордери знал, как сложно получить ответ на прямой вопрос, если африканец не хотел его давать. Они не скажут о своих намерениях. Скорее всего, смертный приговор Эгунгуна все еще висел над ним, хотя Лангуасс добился отсрочки исполнения. Ноэл решил, что должен спросить иначе, добиться цели: понять Адамавару и дыхание жизни.

– Итак, Адамавара – это Эдем, откуда вышли вампиры, – сказал он. – Но откуда пришел Адам вампиров? Когда и как были побеждены боль, смерть?

– Арокины говорят нам, что на этих холмах и до элеме жили люди, – сказал Кантибх на уруба. – Это были предки мкумкве, еахра, уруба, джавара, ибо, эдау и других бесчисленных племен. Олорун приказал Шанго поразить Землю громом, послал Шигиди тревожить сны людей, пока священники не поймут, какую жертву надо принести. Затем Олорун поделился со священниками своим сердцем, так что дыхание жизни вошло в них и они стали элеме. Те основали Огбоне, сообщество людей, и послали их в леса, на поля служить хранителями племен.

Ноэл внимательно слушал перса. Это была история, рассказанная Нтикимой, как будто каждую фразу передавали с незапамятных времен без всяких изменений и рассказ стал вещью в себе, отделенной от рассказчика.

– Как давно это случилось? – спросил он.

– В начале, – ответил человек в тюрбане.

– И как делают из обычных людей элемеи? – опять задал вопрос Ноэл, не надеясь на ответ. – Как их превращают в айтигу?

– Создание сердца Олоруна – величайшая тайна, – сказал Кантибх. – Ее не раскрывают даже элемеи, пока они не присоединятся к Экеи в Илетигу. Но в Адамаваре все свободны и могут видеть богов. Людям всех племен позволено принимать участие в Ого-Эйодуне и наблюдать достоинства элемеи, включая племена белых. Если хочешь, можешь пойти в Илетигу хоть завтра – это закон. Но тайну сердца Олоруна знать нельзя: это навсегда запрещено тебе.

Ноэл не спрашивал о значении Ого-Эйодуна, о котором слышал раньше. Эйодун – сезон крови – название, которое уруба давали всем самым важным жертвоприношениям. «Ого» обычно называли узловатую палку или пенис. Ноэл видел изуродованные половые органы элемеи Гендва и органы сахра, знал о части ритуала превращения в элемеи. Ого-Эйодун был следующим этапом икеики, шабашем африканских вампиров. Пока Кордери знал только это. Что бы перечисленное ни значило для старейшин, это было не самым важным в превращении человека в вампира. Хотя Ноэл не видел Кантибха обнаженным, он предполагал, что смысл незавершенности айтигу заключался в целостности члена. Айтигу не прошел Ого-Эйодун, но был защищен от боли и смерти. Значит, людей оберегало от боли и отодвигало их смерть сердце Олоруна.

– Какое лекарство превращает в айтигу? – спросил Ноэл. – Вы больше его не делаете, чтобы спасти от серебряной смерти?

Он впервые увидел испуг Кантибха, заметил даже удивление важных черных вампиров, сидящих рядом.

Перс взглянул на дверь, видимо, вспомнив о Беренике:

– Эту тайну давно похоронили. Айтигу, предки вашего Аттилы, выдали тайну, доверенную им. У них не хватило мудрости, потому что они были незаконченными. Экеи приказал тайну забыть, и Арокины среди старейшин стерли ее из памяти.

– Но ее не забыли в Европе, – сухо заметил Ноэл.

– Она похоронена, – повторил Кантибх, – ушла из мира навсегда.

Своей неловкой настойчивостью перс сказал Ноэлу самое важное. Сказал, что создание европейских вампиров могло проходить иначе, чем создание их предков в Адамаваре. Если это так, думал он, не все способы создания вампиров известны в Европе. Возможно, – так ли это? – что старейшины Адамавары не совсем понимали создание вампиров Аттилой.

– Возможно, это так, – сказал Ноэл неискренне, ласковым голосом. – Но если сюда придут армии с пушками для захвата Адамавары, они захотят обнаружить тайну.

Он знал, что сказанное может оказаться глупостью, но не мог устоять перед соблазном. Эти люди расспрашивали его,

бессильного, на протяжении более чем ста дней, и только небо знает, что он мог наговорить. Хотелось теперь немного смутить их.

Трое сидящих отреагировали довольно спокойно.

– Какую армию ты имеешь в виду? – холодно спросил Кантибх.

– Не знаю, – резко ответил Ноэл. – Но ты должен знать от меня и Квинтуса, что это только вопрос времени. Это могут быть фулбаи или другие черные туземцы, или магометане из арабских стран, или белые из Галлии; но в конце концов они придут. Так приходили многие другие, не так ли? Однажды придут завоеватели с машинами смерти посильнее, чем у туземцев. Я думаю, ты знаешь, как ашанти и эдау любят ружья. Как ты считаешь, когда бенинский оба и его солдаты решат больше не подчиняться власти Огбоне?

– Там, где Огбоне, – сказал элеме по имени Аеда голосом тихим, как шуршание листьев, – там воля Олоруна. Магометане могут пересечь пустыню, но не могут пройти принадлежащие Эгунгуну леса. Никто не может. Сердце Олоруна и дыхание жизни – наши. Если сомневаешься, ты не мудр.

– Серебряная смерть не грозит вампирам, – продолжал Ноэл. – Возможно, фулбаи и магометане не могут пройти лес, но легион рыцарей-вампиров – это другая армия. Однажды придет армия айтигу.

– Армия айтигу не может идти без крови, – сказал Кантибх, как бы подводя черту, но Аеда поднял руку, прося ти-

шины.

– В вашей стране, – сказал Они-Шанго, – обычные люди и айтигу сцепились, враждуя между собой. Мы узнали это от тебя. Узнали также, что обычные люди Галлии восстанут и уничтожат айтигу. Какое предсказание верно? Оглашаемое тобой сейчас, когда ты владеешь собой, или то, к какому тебя побудил Шигиди?

– Увы, я не пророк, – ответил ему Ноэл. – У будущего много возможностей.

Но Аеда, слегка отвернувшись, показал свое несогласие. Для него существовало только одно будущее, определенное темными богами. Для Аеды выведенное в управляемых богом снах предсказание было неизмеримо важнее, чем слова человека, а он очень внимательно слушал раньше высказывания Ноэла. Вдруг Ноэл почувствовал некоторую жалость к элеми, недооценивавшему значение логики мышления. Возможно, необходимо еще установить, кто обладает счастьем мудрости и кто – нет.

На деле, как быстро заметил Ноэл по возобновленной Кантибхом беседе, будущие события беспокоили народ Адамавары, элеми не всегда довольствовались информацией из снов.

– С каждым годом, – сказал Кантибх, опять переходя на латынь, – галльские суда заходят все южнее. Говорят, что некоторые уже ходили вокруг Африки в Индию. Зачем? Ваш император хочет править и этой землей?

– Не думаю, – ответил Ноэл. – Вампиры не любят море. Не любят странствовать небольшими группами, им не нравится мысль, что после кораблекрушения можно погрузиться на дно в странном глубоком сне и быть съеденными живо благодарными рыбами. Вампиры во главе армии не боятся бунта, так как знают – мятежники будут наказаны, а корабельный экипаж всегда сможет укрыться в надежной гавани. Океан большой, в нем много островов. Вампиры, правящие Галлией, редко вверяют себя ему, довольствуясь передачей капитанского мостика обыкновенным людям.

– Значит, это обыкновенные люди приводили суда к берегам Африки? – спросил Кантибх.

– О да, – сказал ему Ноэл. – Самые храбрые любят бороздить океаны, освобождаясь немного от власти вампиров. Это обычные люди научились строить суда больше и маневренной, ставя прямоугольные и треугольные паруса. Это обычные люди стремятся обогатиться торговлей и открыть новые земли. Вампиры иногда пытались остановить открытия, но в этом между ними не было единства. Даже испанцы и португальцы, которым путешествия были строго запрещены во времена моего отца, теперь плавают свободно, соревнуясь с британцами и голландцами. Но британский металл – лучший в мире, а голландцы строят самые лучшие суда, так что на море северные народы Галлии добиваются самых больших успехов.

Некоторые морские капитаны мечтают открыть еще один

большой континент на земном шаре, где христиане могут создать свою империю, защищенную от вторжения вампиров, как магометане защищают свои пустыни. Возможно, нужда со временем заставит вампиров отправиться в море, но суда, огибающие ваше побережье, расширяют сферу действия обычных людей. Для Огбоне это неважно.

– Для Огбоне все важно, – холодно заметил Кантибх. – Огбоне – великий хранитель мира, делающий его местом законности и порядка, где обеспечивается благосостояние братства племен.

– Думаю, у нас различное представление о благосостоянии, – сказал Ноэл, все еще пытаясь дать выход своей досаде против людей, использовавших его беспомощность. Он понимал опрометчивость своих слов, но сейчас ему было все равно.

Аеда коснулся когтистой рукой Кантибха, прежде чем перс смог ответить, и заговорил опять на уруба:

– Боги дали нам Огбоне, чтобы установить порядок в мире. Существует братство племен, хотя многие в мире не знают об этом. Однажды все племена присоединятся к Огбоне и все узнают волю Олоруна. Айтигу, предавшие Огбоне, ответят перед восставшими мертвецами, Оро уничтожит виновных. Мы – носители жизни, без нас племена будут охвачены стыдом и раздорами. Ты этого не знаешь, но Шигиди помог тебе сказать правду о будущем. Будет война, везде в мире, где ее не сдержит воля Огбоне; война уничтожит племена,

поставившие себя вне Огбоне; оставшиеся воспримут руководство элеме. – Он в упор смотрел на Ноэла блестящими карими, похожими на птичьи, глазами. Потом тихо спросил: – Ты не знаешь своих предков? У вас есть бабалаво, Арокины, описывающие будущее и прошлое?

Вопрос удивил Ноэла.

– У нас есть святая книга, – проговорил он, – рассказывающая, что мы произошли от Адама и Евы. Они жили в Эдеме, но были изгнаны за совершенный ими грех, который запятнал душу человечества и опечалил Бога, создавшего нас. Эта же книга говорит, что Бог направил своего сына переделать нас и указать путь в рай. Нам обещали, что Сын Божий опять снизойдет на Землю и положит конец нашим бедам.

– Мы знаем эту книгу, – сказал Аеда. – Но ты не веришь ей?

– Нет, – неохотно ответил Ноэл, не зная причины своего нежелания отвечать. – Не верю. Квинтус – верующий в Бога и Христа. Я не могу. Для меня прошлое и будущее неизвестны; будущее еще надо создать согласно человеческим надеждам и желаниям.

– А галльские вампиры? – спросил Кантибх. – Чему верят они?

– Я не могу вам этого сказать, – ответил Ноэл. – Они посадили своего папу на трон Святого Петра и правят церковью, как всем в Галлии, Валахии, но их вера отличается от веры обычных людей. Они скрывают свою, потому что она содер-

жит тайну их существа. Ранние вампиры были не христианами, а язычниками. Позже некоторые из них поддерживали веру христиан в то, что вампиры – демоны, потому как это вселяло страх перед ними. Теперь они полностью относят себя к христианству. Новые церковники учат, что у людей и вампиров есть свое место в Божьем порядке и Бог распоряжается устройством каждого рода. Не могу сказать, во что действительно верит папа Борджиа, замечу только, что это не Истинная вера, а маскарад.

– Вера в Адамаваре, – произнес Аеда. – Без этой мудрости и науки предков у племени нет законченных людей, только капризные дети, не умеющие жить.

– Какую дань вы берете с племен, которым вы посылаете вампиров в качестве мудрецов?

– Никакой, если речь идет о силе или обязанности. Они шлют дары, которые не просят и не ждут. Мудрецы едут к племенам по праву, потому что они – их предки, хотя и живут в Адамаваре.

– Вы производите все необходимое здесь, в долине?

– Все необходимое, – сказал Кантибх.

– Вы плавил металл?

– Нет. Нам не нужно железо, потому что мы не делаем пушки и другие глупости вашего мира, но используем железные инструменты, присылаемые уруба, и жечь племени джавара.

– А галльские железные изделия вы знаете? В оружии и

механизмах вы не нуждаетесь?

– Нет, – ответил Кантибх. – Слабость плоти заставляет вас что-то изобретать. Если ваши вампиры любят железо и изделия из него, это происходит из-за страха перед обыкновенными людьми, которыми они правят. У нас же нет страха и нет нужды в железе.

Ноэл опять взглянул на черного вампира, наблюдавшего за ним. Он знал, что эти птичьи глаза дают ответы и ставят вопросы, но это было обоюдоострое оружие.

Сейчас он все признавал и мог многое понять по их вопросам. Но он по-прежнему не знал, что они о нем думают и что с ним сделают, не был уверен даже в своих желаниях. Но он увидит Ого-Эйодуна, так ему обещали. Чтобы узнать о сердце Олоруна и забытых лекарствах, необходимо подождать.

– Я устал, – сказал он. – Больше никаких вопросов. Вы вернетесь, я надеюсь?

– О да, – промолвил перс. – Мы вернемся.

Ноэл сидел на грубо сколоченной кровати, впервые сожалея о ее жесткости. С возвращением сознания, здоровья вернулись неудобства и досада от них. Но не чувства беспокоили его – его волновало то, что не все тело обрело чувствительность.

Серебряная смерть, казалось, ослабила хватку, но пятна еще оставались ниже колен, на ступнях, онемение которых затрудняло ходьбу. Хотелось оставить серую комнату, рассмотреть весь дом, после этого долину Адамавары, но пока это было очень сложно.

Он подтянул правую ступню для массажа и с беспокойством увидел серый контур, начинавший бледнеть. В некоторых местах пятно на левой ноге было еще иссиня черным, и, задевая его отросшими за время болезни ногтями, Ноэл не ощущал острой боли или царапанья, только давление постороннего предмета.

Неужели у вампиров такое ощущение заменяет боль, думал он.

Взгляд наткнулся на узел с вещами, лежавший у кровати. Сверху стояла коробка с микроскопом и его принадлежностями, видимо, потому что хозяйева их внимательно изучали.

Подвинув ящик к себе, Ноэл достал из него нож с острым как бритва лезвием, которым брал образцы растительной и

животной ткани, осторожно провел им по самому темному участку пятна, срезая тонкий слой кожи. Он отчетливо ощутил надрез, но боли не было.

Первым образцом был прозрачный, темноватый кусочек кожи. Следующий разрез, до черной части ткани, был глубже, рана обильно кровоточила, но не болела.

Он положил оба кусочка на стеклышки, капнул на них водой из кувшина и прикрыл стеклянными пластинками. Затем быстро поставил микроскоп на каменный подоконник и тщательно собрал его.

Освещение от высоко стоявшего яркого солнца было почти совершенным, и вогнутое зеркальце снизу легко фокусировало его лучи.

Вначале Ноэл был разочарован. Первый образец походил на ранее виденные кусочки кожи слегка размытого цвета. Даже второй был неинтересен, но он заметил неравномерность распределения черноты в ткани, она была похожа на паутину. Нечто подобное Ноэл наблюдал в плесени. Итак, серебряная смерть поражала тело и росла в нем, она была чем-то живым, подобным грибку. Какие же изменения в теле она вызывала? Почему пораженные участки тела не ощущали боль? Какое отношение имела болезнь к долгому, странному сну, похожему и все же непохожему на сон, охватывающий раненых вампиров?

Он вспомнил, как пытался объяснить свои мысли Лейле в Буруту. Изменяла ли как-то серебряная смерть частицы че-

ловеческой ткани, так, чтобы они походили на ткань вампиров?

Ноэл вопросительно смотрел на микроскоп, желая знать, покажет ли он больше, и если покажет, то что именно. Но не мог понять, из чего сделана ткань и чем образцы отличаются друг от друга. Прибор мог помочь исследовать различные образцы кожи, костей, мышц, крови, но не объяснял отличие обычного человека от вампира.

«Может быть, – думал Ноэл, – сердце Олоруна – не что иное, как плесень – существующая как серебряная болезнь в Адамаваре, и нигде больше?»

Он не верил этому. Все не так просто. Создание вампиров было не таким простым, как думал его отец, потому что, как бы ни давали элему сердце Олоруна заслужившим его мудрецам, это происходило не посредством обычной содомии или другого вида половых сношений.

Тем не менее, это был не Сатана или другой партнер уруба, пришедший из космоса, чтобы насладиться своими демонами в человеческую ткань; в этом Ноэл был уверен. Что бы ни заменяло черное семя Сатаны, о чем так много писал Гуаццо, это имело земное происхождение, а не сверхъестественное.

– Истина, по мнению Фрэнсиса Бэкона, станет явной, – сказал себе Ноэл, – если мы сбросим идолов фальшивой веры, заслоняющих ее. Мой отец думал, что сбросил их и осталась только содомия, но он ошибался. Остался еще один идол, но я не знаю его имя.

И, подумав, он добавил:

– Шигиди. Возможно, его зовут Шигиди.

Он никогда не воспринимал серьезно рассказ Гуаццо о шабаше вампиров. Его отец смеялся над этим, Квинтус тоже. Это был кошмар, состоящий из страха и отвращения, приукрашенный писателем отвратительными подробностями. Конечно, семя Сатаны должно быть черным, а член – холодным как лед и размерами с конский. По той же причине на шабаше происходило убийство и поедание младенцев. В дело шло все, чтобы картина была ужасной.

А рассказ Эдмунда Кордери о создании вампиров не был кошмаром? Не нес ли и он отпечаток отвращения и ужаса? И Ого-Эйдун... даже имя обещало изобилие кошмарных деталей. Детей на самом деле приносили в жертву в эту кровавую пору, принадлежавшую Олоримерину. Разве есть сомнение в том, что члены действительно отрезали в Ого-Эйдуне – насилие, для многих более кошмарное, чем содомия?

Все это – кошмары, к каким Шигиди приложил руку.

Ноэл посмотрел через открытое окно на небо, в бесконечность. Источник вампирства был здесь, в Адамаваре. Серебряная смерть была тоже здесь, и нигде больше. Было ли это еще одним идолом путаницы, частью дымовой завесы фальши, закрывающей истину.

В Африке обычно не видели женщин-вампиров, Береника могла быть единственным исключением. Но элеме, в отличие от айтигу, не мог пронзить женщину – или мужчину –

из-за перенесенного обрезания. Могут ли они производить и извергать семя? Возможно. Но все же элеме ни с кем не ложатся. Когда они делают вампиров, все происходит не половым путем. Как принимали забытое лекарство, спасавшее от серебряной смерти? Подмешивали его в пищу или смазывали им тело, как это принято в Африке? Находились ли в нем начала вампирства, борющиеся с началами серебряной смерти? Вампиры не отливали серебром, но их кожа изменялась цветом и составом, как волосы. Было ли вампирство не чем иным, как доброкачественной плесенью, предохраняющей, а не разрушающей, и была ли серебряная смерть ее злокачественным видом, дыханием сатанинского ада вместо райского бессмертия?

Ноэл положил голову на ладони, желая рассмотреть путь в тумане вопросов.

– О отец! – молил он про себя. – Если бы ты мне помог сейчас советом!

Вспомнил, что Кармила спрашивала Эдмунда Кордери, смотрел ли тот в волшебный прибор на человеческую кровь. Думала ли она, что тайна заключается в крови? Или из осторожности не упоминала о семени? Подталкивала ли она своего любовника в ошибочном направлении, или интерес вампиров к крови сконцентрировал их собственные предрассудки? И если Эдмунд Кордери был прав и галльские вампиры зарождались из какого-то преображенного семени, какую роль играла кровь? Каким питанием она снабжала?

Ноэл смотрел на кровь под микроскопом, видел, что красный цвет, как черный цвет болезни, сосредоточен в клетках-шариках, а в жидкости цвета соломы, циркулировавшей в венах, были другие, тенеобразные, частички. Нуждаются ли в них вампиры?

Было слишком много вопросов и еще больше всевозможных ответов. Он не мог пробраться через эту чашу. Но чувствовал парадоксальную уверенность, что сейчас он ближе к ответу, чем когда бы то ни было раньше. Он вышел из кошмаров Шигиди, его разум был ясен, глаза и рассудок готовы разбить идолов и приоткрыть дымовую завесу.

Вампирам Адамавары, думал Ноэл, не нужны ни железо, ни машины. Они делают лишь то, в чем нуждаются, и считают, что дальше заглядывать не надо. Но они не знают, чем являются. Хотя старейшины живут здесь три тысячи лет, их глаза ослеплены бесчисленными идолами. Ого-Эйодун – кошмар, но в нем есть странный сон, который я посмотрю, если смогу.

Ноэл разобрал микроскоп, отложил образцы в сторону. Он знал, что, высохнув, они испортятся, но не выбросил их.

Лег на кровать, но не спал. Его разум работал, усилия ума, казалось, возвращали в состояние бреда. Когда на закате солнца слуги принесли пищу, он все еще не спал, но отдыхал. Аппетит возвратился к нему в полной мере, и ужин успокоил. Ощущение сытости усыпляло.

Разбудило Ноэла мягкое прикосновение к плечу, возвра-

тившее из дали, где сны не тревожили его.

Разбудила Береника. Она сидела на матрасе у него за спиной, в белом платье, ниспадающем с плеч, несмотря на прохладу ночи, едва прикрывающем соски груди. Обнаженными руками охватила его лицо. Пальцы были холодными.

Он вспомнил, что в рассказах о ночных вампирах, сосущих кровь ничего не подозревающих жертв, всегда упоминалось о холодном прикосновении вампиров, и вот теперь убедился в истинности этого утверждения. Обычные люди заворачивались плотнее в одежду и одеяла, чтобы защититься от холода, но вампиры в этом не нуждались, поскольку им было достаточно забыть об ощущении холода. Поэтому ночью вампиры остывали, если не заботились об обратном.

По прикосновению он понял, что она пришла не для того, чтобы успокоить и утешить. Пришла ради самой себя и казалась такой далекой, отстраненной.

«Может быть, она сумасшедшая? – думал он. – Может, прожитые столетия отняли ее чувства и рассудок?»

Его не влекло так сильно к Беренике, как к Кристель, – не потому что она была менее красивой, просто само понятие красоты для него изменилось. Раньше он чувствовал себя беззащитным в тисках желаний, охватывающих извне, и боролся с ними. Теперь желания были частью его самого, и он не ощущал себя пленником красоты вампирши. Знал, что мог выбирать – предлагать свою кровь, принимать ласки.

Ноэл обнял и поцеловал Беренику, затем укрыл одеялами

– так ему было легче переносить ее прикосновения.

Она принесла свое остро заточенное лезвие, чтобы вскрыть ему вену. Рана болела больше, чем от его собственного ножа, но боль не была совсем уж неприятной, расплата за нее была ценнее, чем он себе представлял.

Сегодня, сказал он себе без стыда или вины, я стал любовником вампирши.

После она прильнула к нему, бесстрастно, охваченная мыслями. Он предвидел холодность, но подобная отстраненность показалась обидной. Она воспринимала его не как личность, как Ноэла Кордери, а как плотское существо для удовлетворения своих желаний. Знал, что Береника пила кровь почти каждый день в своей жизни, но не знал, как часто она сочетала кровопускание с любовью. Он мог быть ее первым мужчиной за столетия.

Глядя ее лицо, Ноэл почувствовал холодную слезинку, и это странным образом тронуло его больше, чем все происшедшее между ними.

Испытующе он опять коснулся ее глаз, и хотя ни о чем не спросил, она заговорила, как говорила во время его сна. Шигиди был с ней, и, возможно, был с ней всегда, выпуская затаенные мысли, отравлявшие душу. Он ушел от Шигиди и сейчас был чист. Она – нет.

– Все любовники умирают, – сказала она по-латыни. – Изменяются и умирают или изменяются и никогда не умирают, но если изменяются и никогда не умирают, больше не могут

любить. Иногда я хотела бы умереть, но недостаточно сильно, чтобы заставить себя. Любовь не так важна, как жизнь, поэтому я плачу. Часто плачу раз или два в сто лет.

Слова, сказанные в манере, не свойственной ни ей, ни ему, звучали без волнения. Они казались Ноэлу барьером между ними, исключаящим любое единение, даже в момент физической близости.

«С Кристель могло быть иначе», – думал он.

Потом решил, что не могло.

– Я могу любить, – заверила она, хотя Ноэл не мог поверить. – Я жила так долго в этом неизменном месте, что могу любить только то, что приходит извне, но могу. Я все больше люблю тебя, потому что твои мысли близки мне и потому что ты так страдал от болезни. Мне показалось, что ты можешь умереть, я плакала от этой мысли. Я часто плачу, – повторила она.

Если бы Береника говорила по-английски, она могла избрать более интимную форму обращения. В уме он мог бы перевести сухую латынь на более теплые слова, но не стал. Латынь была языком школы и церкви, и в ней не было теплоты. Хорошо, пожалуй, что они говорили на этом языке.

– Я рад, – сказал он, – что ты предпочла меня Лангуассу.

Но пират, вспомнил он, был сейчас в годах и не такой привлекательный, каким увидел его Ноэл впервые.

– И теперь, – сказала она, продолжая нить собственной мысли и не слушая его замечаний, – они позволят тебе уме-

реть, так как начали думать, что весь мир, кроме Адамавары, недостоин их законов. Они позволят тебе умереть, и вместе с тобой – всему миру, кроме Адамавары.

«Знает ли эта женщина, о чем говорит? – думал Ноэл. – Или это только блуждания ее рассудка?»

– Ты больше не хочешь жить здесь? – спросил он. – Хочешь возвратиться туда, откуда пришла?

– Нет, – ответила она. – Это единственный мир, где я была счастлива. Мир, из которого я пришла, измучил меня, никогда не вернусь туда.

– Ты не будешь там испытывать недостатка в любовниках, – заметил он.

– Если смерть всегда рядом, – сказала она, – имеет значение, какой жизнью живешь. Если смерть далека, жизнь ценна сама по себе. Я могу любить, но прежде всего – жизнь. Я буду жить всегда, если смогу.

– Значит, ты не пойдешь со мной? – Вопрос испытывал, дразнил ее, потому что предполагал ответ, и Ноэл намеревался уловить в нем сожаление при мысли о его уходе. Но случилось другое – она приподняла голову с его плеча, посмотрела ему в глаза, впервые с тех пор как они занимались любовью.

– Когда ты пойдешь, – сказала она изменившимся голосом, – то пойдешь к своей могиле. Я не могу идти с тобой. Но пролью слезу. Я буду плакать о своей потерянной любви.

Эти слова не могли обрадовать. Его кровь будто замерз-

ла в венах, потому что она говорила с ним через столетия, течение которых – если верить ей – судьба не позволит ему сопровождать.

На следующий день Ноэл попросил пришедшего Кантибха позволить ему увидеть Квинтуса и других спутников. Кантибх сразу же согласился, и впервые Ноэл покинул свою комнату. Они шли по кельям и переходам, какие можно найти в монастырях или тюрьмах внешнего мира. Проходили через деревянные, очень старые двери. В одной комнате увидели вполне здорового Нгадзе, которому тоже не терпелось повидаться с Квинтусом. Монах находился в такой же комнате, не далее сорока ярдов.

Квинтус все еще лежал в кровати, слишком слабый, чтобы встать, хотя чернота уже сошла с его кожи. Кантибх сказал Ноэлу, что Лангуасс в таком же состоянии и ему будет трудно говорить связно. Но Квинтус не спал и был в полном сознании. Он с радостью приветствовал входившего Ноэла и был доволен, что тот легко передвигается, несмотря на хромоту.

Сначала Кантибх хотел остаться, но вышел, когда Ноэл попросил у него разрешения поговорить с другом наедине. Кордери присел поудобнее на циновку рядом с кроватью – во время долгого изгнания привык обходиться без стульев.

– Как другие? – спросил Квинтус.

– Я говорил только с Лангуассом, – ответил Ноэл, – и он очень расстроен – все еще болен. Видел также Нгадзе, мне сказали, что Лейла и Нтикима на пути к выздоровлению.

Очень хочу увидеть обоих. Кантибх все еще донимает меня расспросами, хотя подозреваю, что мы уже рассказали многое из того, что они хотели узнать.

– Возможно, – сказал монах. – Хотя не уверен, что они точно знают, чего хотят. Что они говорили?

Друзья обменялись подробностями расспросов.

– Что, по-твоему, сделают с нами? – спросил Ноэл, когда монах закончил свой рассказ.

– Будут здесь держать и будут с нами любезными, пока мы послушны. Не думаю, чтобы они нам навредили, если мы, конечно, не оскорбим их. Аеда сказал, что элеме будут рады изучить все, что я передам им из мудрости мира. Они обходятся со мной, как с бабалаво дальнего племени, ибо рассчитывают на меня.

– Ты расскажешь им все, что они хотят?

– Конечно, – сказал монах. – Бог сделал меня глашатаем истины, и я обучу ей всех, кто пожелает. Адамавара – не враг других наций. Мы пришли сюда из любопытства, и ее народ имеет право интересоваться нами.

– А если мы пожелаем уйти после конца дождей, чтобы принести признанное нами миру, из которого пришли? Они нам помогут в этом?

Квинтус покачал головой.

– Не знаю. Нас еще не изучили полностью, не думаю, что они так скоро решат, как с нами поступить. Без вампира-посредника в общении с туземцами, без его лекарств, без выюч-

ных животных, без ружей у нас мало шансов вернуться в Буруту. Не думаю, что они захотят нам все это дать. В их планы не входит, чтобы мы сообщили в Европе об Адамаваре; возможно, они убьют нас, но не позволят уйти. С другой стороны, они могут отпустить нас и устроить прощание, выражая сожаление, будучи уверены, что в нашей попытке мы погибнем.

– А если мы останемся?

– Слишком рано судить, но они определенно не хотят, чтобы мы стали айтигу. Хотя они называют меня бабалаво и всегда готовы говорить со мной о великом братстве племен, не думаю, что намереваются сделать меня одним из них.

– Я уверен, – твердо сказал Ноэл, – у них нет намерения пригласить меня в свои ряды. В любом случае, не думаю, что мне понравится изображать из себя жертву Ого-Эйодуна. Интересно, действительно ли они забыли секрет создания айтигу? Хотя, наверняка, они никогда бы не раскрыли его нам. Мне кажется, рассказы о нашем мире их встревожили, а я намеренно не пытался развеять их страхи. Боюсь, нас не отпустят с большой охотой.

– У них нет причин для страха, – сказал Квинтус. – Они отгорожены каменными скалами, джунглями и смертельной болезнью. Никакая армия не может надеяться захватить эту крепость, пока серебряная болезнь будет ее водным рвом. Они искренне верят, что империи айтигу сведутся к нулю, и восприняли нашу враждебность к галльским вампирам как

доказательство этого вывода. Но, думаю, ты прав: они встревожены нашими рассказами, и словами Нतिकимы, и тем, что нашли в наших вещах. Они, наверное, взяли ружья Лангуаса?

– Не знаю, – признался Ноэл. – Но не удивился бы. Как ты думаешь, является ли их целью расширение правления Огбоне над тем, что называют братством племен, вплоть до холодных просторов Сибири, Индийских островов и далекого Китая? Может ли быть Адамавара образцом для мира, если это случится?

– Разве я могу сказать? – ответил монах. – Возможно, обычные люди в Европе и Азии однажды смирятся с правлением вампиров, захотят сыграть роль стада, чем довольствуются здесь мкумкве. Возможно, что это – единственный рай, который может предложить Земля, и, наверное, это рай глупцов, убедивших себя, что они мудрецы, так как жили столь долго с глупой верой.

– Я не уверен, что эти вампиры едины между собой, – сказал Ноэл. – Кантибх и Береника не похожи на Аеду и других элеми, пришедших посмотреть на меня. Нетрудно представить, как молодежь, посланная во внешний мир служить делу Адамавары, изменила этому делу. У элеми, живущих с дальними племенами, своя жизнь, и в тайных обществах, таких как Огбоне, могут процветать еще более тайные группы. Не уверен, что правление старейшин может быть вечным.

– Наверное, нет, – согласился монах.

– Здесь есть равновесие, которого нет в Европе, продолжил Ноэл. – В Африке элеме сделали свое положение менее завидным и используют естественное уважение туземцев к волшебникам, старикам, предкам. Туземцы живут мало, а ситуация меняется очень медленно. В Галлии горстка вампиров стала легионом, что представляется для обычных людей соблазном и угрозой. Если мы хотим увидеть контуры будущего, легче вообразить триумф айтигу, которые будут размножаться, пока не обеспечат достижение любой цели. Даже если обычные люди могут осуществить крах империи Аттилы, сомневаюсь, что вампиры исчезнут из мира, как хотели бы магометане. Как только их тайны станут известны, каждый захочет стать вампиром.

– Где в таком случае найдут они кровь для питания? – мягко спросил Квинтус. Это была старая загадка, даже среди детей, приводимая как доказательство того, что вампиры не должны злоупотреблять своей способностью и обычных людей всегда должно быть достаточно много для обслуживания пьющих кровь.

– Если то, что делает из обычного человека вампира, – живое существо, – задумчиво сказал Ноэл, – и то, что получают вампиры из человеческой крови, тоже существо, тогда мы можем надеяться найти способ освободить одно создание от семени вампиров, другое – от человеческой крови. Если сможем это сделать, тогда вампирам не понадобится человеческая кровь для питания, а обычным людям не будут

нужны вампиры для превращения. Тогда можно создать мир бессмертных.

– Мир без детей, – мягко напомнил Квинтус.

– Женщины сначала могут рожать детей, – возразил Ноэл, – потом их будут превращать. Миру бессмертных не будет нужно много детей.

– Что за мир это будет? – спросил Квинтус. – Мир, подобный Адамаваре, без слуг. Мир стареющего народа, древнего, независимо от внешности, застывшего в своих привычках, неспособного создать что-либо новое. И это рай, ты думаешь?

Ноэл подумал о Беренике, насквозь холодной, потерянной для мира мыслей и чувств. Но не этому ходу мысли он хотел следовать.

– А что скажешь о мире людей, ставших мудрее, без предела и конца? – спросил он. – О мире людей, настроенных на открытия, от которых ничего нельзя скрыть? Заинтересованных в изменениях и способных найти новое. Возможно, только страх заключает бессмертных в рамки жесткой традиции, обреченной на неизменность. Живущие сейчас бессмертные дорожат тем, что есть, но это может быть и не так. Когда опасность исчезает и страх проходит, тогда изучение нового становится радостью, удовольствием. Разве нет?

Квинтус утомленно кивнул.

– Я не могу сказать, – ответил он. – Я буду верить в дарованную Богом жизнь.

Монах слишком устал, чтобы продолжать дискуссию, и Ноэл попрощался, обещав прийти опять. Подошел к двери и попросил проходящего слугу позвать Кантибха, а когда перс пришел, спросил, где можно найти Лейлу.

Ее комната была дальше, в другом коридоре. Цыганка оправилась после болезни, но оделась, видимо, впервые, готовясь вернуться в широкий мир. Увидев его, она вскочила, явно довольная.

– Я пыталась навестить тебя, – сказала она, – но не могла разыскать. Меня не понимали. Они были добры ко мне, особенно этот человек, Кантибх, который научил меня несколькими словам его языка и сказал, что с тобой все в порядке.

Ноэл обернулся к Кантибху, поблагодарил его за любезность. Перс поклонился и опять ушел, оставив их одних.

– Ты очень болела? – спросил Ноэл.

– Думала, что умру, – сказала она. – Мне снились ужасные кошмары. Казалось, моя душа отойдет в ваш христианский ад.

– Скажи спасибо, что они не могли разговаривать с тобой, иначе они допрашивали бы тебя даже во сне. Но, когда не с кем поговорить – это трудно. Я видел расстроенного Лангуасса, думаю, он выздоравливает, и Кантибх уверен, что он не умрет.

– А Квинтус?

– Я только что от него. Он здоров. Видел и Нгадзе, а Нтикиму – нет.

– Я разглядывала из окна это царство. Оно кажется мне бедным, все из камня, нет золотых украшений, которые могли бы поразить нас. Что же мы увезем домой, как обогатимся?

– Посмотрим, – сказал он, – когда сможем пройти по долине. Может быть, берег озера усыпан алмазами и холмы вырублены из философского камня, превращающего низкий свинец в золото. Но даже если здесь нет ничего, кроме земли и камня, по крайней мере, мы пришли туда, где очень немногие были до нас, и ни один за последнюю тысячу лет.

– А я теперь стану вампиром и твоей благородной куртизанкой? – Она засмеялась, как всегда, со всей откровенностью. Он помнил ее смех, похожий на детский.

– Твой народ побьет тебя камнями и сожжет тело, – сказал он, не отвечая на смех.

– Ха! – воскликнула она. – Я неверующая, как и ты, мне все равно, чему верят люди, которые когда-то мной владели. Я хотела бы, чтобы эти люди были моим народом. Мы пойдем не в Аравию, моя любовь, но ко дворам Галлии, где оба будем вампирами и получим от мира самое лучшее.

– Но тогда не сможем быть любовниками, – напомнил он. Лейла нахмурилась:

– Но мы и так не любовники, тогда чего нам терять? Думаю, ты любил бы меня больше, если бы я была вампиршей. Видел здесь такую – Беренику?

– Видел, – сказал Ноэл.

– И она приходила пить твою кровь?

Цыганка смеялась, глядя ему в глаза, и, прежде чем он смог отстранить ее, шаловливо потянулась, распахнув рубаху на груди, где могли быть следы от ножа вампирши.

Это была только игра, поддразнивание из-за веселого настроения, радость от его прихода. Но на груди Ноэла четко выделялись яркие точки укулов вампирши, и Лейла увидела то, что не могла видеть.

Кровь схлынула с ее лица, глаза стали холодными, как мрамор, настроение упало.

– Все же ты не монах, – сказала она.

Ноэл попытался вспомнить, когда она, забывая, говорила ему «вы» вместо «ты». Может, такие случаи и были, но он их не припоминал.

– Лейла...

Она отвернулась:

– О нет. Я любовница пирата и твой друг, как сестра. Мне все равно, монах ты или обычный человек. Я твой друг, и это все. Твой друг. Выбирай любовниц, где хочешь.

– Да, – мягко сказал он. – Ты мой друг, самый лучший.

Она подошла к окну, он последовал за ней. Они смотрели на большую долину, очень мирную и ухоженную.

Поля светились под золотыми лучами утреннего солнца, и было нетрудно думать об Эдеме: маленький мир-сад, отделенный высокими стенами от жестокого, плохого внешнего мира.

В воздухе висела пыль, склоны гор застилала пелена, хотя ветра не было. Вдали над пеленой возвышался пик, увенчанный снеговой шапкой, как зуб крокодила, направленный в голубое небо.

– Стоил ли наш приход сюда этих трудностей? – спросила она рассудительно.

– Возможно, – сказал он. – Ответить должны Квинтус и Лангуасс, потому что они привели нас сюда.

– Подарят ли Лангуассу вечную жизнь?

– Мне объяснили, что нас совсем не считают достойными этого. Может быть, Лангуасс докажет элемеи обратное?

Она саркастически усмехнулась:

– Ты думаешь, моя любовь может вести себя, как благородный Гендва, более монашески, чем твой друг монах? Думаю, он мечтает стать вампиром, как Чезаре Борджиа или легендарный Роланд, а не иссохшим мудрецом. Мечтает опять стать сильным и бросить вызов Ричарду Львиное Сердце, драться с ним, как было раньше, в своих мечтах он снова и снова уничтожает нечистого князя. Но, думаю, он не может надеяться, что они дадут ему желаемое. И что делать мне, доказывая свои достоинства? Чем я должна стать, чтобы жить вечно? Знаю, ты скажешь, будто я должна оставить надежду, довольствоваться увяданием и позволить мышцам высохнуть на костях. Мы состаримся вместе, не так ли, отдадимся друг от друга?

Он обнял ее, как часто делал раньше, чтобы успокоить,

когда она болела или тосковала, или прощаясь, когда она уезжала с Лангуассом.

– Не бойся, – сказал он. – Не думаю, что кто-нибудь хочет навредить нам и не дать умереть в назначенный Богом срок. Если мы не оскорбим их, все будет хорошо.

Эти слова не смягчили ее гнев, не затронули настоящей причины досады.

– И это наше сокровище? – резко спросила она. – Это выигранная победа, после того, как мы пересекли полмира, приблизились к смерти? Если мы хороши и не оскорбим их, они позволят нам жить! Скажи это, прошу, моему другу Лангуассу и посмотри, как он оценит привилегию умереть здесь!

Ноэл сник, растерялся под валом ее презрения, не мог найти ответа. Ни к чему объяснять, что они вышли из Буруту маленькой армией, а пришли в Адамавару совсем иначе, не в силах попытаться победить. Во всяком случае, было ясно, что ее возмутила не эта беспомощность.

Прощаясь, цыганка не поцеловала его, но прижалась щекой к раненой груди, как бы прислушиваясь к биению усталого сердца.

Место обитания незаконченных было значительно обширнее, чем Ноэл думал вначале, но производило впечатлительные пустоты, заброшенности. Если посмотреть на окна – навесы и балконы, выходящие в долину; казалось, здесь только несколько дюжин построек, но в скалу уходили извилистые коридоры, туннели, ведущие к значительно большему числу помещений.

Ноэл обнаружил, что немногочисленные айтигу контролируют доступ в долину внизу или окружающие леса. Видимо, от полей мкумкве вверх проходит дорога, по которой ежедневно доставляют продукты. Ноэл предположил, что много интересного есть в горе, рядом с ней, но когда спросил о ней Кантибха, то не получил ясного ответа. Его заверили, что со временем покажут долину, проведут по ней к Илетигу, месту законченных, которое, как он понял, должно находиться у противоположной стены внушительного кольца каменных бастионов.

Ноэл мог свободно ходить между домами Береники и Кантибха, где жили все его спутники, кроме Нतिकимы. Он исследовал коридоры, навесы. Несмотря на название, на месте айтигу было много элеме, они занимались преподаванием и учебой. Здесь было значительно больше учителей, чем учеников, многие элеме занимались скрытым от посторон-

них самообразованием. Скоро Ноэл привык к виду дряхлых и скрюченных чернокожих, сидящих поодиночке на корточках и бормочущих что-то под нос, как в трансе.

Вначале он думал, что они общались со своими богами или уходили в страны снов собственного «я», но быстро понял, это только часть правды. В Адамаваре не было ни бумаги, ни пергамента, ни папируса. Хотя элеми умели писать, делали это очень редко, вырубая слова на камне каменными орудиями. Здесь не было книг для накопления знаний, но элеми владели большим, простиравшимся на столетия запасом воспоминаний и хранили их в головах людей, тщательно тренированных для этой цели.

Раньше Ноэл думал, что элеми изучают имитативно-практические искусства – медицину, магию, свойства растений, толкование божеств и демонов. Между туземцами это, возможно, было так, но здесь, в Адамаваре, самым ценным накоплением мудрости был тщательный, слой за слоем, сбор информации. По мере исчезновения каждого долгоживущего поколения эти сооружения из слов передавались от элеми к элеми, закрепляясь бесконечным ритмичным повторением; когда к запасу прибавлялись новые слои, назначались другие элеми, делавшие их частью содружества мудрости, каким была Адамавара.

Воображение Ноэла поначалу было увлечено внушительным весом традиции, простирающейся на тысячи лет. Он восхищался обширностью складов, выстроенных в душах

древних арокинов. Но затем начались сомнения. Их основания стали яснее, когда элеме всерьез принялись добывать из него то, что могли добавить к своим запасам. Он отнесся к этому с воодушевлением, думая, что может поделиться многим ценным. В конце концов, Ноэл был сыном своего отца, механика, подобных которому центр Африки никогда не знал. Он старательно раскрывал хозяевам секреты насосов, токарных станков, часов, приводов, сверл, домен, желая быть пророком железных и стекольных дел, всех средств производства, созданных миром, где он родился.

Увы, не того хотел Няня – элеме, назначенный ему в ученики. Прежде всего тот хотел выучить английский язык, затем постичь верования говорившего по-английски человека о естественном и сверхъестественном мирах. Няня хотел знать названия вещей, как будто в них была особая магия и было достаточно знать их, а не то, для чего предназначаются сами вещи. Няня хотел знать – что, и никогда – как. Он представлял слова как длинные струны, которые можно намотать на невидимую мысленную катушку в одну туго натянутую нить, разворачиваемую по желанию. Память Няни была посвоему огромной, но по мере того как Ноэл видел превращение своих знаний при переходе от него к Няне, он стал иначе оценивать мудрость элеме и их самих.

Ноэл понял, что элеме – не столько хозяева знаний, сколько их пленники. И еще то, что хорошая память, в галльском понимании, способна не только хорошо запоминать, но и за-

бывать. Мышление, к которому он привык, часто несло на себе проклятие сомнения, производя вопросы более щедро, чем ответы. Теперь Ноэл видел: это совсем не было проклятием. Элеми не общались, сомневаясь, а позволяли себе такой ограниченный обмен вопросами, что их мыслительный мир очень отличался от его собственного.

Няня воспринимал все найденные для него Ноэлом слова с ненасытностью, но Ноэл скоро устал учить его, не потому, что решил утаивать секреты от пленивших его, а потому, что сито, через которое пропускались знания, стало препятствием и превращало его слова в чуть большее, чем пустой звук.

Другой барьер постепенно вырос между ним и вампиршей. Ноэл продолжал жить в ее доме, но казалось, что сейчас, когда он стал осознавать ее посещения, сила чувства, вложенная в визиты, стала ослабевать.

Береника была совершенной любовницей, как бы созданием его снов. Красота больше удовлетворяла его теперь. Однако скоро понял, что был для Береники только орудием самостимуляции, привлекательным цветом и формой, красивым, но не думающим и живым существом. Он сознавал – по мере сближения он приедался ей, и она порвет с ним, отстранив, засунув в затянутый паутиной угол своего мечтательного разума.

Он мог бы перенести свое проснувшееся чувство на Лейлу, смертную, лишённую хрустальной красоты вампирши, но ее готовность быть рядом теперь ушла – казалось, замерла

с сознанием, что он стал добычей вампира. Лейла избегала его общества, при встрече говорила холодно. Если он заговаривал ее в тупик, протестовала, повторяя, что она его друг, и становилась еще недоступнее.

Совсем иначе было с Лангуассом, представлявшимся Кордери лучшим другом, хотя никогда и не говорившим о ночи, когда вполз в комнату Ноэла в отчаянном состоянии. Но Лангуасс не совсем избавился от серебряной болезни и от предшествующей ей лихорадки, был слаб телом и душой. Почти все дни пират проводил в кровати, и Лейле часто приходилось быть сиделкой, потому что он не любил смотревших за ним мкумкве. Элеми не учились у Лангуасса, всем было ясно – в таком состоянии пират не мог думать об уходе из обители отдыха, куда его забросила судьба. Единственным несогласным с этим был сам Лангуасс, протестовавший слишком громко, как человек, доказывающий свою невиновность. Из них всех больной чаще всего говорил о возвращении, о море, о том, что ему еще нужно сделать. Как можно здесь сидеть, спрашивал он у товарищей, когда дома еще надо платить по счетам? Когда приблизится день встречи с Ричардом Нормандцем на поле чести? Эти рапсодии воображения казались Ноэлу чем-то похожим на бред, было ясно, что прикованный к постели пират не полностью вышел из состояния сна, в которое ввергала серебряная смерть.

Друзья, даже степенный Квинтус, смеялись над его фантазиями и рассуждениями.

Ноэл обращался за утешением и советом к монаху. С ним обсуждал ход каждого дня, новые знания, надежды. Квинтуса терзали и мучили вампиры Адамавары, не пившие его кровь, но стремившиеся высосать каждую мысль. Его слова ценили гораздо больше, чем слова Ноэла, его память уважали. Хотя монах болел не так сильно, как Лангуасс, путешествие взяло с него свою дань. Квинтусу не нравилось выставлять напоказ свои трудности, но Ноэл понимал, что это пожилой человек, и истощение тела, духа близки, только мужество, выдержка монаха сдерживают их.

Ноэл спрашивал себя, может ли кто-либо из них надеяться на возвращение в Буруту, не говоря уже о Галлии. Часто ему казалось, что остаток жизни им всем придется провести в этой самой странной тюрьме мира. Ноэл признавал, что, несмотря на относительную молодость и значительные физические ресурсы, он был лишь половиной самого себя, и не было гарантии возвращения к своей силе, целостности.

Дни шли, будни давили инициативу, Ноэл привыкал к положению пленника. Не приставал к хозяевам, даже не думал о преимуществах своих действий. Когда Кантибх впервые назвал день Ого-Эйодуна, он казался далеким, не дающим повода для волнения, но время прошло без особых событий, без горячки, и настал час, когда Ноэла и Квинтуса пригласили спуститься в долину. Лангуасс был слишком слаб для путешествия, Лейла осталась для присмотра, но Нгадзе взяли, потому что его место в схеме Адамавары еще не определили.

О Нтикиме известий не было.

Спуск в долину Адамавары начали вскоре после рассвета, по спиралеобразной каменной лестнице в горе. Утреннее солнце встретили на тропе, ведущей вниз, где были вырублены ступеньки.

Чем ближе к центру долины они подходили, тем больше она казалась. Дальние горные хребты отступали, и розовое сияние вокруг усиливало впечатление. Сама долина, напротив, казалась оживленнее по мере их приближения. Уже можно было различить кроны деревьев в фруктовых садах, ряды гороха, земляных орехов, баклажанов на полях.

Хотя раньше Ноэл и видел интенсивно возделываемые африканские земли рядом с Бенином, но не встречал ничего, даже отдаленно напоминавшего поля Адамавары. В дельте Кварры туземцы жили в относительно небольших городах и деревнях, обрабатывали несколько акров; климат больше не позволил бы. Тропическая почва быстро истощается, опустошению болезней и сорняков трудно противостоять. Поля и фруктовые сады Адамавары требовали интенсивного труда десятков рабочих. Здесь, если верить рассказам рабочих в белом, каждый мужчина или женщина могли производить работу пятерых или шестерых. Если земля вокруг отравлена, почему в кратере она хороша? Затеняли ли гигантские сучковатые деревья эту землю тоже, пока их не убрали поколения туземцев? Ноэл напомнил себе, что люди и вампиры жили здесь тысячи лет без вмешательства извне, без внут-

ренных споров и конфликтов.

У подножия скалы нашли небольших лошадей, ожидающих их. Хотя животные были взнузданы веревкой и на них не было седел или стремян, было ясно – они пойдут спокойно. Кантибх ехал во главе колонны вместе с вампиром, принесшим письмо от старейшин. За ними следовали Квинтус и Ноэл, потом Нгадзе, двое слуг шли в арьергарде.

Деревни посредине долины никак не ограждались: ни забором, ни стеной. Круглые хижины венчали низкие конические крыши. Туземцы не носили оружия, в полях женщины работали рядом с мужчинами. Они с интересом смотрели на проезжающих, дети с криками бежали за ними мило или больше, пока Кантибх не отгонял их.

На этой высоте жара не была удушающей, они защищались от солнца соломенными шляпами, путешествие было терпимым. В одной из деревень на берегу озера пообедали. Ноэл был рад видеть на озере много водоплавающей птицы, чье присутствие оживляло долину. Озеро было богато рыбой, хотя на воде не было лодок и в деревне, где сделали остановку, он не видел сетей.

За озером пейзаж изменился, земля здесь не обрабатывалась так интенсивно. Деревень стало меньше, их жители занимались больше ремеслами, чем полеводством – изготавливали товары из пальм, делали посуду, обрабатывали дерево, металл. Задолго до того как солнце стало садиться за западную гряду, они начали подъезжать к Илетигу, городу старей-

шин.

Восточный склон гряды был не такой высокий и отвесный, как западный, выглядел иначе – с осыпями щебня, сланцевыми откосами, разбросанными плоскими валунами среди редкого колючего кустарника и пятен пожухшей травы. Они шли по дороге, разбитой бесчисленными подковами и ступнями, с разровненными участками, говорящими об усилиях людей. Эта дорога привела наконец к поселению так называемых законченных.

Строения здесь были более разнообразными, чем там, откуда они пришли. Город казался обширным, располагаясь на склонах полудюжины горных гряд, но он поразил Ноэла отсутствием людей. На улицах было очень мало народу – элми или слуг. Постройки, сооруженные из камня, а не из земли и глины, казались очень грубыми по сравнению с галльскими домами.

Путешественники вскоре отдали лошадей и вошли через узкую дверь в небольшой дом. Только уже оказавшись внутри и пройдя вперед по освещенным лампами коридорам, Ноэл понял, что этот город, как и тот, откуда они пришли, был расположен и на скалах, и внутри них. Строители города на протяжении тысячелетий полностью использовали естественные пустоты, терпеливо роя новые пещеры своими допотопными инструментами.

Каменные коридоры показались Ноэлу очень холодными после жары полуденного солнца. Их привели в комнату без

мебели, но с циновками на полу, с расставленными на них кувшинами с водой, подносами с фруктами, хлебом. Кантибх сказал, что послал за накидками для того, чтобы согреть их. Пригласил поесть, затем отдохнуть, потому что долго не придется спать. Сказал, что они увидят то, ради чего пришли, после захода солнца.

Ноэл ел мало, чувствуя не так голод, как усталость. Ожидание в этой неприветливой каменной комнате было нелегким, отдых, вопреки надежде, не освежил. Даже когда Кантибх принес накидки из хлопка, холод все равно заставлял дрожать. Поэтому все обрадовались, когда перс сказал, что время идти, и повел по коридорам, так часто поворачивая налево и направо, что Ноэл совершенно перестал ориентироваться.

Они вышли на открытое место под усыпанным звездами небом, окруженное высокой стеной. Это был амфитеатр из круглых ступеней, окружающих площадку с четырьмя кострами и каменным помостом. На помосте горели свечи. Было трудно рассмотреть толпу, молча сидевшую в темноте. Ноэл удивленно затаил дыхание, раньше он никогда не видел такой толпы.

Он уже привык к старческому виду африканских вампиров, к их худобе. Видел людей, напоминающих ходячие скелеты, с впавшими щеками, с редкими клочьями седых волос. Но видел их по одному или по двое, а не тысячами и не таких странных. Блестящая, гладкая кожа, отличающая вампиров,

хорошо отражала свет, на тысяче лиц, как две тени, выделялись лишь глазницы. Головы напоминали черепа. Элеми сидели неподвижно. Их можно было принять за статуи.

Все лица повернулись к вышедшим из туннеля, так что затемненные глаза могли изучить пришельцев из другого мира. Ноэл понимал это любопытство, но не мог избавиться от чувства, что мириады глаз смотрят на него с жадной недоброжелательностью, притянутые бледными, странными чертами, хрупкими рельефными мышцами. Он остановился, и Кантибх повел его за руку вперед. Ноэл дал себя вести, но не видел, куда шел: глаза следили за тесными рядами старейшин Адамавары, более похожими на компанию живых мертвецов, чем на собрание бессмертных. Они напоминали Эгунгунов без масок, поднятых из гробов, чтобы председательствовать в суде над живыми людьми.

К чему, думал он, этот ад? Привели ли это собрание печальных душ к крайней нищете проделки Сатаны?

Эта мысль показалась по-идиотски комичной, нестрашной, и Ноэл чуть было не засмеялся. Кантибх подтолкнул его, и он сел на холодную каменную ступеньку, лицом к ярко полыхающим кострам.

Тогда шабаш вампиров начался, хотя и не по схеме Гуаццо.

Некоторые из элеми, рядом с центральной площадкой, стали ударять по барабанам, зажатым между ног. Звук не был громким, но удары звучали отчетливо и резко в тиши ночного воздуха. Ритм состоял из повторяющихся трех ударов. Еще до вступления голосов Ноэл знал этот ритм, он это слышал от Гендва долгими ночами эпопеи их путешествия: А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Бессмысленную фразу выводила тысяча голосов, каждый из которых был не громче шепота на сцене, в целом же пение набегало непрерывной свистящей волной, негромкой, но наполняющей воздух. Она владела вниманием слушателей так же полно, как поглощала голоса певцов.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Ноэл с любопытством осмотрелся. Элеми, сидевшие за ним, совершенно забыли о его присутствии. Их глаза, как и глаза всех других, были устремлены в небо, широко раскрытые, но не видящие.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Кантибх не пел. Здесь он был таким же посторонним, как

и принятые им в свой дом. Нгадзе тоже молчал, его лицо исказилось от страха. Хотя Кантибх не участвовал в пении, Ноэлу казалось, что перс молится под его гипнотический ритм, и Нгадзе тоже. Перс и ибо были в одинаковом трансе, затянутые вихрем, обращенные в сон. Ноэлу было легко противостоять этому поглощению; он не сдаст так легко свои мысли господству Шигиди.

Ноэл смотрел на освещенные кострами лица, казавшиеся похожими, хотя эти люди, видимо, принадлежали дюжине различных племен. Вампиризм уравнил их всех. Адамавара принадлежала всем племенам, и все принадлежали ей, потому что это место находилось вне обычного порядка вещей.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Это не шабаш, думал Ноэл, ощущая биение сердца.

Это не поклонение, святое или греховное. Нас привели сюда увидеть превращение, ритуал перехода. Вот как африканцы видят вампиризм: это путь к другой взрослости, к членству в племени, стоящем выше всех племен.

Пение продолжалось, несколько элеме вышли к четырем кострам. Ноэл видел только костюмированных людей, но знал, что элеме их воспринимали не так. Они вышли из тени, как будто материализовавшись из ничего, в одеяниях богов и демонов. Не удивился, увидев Эгунгуна: целую группу вставших мертвецов, как те, которые их встретили в адском лесу. Но здесь были и другие, в более ярких масках, с крича-

щей раскраской. Сравнивая их со статуями, резными поделками и символами в деревнях ибо, эдау, признающих богов уруба, он узнал божества. Узнал Шанго по молниеобразным полоскам на блестящей черной коже, по круглым камням в руках. Узнал Элугбу по пурпурным узорам и по фаллической дубинке в руках. Узнал Обаталу, Огуна, Ифу и богинь Око и Ододуа. Четырехрукий Олори-мерин, увитый змеями, чьи конечности указывали стороны света, тоже был здесь.

Еще четверо пришли с ними, обнаженные, раскрашенные, но без масок; с опущенными головами, расслабленными ногами и руками. Ноэл понял, это были посланные племенами мудрецы – кандидаты в вампиры, священники и колдуньи, без своих атрибутов, приниженные перед тем, как съесть сердце Олоруна и принять дыхание жизни.

Бедный Мсури, думал Ноэл. Он должен быть здесь, занять свое место в этой группе перед алтарем, который совсем не походил на алтарь.

Ноэл смотрел на богов, начавших медленный танец под бой барабанов. Что это значило для собравшихся элеме, угадать не мог, представить, почти не зная богов, было тяжело. Он видел Шанго, представляющего производящую его на свет бурю, швыряющего на землю молнии. Он видел Элугбу и Оно, символизирующих таинственное сочетание, относившееся к плодородию и наполнению, с участием Обаталы и его жены Ододуа. Видел, как танцующие фигуры пропускали кого-то невидимого, и догадался, что Олорун тоже здесь.

Площадка была переполнена и слабо освещена игрой пламени. Движущиеся фигуры туманились в глазах Ноэла, когда он пытался понять связь в их взаимодействии.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Сейчас били другие барабаны в сложном ритме танца богов, но первоначальный ритм сохранялся вместе с гипнотическим пением.

Эгунгун принес чаши, поставил на возвышение, боги по очереди брали порошки из кисетов и бросали в чаши так медленно, чтобы все могли рассмотреть их действия. На фоне пения слышались другие голоса, каждый произносил свой ритм, песни смешивались и переплетались так сложно, что находились на грани какофонии. Кандидаты иногда вступали в пение тоже, взывая к небу как одержимые страстью, которую Ноэл не мог назвать.

Будущие элеме опять успокоились, когда бог, Огангин или Арони, дал им прожевать снадобье. Ноэл видел, как челюсти ритмично ходят из стороны в сторону, так делал и Гендва. Люди – их было четверо – нетвердо держались на ногах, глаза их остекленели. Не только ритмичное пение овладело ими; Ноэл видел действие наркотиков. Все теперь происходило медленнее. Боги-люди в масках, вспомнил Ноэл... казались умышленно замедленными в приготовлении кубков. Что за сложная смесь в них?

«Это должно нас глубоко впечатлить, – думал Ноэл. – Мы

должны удивляться чуду и осознать скудость нашего ума. Но я знаю, какая пустая маска и какая дымовая завеса мистификации окружают маленькое зернышко настоящей силы. Мы видим богов, видимых и невидимых, размешивающих эликсир жизни. Несомненно, у вампиров Галлии есть свой собственный ритуал, не менее сложный и странный, но различие должно быть в костюмах, пустых, бессильных словах. Здесь важна небольшая часть целого, такая малая, что может показаться абсурдной без всех ухищрений».

Бывал ли здесь раньше человек, смотревший на обряд глазами, не затуманенными мистерией масок и слов, не смущенными Шигиди, с умом, видящим идиолов насквозь? Ноэла вдруг поразила глупость бедняг, танцующих сейчас, готовящихся резать дикарскими ножами в жестоком и неумном празднестве. Был ли другим, по существу, шабаш галльских вампиров? Изобилуют ли там маски и идолы в равной мере, как и жестокость, отвечающая на запросы Шигиди?

Эти люди могли бы править миром, если бы остановились и холодно продумали свои действия, если бы проверили свои средства и отделили важное от незначительного. Они добиваются своего смешно, извращенно, не зная, что и как делают. То же самое производил с вампирами Аттила, в ослеплении собственного невежества и предрассудков.

Теперь боги стали толочь и смешивать содержимое чаши короткими пестиками в ритме пения. Ноэл наблюдал в уверенности своего бодрствующего «я», довольный тем, что по-

ра снов окончательно прошла.

Он покосился на Нгадзе и увидел его, потного, несмотря на прохладу, охваченного лихорадкой волнения: человек в обществе своих богов, в соответствующем смирении. Затем посмотрел на Квинтуса, его лоб был в испарине, взор затуманен. Шигиди не охватил Квинтуса, но он все же попал в какой-то мере под магическое влияние кошмарного представления.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Ноэл потерял чувство времени, казалось, прошел час, церемония разворачивалась в одном ритме, затем в другом на фоне барабанного боя. Боги отошли от подготовительных ритуалов, первый из кандидатов вышел к деревянной колоде, которую поставили перед каменным помостом. Хотя Ноэл догадался о том, что сейчас произойдет, горло перехватило, когда увидел, как один из игравших роль поднявшегося мертвеца достал обоюдоострый нож.

Нгадзе явно не представлял, что случится, потому что охнул, увидев первого кандидата, кладущего пенис – уже обрезанный по грубому методу его племени – на колоду, готового к полукастрации. Когда лезвие ножа скользнуло по пенису, раскрывая его как гороховый стручок, Нгадзе негромко вскрикнул. Даже Квинтус закрыл голову руками не в состоянии видеть происходящее, а Кантибх, к изумлению Ноэла, жадно смотрел на колоду, не в силах отвести взгляд.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Струя хлынувшей из раны крови была направлена другим участником церемонии в один из двух подготовленных для этого кувшинов. Ноэл закусил губу в волнении, увидев льющуюся кровь, думая, что, вероятно, многие умирают от потери крови во время этого жестокого посвящения. Но три других поднявшихся мертвеца приготовили еще одну тыквенную бутылку, когда первую унесли, и, достав из нее влажную смесь, втерли ее в длинный разрез на члене. Струя крови остановилась, обнаженный ушел с колоды, не издав ни звука, не выдав гримасой испытанного.

Вперед выступил второй и перенес ту же операцию. Кровь опять собрали в бутылку, разрезанный член кровоточил минуту, пока не принесли бутылку и не наложили снадобье. Кровотечение остановили, человек смог уйти, так же контролируя себя, как и раньше.

Но это не средство излечения, напомнил себе Ноэл.

Это средство остановить излечение, потому что, когда этот человек станет вампиром, большинство полученных им ран заживет. Он кастрирован навсегда, по задумке этих божков и глупых мудрецов.

Кровь больше не смущала, хотя интересовало, почему они так тщательно ее собирают в большую бутылку. Ноэл не мог уследить за всеми кувшинами и бутылками на помосте, за тем, как их готовили для определенной роли в церемонии,

но думал, что смесь, которую приготовили боги – и к которой невидимый Олорун мог прибавить свое сердце, – еще не вступила в действие. Опять взглянул на море лиц, в экстазе обращенных к небу с пением в ритме, постепенно, но ощутимо ускоряющемся.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Одурманенные, изуродованные люди, доведенные до порога смерти возрастом, потерей крови, балансировали сейчас между законченной и предстоящей жизнью. Они стояли в ряд, ожидая, а боги ходили рядом, ворчливо разговаривая. Они приготовились к основному действию и держали в руках сосуды с подношениями богов, в которые лили кровь посвящаемых. Содержимое сосудов размешивали, встряхивали, но Ноэл мог только догадываться о составе отвратительного месива.

Опять появились ножи, вставшие мертвецы возвратились, чтобы насмехаться над живыми, нанося большие раны на груди и голове будущих элеме. Те даже не шевелились. Затем смесью крови и подношений богов смазали кровоточащие раны, вылили на голову, мазью из бутылей умастили обрубки членов. Но Ноэл знал, это не была мазь для излечения или предохранения от него. Это был сам эликсир жизни, возвращенный на крови и накладываемый на раны, чтобы проникнуть в них и сделать человека бессмертным.

«Как серебряная смерть!» – подумал он.

Все элемеи в амфитеатре сейчас стояли, выстраиваясь в большую процессию, вьющуюся кольцами. Вампиры Адамары двинулись вперед, чтобы участвовать в посвящении, ужасной поре крови, жертвование которой было ценой вечной жизни. Черные вампиры, с отблесками огня на блестящей коже, шли между кострами и молчаливыми фигурами богов, мимо неподвижного Эгунгуна, ровным потоком жизни, чей проход повторялся тысячи раз.

Пение не прекращалось.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма! А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Процессия казалась бесконечной и двигалась с жуткой ритмичностью, будто каждого подталкивала машина по заранее установленному пути, без толчков, перерывов, остановок или колебаний. Пение изменило тон и темп. Ноэл мог видеть, что Кантибх, не проронив ни звука, во власти ритма повторяет фразы. Нгадзе отошел, отвернувшись.

– Боже милостивый, – растерянно пробормотал Квинтус. Его голос расслышал только Ноэл.

– Ты имеешь в виду Бога-отца? – спросил Ноэл, хотел прибавить: «Или богов, которым так хорошо служит Шигиди?»

Церемония еще не закончилась, Ноэл терпеливо ждал, пока процессия доберется до своего неизбежного конца.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Четверо вступающих стояли в ожидании рядом. Их челюсти еще двигались, будто жуя наркотик, порванные чле-

ны излохмачено висели, смазанные, как ампутированные конечности, и лишённые чувствительности при помощи расплавленной смолы. Их головы и тела были покрыты кровью с эликсиром, дающим вечную жизнь, если смерть не придет раньше.

«Многие должны умереть, – думал Ноэл. – Это нелегкий путь для стариков».

Когда они сюда пришли, в памяти Ноэла постоянно всплывали подробности описания Гуаццо шабаша вампиров. Он ожидал чего-то вроде последовательной содомии, как у позорного столба в лондонском Тауэре. Сейчас понял, что неважно, через какое отверстие тела или разрыв ткани войдет дьявольское варево. Не мог отгадать, насколько важна кровь для эликсира, насколько важны порошки или снадобья, положенные в кувшины в начале ритуала, но был убежден, что знает одну составляющую часть, и знает давно. Не сомневался – Эдмунд Кордери угадал. Угадал правильно, какую часть сердца или эрекции Олорун или Сатана давали избранным. Ноэл понимал случившееся здесь, оно было скрытой основой тайны, скрытой в пантомиме.

«Уверен, что сам смогу создать эликсир жизни, – думал он, – и опытом довести его до совершенства. Но где я найду его зерно? Какой элеме даст семя, которое с такими муками произвел?»

Ноэл увидел и понял эту церемонию, отец мог ему позавидовать.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

Он видел, как посвящаемые выплевывают жвачку, медленно валяться на землю, где Эгунгуны заворачивают их в цветные циновки и по одному уносят в тень. Ноэл знал, они глубоко уснули и проснутся элеме или не проснутся вообще.

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

А-а-а-а... да-а-а-а... ма!

С удивлением подумал, что вампиры Адамавары не понимают, какую глупость совершили, приведя его на эту церемонию. Они намеревались устроить показ божественных сил и магических причуд, сопровождающих торжественное, ужасное и отвратительное превращение в вампира с тем, чтобы ввести в заблуждение. Почти так же доверчивые свидетели шабашей рода Аттилы видели нечто ужасное, неестественное, вместо знаний наполнялись отвращением, а их рассказы передавались грегорианцами. Но он, сидевший когда-то на коленях Фрэнсиса Бэкона, несший в теле и душе наследство Эдмунда Кордери, не видел ни богов, ни чертей, никакой сверхчеловеческой магии, ничего, что бы унизило душу обычного человека страхом, ужасом. Видел только удобный случай – рождение надежного понимания, заставлявшего ощущать себя не рабом в империи страха, но свободным гражданином республики просвещения.

Он знал, какое сокровище хранит Адамавара, верил, что нашел его, хотя еще не представлял, каким образом может

попытаться увезти его с собой.

Вернувшись в обиталище айтигу, Ноэл и Квинтус покинули дом, в котором жили, и перешли в другое здание на южной окраине города. Нгадзе пришел с ними; когда все было готово, привели больного Лангуасса и Лейлу. Элеми не возражали, но попытались облегчить им дорогу, предложив четырех слуг мкумкве, чью приверженность к работе по хозяйству Ноэл был вынужден признать. Он спросил Кантибха, может ли Нтикима помогать им, но перс сказал, что мальчик в Илетигу. Кантибх предупредил дальнейшие расспросы, сказав, что в доме, который они выбрали, уже жили христиане тысячу четыреста лет назад: это были сирийцы, идущие с Фрументием, несшим весть в самое сердце Африки о пришествии Христа на землю.

Ноэл принялся за собственные расследования. Он разыскал путь от айтигу в безжизненный лес, собрал в нем образцы деревьев, почвы, насекомых и червей. Он сравнил их с образцами из дельты Кварры, из кратера, попытался понять, но был разочарован, не находя причины враждебности леса ко всему живому, его окружающему.

Иногда приходил в дом Береники, иногда она разыскивала его. Но он знал, что их любовь – если ее можно было так назвать – уже прошла, их встречи, все более редкие, принесли все меньше удовольствия.

Квинтус занялся изучением лекарств элеме – в той степени, в которой те были готовы поделиться в ответ на галльские знания. Ноэл видел – его друг слабеет с каждым днем, и жалел его. Но Квинтус слабел не физически, как человек, который был несчастен, – притупилась острота его ума. В глазах Ноэла он оставался мудрейшим, но кое-что перенял, как инфекцию, у элеме. Часто бормотал фразы, как будто пытался закрепить что-то в слабеющей памяти, проклинал отсутствие в Адамаваре бумаги и чернил. Квинтус опять стал молиться, возобновив обычай, ослабевший за последние годы. Казалось, их спор, улаженный перемирием, возник вновь. Ноэл не знал, так ли это, не хотел спрашивать.

Лангуасс, безразличный к знаниям Адамавары, к образцам Ноэла, предавался скуке, тем самым уступая болезни, точившей его душу. Иногда понимая, что становится врагом себе, он принимался строить планы на будущее, рассуждая о проблемах, плыл на восстановленном «Стингрее» на запад через океан в поисках Атлантиды или поднимался на нем вверх по Темзе, чтобы обстрелять лондонский Тауэр и начать разрушение нормандской тирании. Такие мысли часто приводили к приступам, когда Лангуасс кричал на испуганных слуг, проклиная за непонимание, на бедную Лейлу, пытавшуюся успокоить его.

Иногда пират становился мрачным, раздражительным, жалуясь на отсутствие мяса, на слабость и дрянной вкус просяного пива – единственного средства в Адамаваре, способ-

ного опьянить. Он, казалось, забыл, что в организации путешествия играл самую активную роль, и укорял Ноэла с Квинтусом за то, что те привели его погибать в такое злополучное место. Во время подобных капризов Лейла всегда находилась рядом. Теперь она занимала место пропавшего турка.

Лейла была вежливо удалена от Ноэла, вела себя обдуманно, а не спонтанно, как раньше, что он полагал не совсем справедливым. Разве все это время она не была любовницей Лангуасса? Разве она вправе была обижаться на него только из-за того, что у него появилась своя любовница?

Но Лейла все оценивала иначе, и, хотя прямо не называла связь с Береникой предательством, было ясно: ее сердце чувствовало именно так. Ноэл не знал, что и думать. В отличие от Эдмунда Кордери, использовавшего свою связь с Кармиллой Бурдийон в политических целях, он отдался вампирше в ответ на желание, которому не ответили искренне.

Береника исключила себя из мира нормальных страстей и желаний, была больше похожа на автомат, чем на мыслящую особу.

Ноэл никогда не стал бы обсуждать с Квинтусом отношения с ней. Хотя Квинтус ни разу не намекнул, Ноэл чувствовал, что много потерял в его глазах, став любовником вампирши. Думал, что монах про себя презирает его или, по меньшей мере, сильно переживает из-за этой слабости. Ноэл не знал, почему ему так казалось.

Квинтус не побуждал его стать монахом, не утверждал,

что это его призвание. Безбрачие Квинтуса было безупречным, он мог показать самый впечатляющий пример. Нельзя было отрицать его влияния на Ноэла. Кордери знал, подружившись с Лейлой, вместо того чтобы сделать ее любовницей, он был верен идеалам Квинтуса, но сейчас отошел от них.

Невозможность говорить о Беренике значила, что Ноэл не мог доверить Квинтусу свои мысли о вампирах вообще, которые возникали у него по мере растущего понимания своей любовницы. Хотелось убедиться, позволяет ли ее состояние понять сущность элемеи.

Конечно, Ноэл знал, тысячелетняя жизнь неодинаково воздействует на всех долгожителей. Кантибх, чуть моложе Береники, так активно участвовал в жизни Адамавары, что редко впадал в транс. Аеда, почти такой же старый, как таинственный Экеи Ориша, был способен интересоваться ежедневным ходом событий, всегда был начеку. Но жившие в Илетигу старейшины, управляемые теми, кто был рядом с богами, не участвовали в подготовке посвящения и изучении нового. Если верить слухам, они проводили время в медитации, ритуалах, размышлениях о будущем мира.

Ноэл полагал важным, что Кантибх говорил с уважением о том времени, когда Экеи Ориша – его вероятный предшественник – объявил, что они больше не должны отправлять незаконченных посланцев в большой мир, поскольку те изменяли делу Адамавары. Было ли это, думал Ноэл, в послед-

ний раз, когда старейшины сказали что-то новое? Или это вообще последнее изменение? Отличались ли старейшины на площадке Адамавары таким же отвлеченным сонным состоянием, в которое впала Береника? Были ли они убеждены, что познали все необходимое, и поэтому вообще перестали думать, в полном смысле слова? Эти вопросы оставались без ответа, но облетали Ноэлу понимание того, что Адамавара, не будучи очагом всей мудрости, на которую претендовала, находилась в состоянии глубокого упадка.

И если империя вампиров построена на такой шаткой основе, что говорить о Галльской империи, Валахии, Индии, Китае? Были ли старейшины тех империй – Аттила и Шарлемань, легендарный Темучин – рабами своего пожилого возраста, потерявшими связь с пульсом повседневной жизни? Ноэл вспомнил, что Аттила жил отшельником в своей крепости и делегировал правление таким верным слугам, как Влад Цепеш, а Шарлеманя редко видели в собственном дворе. Начинало ли разложение – плесень, как серебряная болезнь, – распространяться везде, где правили вампиры?

Уже давно Эдмунд Кордери говорил сыну, что обычные люди всегда были новаторами, а вампиры оставались рабами традиций. Тогда Ноэл смутно понимал, как это можно связать с долгожительством вампиров. Теперь же он лучше знал недостатки жизни вампиров и то, как их отделить от неясных преимуществ. Пришедшая на ритуале в Илетигу уверенность постепенно росла, он начал верить – обычные люди

могут превосходить вампиров и ум простых смертных в конце концов поможет сбросить тиранию бессмертных.

Старейшины Адамавары не нуждались в применении железа, пергамента, бумаги, машин, потому как были самодовольны, считали, что незнакомые вещи недостойны их. Ноэл знал: сила состоит не только в определенных устройствах, таких как пушка, мушкет, но и в общем процессе открытий, способных изменить мир больше, нежели могут представить себе старейшины Адамавары.

Он подозревал, что упрямая слепота элеми никогда не позволит им понять это.

Придя к этому выводу, Ноэл увидел, что наилучшим доказательством ошибок старейшин Адамавары являлся он сам. Он и его спутники уже были неудобным шипом в боку тех, кто пытался поглотить новые знания, а поглотив, обезвредить, лишит действительного значения.

Со временем, знал Ноэл, Кантибх и Аеда придут к решению, что в нем есть что-то нечистое и невыносимое и его следует устранить для собственного спокойствия. Он не только недостоин быть элеми, но недостоин даже жить в Адамаваре.

Каждый раз, приходя в безжизненный лес, он взбирался повыше и смотрел на океанскую гладь, думая о том, что, освободившись от серебряной болезни, может попытаться пересечь эту ширь. Возвращаясь в тень изогнутых деревьев, беспокойно осматривался, будто в ожидании живых мертвецов, готовых направить свои жезлы на его порочное сердце,

приговорив к смерти.

Мысли все время возвращались к практическому вопросу, решение которого могло спасти их жизни; позволив пройти лес и долину за ним, не боясь опасности коварных мест.

Как, спрашивал себя Ноэл опять и опять, получить семя вампиров, чтобы поставить опыты и открыть эликсир жизни?

С окончанием сезона дождей пришла пора подумать об уходе, если они действительно хотят уйти из Адамавары. У них было время подготовиться – притоки Логоне препятствуют переходам до конца октября.

Они знали, вампиры не ожидают их ухода, часто косвенно спрашивали, будут ли старейшины или их подданные препятствовать этому. Не было даже намека на то, что воспрепятствуют силой, но Ноэл не спешил с выводами. Черные вампиры были убеждены, гостям было бы глупо даже думать о возвращении, так как внешнему миру нечего предложить по сравнению с безопасностью и покоем Адамавары, но главным образом из-за чреватого опасностями пути.

Квинтус сказал Ноэлу, что изучал возможность вербовки вампира из Адамавары в их группу. Но даже незаконченные вампиры, жившие на задворках общества, напрочь отметали возможность того, что мир позади безжизненного леса может быть достойным изучения. У Кантибха не возникало ни малейшего желания опять увидеть свою родину. Квинтус пытался узнать, не возвращается ли кто-либо из вампиров после своего посвящения в дельту Кварры или близлежащую местность.

Несомненно, вампиры так шли из Адамавары ежегодно в сопровождении воинов мкумкве, но мысль Квинтуса о при-

соединении к такой группе была отвергнута. Посетивший Бенин Они-Олорун нашел рассказы о белых достаточно интересными, послал Гендва их проводником в Адамавару, но местные понятия о вежливости и гостеприимстве не шли так далеко, чтобы облегчить дорогу в обратном направлении. Как мкумкве, упорно не отвечавшие на прямые вопросы, вампиры Адамавары становились упрямо беспомощными перед прямыми просьбами. Квинтус не раз горько заявлял, что считает задачу безнадежной и не видит разумной альтернативы проведению оставшихся лет в Адамаваре.

Сначала они не посвящали Лангуасса в свои планы: были уверены в своих силах и не уверены в нем. Не сомневались в его желании уйти, но из-за болезни не видели возможности переместить его в другое место. Однако, пират захотел участвовать в обсуждении и принятии решения, Ноэл не удивился, узнав, что тот предлагает свой план. Решительно настроенный против еще одного года пребывания в этом гнетущем месте, Лангуасс видел только один способ подготовки к путешествию.

– Ответ в твоих руках, – сказал он Ноэлу, – Разве не ты провел последние несколько месяцев, вглядываясь в эту подзорную трубу, возясь со всяким зельем и применяя свою алхимию, изучая кровь? Ты принимаешь меня за дурака, думая, будто я не понимаю, что ты видел в этом чертовом обряде? Зачем я ждал все это время, пока ты научишься превращать нас в вампиров? Тогда мы пройдем весь жуткий лес

и все прочее без царапинки. Старик, мы должны сами о себе позаботиться. Нам не нужны проводники-вампиры; мы сами должны стать вампирами!

Ноэл сначала был очень осторожен в объяснении всех трудностей превращения человека в вампира, но скоро понял – больной не потерпит увиливания.

– Зачем мы пришли на эту чертову землю, как не вырвать у них тайну? – спросил Лангуасс. – И сейчас ты мне говоришь, что, несмотря на терпеливое ковыряние, знаешь не больше, чем в Кардигане много лет назад? Ты не видел шабаш вампиров? У тебя нет микроскопа и интуиции ученого? Я многим рисковал, Кордери, чтобы привезти тебя сюда. Да, я тебе не нравился в прошлом, но сейчас мы в одной компании. И ты хочешь меня предать?

– Нет, – сказал Ноэл. – Сказать правду, никто не может быть уверен, что способен получить эликсир жизни, пока не сделал это и не увидел результат. Я знаю, какие компоненты мне нужны для опыта, но еще не думал, как достать самый ценный из них.

– Почему же ты, дурак, скрываешь это?! – воскликнул старый пират. – Если бы нам сказал, мы бы уже давно все достали.

– Не уверен, что количество увеличит наши шансы, – сказал Ноэл, – но у меня нет своих идей, и я буду вам благодарен за любые. Из того, что я слышал и видел, думаю, двух компонентов будет достаточно. Первый – обычная кровь, ее

много... второй... боюсь, это семя вампира. Не уверен, что для нашей цели этого хватит, но без самого важного я не могу продолжить работу.

– Ты уверен, что на ритуале они применяли сперму вампиров? – спросил Лангуасс. – Как такие существа могут производить ее? Ты же видел, как кромсали члены на этой дикой церемонии?

– Видел. Но семя производят яички, а они не удалены. Я думаю, они извергают семя с трудом, и подозреваю, что вампиры производят гораздо меньше семени, чем обычные люди, но они должны его производить. Мне кажется, перед вводом в тело оно нуждается в каком-то питании кровью. Вопрос в получении семени. Можешь себе представить ответ, если я попрошу Аеду о таком подарке?

Лангуасс лежал на кровати, глядя в потолок.

– Вампиры отличаются тем, что производят сперму медленно, – продолжал Ноэл. – Думаю, наши тела состоят из многих мельчайших частичек, или атомов, которые постоянно изменяются. Так же как растут наши волосы и ногти, так и верхний слой нашей кожи всегда отторгается, когда под ним появляются новые слои. Когда мы едим и пьем, атомы пищи становятся атомами нашего тела, так мы питаемся, но в то же время удаляем атомы, бывшие частью нас, в экскрементах. Так же наши атомы формируют сперму, воспроизводящую нас, собираемую в пузырьках, готовых устремиться в женское чрево.

У вампиров процессы изменения должны быть замедленными. Долгая жизнь может объясняться тем, что их атомы устойчивее, отторгаются и заменяются значительно медленнее. Хотя вампиры Европы едят, как и мы, они могут обходиться без пищи много дольше. Думаю, ежедневно они теряют меньше атомов тела, чем мы, одновременно значительно сокращается производство особых атомов воспроизводства. Так, их сперма медленнее накапливается в пузырьках, и они ощущают меньшее давление, чтобы выпустить ее.

Вы же знаете, какое давление чувствует в бедрах обычный мужчина, если не спал с женщиной несколько дней. Мужчина может иногда извергнуть семя во сне, когда ему снится женщина, так как атомы воспроизводства надо выпустить, как мы выпускаем другие выделения. Вампиры нуждаются в этом меньше, чем вы или я, и это во многом объясняет их отношение к женщинам, связь с ними. Ритуал посвящения, который я видел, преподносит эту меньшую необходимость как достоинство. Вампиры утверждают, что законченному не надо спать с женщинами, отнимая у него такую возможность. Даже элеме производят сперму и должны извергать ее, хотя, какую силу воображения применяют для контроля над собой, не знаю. Не знаю и то, что они делают с семенем, хотя уверен – используют в своем ритуале, как галльские вампиры, но по-своему.

- Ты так говоришь? – удивился Лангуасс. – Так говоришь!
- Это не означает, что я знаю без тени сомнения, как

приготовить волшебное зелье для превращения человека в вампира, – предупредил его Ноэл. – Но, определенно, все остальное, что они кладут в смесь, кроме крови, не нужно.

Лангуасс с интересом слушал, даже задал несколько вопросов по теории Ноэла о сущности тела вампиров и подошел наконец к самому интригующему вопросу:

– А почему кровь, Кордери? Зачем им нужна кровь?

– Я не знаю точно, – признал Ноэл. – Но думаю, что, как тело постоянно вырабатывает сперму, так же оно производит кровь. Вот почему человек, теряющий кровь из раны, бледнеет и слабеет, затем возвращает цвет и здоровье; поэтому обычные люди могут постоянно питать вампиров, не истощаясь до конца. Без сомнения, вампиры могут производить кровь, возможно, в большом количестве, даже если кровь из ран не льется так обильно, как у обычных людей. В противном случае они не оправлялись бы от ран, которые приводят к смерти обычных людей. Значит, мы не можем проводить прямую аналогию между кровью и спермой; производство крови нельзя замедлить, в отличие от спермы. Но в процессе производства должно быть что-то единое, очень быстрое, по мнению вампиров – обуславливающее отбор подходящих атомов из тканей обычных людей. Во всем другом их ткани могут обходиться более медленным обменом атомов, чем у нас, но в одном этом вампиры должны молиться на тех, кто производит новые атомы быстрее. Поэтому вампиры нуждаются в людях – значит, не может быть мира, в котором все

люди – вампиры.

– Ты мудрый человек, Ноэл Кордери, – сказал Лангуасс. – Монаха убедили твои доводы?

– Он согласен со многим, – уклончиво ответил Ноэл, – но мы не можем быть уверены, что я прав, пока не проверим на деле. Я не ставил вопрос о получении семени вампира, не думал об этом... как следует.

– Как следует! Мы говорим о вечной жизни и мучительной смерти, а ты не думаешь... О Кордери, ты странное создание! Почему ты сразу не пришел ко мне, если тебе не хватает только смелости?

– Что это значит? – спросил Ноэл резко.

– Старик, мы же в мире вампиров. Если у них есть семя внутри, его надо вытащить наружу. Они старики, многие живут спокойной жизнью, одиноко в этом древнем городе.

– Ты думаешь, мы должны пойти на убийство?

Эта мысль приходила к Ноэлу раньше, хотя он шараялся от нее.

Лангуасс засмеялся:

– Убийство? Нет, Кордери... Не убийство, даже не вред. Тихий сон, каким уснул друг Гендва. Взятое нами появится опять! Если это сработает – мы пустим слух по Галлии. И у любого горячего мужика не будет выше цели, чем кастрировать рыцаря-вампира, украв вечную жизнь из его мошонки.

Ноэл огляделся, как будто их могли подслушать.

– А что сделают вампиры Адамавары, если обвинят нас в

таком преступлении? – пробормотал он. – Они терпели наше присутствие и, видимо, вынесут наш отъезд, но как мы избежим их гнева, если так оплатим за гостеприимство?

– Оплатим? – презрительно ответил Лангуасс. – Ты думаешь, мы у них в долгу. Они привели нас сюда для своих целей. Хотели узнать о происходящем во внешнем мире. В ответ дают нам наглые уроки, чтобы показать, как глупо мы ведем себя и какое у нас тщеславие. Ты думаешь, если я плохо знаю латынь, то не могу понять происходящее? Твой друг назвал это раем дураков, дураки – мы, а рай – их. Я разыщу одиноких, которых не хватятся, когда они уснут, и которые не увидят, кто вонзает нож в их тело.

– Я думал об этом, – признал Ноэл, – но боюсь, не сработает. Если даже они кажутся одинокими, отсутствие любого заметят, здесь каждого посещают и ежедневно приносят порцию крови. Уверен, жертвы сразу же поднимут крик. Попытка сделать это может погубить нас всех.

Услышав это возражение, пират замолчал, нахмурился, казалось, он понял то, о чем говорил Ноэл.

– Возможно, тогда нам придется уйти, – наконец сказал он, – и найти вампира, которого можно безопасно использовать, в другом месте. Если бы мы знали раньше, я бы попросил беднягу Селима сойти с ума скорее и дал бы строгие инструкции, как размахивать ножом. Мы должны молиться, чтобы небо предоставило нам другую возможность.

– Лангуасс, – попросил Ноэл, – прошу тебя быть поосто-

рожнее. Вампиры Африки очень не похожи на тех, что правят в Галлии и Византии, но думаю, что с любым, сознательно ранившим кого-нибудь из них, обойдутся не менее жестоко туземцы, если не сами вампиры. Ты не видел, как повели себя встречавшие нас в лесу Эгунгуны, когда нашли раненого Гендва. Всех нас могли уничтожить, если бы за нас не вступился Нтикима. Я беспокоюсь за мальчика, потому что никто его не видел со времени нашего прибытия. Если бы мы кастрировали вампира, законченного или незаконченного, это бы расценили как такое тяжкое оскорбление, что вся Африка охотилась бы за нами до нашей смерти. Если мы опять увидим Галлию, я помогу пустить твой слух, но я долго думал, осмелюсь ли поднять руку против вампиров Адамавары, и решил, что нет.

Лангуасс долго смотрел на него тяжелым взглядом, не скрывая огня в глазах, но затем укор погас.

– Ладно, Кордери, – сказал он. – Я не могу назвать тебя трусом из-за этого. Твои знания слишком ценны, чтобы рисковать ими в предложенной мной авантюре. Я подожду – даю слово. Но пока можешь рассчитывать на мою помощь в подготовке путешествия домой. Если решим, ни леса, ни поля, ни легион дикарей не смогут помешать нам.

– Слишком много врагов. – Ноэл устало покачал головой. – И наших ружей больше нет. Мы искали их, но не нашли. Я даже не знаю, где держат ослов, если они еще живы.

Лангаусс помрачнел. Ноэл видел – правда пробила тропу

сквозь надежды и мечты пирата.

– Да, – прошептал он. – Я забыл, ружья. Слишком долго валялся на этой сломанной кровати, но сейчас должен встать и сыграть свою роль в этом деле.

– Не кори себя, – сказал Ноэл, удивляясь своей откровенности. – Ты очень болен, и я не хотел бы, чтобы тебе стало хуже из-за перенапряжения.

– Кордери, – холодно проговорил пират низким голосом, – думаю, ты меня не понял. Во мне больше силы, чем ты полагаешь.

В следующий раз Ноэл пришел в лес близ Адамавары не для исследований, а желая дать толчок разрешению проблем, обсужденных с Лангуассом.

Все хотели уйти из Адамавары в сухом сезоне, но не все могли. Он не рисковал идти один или только с Нгадзе, это давало слабые шансы на успех, и в любом случае не мог смириться с мыслью оставить Квинтуса или Лейлу, если признать правду. Но когда Ноэл спросил себя о шансе создать эликсир и превратить всех в айтигу, то должен был ответить, что этого шанса нет, если он только не будет действовать так дико и опасно, как подсказала фантазия пирата.

Сидя в глубоком раздумье, Ноэл вдруг услышал голос сзади. Обернулся с дрожью тревоги, боясь увидеть Эгунгуна, хотя был яркий день.

Но это оказался Нтикима, которого он не видел почти год. Юноша стоял за кривым стволом старого дерева, выше по склону. Он, казалось, попрос. Ноэл тепло поздоровался с Нтикимой, сказал о своей тревоге за него. Спросил, очень ли страдал он от серебряной болезни, как его здоровье, но сразу ответа не услышал. Было очевидно, что Нтикима оказался здесь не случайно.

– Я был в Илителигу, – произнес наконец Нтикима. – Меня взяли туда, потому что я из Огбоне. И однажды встретил в

лесу Арони, который дал обещание и обязан его выполнить. Я видел и касался Экеи Ориша, видел спускающихся на землю богов.

– Ты сам будешь элеми? – спросил Ноэл, глядя на прошедшего, но не подходя к нему.

– Однажды я надеялся на это. Я должен был стать колдуном и целителем. – Он замолчал и добавил: – Я тебе должен, Ноэл Кордери, и пришел отплатить долг.

Ноэл был неестественно спокоен, будто сквознякдохнул в сердце. Он слишком хорошо знал, что этот долг был долгом жизни, и то, что Нтикима пришел сейчас отплатить, означало: его, Ноэла Кордери, жизнь в большой опасности.

– Значит, Огбоне решило, что Эгунгун должен опять прийти за мной?

– Я от Огбоне, – сказал юноша. – И знаю то, что знает Огбоне. Ифа разговаривал с бабалаво и сказал, что вы хотите поступить неправильно в Адамаваре, что вы уже оскорбили самые священные табу.

Ноэл чуть было не рассмеялся. Уж не прочел ли ифа его мысли, или, может быть, подслушал их разговор с Лангуасом?

– Можно что-нибудь изменить? – спросил он.

Нтикима покачал головой:

– Священники ифа колдовали на пальмовых орехах, они пролили священную кровь. Вчера был айо-авво, день тайны, бабалаво сдвинули свои бритые головы на срочном совеща-

нии. Экеи Ориша обеспокоен тем, сказанным эдеми, и думает, что в твоих словах есть яд. Предки в Ипо-Оку взволнованы. Придет Эгунгун, и я должен встать перед тобой, как однажды ты встал передо мной.

Было что-то новое, неожиданное в том, как Нтикима говорил о священниках и богах. Эту нотку Ноэл раньше не слышал в его голосе. Это не был голос преданного верующего, но голос человека, сомневающегося в своих идолах.

«В Буруту, – думал Ноэл, – он полностью принадлежал Огбоне, сердцем и умом. Но здесь, в Адамаваре, то, что осталось от Буруту в душе, открыло ему глаза. Он обязан мне не только жизнью, но и ясностью видения.

Без этого его не было бы здесь».

– Что я должен сделать? – спросил Ноэл.

– Покинуть Адамавару, – сказал Нтикима.

– Я не могу уехать один.

– Не один. Ты должен забрать с собой других – всех, кого хочешь спасти. Даже белый бабалаво сейчас в опасности.

– Это невозможно. У Лангуасса нет сил, у Квинтуса тоже. Они не пройдут безжизненный лес, тем более равнину за ним, холмы и лес.

– Остаться – значит скоро умереть, – заверил Нтикима. – Ты должен рискнуть. Я не могу обещать безопасность, но сделаю все, что смогу. – Он замолк, будто бы решая, сколько еще может сказать, потом продолжал: – Я делаю, что обязан, но если поступлю глупо, они меня убьют, как убили бы вас,

если бы вы были на моем месте. Тогда вас спас Шанго, и я должен молиться, чтобы он распространил свое милосердие на меня, но вы должны поступить так, как я говорю.

На мгновение Ноэл засомневался, но мальчик вел себя так уверенно.

Раньше Ноэл не задумывался, кто привел их в Адамавару, сейчас видел – это был Нтикима, а не Гендва. Именно невинные рассказы Нтикимы стали для них своеобразной приманкой. Нтикима рассказал Огбоне о человеке, названном туземцами белым бабалаво. Все время ими двигал Нтикима, и сейчас он подгонял, возможно, к смерти. Вера в провидение стала паролем Квинтуса; был ли этот черный юноша олицетворением провидения, заботившегося о них?

– Говоря это мне, ты подвергаешь себя опасности, – сказал Ноэл.

– Я уже в опасности, – решительно заявил Нтикима. – Мой долг тебе такой же большой, как мой долг Арони. Я должен отказаться от Арони и довериться Шанго.

Ноэл не знал точно, что это значило, хотя понимал, что произошла смена идолов, за которую он мог быть благодарен. Разве Нтикима не знал, что Эгунгуна свалила пуля Лангуасса, а не молния Шанго? Или юноша все еще верил, что произошло и первое и второе?

– Ты знаешь, где они спрятали ослов? – спросил Ноэл и быстро добавил: – Нам понадобятся ружья и порох тоже.

– Я сделаю, что смогу, – повторил Нтикима.

Ноэл не отвел взгляд и замолчал, думая, следует ли ему сказать больше. Почувствовал, что должен сделать это.

– Мои друзья умрут, если не станут айтигу. Нам рассказали о существовании снадобья, секрет которого забыт. Он действительно забыт?

Вопрос не испугал и не обидел юношу, но Ноэл знал, что надеяться на ответ, который спасет всех, нельзя.

– Он забыт. И не в моей власти сделать вас сильнее. Ты выслушаешь меня?

Ноэл утомленно кивнул.

– Вы найдете дорогу в ночной темноте?

– Да.

– Вы должны прийти до рассвета через две ночи. Столько времени мне понадобится на подготовку. Я попытаюсь привести ослон, еду, но вы тоже должны собрать, что удастся. Храните секрет от слуг, особенно от Аеды и человека в турбане. Меня не будет, но не ждите. Идите быстро и доверьтесь Шанго.

Ноэл спросил бы еще, но едва раскрыл рот, как юноша поднял руку:

– Запомни главное: верьте Шанго!

Нтикима повернулся и побежал, скрывшись в лесу.

Ноэл потряс головой, отбросил комок земли, который мял в руке. К своему удивлению, он почувствовал облегчение. Теперь он знал, что надо делать. Все неудобные вопросы можно отодвинуть в сторону и довериться мудрости и сообщ-

разительности Нतिकимы.

– Верь Шанго? – повторил Ноэл иронически. Он не мог доверять собственному Богу и едва ли мог надеяться, что один идол из языческого набора может послужить там, где не может Всевышний. Но Шанго раньше говорил стволлом мушкета, возможно, Нतिकима имел в виду только это.

– Ладно, – пробормотал он, направляясь к спрятанной в стенке двери в Эдем Адамавары, – возможно, мы испробуем метод Лангуасса, и к черту всевозможные последствия!

Не теряя времени, Ноэл в общих чертах сообщил обо всем своим друзьям, хотя и не смог собрать всех вместе, чтобы обсудить план дальнейших действий.

Легче всего было найти Лангуасса в его комнате, он уже не лежал в кровати. Ноэл видел по реакции пирата, что сообщение о возможной опасности было искрой, внезапно пробудившей решимость, но у него не было времени призывать к осмотрительности, да он и не особенно стремился к этому. Ноэл знал: Лангуасс готов на любой риск, когда на карту поставлена жизнь, поэтому он не пытался остановить старого пирата.

Ноэл ничего не сказал Квинтусу о том, что собирается сделать Лангуаес. Велев всем, кроме Нгадзе, которому не совсем доверял, приготовиться, он принялся собирать вещи в дорогу. Но на закате дня, намеченного Нतिकимой для побега, Ноэл почувствовал угрызения совести, разрывавшие его на части. Он говорил себе, что не побуждал Лангуасса к пре-

ступлению и что за действия пирата не отвечает. Но понимал, Лангуасс выполнит задачу лучше, если будет действовать самостоятельно, не стесненный нерешительным сообщником; Ноэлу не хотелось думать, что он мог послать человека на грязное дело.

– О Боже! – воскликнул он в непривычной для себя молитве. – Дай мне сил, прошу Тебя, чтобы в будущем я поступал по собственному разумению. Дай мне самому взяться за трудное дело и решить, что делать...

Так и не завершив это обращение, Ноэл принялся ругать себя за театральность и за упоминание всеу Бога, в которого не верил.

– В любом случае, это неважно, – прошептал он. – Если я не получу эликсир жизни, если Нтикима не оплатит свой долг, если все должны умереть, в Илетигу или безжизненном лесу... Ну что тогда значит маленькая жизнь Ноэла Кордери в великой картине, разворачивающейся в тени вечности? Еще одна бесполезная вещь среди миллионов...

Подобные мысли не приносили утешения, и Ноэл обрадовался приходу Квинтуса. Все было готово к дороге, и они говорили о посторонних вещах, боясь быть подслушанными. Ноэл не сомневался, что монах не знает о замыслах Лангуаса. Никто не пошел спать после захода солнца, а сидели у свечи в тревоге и волнении.

Ноэл пошел к Лейле узнать, все ли в порядке, и был удивлен, рассержен, увидев, что ее нет в комнате. Не мог же пират

взять ее с собой, а другой причины ее отсутствия Ноэл предположить не мог. Он проклинал возникшую между ними холодность, сделавшую ее такой одинокой. К тому же ему было сложно представить ее роль в предстоящем путешествии. Ноэлу ничего не оставалось, как возвратиться к Квинтусу и считать проходящие часы.

Он уже почти желал, чтобы ничего не произошло и Лангуасс пришел с пустыми руками. Но не допускал, что верх возьмет слабость.

Была уже поздняя ночь, и на небе ярко блестели звезды, когда в комнату вошел Лангуасс, держа в руке нечто ценное.

– Время делать твой эликсир, – сказал он Ноэлу, – и поторопись надуть черта с нашей смертью. Быстрее, я не знаю, как долго не портится семя вампира.

Ноэл не смел взглянуть на Квинтуса, на реакцию этого святого человека на слова Лангуасса. Взяв принесенное, он был удивлен, увидев в небольшом каменном кувшине не массу кровоточащей ткани, а бело-желтую жидкость, напоминавшую слюну.

– Что это? – спросил он.

– А как ты думаешь? – нетерпеливо произнес Лангуасс. – Этим делают вампиров, если ты правильно сказал. Но ведь нам нужна кровь, чтобы питать это, прежде чем начнем? Торопись, господин Алхимик, прошу тебя!

Удивленный, Ноэл смотрел на жидкость, начавшую высыхать. Она была молочной, как семя обычного мужчины. И

совсем не «черной, как ночь», как писал Гуаццо. Но Лангуасс не мог ошибиться. Пират был прав: на вопросы и колебания не было времени.

Квинтус спросил металлическим голосом:

– Что ты сделал, Лангуасс?

– Я принес вам шанс выжить, а не умереть, – ответил тот.

Игнорируя обмен колкостями, Ноэл добавил воды к жидкости в кувшине, открыл ящик с микроскопом, взял самый острый скальпель, без страха и раздумий сделал разрез на левой руке над запястьем и выдавил кровь в кувшин.

– Я знаю, сколько надо, – быстро сказал Лангуасс. – Возьми моей тоже. – Он снял с пояса острый кинжал, но Ноэл покачал головой, нашел второй скальпель, подержал над пламенем свечи и, когда Лангуасс протянул руку, провел лезвием вдоль синей вены. Пират не вскрикнул, но сильно сжал зубы, когда кровь хлынула из большого разреза. Ноэл собрал ее в чашку, а потом сцедил в кувшин, размешал и прибавил соленой воды из бутылки.

– Что это? – спросил Квинтус сердито, но замолк, когда разум превозмог удивление. Ноэл посмотрел на него, как бы извиняясь за молчание.

– Я могу только надеяться, что другие компоненты не очень важны, – сказал Ноэл Лангуассу. – Молись, если хочешь, чтобы здесь было все необходимое. – Он обернулся и посмотрел на Квинтуса: – Нет времени. Решай сейчас, прошу тебя, участвуешь ли ты в этом или попросишь милосерд-

ной руки твоего любящего Господа. Я ничего не могу обещать, но испробуешь ли с нами силу ритуала?

Квинтус смотрел так хмуро, что Ноэл был уверен в его отказе. Но монах оголил свою руку.

– Пусть решит Господь, – сказал он со странной легкостью. – Если Он не хочет, чтобы я был вампиром, Он сделает по-своему.

«Верь провидению!» – подумал Ноэл. Не задерживаясь, второй раз подставил под пламя окровавленный нож и разрезал руку Квинтуса. Он поставил чашку на стол, и кровь Квинтуса закапала в смесь.

Пират смотрел то на монаха, то на сына механика, но молчал, пока текла кровь. Потом сказал:

– Мы теперь будем братьями? Прошлые обиды ушли, забытые или нет. Что бы с нами ни случилось – мы родственники.

Ноэл поднял чашку, взвесил ее в руке и предложил Лангуассу, вспоминая, как Кристель однажды предлагала свою кровь этому человеку, который вначале отверг предложение, а затем принял. Вспомнил, как она хотела пить его кровь и он отказал, несмотря на ее досаду.

Лангуасс не колебался. Он был готов, мысль о содержимом не остановила его. Он погрузил пальцы в кровавый раствор, стряхнул их над раной и втер жидкость в порез, тяжело дыша, но не колеблясь. Затем своим кинжалом сделал надрез на груди и втер жидкость туда.

Прикосновения были болезненны, но ему хотелось втереть побольше жидкости в тело.

– Ну, Кордери, – сказал он. – Примешь дозу вместе со мной?

Ноэл еще не был готов, мысли разбегались, сердце учащенно билось. Собравшись с силами, протянул чашку Квинтусу. Монах окунул в смесь кончики пальцев и – мягче, чем Лангуасс, – провел ими по руке вдоль пореза вверх и вниз.

К своему стыду, Ноэл почувствовал тошноту, хотя вспомнил, что во время ритуала в Илетигу не он, а Квинтус, прятал глаза.

Он положил пальцы на край чашки, собираясь собрать остаток, но внезапная мысль остановила его.

– Лейла, – прошептал он.

– Ну и что? – быстро спросил Лангуасс, хмуро и жестко.

– Она должна быть здесь!

Лангуасс промолчал, но окровавленной рукой прижал пальцы Ноэла к чашке, заставляя взять тягучую жидкость. Затем схватил чашку и провел по ней своими пальцами, стремясь собрать последние капли.

Посмотрев на Ноэла, он зло сказал:

– Я принес тебе жизнь, Кордери. Используй ее или будь проклят!

Ноэл колебался еще мгновение, пораженный жестокостью пирата, бросающего любовницу. Потом, уступив, обхватил пальцами порезанную руку, царапая рану, кусая губы от бо-

ли.

Когда боль прекратилась и он открыл затуманившиеся от слез глаза, то увидел Лангуасса, облизывающего по одному окровавленные пальцы.

– Я хотел бы запить это сладкой мадерой, – сказал пират. – Мы подняли бы тост за поддержку наших душ и за надежду, что тела останутся невредимыми до конца. Мы теперь братья, и ничто этого не изменит.

Только тогда Ноэл спросил о том, о чем не решался спросить раньше.

– Как, Лангуасс?.. – прошептал он. – Как ты получил семя?

– Какая теперь разница? – спросил пират. – Тебе же было все равно, когда ты сказал, что я могу украсть его? Ты раньше не думал о том, как я собираюсь выполнить задачу? О нет, мой кровный брат... ты тогда не беспокоился и сейчас не должен спрашивать.

Ноэла задел намек. Боль от раны была сильнее, чем он ожидал, к тому же он почувствовал боль в животе.

– У нас мало времени, – сказал Квинтус, вновь принимая руководство, которое давно уступил своему протеже. – Я забинтую ваши руки, а вы мою. Если станем вампирами, раны заживут, если нет – их надо будет прикрыть. Мы должны поскорее уйти отсюда. Ты пойдешь за Лейлой, Лангуасс, после того как я забинтую тебе рану?

– О да, – ответил Лангуасс, ощупывая порез на груди. –

Забинтуй хорошо, отец, ночью нам придется идти дальше, чем мы себе представляем. Я захвачу свою крошку и черного тоже, у нас должен быть достаточный источник крови. Я думаю, что Нгадзе придет, хотя его и не предупредили.

– Надеюсь, – сказал Квинтус. – Полагаю, что он тоскует по дому. В любом случае, уверен, он не поднимет тревогу.

К своему стыду, Ноэл опять почувствовал тошноту.

Он только сейчас понял последствия содеянного и то, что об этом следовало думать раньше. Тот факт, что Лангуасс утаил эликсир от своей любовницы, так как мог нуждаться в ней как вампир, поражала Ноэла своей бессердечностью. Он не мог выразить словами свою боль. Кто бы мог подумать, что пират может преследовать свои цели! И смеяться над ним, со своим братством, замешанном на преступлении!

Мысль, что он может сейчас стать хищником и использовать Нतिकиму и Нгадзе, как когда-то Гендва, была более болезненной, чем Ноэл мог себе представить. Он изо всех сил старался взять себя в руки, Квинтус бинтовал ему рану, когда пират вышел из комнаты с таким видом, какой, пожалуй не напускал на себя много лет.

– Что я наделал? – спрашивал Ноэл своего лучшего друга. – Что я наделал?

Квинтус ответил не сразу, но сурово взглянул на него, зная: ему не сказали, не доверили, его мнения не спросили. Старик был обижен, его ранило, что Ноэл постыдился или побоялся доверить ему свои мысли.

– Только время все рассудит, – сказал Божий человек. – Возможно, ты избавил нас от опасности. А может быть, наоборот, только приблизил нас к смерти.

Когда они спешили по темным коридорам выбраться из города, никто не пытался им помешать. Они нашли дорогу вниз по извивающейся расселине к склонам за Адамаварой. Пришлось быть очень внимательными, ориентируясь по звездам и лунному полумесяцу, но к рассвету все пятеро благополучно спустились вниз.

Четыре осла, приведенных год назад в Адамавару, терпеливо ждали их, привязанные к дереву, Нतिकимы не было. На спинах ослов они увидели мешки с пищей и одеялами, в одном были четыре мушкета с порохом и пулями, чему Ноэл обрадовался, но не так сильно, как Лангуасс. Ноэл осмотрел все, удивляясь отсутствию Нतिकимы, но нужно было поскорее уходить. Если Кантибх или Аеда обнаружили исчезновение, погоня неминуема.

Каждый из четверых мужчин повел осла, Лейла шла позади. Они начали спуск по крутому склону, на северо-запад, прочь от страны элеми. Ноэл оглянулся на цыганку, посмотрел на суровые серые вершины.

«Прощайте, сады Эдема, – саркастически подумал он, – и вперед, к стране, где кайновы дети сеют смуту».

Он жалел, что уходит из Адамавары, но не мог унять тревогу, думая о трудностях предстоящего пути. Идя под пологом листвы, конца которой не будет много дней, он рассу-ж-

дал, чувствует ли человек, превращающийся в вампира, изменения внутри себя и что это за чувство. В себе он пока не ощущал никаких изменений, но не знал, значит ли это, что их самодельный эликсир не подействовал.

Группу вел Квинтус, ориентируясь по солнцу. Они смутно представляли себе дорогу, хотя и старались запомнить ее, идя в Адамавару. Они решили идти прямо, пока не выйдут из мрачного леса в земли племени сахра. Если сахра помогут им и окажут прежнее гостеприимство, они найдут пищу, снаряжение и пересекут степи прежде, чем жара превратит бескрайние просторы в огненную западню. Затем, правда, их ожидает встреча с фулбаи. У них было только несколько ружей и ослов, но и это могло привлечь воров.

Они избавились от серебряной смерти, но безжизненный лес с его странными деревьями, гнетущей тишиной обескураживал. Ослы шли медленно. После обеда тоже пришлось идти, ежечасно ненадолго останавливаясь, тень и большая высота делали жару не такой изнурительной.

Только когда солнце стало склоняться к западу, устроили привал. Ноэл устало стягивал сапоги с ног, отвыкших в городе от ходьбы, и обеспокоено оглядывался, не видно ли погони.

Но ничего подозрительного не заметил и вновь занялся ногами. Осматривая ссадины и волдыри, морщился от боли, мечтая о способности вампиров успокаивать боль.

Лангуасс присел рядом, заметив, что эликсир подвел их.

– Мы должны посмотреть, что получится, – сказал Ноэл. – Хорошо, если все же станем вампирами. В противном случае в Галлии мне прибавится работы. Возможно, придется исследовать массу смесей, чтобы раскрыть тайну.

Лангуасс ушел.

Лейла подошла к Ноэлу, заняв место Лангуасса, который пошел помочь в разжигании костра.

Ноэл не знал, рискованно ли жечь костер, но следов пяти человек и четырех животных в любом случае нельзя не заметить. Если мкумкве вышли в погоню, они уже нашли след.

Он не сомневался в их появлении. Но когда? И где Нти-кима?

– Вы забыли меня тогда? – спросила Лейла.

– Забыли? – удивленно спросил он. – Тебя предали!

Она смотрела на него, явно ничего не понимая.

– Разве Лангуасс не рассказал тебе? – шепотом, полным боли, спросил Ноэл. – Прошлой ночью я приготовил эликсир с его помощью, но он не привел тебя испробовать его и...

Вдруг он прочел в глазах цыганки то, что должен был понять с самого начала – не сегодня, а несколькими днями раньше. Теперь он знал, почему Лангуасс поддразнивал его и как глупо он выглядел. Спрашивал себя с горечью, почему ни с чем не догадался, когда увидел принесенный Лангуассом кувшинчик.

– Ты? – прошептал он. – Ты добыла семя?!

– А ты не знал? – спросила она, не очень удивляясь. – Но

ведь это ты объяснил Лангуассу, как в Галлии любовники делают вампирш. Я-то думала, ты знаешь, что он послал меня в качестве шлюхи к Кантибху.

Ноэл чуть не засмеялся – он понял, что Лангуасс не привел Лейлу, так как она уже получила свою дозу. И менее сложным способом, чем они. А пират заставил его поверить, что ее сделает жертвой.

– У мужика чертовское чувство юмора, – пробормотал Ноэл, не зная, то ли плакать от восторга, то ли проклинать свою глупость.

– Кантибх был полон похоти, – сказала цыганка с вызовом. – А я сделала, как мне сказали.

– Я тоже, – ответил Ноэл, – хотя моя похоть после того, что я узнал, ни к чему не привела. Возможно, боги тьмы сыграли свою роль и мы им не понравились своей самонадеянностью.

Они помолчали, глядя на заходящее за лес солнце.

Нгадзе позвал их к ужину. Ноэл опять натянул сапоги и встал, протянув ей руку, которую она охотно взяла.

– Я забыла тебя, – прошептала она, поднимаясь и не глядя на него.

– И я тебя, – сказал он, сжимая ее руку.

Ночью они решили дежурить по очереди: сначала Нгадзе, затем Ноэл, Лангуассу и Квинтусу необходим был отдых. Поэтому Ноэл решил бодрствовать всю ночь.

Он потерял чувство времени и немного дремал, но, увидев танцующие в лесу огни, понял – их преследователи не

отдыхали и шли за ними даже ночью.

Он снял мушкет с колен и прикладом толкнул Нгадзе.

– Они здесь, – шепнул он, – и нам придется драться.

– Эгунгуны? – испугано спросил тот.

– Какая разница, что у них за маски? Ты – ибо, а Эгунгун принадлежит уруба.

Черный сердито потряс головой:

– Огбоне дали Эгунгуна всем своим народам. Если придет Эгунгун, мы все должны умереть, белые и черные, потому что это их страна, и никто не может справиться со вставшими мертвецами, если они появятся.

– Возьми ружье, – приказал Ноэл, – и разбуди остальных. Мы с ними уже сражались, и Шанго нам помог. Мы должны опять сделать то же самое.

Он попытался соорудить подобие стены из мешков, чтобы залечь и закрепить на ней стволы мушкетов. Но увидев освещенные факелами жуткие маски, засомневался, принесут ли пользу порох и пули. Вокруг было столько Эгунгунов, что пять человек, вооруженные или нет, вряд ли могли выстоять. По мере приближения, размахивая копьями и факелами, они все больше казались Ноэлу могучим воинством, посланным Шигиди.

– Мы же остановили их раньше, – сказал он себе, единственным выстрелом. Но на этот раз одного выстрела вряд ли будет достаточно.

– Верь Шанго, – пробормотал Ноэл. Нгадзе встал на ко-

лено рядом с ним, с другой стороны пристроился Квинтус. Позади них Лангуасс сказал:

– Подождите, пока не приблизятся, цельтесь не в маски, а ниже, в незащищенное тело.

Лагерь был разбит на поляне рядом с большой круглой скалой и редкими деревьями на краю. Обойдя скалу, Эгунгуны собрались примерно в сорока ярдах от них, угрожающе подняв факелы и копья. Ноэл посчитал выстроившиеся в длинный ряд маски. Их было тридцать пять.

– Не спешите, – опять прошептал Лангуасс. – Тщательно цельтесь и не промахнитесь, ради Бога.

На вершине скалы появилась еще одна фигура, освещаемая факелами Эгунгунов. Она отличалась от других раскрашенным телом, более яркой маской, на черном фоне которой выделялись белые штрихи, подобные вспышкам молнии. В глазах маски было столько ярости, что даже белые затаили дыхание.

– Не стреляйте, – прошептал вдруг Ноэл. – Ради Бога, тихо!

Ноэл вспомнил – он видел эту фигуру раньше, на ритуале в Илетигу. Она представляла тогда бога, самого сильного в Адамаваре после Олоруна. Этот бог создал Адамавару. Ноэл теперь знал, что имел в виду Нтикима, прося верить Шанго.

Эгунгуны сделали шаг вперед, и тогда позади них прозвучал, усиленный деревянным приспособлением во рту маски, голос, останавливающий их. Эгунгуны замерли, в это

мгновение они были не мужчинами мкумкве, а вставшими мертвецами, призывающими живых к ответу: подданными не элеме, но богов. И на холме стоял не Нтикима, а Шанго, бог бурь, повелитель гроз и молний.

Эгунгуны повернулись, фигура над ними стала бить в барабан, усиленный голос издавал песнопение, чьи слоги вздымались и падали, как ветер, воющий в бурю. Эгунгуны низко склонились, встали на колени и слушали приказание.

Ноэл прислушивался к ударам сердца, странные звуки наполняли воздух, слушая их зловещие сочетания, трудно было поверить, что их испускает человек.

Странная песня, не молитва, не заклинание, все продолжалась на языке, который Ноэл не знал и не хотел бы знать.

Квинтус шептал что-то свое на церковной латыни.

Даже Лангуасс перекрестился, Нгадзе дрожал в страхе предрассудка, как раньше, когда увидел богов за работой в мире людей.

Лейла положила руку Ноэлу на плечо, будто ее пальцы устанавливали мост между их душами, чтобы передать мужество нуждающемуся в нем. На холме говорил Шанго, распространяя чары защиты на спасаемых им, спасаемых, несмотря на старейшин Адамавары. Эгунгуны слушали, и слушали внимательно.

Когда все кончилось, Эгунгуны сняли маски и положили их на землю. Факельный свет падал теперь на раскрашенные лица, которые казались не свирепыми, а уродливыми.

Это была группа людей, а не вставших мертвецов, ушедшая в лес под печальное причитание. Они пели, встретив в лесу бога, приказавшего им быть меньше, чем они были, и они никогда не станут прежними.

Когда все ушли, Шанго спустился с «небес» и медленно подошел к костру белых. Сняв яркую и дикую маску, он стал Нтикимой.

– Однажды, – сказал юноша, – меня посвятили Арони, обрекли изучать лесные растения и стать великим волшебником. Теперь я принадлежу Шанго, побрею голову и буду носить ожерелье цвета крови. А когда состарюсь, смогу вернуться в Адамавару и сделаться элеме в Ого-Эйодуне.

Затем он сидел у костра, вздрагивая, пока его кормили.

Следующий день почти ничем не отличался от предыдущего, кроме того, что их стало шестеро. Лямки мешка Ноэла натирали плечи, волдыри на ногах заставляли хромать. Горло было постоянно сухим – приходилось скупно расходовать воду, не зная, когда найдут речку или озеро. Опять шли в полуденный зной, чтобы скорее добраться до дальнего края леса.

По сравнению с тем, как они шли к Адамаваре, на этот раз двигались быстро, несмотря на болезнь Лангуасса и усталость Квинтуса. Когда остановились на ночь, Лейла опять подошла к Ноэлу, сидящему поодаль от палаток. На этот раз она была настроена иначе. Не избегала его взгляда, хотела, чтобы он смотрел на нее, и, хотя она ничего не сказала, он

понял, в чем дело.

Днем это не было заметно, но в сумерках, при мерцающем свете костра, ее кожа начинала блестеть. Она всегда была гладкой, но сейчас приобретала такое совершенство и блеск, которые отличали кожу Береники и говорили о том, кем она была.

– Я странно себя чувствую, – сказала Лейла. – Моя ссадина больше не болит, хотя кровь циркулирует по телу как никогда раньше. Ты не?..

– Нет, – ответил Ноэл бесстрастно. – У меня нет такого чувства. – Он посмотрел на свои руки – на ладони, обратную сторону – нашел на них царапины, мозоли. Пальцы ощутили пот, ссадины на лице. Он оставался прежним, со всеми признаками обычного смертного.

Ноэлу хотелось знать, сколько раз она была с Кантибхом и спрятала ли его семя во рту, чтобы принести Лангуассу, один раз или несколько, но он не мог заставить себя говорить об этом. Если бы даже мог надеяться дальше, это не явилось бы ни помощью, ни препятствием. Надежда была бесплодной. Изменение или произойдет, или нет.

– Теперь ты будешь любить меня, – сказала Лейла грудным голосом, – ведь я вампирша, как всегда обещал мне Лангуасс. И ты дашь мне свою кровь, чтобы поддержать меня, да?

Ноэл смотрел на нее, не зная, что сказать или подумать.

– А Лангуасс? – спросил он наконец.

– Ни следа, – сказала она. – Но не думаю, что нравлюсь ему настолько, чтобы он дал мне свою кровь. Я больше не его, и он мне не нужен.

Ее голос был таким благодным, что Ноэл хотел рассмеяться, но не посмел.

– А Квинтус? – Ноэл осмотрелся в поисках монаха и увидел его возящимся с ослиами. Он подошел и, чувствуя слабость, взял друга за руку, поворачивая его так, чтобы красноватый свет заходящего солнца, проходя сквозь кружева листьев, попал на его черты. Квинтус, с загорелой, натянутой кожей, всегда казался вырезанным из полированного дерева. Начало изменений было трудно определить, но Ноэл вдруг понял, они наступили.

– Квинтус? – сказал он мягко.

– Я думаю, что да. Я еще не уверен, но должен молиться за мою душу, чтобы она была достойна такого тела. Души многих так недостойны.

– Лангуасс? – спросил Ноэл, но Квинтус пожал плечами:

– Я не знаю, но не думал, когда мы начинали путь, что он сможет пройти так далеко и держаться на ногах. Его мечта исполнится, я надеюсь.

– Но почему? – спросил Ноэл испуганным шепотом. – Трое приняли эликсир. Как одни могут получить способность, а другие нет? Ради Бога, Квинтус, почему со мной не так?

– Не знаю, – сказал Квинтус. – Поверь мне, Ноэл, если бы

я мог, то поменялся бы с тобой местами.

Они дошли до места, где лежали трупы с кожей на костях, с мышцами, высохшими и выветрившимися под палящим солнцем.

В этой странной группе стало одним трупом больше. Хищники не тронули его, как и остальные, он разлагался медленно, как и все в этом таинственном лесу. Они без труда узнали турка Селима, чье безумие привело его сюда, к смерти.

Казалось, что турок был частью этой группы всегда.

Высохшая, сморщившаяся кожа на других лицах искривила, уменьшила носы, сделала их похожими на черты лица турка.

Лангуасс встал на несколько мгновений на колени перед телом, как бы для молитвы; затем все двинулись дальше.

Время шло, они приблизились к другому лесу, где деревья были не такими кривыми, где росли цветы, летали насекомые и пели птицы. Чем дальше путники продвигались, тем больше встречали птиц и других живых существ, которых были рады видеть. Нашли в изобилии воду, разыскали пищу.

Скоро они окончательно вышли из леса на равнину, где племя сахра занималось земледелием, разводило скот. Местные вожди встречали их торжественно празднествами, танцами, как делали всегда, встречая избранных из Адамавары.

Так же было и в других землях, которые они прошли на своем долгом и утомительном пути. Весть о продвижении

опережала их, в их приходе туземцы видели нечто важное: они пришли из Адамавары и среди них были вампиры.

Приветствующие не могли знать или понять, какая горечь была, по меньшей мере, в двух сердцах. Ноэл возобновил свои попытки превратиться в вампира при помощи средств, которые у него уже были, но преодолеть свою брэнность ему так и не удалось.

Когда они пришли к месту, которое могли рассматривать как конечную цель своего путешествия, положение было тем же. Двое из троих, ставших братьями по крови, были вампирами, и только один не стал им.

Часть 5

КРОВЬ МУЧЕНИКОВ

«Князь, пока его подданные верны и едины, не должен препятствовать упрекам в жестокости; показывая добрые примеры, он достигнет лучшего результата, чем те, кто, будучи милосердным, позволяет беспорядки; потому что беспорядки вредят всему народу, тогда как казни по приказу князя вредят только отдельным людям...»

Если спросить, лучше ли любить или бояться, чем бояться или любить, ответ будет, что лучше и то, и другое; потому что оба качества трудно объединить в одном лице, во всяком случае, надо сказать, что значительно безопасней, когда тебя боятся, чем любят, если выбрать из двух. Люди проще оскорбляют тех, кого любят, чем тех, кого боятся, потому что любовь сохраняется звеном обязательности, которое из-за низости людей обрывается при каждой возможности ради их выгоды; но страх оберегает из-за боязни наказания, которая никогда не подводит».

Никколо Макиавелли, «Князь-вампир».

ПРОЛОГ

Расшифрованный текст письма, полученного сэром Кене-

лом Дигби летом 1660 г.

Мальта, май 1660 года.

Дражайший друг Сахха!

Я не получал более радостного известия, чем новость о том, что Англия освобождена от Галльской империи, что Ричард и его нормандские рыцари исчезли и Британским Содружеством управляет парламент вампиров. Сознание того, что моя родина свободна, облегчает мое сердце, я очень рад победе, свершившейся без пролития излишней крови. То, что Ричард согласился с безнадежностью своей позиции перед вашими маневрами, позволяет мне верить, что вся его болтовня и хвастовство во имя рыцарского идеала, которым галльские рыцари-вампиры стремились себя прославить, несет в себе крупицы искренности и здравого смысла.

Случившееся в Англии дает мне надежду на будущее Галльской империи, и я молюсь, чтобы конец империи Шарлеманя свершился без разрушительного карнавала, способного погрузить в эру тьмы и отчаяния.

Я знаю, в таких руках, как ваши, эликсир, тайну которого я раскрыл, будет использован разумно и справедливо. Он приблизит мир к состоянию, когда все люди смогут надеяться. После всех испытаний и мук хрупкой человеческой плоти им нельзя отказать в шансе на бессмертие. С помощью тайны, не являющейся больше тайной, я верю, что Англия станет великой нацией в преобразованном мире. Сейчас, когда определено существование нового Атлантического-

го континента, для британских моряков есть возможность создания империи более славной, чем любая из задуманных родом Аттилы, и этот труд вам предстоит на будущее столетие.

Когда северные нации борются, дабы сбросить иго правления Шарлеманя, и лютые князья со всех сторон осаждены врагами, ваш и мой народ должны построить Новую Атлантиду на западе, как предсказывал Фрэнсис Бекон. Из всех наций Галлии и Валахии только британская нация может выйти окрепшей из настоящего конфликта.

Мое сердце согрето вашим предложением Квинтусу и мне возвратиться в Англию теперь, когда она свободна. Уверен, что Лангуасс доставит нас в сохранности через враждебные воды, но я не думаю, что пришло время покидать нашу факторию здесь. Мы многое обещали людям этого острова, и они щедро обращались с нами. Без обращения рыцарей Святого Иоанна в наше дело, тайну, которую мы принесли в Европу, можно было легко скрыть. Оставить этих союзников здесь – значило бы обратиться в постыдное бегство, и мне не хотелось бы делать этого. Ваше приглашение ордену Святого Иоанна прислать рыцарей в Лондон расценивается гроссмейстером как очень щедрое, но столпы ордена могут думать об оставлении Мальты, бывшей их домом и бастионом в течение ста тридцати лет не больше, чем вы о бегстве из Англии, когда битва за изгнание Ричарда в ссылку еще только предстояла.

Обоснованные предзнаменования говорят, что трудный для Мальты час быстро приближается; рыцари Святого Иоанна не уйдут от защиты своего крошечного края, и я сделаю все, чтобы помочь им. Я в первую очередь и навсегда англичанин, но моя верность сейчас должна быть с теми, кто дружил со мной в час отчаянной нужды. Я истратил слишком большую часть моей жизни, оставляя действие другим, но теперь наконец стал человеком, надеющимся на свои амбиции, и должен занять общие позиции с людьми, служившими моим целям.

Вы, вероятно, в состоянии собрать лучшие, чем мы, сведения о распаде Галлии и Валахии, о планируемом императорами ответе на это. Несколько молодых князей тайно предложили поддержку нашему делу, потому что в нашем восстании они видят шанс на продвижение, которого никогда не было бы, если бы старейшие бессмертные удерживали власть. Конечно, для большинства из них наши идеалы – удобная маска для амбиций, но, когда они используют нас, мы также можем использовать их. Есть много печатных машин и обычных людей, готовых использовать их, несмотря на риск. Мы принялись так широко распространять тайну эликсира среди христиан, что ее никогда не удастся скрыть. Мы нашли такое множество союзников, что я знаю: дело сделано. Если мне не поможет чудо, я не доживу до капитуляции Шарлеманя и Аттилы, поглощения старых порядков новыми; но я умру, зная, что такая капи-

туляция неминуема и что я помог приблизить великий день. Сюда доходят слухи, что наши действия так обозлили вампиров Галлии и Валахии, что они хотят собрать великую армаду судов в Кальяри, Неаполе и Палермо, сведя галеры из Испании, Италии и Франции во флот, который обрушится на наши силы и высадит армию для опустошения всего острова. Папа сейчас отлучил от церкви весь орден Святого Иоанна, наложил на них анафему, объявив Мальту гнездом подлых пиратов. Это явилось редкой неблагодарностью, учитывая, что именно рыцари Святого Иоанна и их флот усмирили турок в Средиземноморье и помогали спасать Европу от нападения с моря в течение ста пятидесяти лет.

Вилье де Лиль Адам как гроссмейстер и хранитель ордена не остался безразличным к этим угрозам, но упорно заявляет, что рыцари привыкли к такому неблагодарному обращению и не ждут большего от фальшивого папы, являющегося не чем иным, как безвкусной марионеткой безбожников вампиров. Рыцари-госпитальеры так легко перешли на нашу сторону, потому что он так долго придерживался этого мнения. Валетта, величайший флотоводец христианства, — это признает даже Лангуасс, — сказал, что в случае прихода армады Мальта выдержит осаду, как выдержала великую осаду в 1565 году, когда Сулейману Великолепному не удалось разрушить ее. Тогда в ордене было меньше сотни рыцарей-вампиров; сейчас на Мальте четыреста воинов-вампи-

ров в ордене и еще триста вне его, и никто из них не отдаст так просто огню и мечу привилегию долгожительства.

Наши враги пытались запугать нас, послав самого Влада Цепеша против нас и вашего Львиное Сердце вместе с ним во главе нового крестового похода галльских рыцарей. Я не буду делать вид, что нас не волнует такая возможность, но знаю: наших союзников нельзя заставить свернуть с избранного пути. Если Аттила и Шарлемань выйдут из своего уединения и наденут доспехи, мальтийцы охотно выступят против них.

Лангуасс и Валетта постарались убедить наших последователей, что исход битвы решает не величие героев, что бы об этом ни пели барды и менестрели. Они доказывают, что наш флот, с его преимуществом парусников, с пушками по бортам, представляет большую морскую силу. Армаде, состоящей почти полностью из испанских и итальянских галер, будет трудно справиться с ним. Они говорят, будто наши морские охотники могут уничтожить суда, не беря их на бордаж, а галеры с гребцами по бортам вряд ли смогут защитить себя.

Увы, я не разделяю их оптимизм, хотя и не моряк. Думаю, что у нас значительно меньше пушек, чем нужно. Лангуасс и Валетта привыкли к сражениям с участием нескольких судов, но я боюсь, что, если верить слухам, сражение у Мальты будет самой большой битвой на море. Мы не верим, что соберут армию в три тысячи рыцарей-вампиров, такое

количество нельзя найти, ведя войну на севере, но какой бы ни была сила, идущая против нас, ее цель ясна – показать ясно и определенно, что империи Аттилы обойдутся со своими врагами жестоко.

Я опять обращаюсь с просьбой, зная, что вы можете удовлетворить ее. Если бы только ваш новый парламент смог прислать нам две сотни сассекских пушек из стертевентской стали, я бы поверил, что мы устоим против любого флота, посланного миром против нас. Я не прошу помощи британского флота – основного защитника нашей островной нации, но если бы несколько торговых судов усилили бы пушками нашу артиллерию, наша мощь значительно возросла бы.

Наше положение вынудило нас отправить посланцев в Тунис и Триполи с просьбой о помощи. Моя дорогая Лейла хотела быть нашим послом, но мы не посмели направить вампира к магометанам, поэтому использовали освобожденных пленников, которые были гребцами на христианских галерах. Мы сделали представление султанам на том основании, что мы – враги их врагов и поэтому их друзья, но ненависть магометан к мальтийским рыцарям будет ограничивать их помощь нам. Вероятнее всего, они будут выжидать, радуясь, что внутренние распри разрывают христиан.

Иногда я думаю, не были ли правы седые мудрецы, считая что мир незаконченных слишком переполнен насилием, чтобы позволить какое-либо будущее, кроме собственного

разрушения.

Но не отчаиваюсь и по-прежнему убежден: старейшины этой загадочной долины сами несовершенны из-за того, что отгородились от устремлений цивилизации. Если я когда-либо и знал по-настоящему завершеного человека, — я имею в виду человека, в чьей природе и характере заложены начала лучшего мира, — то это мой друг Квинтус. Я знаю, что вы такой же и вам нравится, — ученым и любящим справедливость, — что я преисполнен надежды на светлое будущее человечества.

Несмотря на свои старания, семя до сих пор не действует на меня и на тех нескольких несчастных, которые тоже хранят мою упрямую брэнность. Возможно, Бог, в которого вы и Квинтус так твердо верите, любит этого несчастного неверующего так горячо, что не хочет отдалить тот момент, когда он будет передан его заботам. Или желает отправить меня другому, являющемуся, по утверждению грегорианцев, отцом и правителем рода вампиров. Не могу сказать.

В любом случае, я привык к мысли, что принадлежу к тем, кто будет отмечен ранней смертью. Судя по обстановке в Европе, полагаю, что многие вампиры будут предшествовать мне перед могилой, потому что везде зреет насилие и обычные люди жаждут крови тех, кто ими жертвовал тысячи лет.

Мое зрение продолжает ухудшаться, хотя я все время но-

шу очки, кроме как у микроскопа. Думаю, что какая-то болезнь поразила мои глаза, и я могу скоро ослепнуть. Это насмешка над моей судьбой. Я остаюсь в убеждении, что все болезни вызываются крошечными живыми существами, проникающими в тело и нарушающими его деятельность, а пока не распознал с уверенностью даже горсточку таких созданий, несмотря на сделанный вами давно инструмент. Прибыв на Мальту, я попытался добиться лучшего и более сильного сочетания линз, но, кажется, эти существа решили нанести мне удар и сорвать мои опыты.

Несмотря на трудности, продолжил опыты с измененным семенем вампиров и неудовлетворен попытками усилить эликсир. Я не решаюсь сказать о своих надеждах, но принялся за опыты, могущие увеличить нашу власть над силами жизни и смерти. Квинтус и гроссмейстер знают, что я делаю, но многим другим не сказал, чтобы их не тревожить и из-за боязни неудачи. Я уехал в Морену для выполнения этой работы и думаю, что Валетта и его воины не сожалели о моем уходе из района Великой Гавани, потому что моя репутация колдуна и алхимика заставляет многих бояться меня, несмотря на мою слабость. Вампирам не нравится быть в компании уродов, должен сказать, что сейчас никто не смог бы поверить, что я – достойный сын самого красивого мужчины в Англии.

Квинтус сейчас не со мной, а на юге острова, изучает выкопанный там камень с надписью на двух языках – на грече-

ском, который он уже знает, и на чужом, который может быть прежним языком жителей острова, в бытность его частью Карфагена. Если Квинтус прав, то камень, был затерян здесь задолго до того, как святой Петр был увлечен сюда бурным Эвроклидоном и потерпел крушение у острова. Это звено к более отдаленному прошлому, чем может вспомнить любой вампир ордена.

Квинтус сказал мне, что странные каменные кольца на острове такие же древние, как в Англии: он так же увлечен костями, найденными в пещерах Гардалами, которые островитяне называют костями гигантов. Они, конечно, огромны, но Квинтус думает, что это кости слонов, и не людей, его интересует, привезли ли сюда этих животных карфагенцы, когда правили островом. Бессмертные ничуть не уменьшило тяги, всегда испытываемой им к мудрости и пониманию. Я не могу поверить, что он когда-либо впадет в сон наяву, который охватил многих вампиров в Адамаваре. Я могу уверенно сказать, что в летящих перед вами столетиях жизни будет достаточно времени для всех государственных дел и занятий наукой, на которые подвигают вас ваши амбиции и любознательность.

Напишите мне, как только позволят ваши обязанности. Сообщите о новом парламенте и о построенном вами в Англии Содружестве, а также о развитии исследований в Атлантиде. Расскажите обо всем хорошем, ярком и дающем надежду, потому что мы отчаянно нуждаемся в таких ве-

стях.

Не забудьте, прошу вас, помолиться за всех нас, чтобы мы выстояли перед остатками Галлии и Валахии.

Прощайте, мой друг, и будьте счастливы.

Ноэл Кордери.

1

Воевода Влад Пятый – летописцы называли его Дракула, а всему миру он был известен как Влад Цепеш, Палач вернулся в плохом настроении с военного совета в свое жилье на окраине Неаполя. Примерно двести лет назад известие о плохом настроении Влада Цепеша приводило в дрожь его окружение и ужасало сердца тех, кто мог навлечь на себя его гнев. В те дни он заслужил свое имя вполне, подавив сначала первый серьезный мятеж в империи Аттилы, затем победив турок, использовавших волнения в Валахии для вторжения. Армия Влада столкнулась с армией Магомета Второго на Дунае, одержав великую победу для Аттилы, Валахии и христианства.

С врагами Дракулы обошлись беспощадно, а он сам был всегда готов найти врагов, чье сопротивление следовало быстро подавить. Его зловещую славу распространил по Европе поэт Майкл Бихейм, рассказывавший мрачные истории о его деяниях во всех дворах Валахии, вызывая скорее беспокойство; чем успокоение в князьях-долгожителях империи Аттилы, боявшихся, что из-за выскочки уйдут в тень.

Прошли века с тех пор, как Дракула установил лес кольев, на заостренные концы которых безжалостно насаживались тела врагов. Ему не было это отвратительно, но позже он держал процесс в рамках, ожидаемых от цивилизованного чело-

века, и производил в качестве насмешки – он любил думать о себе как о человеке с большим юмором.

Последователям нравилось рассказывать истории о его самых известных насмешках – когда он приказал приколотить гвоздями к головам кардиналов тапочки, когда те не хотели их снять в его присутствии, или когда содрал кожу с подошв неверующих посланцев-магометан, насыпав на них соли, которую слизывали козы. В те времена, когда жестокие игры Дракулы происходили чаще и их, боялись как судьбу, способную настичь любого постороннего или члена двора, никто не был особенно склонен рассказывать такие истории, хотя и не мешал им.

Слуги на его досаду стали отвечать простой осторожностью, Дракула, увидев это, сожалел, что не поддерживал свою жуткую репутацию на прежнем уровне. Полагал, что если бы он и другие более последовательно следовали примерам своего обращения с турками, враги империи Аттилы не слишком бы усердствовали, чтобы развалить ее. Встреча с человеком из владений Шарлеманя – будущим партнером – навела на эту мысль. Если Ричард Нормандский честно завоевал право называться Львиное Сердце (в чем Дракула сомневался), тогда он потерял его в последней войне. Дракула, сняв свои двойные доспехи, предписанные протоколом, несмотря на удушающий зной, немедленно послал за Бихеймом, своим другом и советчиком. Это был один из любезных его жестов, потому что, когда менестреля впервые при-

вели ко двору Дракулы, тот ожидал, что его посадят на кол и оставят медленно испускать дух во дворе крепости, пока собственный вес не пронзит внутренности. Вместо этого благородный князь воткнул ему в зад нечто совсем другое, и он приобрел бессмертие. Почему? Потому что у галльских князей были менестрели, развлекавшие их музыкой и остроумиями. И Влад Цепеш возжелал иметь собственного менестреля, – выполнявшего его капризы и воспевавшего силу его гнева, когда у Влада появлялась такая потребность.

Возможно, сейчас Дракуле стало безразлично, представляют ли его чудовищем или героем. Допускать лесть вообще – значит позволить себе галльскую слабость, которую надо осудить.

Майкл Бихейм не спешил к Воеводе, но не потому, что знал его настроение. По прошествии многих лет поэт усвоил: Дракула больше всего ценил в нем нахальство наглость, которую только он мог себе позволить, и поэтому всегда лениво отзывался на приказ прийти, но сегодня его опоздание было встречено более грозно, чем обычно.

– Как прошли празднества? – с тревогой спросил поэт князя.

Дракула расслаблялся в тепловатой ванне, из пены были видны только лицо и борода. Он не выглядел расслабленным, в глазах, как написал бы Бехейм, блистал гнев.

– Мы встретились, чтобы обсудить кампанию, а не праздновать победу.

– Конечно, – подтвердил Бихейм. – Но победа всегда больше в задумке, а празднование радостнее в ожидании. Мы, бедные артисты, только рассказывающие истории о былых сражениях, не можем нарисовать такие сказочные картины, как идущие в битву генералы. Или я ошибся, и в вашей встрече с великим Ричардом Львиное Сердце царили только вражда и недоверие? Было бы жалко и досадно, по меньшей мере для Блонделя и меня, которым предстоит воспевать ваш триумф, когда Мальта будет разрушена!

Воевода хлопнул по воде.

– Львиное Сердце! – брезгливо воскликнул он.

– Вы не похожи на князя Ричарда, – заметил Майкл Бихейм смело.

– Он глупец! Он причинил только одним своим трусливым поступком больше вреда нашим империям, чем все наши враги за тысячу лет борьбы. Плохо уже то, что этот глупец висит на мне, но невыносимо, что он смотрит на меня с нескрываемой неприязнью. Он говорит со мной снисходительно, как с дураком. Ты не угадал бы по его разговору, кто из нас потерял корону и был изгнан. Он даже гордится этим, думая, что его отказ пролить английскую кровь отражает благородство к скоту, которым он правил, и уровень цивилизации, для которого мы здесь, на Востоке, слишком грубы. Цивилизация! Я бы не поверил, что этот человек сражался с магометанами так же свирепо, как все. Клянусь, его проклятый Блондель наврал о нем в своих песнях побольше,

чем ты обо мне.

– Но он привел тысячу рыцарей-вампиров в Кальяри, – заметил Майкл Бихейм. – Мы едва могли надеяться, что Запад даст так много, с восставшими датчанами, голландцами и мятежной Галлией. Кого еще могла послать Шарлемань, когда все ее князья были заняты? Эти нормандцы не трусы, несмотря на то, что оставили Англию, не сражаясь в неблагоприятных условиях, – пятно на их чести тем более заставит отличиться в будущем сражении. Думаю, они будут служить нам хорошо, мой лорд.

– Ах! – сказал Дракула. – Не верю, что эти самозванные герои умеют драться. Я больше не верю и рассказам об их крестовых походах. Меня тошнит от их рыцарского кодекса с его тщеславием и кривляньем. Их турниры приучили лишь к игре в битву, а не к настоящей войне, из тысячи рыцарей только сто или двести воевали, но они, как и остальные, испорчены мечтами, иллюзиями. С ними боевые кони и пики, но мушкеты несут обычные солдаты, они, видите ли, считают это недостойным себя. Не у всех обычных солдат есть ружья – Ричард привел четыреста человек, вооруженных луками.

– Луками, мой лорд?

– О да! Возможно, Ричард был прекрасным бойцом, когда сражались мечами и луками, но он не принадлежит нашему времени. Как же он мог забыть, что лучшие в мире английские пушки нацелены в него, вместо того чтобы его защищать? Обманутый собственными механиками, не способный

или не желающий смотреть за собственными генералами, это сумасшедший тип! И затем сдать без боя крепость!

– Если верить сообщениям, – сухо сказал Бихейм, – все до последнего рыцари-вампиры Англии были бы уничтожены, если бы он сопротивлялся дальше.

– Ну и пусть! – вскричал Дракула. – Они бы забрали с собой десять тысяч смертных – и сотворенное смертными было бы преступлением против природы, за которое Галлия отплатила бы сотней тысяч казней, сожжением всех городов Англии. Сделанное Ричардом – это не преступление и не богохульство, а победа в обычной войне, сообщившая миру, что обычные люди могут сражаться с вампирами, сталь со сталью. Мы развеяли представление о нас как легионе демонов, стали простыми людьми из жесткой плоти. Мы потеряли нашего наилучшего союзника – страх предрассудков. И это Ричард Нормандский предал нас.

– Если бы он стоял на своем до конца, – возразил Бихейм, – Англия подчинялась бы Галлии, и где бы тогда Чарльз нашел тысячу рыцарей вдобавок к нашей мощи в будущей схватке? Вы бы хотели, чтобы экипажи испанских и итальянских кораблей состояли из европейского отребья?

– У меня не было бы их! – ответил Дракула не колеблясь. – Я бы лучше дрался вместе, с тысячей моих валашских вампиров и таким же количеством моих обычных людей, чем с любым количеством людей Чарльза. Аттила сделал глупо, разделив империю с римскими генералами в дни первых за-

воеваний. В Галлии они все еще считают себя настоящей империей, а Валахию гнездом варваров. Они смеялись над нами, когда наши соплеменники создавали каналы в Индии и Китае, когда наши армии защищали Византию от султанов и когда купцы прокладывали безопасные торговые пути, соединяющие их с Востоком. Аттиле нужно было разграбить Рим, сделать из всего мира одну империю и показать себя более великим, чем Александр.

– Но Аттила не настолько велик, – мягко напомнил поэт, – как ты знаешь.

– Он был стар уже до моего знакомства с ним, – ответил воевода. – Да и сумасшедшим тоже. Но в свое время... он не всегда был такой развалиной, как сейчас... Я не верю этому.

– Если бы он не был сумасшедшим перед тем как стать вампиром, тогда он не стал бы им сегодня. Несомненно, он сражался яростней в дни завоеваний, но Ричард не из тех, кто мог бы править миром. Не его власть обеспечила богатства Валахии, а власть таких людей, как Фридрих Барбаросса и твой отец, и, конечно, таких, как ты. Истинная власть у тебя, и странно, что ты объявляешь о верности Аттиле, когда ты ею обладаешь. Но это – история. А что завтра? Ты не боишься потерпеть поражение в походе против ордена Святого Иоанна без поддержки Ричарда?

– О нет, – саркастически ухмыльнулся Дракула. – Мы не можем проиграть. Разве не благословил сам папа наших воинов? Новые вампиры, созданные беспокойным алхимиком

при помощи эликсира, не могут противостоять нашей армии – в этом нет сомнения. Но кто будет настоящим победителем? Кто выпьет полную меру силы и власти из крови побежденных теперь, когда Англия завоевана Галлией и империя Шарлеманя рассыпается как карточный домик? Слишком поздно, Майкл, слишком поздно.

– Победа, мой лорд, будет измеряться хвалебными песнями таких, как я, – возразил Бихейм, зная, что воевода думал не о своей будущей славе. – Если будем петь громко, мы сможем посеять сомнение в отношении наших врагов и агитировать за Чарльза и Валахию.

– Наши армии объединены, чтобы показать миру, что Галлия и Валахия будут вместе сражаться против общего врага, – возразил Дракула, – но боюсь, мы сами того не желая, расскажем другое тем, кто за нами внимательно наблюдает. Даже наши друзья видят соперничество между Ричардом и мной. Победа может разделить нас, не говоря об отношении к врагам. Мы не можем уничтожить тайну, выданную миру мальтийским алхимиком, – можем только стремиться использовать ее эффективнее наших врагов и таким образом отдавать нашу силу постепенно. Мы слишком опоздали, чтобы подать пример разрушения, достаточный для запугивания всего мира.

– Тогда верни своих людей домой. Я бы поблагодарил тебя, если бы не ступил на скрипящую палубу морских судов.

– Этого я не могу сделать, – ответил воевода, выходя из

ванны и заворачиваясь в простыню. – Возвращение может оказаться бесконечно хуже, чем продолжение, оно воодушевит мятеж в Валахии, подобный тому, что уже возник в Галлии. Мы должны воспользоваться нашим небольшим преимуществом, или наш мир рухнет сразу, вместо постепенного распада, который позволит сохранить нашу силу еще какое-то время.

– Я никогда не видел тебя таким озабоченным, мой лорд, – сказал менестрель расстроено, – в прошлом думал я, а ты действовал. Я боюсь, сэра, долгая жизнь превращает тебя в государственного деятеля.

– Я князь-вампир, – ответил Дракула, ссылаясь на книгу Никколо Макиавелли, которым восхищались на Востоке даже больше, чем на его родине.

Конечно, воевода Влад Пятый был князем-вампиром, научившимся осторожно применять разрушение и жестокость. Даже в молодости, когда гнев чаще влиял на его поступки, он всегда больше ценил страх перед ним. Теперь, если его мучила совесть вообще, то только потому, что он стал вялым в своей жестокости и недостаточно заботился о том, чтобы наполнить ужасом сердца обычных людей.

– Ты – отличный образец князя, – подтвердил Бихейм. – Но, мой лорд, Ричард тоже князь. Думаю, было бы хорошо, если бы до конца этой кампании вы оставались бы вместе и показали миру, что князья-вампиры Галлии и Валахии действуют заодно в подавлении мятежей.

Воевода вздохнул, признавая правоту своего слуги. Независимо от своего презрения к Ричарду и чудовищного предположения о презрении нормандца к нему, нужно было выиграть битву и доказать единство. Дракула отбросил простыню и стоял обнаженным, разглядывая свое тело.

Оно было большим и сильным, с массивными мышцами бойца. Многие вампиры, удовлетворенные своей нечувствительностью к боли и ранам, не утруждали себя. Хотя они никогда не толстели, но часто слабели. Дракула никогда не поддавался соблазну, сила была его идефиксом, он презирал всякую слабость. Его отец, Влад Восьмой, прозванный Драколи (Дьяволом), подавал сыну прекрасный пример в этом отношении, пока мятежники не убили его. Но если Владу было суждено погибнуть, он знал, ему наследует брат, Раду Великолепный. Человек совсем другого склада, Раду был мягким, больше похожим на нормандца Ричарда, чем на брата Влада, – и по характеру, и по внешности.

Мысль о Раду заставила Дракулу опять поморщиться, как обычно. Ханат был перенасыщен младшими братьями и неблагодарными сыновьями, страдавшими от того, что у них не было власти и приходилось столетиями ее дожидаться. И они не брезговали ничем, дабы получить и использовать власть. Он думал, стоит ли сохранять их мир ради людей, подобных Раду?

– Наши империи сохраняет то, – ворчал Дракула, – что у них так много врагов извне и мы должны смыкать ряды про-

тив них. Но внутренние враги могут доставить нам большие неприятности, если мы даже уничтожим внешних.

Бихейму не нужно было спрашивать, о чем речь. Валашская империя объединилась на основе ненависти к туркам и постоянной необходимости сражаться с ними. Этот общий враг не только отвлекал внимание от соперничества между князьями Востока, но и давал надежду двум группам людей, которые иначе могли быть беспокойными: самым сильным смертным, надеющимся выделиться в сражениях и заслужить превращение в вампира, и вампирам со старшими родственниками, чье обретение власти и привилегий находилось под постоянной угрозой для жизни князей со стороны внешних врагов. Внутренним врагам было проще привлечь эти группы на свою сторону, чем внушить чувство преданности.

Пока хозяин одевался, Бихейм разлил вино в два хрустальных бокала и терпеливо ждал. Он думал, мог ли Блондель де Несле предлагать подобное Ричарду в то же мгновение. Но, если верить слухам, нормандский князь предпочитал другие предложения и пил вино, если не мог пить кровь. Дракуле не нравилось пускать кровь если только он не пускал ее мечом. Если другие вампиры потакали своей нужде, Дракуле она не нравилась, потому что, пусть даже в малой степени, показывала зависимость от более слабых.

Воевода взял бокал из руки Бихейма, хмуро вглядываясь в содержимое.

– Никакого папского яда, уверяю тебя, – пробормотал менестрель.

Опыты папы в применении яда в искусстве дипломатии были общеизвестны. Дракула поднял бокал, как бы произнося тост, и заколебался. Он смотрел на верного менестреля, как всегда, когда искал повода для своей иронии.

– За гибель врагов Валахии? – предложил Бихейм. – Или нам лучше вознести молитву, чтобы Господь направлял стрелы смешных лучников Ричарда?

Дракула изобразил улыбку.

– За гибель врагов Валахии, – сердито сказал он. – И пусть стрелы летят, как хотят, и наделают такой вред, какой смогут!

Ричард, смещенный правитель Большой Нормандии, был не в лучшем настроении, возвращаясь с военного совета, чем Влад Дракула. С совещания он тоже пошел домой, вызвав друга, менестреля Блонделя де Несле, и послав за астрологам.

Блондель значил для Ричарда несоизмеримо больше, чем Майкл Бихейм для Дракулы. Ричард сказал бы, что причиной этому были теплота и знание ценности настоящей дружбы; Дракула заметил бы, что князю сложнее найти зеркало для благородства души, чем зеркало для собственной жестокости.

В народе говорили, что Блондель де Несла стал доверенным лицом Ричарда, когда помог его освобождению из тюрьмы, в которую тот был заключен на короткий срок в Валахии после третьего крестового похода. Но это была ложь, выдуманная самим Блонделем как часть легенды, скрывающей настоящую причину заключения. По версии Блонделя, Ричарда упрятал в тюрьму великий герцог валашский Леопольд, завидуя его успехам в борьбе против Саладина. Как рассказывал Блондель, Ричард захватил бы Иерусалим, если бы не коварство и слабоволие валашских союзников, а заключение нормандского князя только подтвердило их предательство. На деле же валашцы обозлились на то, что исто-

ценный долгой и бесплодной компанией Ричард заключил соглашение с Саладином и отправился домой, оставив войну с магометанами армиям Аттилы. За долгие годы версию Блонделя стали считать в Галлии истиной, тщательно поддерживали песнями и чествовали князей Шарлеманя как героев.

Мифотворчество Блонделя создало Ричарду более славное прошлое, чем это было на самом деле, приукрасило восхождение на трон Большой Нормандии, умалчивая о жестоких раздорах, приведших его брата Джеффри к правлению Французской Нормандией и Анжу. Блондель уже задумал рассказ о предстоящей кампании, согласно которому раскаивающиеся валашцы умоляли Львиное Сердце участвовать в ней, и ответ Ричарда отличался несравненным благородством. В действительности Шарлемань все еще считал Ричарда частично ответственным за неприязнь, отравлявшую отношения между Галлией и Валахией на протяжении нескольких веков. И то, что так называемый Львиное Сердце сдал лондонский Тауэр восставшей армии без боя, еще дальше отодвинуло князя Большой Нормандии от королевских милостей.

Новый крестовый поход был последней возможностью искупления, сближения империй, прихода валашских войск на помощь осажденным вождям Галлии.

Учитывая все это, Блондель совсем не удивился, заметив волнение Ричарда после встречи с Дракулой.

– Он – чудовище, – сказал Ричард. – Выскачка, варвар, животное с клочковатыми волосами и негнушимаися ногами. Он высмеял моих лучников, верно служивших мне почти пятьсот лет. Ему едва ли больше двухсот лет, но он выставляет себя великим знатоком военного искусства, будто бы огнестрельное оружие – это все. Когда я сказал, что привел лучших христианских рыцарей в этот крестовый поход, он позволил себе поправить меня, сказав, что я привел стариков!

Князь снял кольчугу, в которой ходил на историческую встречу, изнывая от средиземноморского солнца, сиявшего в безоблачном небе.

– Этот Дракула – мясник, а не воин. Я не верил слухам о нем, но сейчас поверю наихудшему рассказу о его жестокости. Он делает вид, будто презирает меня за лондонские события, хотя понятия не имеет об острове, отрезанном от союзных армий бурным морем. Он укоряет меня из-за жалкого мальтийского алхимика, нормандца по рождению, и за то, что я держал при дворе его отца-механика. В его стране нет изменников, он всех насадил на деревянные колья и удивляется, почему другие не последовали этому примеру! Будто бы я не казнил предателей!

– Мир хорошо знает, как ты обращаешься с изменниками, мой лорд, – промурлыкал Блондель. – Даже коварные англичане празднуют твое счастливое избавление от убийцы, сжигая чучело Гая Фокса ежегодно пятого ноября.

– Кажется, они больше не будут следовать этому обычаю, – ответил князь. – А жаль.

– Мы восстановим его, – сказал менестрель. – Мы установим другие дни для празднования поражения твоих врагов. Обычные люди будут сжигать чучела Кордери и хлыща Дигби, называющего себя лордом – хранителем английской расы. Они попадут в ад, в день их смерти мы будем устраивать карнавалы. Так, мой лорд, народ возрадуется нашей справедливости и будет благодарить Создателя за наше существование. Когда ты с триумфом возвратишься в Лондон и смертная молодежь будет сметена войной, тогда новые вампиры покажут, кто они, эти узурпаторы, бесконечно более испорченные, чем те, которых они вытеснили. Смертные будут встречать твое возвращение пением на улицах. И если не будут петь достаточно громко... Но нет, клянусь, они знают, время покажет, что сделают это не напрасно.

– О да, – горько сказал Ричард, – но сначала мы должны погрузиться на эти проклятые галеры, довериться капитанам, пройти рядом с пиратами, затем проложить путь по проклятому острову – сражаясь не с магометанами, но с вампирами, которые боятся ран или боли не больше нас. Это будет, мой друг, схватка пожестче, чем предыдущие.

Блондель де Несле был слишком осторожен, чтобы спросить о причине страха хозяина. Впрочем, он знал и сам. Ричард боялся, и очень. Давно прошли времена молодости, когда он заслужил славу своей смелостью и отвагой. Он был

бесстрашен в битве и отлично разбирался в военном искусстве. Его обращение в бессмертие придало ему такой вкус к сражениям, что он прославился жестокостью и стал любимцем Чарльза, но с течением времени на святой земле Ричард почувствовал, насколько хрупко его бессмертие. Две тяжелые раны заставили понять: его могут убить, и жить вечно он сможет, только остерегаясь гибели.

После возвращения из Иерусалима Ричард совершенно изменился и больше не хотел сражаться по-настоящему. Это стало очевидным по дороге домой, когда князь стал жертвой обычного для вампиров страха перед морем. Немногие вампиры выдерживали долгое плавание, но у Ричарда была просто паническая боязнь, превращавшая будущую кампанию в настоящее бедствие.

Ричард все еще был сильным в битве, и в турнирах, которые любил, не было равных ему. С копьем наперевес, зная, что никто не намеревается убить его, он бросался в схватку как воплощение легендарного Ланселота. Но в глубине души был, как многие вампиры, трусом. Преимущества, которыми бытие вампира наделяло тело, еще больше побуждали хранить ценный дар жизни.

По мнению Блонделя, Влад Цепеш вполне мог презирать нормандского князя, так как люди говорили правду, утверждая, что Дракула в полной мере сохранил свою храбрость. Блондель никогда не видел свирепого валашца, но знал, как доверяют образу воеводы, созданному Бихеймом. Рассказы

о битвах Дракулы были такими же приукрашенными, как о Ричарде, поэтому Блонделя не впечатляли леденящие кровь истории о казнях, устраиваемых Дракулой после побед. А для того, чтобы посадить на кол тысячи побежденных, среди которых было много женщин и детей, не требовалась храбрость, такая кровожадность, напротив, говорила о страхе.

Однако Блондель не презирал своего господина. Он слишком хорошо понимал, каким Ричард видит мир. Будучи вампиром, он знал, какой он трус, хотя не признал бы этого никогда. В своих песнях и рассказах Блондель постоянно намекал, что он почти такой же герой, как и его хозяин.

К ним присоединился астролог Ричарда Саймон Мелкарт с рассказами об ужасном состоянии Неаполя – темнице с лихорадкой, которую могут терпеть только неотесанные итальянцы. Мелкарт посмотрел по звездам, советуя хозяину немедленно возвратиться в Кальяри. Увы, это не входило в планы валашского воеводы. Корабль Ричарда должен отправиться с частью армады из Неаполитанского залива навстречу судам, стоящим у Палермо, чтобы затем плыть вместе к Мальте.

– Скажи, – сказал князь Мелкарту скорее угрожающим, чем вопрошающим тоном, – какой исход сражения ты вычислил?

– Победа! – заявил астролог, садясь напротив князя. – Несомненно, нас ждет большая победа!

Князь поискал взглядом воду, но на столе ее не было. Как

сказал Мелкарт, Неаполь был охвачен эпидемией лихорадки, и врачи не советовали пить сырую воду. Ричард потребовал эля, и Блондель услышал, как слуга заспешил по лестнице, испуганный нетерпеливым тоном хозяина.

Блондель презрительно скривил губы, глядя на двух сидящих за столом мужчин. Астролог был слишком самоуверен, хотя другие обычно осторожничали в предсказаниях, боясь ошибиться. Ричард не относился к правителям, убивающим посланца за плохие вести, но и не был слишком щедрым к приносящим хорошие новости и ошибающимся при этом. Этот астролог был новичком при дворе, его предшественник впал в немилость, не сумев предсказать переворот, изгнавший вампиров из Большой Нормандии.

Это упущение не ослабило веры князя в чтение по звездам, напротив, оно еще больше заставило его сокрушаться о потере Джона Ди, обладавшего, как думал Ричард, всеми тайными знаниями, которыми тот не поделился с князем только из-за своих предательских симпатий к восставшим. Ричард, как большинство князей-вампиров в империи Чарльза, ощущал ненавистную тягу к предсказаниям будущего, и с удовольствием констатировал успехи своих провидцев, а не их неудачи. Он был очарован странными опытами Эрла Нортумберлендского, своего бывшего пленника, в башне Мартина. На Блонделя же большее впечатление производили механические чудеса Саймона Стертвента и старшего Кордери.

– А как мои шансы? – проворчал князь.

– Верные, – заверил Мелкарт. – Ты отличишься в битве, как всегда. Хорошая звезда наблюдает за твоим мечом, Марс в созвездии Стрельца обещает удачу твоим лучникам. Стрелы решат исход битвы, говорю я, и слава достанется тебе, так как у валашского князя только мушкеты и пушки.

– Трагедия в том, – пробормотал Блондель, – что среди знаков Зодиака нет мушкетера, который предоставил бы помощь неба артиллерии Дракулы. Нам могут понадобиться эти пушки против вампиров ордена Святого Иоанна, и никакое созвездие не может благословить их цель!

Мелкарт удостоил менестреля грозным взглядом, но проигнорировал его слова.

– Я составил гороскоп этой крысы, Кордери, он точен, поскольку мы знаем час и место его рождения. Этот гороскоп темен. Тень смерти витает над этим человеком, на земле и в аду для него разожжен огонь.

– О да, – сказал Блондель. – Несомненно, папа это заметил, приказав, чтобы Кордери доставили в римскую инквизицию, хотя папа римский – святой человек, а не черный маг.

– В моем искусстве нет ничего черного, – холодно парировал Мелкарт. – Бог сотворил звезды, как сотворил Землю, и во всех его творениях есть смысл, который мы можем распознать.

– Ты уверен, что у тебя умений больше, чем у Ноэла Кордери, Мелкарт? Все же именно он постиг магию превраще-

ния в вампира, хотя, без сомнения, звезды показывали, что эликсир не избавит его самого от смерти.

– Его магия не та, что дал нам Бог, – ответил Мелкарт, – она черная по звездам, иначе Кордери бы узнал, что продаст свою душу за дрянной эликсир и дьявол рано или поздно потребует с него долг.

– Тогда в намерении папы с помощью инквизиции сломить дух алхимика и спасти душу кроется милосердие, – тихо произнес Блондель. Он не сказал больше ничего, догадки о том, какая из двух магий для превращения в вампира больше противоречит природе, были не для него. И как мог он жаловаться, если был обязан своим бессмертием похотливой благосклонности Ричарда? Блондель не скромничал, но знал, что своим высоким положением обязан не поэтическому дару. Понимал, как легко его можно заменить таким творцом, как Шекспир, если бы драматург льстиво писал о вампирах-аристократах, вдобавок к своим мрачным и кровавым трагедиям о простых смертных.

– Да, милосердие... – заметил не совсем искренне Мелкарт.

– Сейчас не время ссориться, – строго прервал его Ричард. – У нас будет время увидеть, есть ли у Мелкарта умение, которое выказывал его предшественник. Оставьте его, Блондель.

– Ссориться, сэр? – спросил Блондель, стараясь выглядеть беззаботно. – Я не стану ссориться с добрым Саймоном или

с милостью звезд. Я только хотел бы, чтобы Эдмунд Кордери избавил нас от забот. Если бы он посоветовался со своим другом-колдуном о будущем сына, да и о своем тоже, добрый Гарри Перси предсказал бы их трагическую смерть и отговорил от измены. Если бы у нас был тогда Мелкарт, мой лорд, мы бы задушили Ноэла Кордери в колыбели, схватили проклятого Лангуасса и спасли прекрасных леди Кармиллу и Кристель, которые украшали бы своим присутствием двор еще тысячу лет.

– Успокойся, Блондель, я приказываю, – нетерпеливо сказал князь. – Я приму любую помощь, поэтому придержи свой горячий язык, чтобы не обжечь губы. Бог по-своему решил ход битвы; мы просто стремимся настолько увидеть его намерения, насколько он нам позволит, чтобы мы могли молиться. Я буду молиться за успех наших стрел и вы все тоже, нравится вам или нет!

Блондель поклонился:

– Как желает мой князь.

Ричард всегда молился за удачу своих стрел, потому что связывал свое наследование со знаменитым попаданием в глаз Гарольда, завоевавшим правление в Британии для Вильяма Незаконнорожденного, для Нормандии и Галлии. Нормандцы любили своих лучников, как турниры и льстивых менестрелей. Даже Чарльз считал лук счастливым оружием. Чтобы ни находили астрологи в созвездии Стрельца, рассчитывая гороскопы, все толковалось в пользу правите-

лей, и Мелкарт просто следовал тропой традиции.

Блондель больше бы доверил доброй английской пушке из стертвентской стали, если бы Ричарда не заставили ее бросить при отплытии из Лондона. Он был вынужден прибыть сюда, нуждаясь в василисках и пулевринах. Простые лучники армии Ричарда были ему трогательно преданы, отправились с ним в изгнание, но Блондель понимал – не они сливки британских воинов. Их военный престиж был так тесно связан с покровительством короля, что жизнь в Новой Англии была бы для них всех крутым падением. Если бы кто-нибудь искал предзнаменования, о судьбе Большой Нормандии говорило бы то, что во время короткой гражданской войны английские артиллеристы встали на сторону Кенелма Дигби.

– И не забудем, – добавил Ричард без особого энтузиазма, – помолиться за наших союзников-валашцев, чтобы пули их мушкетов летели в цель.

– Аминь, – сказали Саймон Мелкарт и менестрель, прежде чем князь попросил оставить его наедине со своими мыслями и своим Богом.

Эти мысли были такими горькими, что Ричард не мог оставаться с ними долго. Хотя его прогневил Влад Дракула, было много других, на которых он мог излить ярость. Ричард считал, что соратники предали его идеалы. Потеря Большой Нормандии ранила князя больше, чем представляли себе его насмешливые враги и друзья. Он глубоко верил в божественное право князей-вампиров, в Бога, обустроившего мир в

пользу его рода, в миссию просвещать и украшать мир.

«Где же, – думал Ричард, – расплата за наши страдания? Что теперь случится со славным миром, в который мы стремились превратить Галлию? Он уходит во мрак, и бессмертием, нашей привилегией, наделяются самые низкие и подлые. Где надежда, на земле или на небесах? К чему стрельы-против таких врагов, как эти?»

Князь поднял небольшую отпечатанную брошюру, лежавшую на столе. Без переплета и на плохой бумаге, она выглядела жалко, не казалась колдовской книгой зла, но уже пролила зло на мир. В ней описывалось составление эликсира из семени вампиров и человеческой крови, его введение в тело для превращения обычных людей в вампиров. Этот способ был проще и не такой торжественный, как тот, который применял род Аттилы для поощрения своих любимых и самых верных слуг.

Для Ричарда брошюра была нечистой и отдавала большим пороком, чем грегорианская ересь, называвшая вампиров дьявольским отродьем. Его благородство, думал Ричард, обеспечено тем, что собственный вампиризм и вампиризм обращенных основан на любви и страсти, а не на холодном расчете таких людей, как Ноэл Кордери.

Досаду и горечь можно было устранить только одним способом. Он пошел в спальню – самую роскошную часть виллы, которую ему предоставили в Неаполе. Там позвал самого молодого из слуг, русого, с голубыми средиземноморскими

глазами, который однажды станет красивым рыцарем-вампиром.

Ричард, изгнанный правитель Большой Нормандии по прозвищу Львиное Сердце, взял серебряный кинжал, лежавший рядом с кроватью, поднял его на уровень глаз, отразившихся в блестящем лезвии. Глаза его обращали на себя внимание медным цветом, в отличие от типичных для вампиров карих глаз.

«Огненные глаза, – сказал он про себя. – Смелые глаза. Глаза героя, человека, рожденного править».

Князь мягко облизал губы, предвкушая сладкий вкус теплой крови.

3

Ноэл Кордери сидел на треногом табурете, наблюдая за котлом, кипевшим на огне.

Он находился в комнате без окон, со скамьями вдоль стен, уставленными кувшинами, перегонными кубами, лампами, подсвечниками, зажимами и напильниками.

Это была типичная каморка алхимика, если не учитывать вещей, не характерных для таких мест: клеток с шумными собаками и большими коричневыми крысами, грызущими проволочную сетку; швабр и аммиака для уборки; микроскопа на столе. Но было и другое, что случайный наблюдатель мог принять за свидетельство занятий еще более мрачными делами: трупы для вскрытия, удаленные хирургами конечности, бутылки, склянки, кувшины, кубки, тыквенные бутылки, бурдюки, заполненные кровью. Кордери стал самым серьезным исследователем крови во всем мире и мог сказать, что знает о ее тайнах больше, чем любой живой человек... но не достаточно.

Далеко не достаточно.

Он пытался заглянуть в глубину человеческой природы, найти и понять оживляющую душу, но когда подвел итог своим открытиям, смог только отнести себя к неудачникам. Он нашел эликсир жизни, но не знал, как эликсир действует и почему иногда не действует.

Хотя комната была холодной кельей, летняя жара и огонь в камине прогнали прохладу, окутали теплом усталого Ноэла, погрузили в близкое к трансу состояние, когда воспоминания слились в один поток обрывков, клочков забытых снов.

Наблюдая за котлом, вспомнил кухню монастыря в Кардигане, где зарабатывал себе на пропитание. Вспомнил вкус пудинга, подобных которому больше не пробовал, кастрюли, в которых тот доводился до совершенства.

Он вспомнил другую кастрюлю, которую видел маленьким ребенком в лондонском Тауэре. Вокруг колдовского сосуда кудахтали и пели три колдуньи, посылая смертного отпрыска на гибель. Теперь он мог вспомнить о юности очень немного. Это было беззаботное время, покрытое слоем боли, оставившей в душе более сильные впечатления. Но некоторые контуры былого все же теснились у порога сознания, он нахмурился, вспоминая их.

«Два, два, – говорили колдуньи, – труд и беда».

Куплет было нетрудно дополнить: «Огонь горит, кипит вода». Эти слова он мог сказать о своем котле содержащем более жуткую смесь, чем та, у которой сидели жалкие ведьмы. Но его котел не кипел, а только нагревался, чтобы сохранить содержимое. Он не помнил рецепта, заставлявшего людей говорить с отвращением о вредности ведьм, но прочел все лучшие книги с рецептами и магическими наставлениями. Он знал «Компендиум Малерикарум» Гуаццо, так назы-

ваемую «Клавикула Соломонис», «Аре Мачка» Рамона Лалла, книгу о черной магии, ошибочно приписываемую Корнелию Агриппе, работы Марчелло Фичино и бесчисленное множество других книг об оккультном искусстве. Достаточно хорошо знал ингредиенты, используемые ведьмами и колдунами в своих зельях. Перепробовал все, но напрасно.

«У меня более сильные смеси, чем те, о которых я читал, – думал он, – я готовлю растворы, чтобы дать долгую жизнь смертным людям, и яды, чтобы отобрать ее».

Этот драматург, служа вампирам-правителям, писал драмы о недавней истории, – их Ноэл не видел, чтобы польстить вампирам, но сохранял свое искусство, чтобы писать трагедии о более отдаленных временах, подробно повествующие об опасностях бренности, откровенно обращался к толпам обычных людей. Ноэл хотел вспомнить кое-что из спектакля, но вспомнил лишь взволнованную речь превратившего жизнь в ходячую тень, взобравшуюся на короткое время на сцену, прежде чем погаснуть, как свеча. Он пытался сложить стихи по порядку, но не мог, хотя вспомнил начало.

Из его рта исходили фразы, которые он не произносил вслух. Завтра, и завтра, и завтра... подкрадывается мелким шагом, но память отказала: это длилось слишком долго, и его молодое «я» не знало, как прислушаться.

Новые воспоминания вытеснили прежние – воспоминания о других темных и душных комнатах, без прохладного дуновения, с близкой лихорадкой. Он больше всего ненави-

дел воспоминания об Адамаваре, хотя не знал почему, ведь ничего ужасного там не случилось, именно там Береника открыла ему женскую любовь. Но это была жизнь, которой он не принадлежал, потому что ее народ был странным, созданный им сверхъестественный мир со страхами и надеждами был отталкивающе чужд ему.

Свое путешествие в Адамавару и проведенное там время Ноэл вспоминал как кровавый сезон. Это был его Эйодун, когда он растянулся на жертвенном алтаре, отдав свое здоровье и силу в обмен на капризную мудрость, используемую многими, исключая его самого. Он пил человеческую кровь, но что-то сделал неправильно. Думал о своей смерти как о наказании – мести Бога, хотя не мог определить свой грех.

Дверь кельи открылась, скрипя петлями, и он, вздрогнув, сел, готовый виновато отрицать свой сон, если бы его обвинили в этом. Но обвинения не было; была только Лейла, самая верная из всех слуг и помощников. Сейчас у него их было много. Каждую неделю он творил вампиров, но время истекало – пламя свечи его жизни дрожало на холодном ветру враждебности Галлии и Валахии. Он знал: его вампиров будет недостаточно, если гроссмейстер ордена сможет вооружить рекрутов только луками и кинжалами. У них не было ни пушек, ни мушкетов, даже стрел было мало.

– Уже поздно, – сказала Лейла. – Тебе пора в постель. Подмастерья проследят за работой.

– О нет, – возразил он. – Теперь, конечно, работа не тре-

бует такого внимания – даже новая, отчаянная работа, которую я веду параллельно со старой. Все спокойно, но мне не хочется уходить. Новости есть?

– Лангуасс и Валетта послали корабли с пушками в гавань Палермо с попутным ветром. Они навредили тесно стоящим судам, но врагов слишком много, чтобы можно было так просто победить. Они вернулись в Большую бухту несколько часов назад, говорят, сейчас все галеры в море и завтра пойдут в последний поход, чтобы нанести большой удар.

– А что с магометанами?

– Гази – в море на юге, подкрадывается ближе, но они хотят только наблюдать. Султаны вступят в войну лишь после того, как мы разобьем для них большую часть врагов.

– А друзья?

– Молчат.

Ноэл наклонил голову, усаживаясь поудобнее на табурете. К флоту в обороне присоединились английские каперы, чтобы участвовать в битве на собственный страх и риск – они герои, учитывая шансы, хотя после битвы уведут свои суда. Таких союзников нельзя попросить бросить якорь и участвовать в сражении на суше, где армии рыцарей-вампиров впервые будут драться. Никто не может упрекнуть моряков, что они не присутствуют в этом кровавом цирке.

Ноэл хранил слабую надежду на то, что часть флота Кенелма Дигби может присоединиться к рыцарям Святого Иоанна, хотя считал это романтической иллюзией. В душе

он не сожалел, что друг решил быть осторожным. Безопасность Англии была для Дигби превыше всего, воздерживаясь от конфликта, страна станет сильнее. Жаль, что больше не было английских пушек.

Лейла нежно положила руки Ноэлу на плечи, посмотрела в его глаза, которые так ослабли, что даже в очках он не мог четко видеть ее лицо. Это его печалило. Но в его памяти навсегда останется блеск ее кожи, яркие глаза и пышные черные волосы.

Ноэл надеялся, что она тоже запомнит его, если будет жить и сохранит честную душу на века, которые заслужила. Но больше всего надеялся на то, что ласки всех ее последующих любовников будут всегда ей напоминать его собственные. Лейла была одета почти как в первый раз, когда он увидел ее, – в мужской костюм из кожи, но без треуголки и пистолета с кинжалом. Ноэл провел рукой по рукаву ее жакета, слегка удивленный тканью. Он был несколько шокирован, поняв, почему она так оделась.

– Ты пришла прощаться, – прошептал Ноэл.

– Нет еще, – сказала она. – Я пришла увести тебя, чтобы мы распрощались в более удобном месте.

– В удобном месте? – Ноэл осмотрел мрачные стены, едва различая бутылки и мензурки на полках, книги и рукописи, приборы и инструменты. Его внимание привлекла медная труба микроскопа, сделанного для него Кенелмом Дигби так давно, блестящая в свете огня.

«Здесь мое самое удобное, самое лучшее место, – думал он, – место алхимика здесь, на его кухне ведьм, где он варит жидкости жизни и смерти, жонглируя судьбой и темными тайнами Бога».

Тем не менее Ноэл позволил поднять себя и увести к двери, где его ждал Квинтус. Ноэл был рад ему, так как не хотел оставлять комнату без присмотра, хотя в ней не было ничего важного. Среди легиона учеников он никому не мог доверить дежурство, но Квинтусу верил, как всегда.

Ноэл взял руку монаха и сжал ее, говоря этим жестом больше, чем любыми словами. Рука монаха была много сильнее, чем его, он чувствовал силу мышц. Когда они жили в Буруту, Ноэл был моложе, в расцвете сил, высокий, стройный, гибкий и красивый, сейчас – много старше, не годами, но всем видом.

Лихорадка Ноэла в Адамаваре, эликсир вампиров оставили печать на душе и теле, и, когда Квинтус процветал от дыхания жизни, Ноэл сморщился и ослабел без него. Казалось, что, давая кровь Квинтусу эти годы, Ноэл передавал ему жизненную силу, но он не завидовал другу. Все же это он, Ноэл Кордери, вдохнул жизнь в Квинтуса и тысячи других, после смерти они будут превозносить его, и не важно, что другие назовут дьяволом.

– Я буду молиться за тебя, – пообещал Квинтус, когда Ноэл шагал по ступенькам.

– Молись за всех нас, – сказал Ноэл. – Молись за наших

капитанов, пушкарей и лучников. Молись за наши ядра и стрелы. Молись за Англию, за новую Атлантиду, за еще не рожденные поколения. В эту ночь всех ночей мы не сможем молиться много, нам нужно чудо, чтобы спасти нас от гибели.

Лейла повела его улицами Мдины, но они не пошли к ней домой, а направились в противоположном направлении, к церкви – месту первого христианского богослужения на острове. Здесь стоял дом Публия, сделанный мальтийским епископом самим святым Павлом, потерпевшим вместе со святым Лукой кораблекрушение у острова через тридцать лет после распятия Христа. На месте церкви, построенной когда-то Публием, стояла другая, большая, возведенная нормандцем Роджером Сицилийским – этот остров, как и Британия, был захвачен нормандцами в одиннадцатом веке, в период наибольших завоеваний Галльской империи. Ноэл не знал, в каком родстве находился Роджер с Ричардом Львиное Сердце или Шарлеманем, хотя узнал бы, прочитав «Галльских вампиров». Он не открывал эту книгу не меньше десяти лет, сделав ее своей жизнью настолько устаревшей, что никто уже не мог обновить или дополнить ее.

В церкви было светло. Солнце сияло за матовыми окнами, в последние сутки здесь зажглись тысячи свечей – почти все мужчины, женщины и вампиры Мдины молились здесь. Но в это время, в час сиесты, почти никого не было, были видны несколько коленопреклоненных фигур – женщин, скрываю-

щих под накидками лица и чувства. Ноэл не встал на колени, сел на предпоследнюю скамейку рядом с Лейлой. Они оба были здесь чужими: он – неверующий и она – некрещеная язычница.

– Мы пришли молиться? – спросила вампирша.

– Я слишком горд, чтобы молиться, – ответил он. – Я не делал этого молодым, и если я не делаю это честно, пусть лучше молятся другие. Я никогда не просил ни за душу, ни за тело. Ни тогда, ни сейчас.

– Мы можем найти более удобное место, чтобы провести вместе последние часы, – сказала Лейла.

– Ты хочешь моей крови?

– Нет, у меня достаточно крови, но скоро в море прольется столько крови, что океан покраснеет от Сицилии до Триполи.

– Но ты должна уйти по этому кровавому морю, – сказал он. – Когда галеры прорвутся сюда и рыцари-вампиры хлынут на остров, ты должна заставить Лангуасса отправиться в Англию. Бессмертие не очень остудило его, боюсь, он приведет «Спитфайр» к берегу, чтобы участвовать в этом безнадежном сражении. Он все еще хочет рассчитаться с Ричардом, никто в мире не остановит его, кроме тебя. Надеюсь, ты спасешь его от горячности и сохранишь корабль для другого дела.

Ноэл замолк, и она заговорила опять:

– Лангуасс сказал, что галеры могут не пройти – его ору-

дия уничтожат их.

– В морском сражении, – возразил Ноэл, – парусный корабль победит галеру и разнесет ее в щепки одним выстрелом. Но мы говорим о сотнях галер, которые даже не будут драться в море, а соберутся вместе, пробираясь к берегу, чтобы высадить лошадей и стрелков с мушкетами. Форты у Большой Гавани задержат их, но они высадят людей в бухте Святого Павла и в Марсамксетте; в крепостях нет пушек. Настоящая битва развернется, когда армии сойдутся у стен Мдины, где Дюран должен их задержать и выиграть время. Не важно, что потом будет, – «Спитфайр» должен идти в Англию, надо готовиться к ее защите.

– Во всем этом кроется какая-то тайна, – сказала она, – которую ты не хочешь открыть, хотя Квинтус ее знает. Ты желаешь отправить меня не только из-за Англии и моей безопасности.

– Тайна есть тайна, – ответил Ноэл, – поэтому ее скрывают.

– Даже от меня? – спросила Лейла, не пряча обиды.

– Даже от тебя.

Избегая ее осуждающего взгляда, он поднялся, пошел по проходу к алтарю, где в сфере отражалось множество свечей. Она последовала за ним, пока он не остановился перед изображением Богородицы Марии, авторство которого приписывалось святому Луке. Ноэл смотрел на мадонну, мигая уставшими глазами, – даже в очках контуры расплывались.

– У нее нет красоты вампирши, – сказал он правду, даже не видя четко мазков, – как у любой смертной женщины. Судьба коварно играет с обычными людьми, наделяя красотой другой род, не могущий рожать. Эту глупость способны объяснить только грегорианцы. Жаль обычных мужчин, которые всегда будут любить тебя, милое дитя, и жаль матерей будущих мужчин, которых нельзя будет любить до конца.

– Иди домой, – посоветовала Лейла. – Иди домой и поспи, будет лучше, если твоя тайна уляжется.

Она взяла его за руку и повела к выходу. Когда они выходили из церкви, накрахмаленные шелковые капюшоны повернулись вслед за ними – женщины, прервав молитву, наблюдали их уход. «Присматриваясь, – думал Ноэл, – как мы идем...» Он вспомнил другой ряд, свечи, освещавшие глупцам дорогу к пыльной смерти. Позади него пламя свечей перемежалось с яркими солнечными лучами, струившимися внутрь сквозь большие мозаичные стекла.

Ноэл думал, каким станет мир, когда все люди превратятся в вампиров с детьми, которых будет нужно кормить. Как матери вскармливают своих детей, так и детям тогда придется вскармливать родителей. Это будет менее странный мир, чем представлялось в его необузданном воображении.

– Ты меня сейчас поцелуешь? – спросила Лейла, когда они стояли у церкви на жарком солнце.

– Да, – сказал Ноэл, обнимая ее, наверное, в последний раз. Привлек ее к себе, вспомнив, что делал это задолго до

того, как она стала вампиршей и его любовницей, будучи еще девушкой, чужой в чужой тоскливой стране. Но не целовал ее тогда, дурачок... Тогда он был слишком горд, чтобы предложить свою кровь жаждущей вампирше.

Он поцеловал ее сейчас и сказал, что любит ее.

Но когда она в свою очередь сказала ему, что тоже очень любит его, подумал, что он еще глупее, чем был в давно прошедшей юности, потому что стал стар и нездоров, слеп и беспомощен и, однако, заставлял себя верить таким нежным словам, хотя их произнесло создание, прекрасное, как солнце.

– Я не могу сохранить себя, – прошептал Ноэл, – но хотел бы точно знать, что ты будешь в безопасности. Храни себя, прошу, ради тебя и меня, в твоих глазах и сердце все бессмертие, которое мне необходимо.

Лейла заплакала, опровергнув всех, утверждающих, что вампиры не могут плакать, и тех, кто верил, что не чувствующие боли не чувствуют жалости. Если бы Ноэл Кордери смог тогда глубже заглянуть в человеческую душу, он бы увидел: его любовница настолько полна сожаления и страдания, что их хватило бы на триста лет, эти чувства никогда не покинули ее полностью.

Морские сражения в защиту мятежного острова Мальта против объединенной мощи Галлии и Валахии разыгрались не в одном районе моря. Таких сражений было несколько, разбросанных по времени и месту. Крупнейшая битва произошла в трех – двенадцати милях к северо-западу от острова за день до вторжения.

Ветер, называемый островитянами «грегала» и классическими летописцами «евроклидон», дул сейчас поперек хода боевых галер. Их квадратные паруса были наполнены ветром в начале перехода, и капитаны, воспользовавшись этим, довели галеры далеко к западу, гребцы сейчас выбивались из сил, проходя самый трудный участок. Мальтийские парусники, оснащенные квадратными и треугольными парусами, лучше использовали ветер, однако сейчас их строй не позволял маневрировать. Хотя ветер был живой, каравеллы и галионы ордена Святого Иоанна не очень превосходили по маневренности вражеские корабли.

Самые большие галеры стояли отдельно друг от друга, с галионами и бригантинами между ними, размещавшимися так тесно, что весла разделяла дюжина ярдов. Капитаны знали: Валетта попытается пропустить свои корабли между вражескими рядами, убивая гребцов огнем бортовых орудий, и решили не допустить этого. Галеры разместили лучшие пуш-

ки на носы, там же абордажные мостки, и, хотя на их уязвимых бортах располагались только мушкетеры и весельные, они должны были защищаться от убийственных пушечных залпов умелыми маневрами и корабельной броней.

На «Спитфайре», в первой эскадре Валетты, Лангуасс стоял на мостике, примеряясь к зазорам между быстро приближавшимися вражескими судами. Он прикрывал глаза от солнца, подзорная труба для оценки положения была не нужна. Лейла, совершенно спокойная, стояла рядом. Лангуасс чувствовал такое волнение, какого не ощущал и в первые дни пиратства. Годы жизни вампира уменьшили силу его страстей, но не иссушили их совсем.

– Кровь Господня, дорогая, – сказал он ей, опустив руку, – сегодня многое против нас. Но как эти испуганные рыцари-вампиры сбились в кучу под палубами, ожидая бурю, которую мы устроим!

Она не ответила, глядя на него строгими карими глазами, и уже только этот взгляд воодушевлял. Она выглядела молодо, больше похожая на освобожденную им удивительную девушку-рабыню, чем на стройную степенную женщину, какой она стала до прихода к Кантибху, чтобы выполнить просьбу Ноэла Кордери и обеспечить собственное бессмертие.

Флоты быстро сближались, передовые суда рыцарей Святого Иоанна уже не могли отвернуть в сторону, хотя, повернув на запад, получили бы лучшую возможность маневра. Они должны были выпустить стрелы по вражеским артилле-

ристам, прорваться среди галер, проходя даже по их веслам. Во флоте империи было в шесть восемь раз больше судов, и Лангуасс знал, что их единственной надеждой было повредить вражеские суда так, чтобы разрушить их строй. Некоторые все равно доберутся до Мальты, но если растянутся вереницей, а защитники Валетты будут их успешно бить, тогда галеры не смогут собраться для атаки на Большую Гавань или для высадки войск в бухте Святого Павла.

Лангуасс прокричал приказы рулевым. Он не напрягал голос, шум ветра терялся в такелаже, и члены экипажа спокойно стояли по местам. Они уже пригнулись, зная, что первыми откроют огонь носовые орудия галер. Все хорошо знали свое дело, одни были с Лангуассом пиратами, другие – моряками или каперами. На борту находилось несколько мальтийцев, но основу экипажа составляли французы и англичане, три четверти из них Кордери превратил в вампиров.

– Эх, был бы мой Селим здесь, – пробормотал Лангуасс, посмотрев на Лейлу. – Как бы он радовался приближающейся рубке!

На «Спитфайре» по каждому борту располагался только один ряд легких бронзовых пушек. Это было небольшое судно по сравнению с флагманским кораблем Валетты, внушительных размеров родосской каракой, с двумя пушечными палубами на каждом борту и лучшими стальными орудиями флота. Флагман шел дальше вместе с большими галионами в надежде, что малые суда нарушат вражеский строй, неболь-

шие корабли смогут уничтожать врагов по своему выбору.

Некоторые из идущих в кильватере Лангуасса судов были едва больше арабских дхоу и несли только легкие пушки на тумбах, которые испанцы называли эсперильями, но даже эти суда могли обстреливать гребцов на малых галеотах и нарушить корабельный строй. В этом случае галеры могли мешать друг другу, помогая атакующим. Если бы на веслах сидели только рабы и осужденные, они были бы слабы для драки, но Лангуасс хорошо знал, что Дракула и Ричард искали во всей Испании и Италии сильных наемников, которые под огнем будут лишь сильнее сжимать зубы.

Лангуасс взглянул вниз на волны, плещущие вокруг «Спитфайра», и пожелал, чтобы они были повыше.

Сильный шторм нанес бы больший вред врагу, чем все пушки его эскадры; но небо было ясным и безоблачным, а море голубым и ласковым.

Он опять посмотрел вперед, отыскивая нужный ему промежуток во вражеском строю, затем оглянулся на корабли своей эскадры, и вновь почувствовал волнение, туго сковавшее грудь. Став грабителем, он познал это волнение как род страха, но научился толковать как приятное возбуждение, тягу к крови. Сейчас она слилась с другой жаждой крови, и Лангуасс, облизав пересохшие губы, подумал о тех шлюхах, которые сотнями появлялись в Валетте и Мдине, предоставляя то, что требовали от них бравые мальтийцы.

Он вынул саблю из ножен и высоко поднял ее, давая сиг-

нал своим людям. Стоящая сзади Лейла вытащила свои пистолеты, показывая, что тоже готова.

Бомбарда на носу ближайшей галеры, идущей впереди чуть справа, бухнула в первый раз, каменное ядро плюхнулось в воду в ста ярдах. Лангуасс улыбнулся: одним ядром, нацеленным на стены Большой Гавани, стало меньше.

Хотя они давали не больше полдюжины узлов каждый, скорость сближения была большой, и все больше орудий начали стрелять, от галеры, выстрелившей первой, до небольшого галеота. Когда капитаны этих двух судов заметили, что Лангуасс хочет войти между ними, они повернули друг к другу и промежуток уменьшился, но Лангуасс не беспокоился. Скорость «Спитфайра» была достаточной, чтобы разнести их весла в щепки, и, пока их abordажные мостки не зависли над его узким корпусом, он был в безопасности.

Галеот поворачивал во время рывка «Спитфайра», и нельзя было угадать, хотел ли он перерезать путь или лучше навести свои пушки, но поворот не получался, потому что он стоял против ветра. Возможно, гребцы не очень старались, несмотря на удары бичами надсмотрщиков и на бой барабана.

Железное ядро попало в такелаж фок-мачты, второе пролетело по палубе, расщепляя доски, но бомбарда галеры не могла теперь их достать, только легкие пушки могли продолжать обстрел. Лангуасс крикнул своим артиллеристам, и ответило легкое носовое орудие «Спитфайра». Мушкетеры с

рей начали стрелять по гребцам.

Галиот, потерявший надежду перехватить «Спитфайр», опять попытался повернуть и совсем потерял ход, так что галера справа оказалась на виду всего правого борта каравеллы, проходящей траверз. Лангуасс закричал в восторге от удачи и взмахнул саблей, считая секунды до залпа.

Он крикнул «Огонь!», канониры принялись за работу, пушки неровно подпрыгнули. Палуба галеры была много выше, чем палуба каравеллы, с двумя рядами гребцов, по два на весло, и, хотя мушкетеры стреляли с нее вниз по «Спитфайру», ядра, попавшие в корпус галеры, нанесли огромный урон, пробоины были в опасной близости от ватерлинии. Лангуасс торжествовал, Лейла тоже, хотя они видели, как несколько собственных канониров и снайперов упали, раненные. Мшкетная пуля попала в штурвал, рулевой в страхе отпрянул, но это была случайность, он был защищен лучше всех.

Лейла стреляла по проходившей за кормой не дальше чем в тридцати футах галере, Лангуасс оглянулся, чтобы оценить результат своих выстрелов. Но времени радоваться не было, неразворотливый галеот был рядом, и артиллеристы уже начали стрелять. Залпы накрывали невысокое судно, убивали людей, хотя корпусу нанесли малый урон.

В ответ посыпался град мушкетных пуль, еще двое рухнули на палубу «Спитфайра» под проклятия Лангуасса. Он видел итальянские суда, но на них валашские солдаты – луч-

шие в мире мушкетеры, с этим нужно было считаться, даже если стреляли с палуб. «Спитфайр», с меньшим, чем у врагов, экипажем, не мог позволить себе такие потери.

Лангуасс проклинал про себя судьбу, но по-настоящему сожалел о крушении тайной надежды найти судно с цветом нормандских рыцарей, тогда он смог бы разрядить бортовые пушки по соратникам Ричарда, заставив их позеленеть от страха перед голубыми глубинами моря.

Лангуасс опять пожалел о спокойной погоде, позволявшей плоскодонным галерам лежать на воде, в то время как каравеллы постоянно качало. Он выкрикивал приказы во всю мочь – канонада стала оглушительной. Экипаж знал свое дело и по его сигналу мгновенно ставил паруса, ловя ветер.

Вторая шеренга неприятельских судов шла вплотную за первой, но не настолько близко, чтобы достать из бомбард. Прибавивший скорость «Спитфайр» был готов повторить свой рывок.

Лангуасс видел, что этот прорыв будет намного сложнее, потому что перед ним были две большие галеры, набитые мушкетерами Дракулы и не сворачивающие ни на дюйм с курса. Их кулеврины были на носу галеры, но среди гребцов стояли эсмерильи, галеры могли ответить на выстрелы пушек «Спитфайра». Он почувствовал холодок в груди, зная: противник приготовился к встрече и эти канониры – лучшие в Валахии. В тайне он надеялся, что наспех собранный флот будет плохо приспособлен для сражения, но стычки между

торговыми галерами и пиратами-мореходами длились слишком долго, капитаны его армады предвидели возможное поражение.

В годы своего пиратства, гоняясь за купцами в Средиземноморье, Лангуасс не встречал такого колючего противника, и, хотя его лучшие люди привыкли нападать на хорошо вооруженные корабли, с таким огнем они еще дела не имели. Если бы Лангуасс – морской орел – увидел бы настолько хорошо, как эти галеры, вооруженную дичь, он отказался бы от нее с сожалением, но сейчас он сражался не ради добычи.

Когда «Спитфайр» вошел в промежуток между галерами, Лангуасс увидел, насколько те велики и забиты людьми. Он приказал снайперам сойти с вантов вниз, они были не нужны наверху, представляя собой отличную цель для солдат Дракулы. Его артиллеристы были целы, и ядра галер почти не нанесли ущерба, но когда грохнул бортовой залп, казалось, разверзся ад.

Пушки «Спитфайра» натворили бед на нижних весельных палубах галер, но люди на верхних палубах едва шелохнулись, ожидая, что Лангуасс откроет настильный огонь над водой. С обеих сторон пули усыпали палубы каравеллы, не причиняя ей особого ущерба, чего нельзя сказать о людских потерях. Артиллеристы каравеллы сделали по одному бортовому залпу при проходе «Спитфайра» между галерами, но у противника была сотня мушкетеров и два-три ружья на каждого.

Лейла стреляла по левой галере, но на таком расстоянии ее пистолеты были бесполезны, и пират, схватив ее за плечи, заставил пригнуться за стойку рядом с мостиком. Он тоже присел, но оставил ее, когда рулевой, несмотря на защитный экран, упал без звука, получив пулю в затылок. Лангуасс знал: на галерах были снайперы, знавшие свои цели, но оставалось только самому взяться за рулевое колесо, чтобы привести корабль в порт, выйдя в открытое море.

Он осмотрелся, оценивая разрушения, сделанные его пушками, и с радостью увидел рваные дыры, зияющие в бортах обеих галер. Он знал: убиты дюжины гребцов, их весла переломаны, но также знал, что на галерах есть запасные гребцы и нанесенные разрушения могут оказаться незначительными, если галеры не станут тонуть. Он громко рассмеялся при мысли о замешательстве тонуших мушкетеров, хотя понимал, что до этого момента могут пройти часы и за это время стрелки перейдут на другой корабль, если только Валетта не вышлет корабли, чтобы добить поврежденные галеры.

Пока «Спитфайр» шел против ветра в миле от третьей линии галер, Лангуасс приказал доложить о состоянии бойцов.

Сообщения не радовали. Хотя корабль почти не пострадал от двух ядер, они потеряли четырнадцать человек убитыми или настолько тяжело ранеными, что не могли делать свое дело, хотя и были вампирами. Еще один такой прорыв мог оставить каравеллу без канониров. Матрос, посланный

наверх, крикнул, что видит корабль в огне, свой, судя по ярким парусам, и еще два, сцепленных мостками. Лангуасс решил, что его соратникам не лучше, а возможно, и хуже, чем ему.

Понял, что сражение, вероятно, проиграно. Из четырех обстрелянных им кораблей любой мог действовать дальше – все четыре могли идти к Мальте и высадить войска там, где захотят Львиное Сердце и Дракула. Один или два легких корабля могли нанести большой урон, но галионы Валетты могли столкнуться с сохранившейся мощью галер.

Корабли армады пострадают от бортового огня галионов, но если они повторят примененную ими тактику, день останется за их мушкетерами. Хотя галеры были громоздки и неповоротливы по сравнению с парусниками, они были достаточно хорошо защищены против всех ухищрений Валетты. Лангуасс не сомневался, что рыцари Святого Иоанна хорошо покажут себя в море, но не было сомнений и в том, что истинная оборона Мальты развернется у стен Большой Гавани и самой Мдины.

– Возьми руль! – приказал Лангуасс Лейле и спрыгнул на палубу, проверяя людей, расставляя их к пушкам и готовясь к последнему броску. Он поднялся на мачту, желая оценить положение «Спитфайра», и крикнул Лейле, чтобы она вела корабль между двумя галерами.

На этот раз галеры шли на удалении, и он противостоял только одному кораблю. Для атаки Лангуасс выбрал судно

слева, его пушки были немного мощнее на этом борту. Поставил к пушкам полные расчеты. Но положение не совсем благоприятствовало, это могло быть его последним шансом повредить вражеское судно, а он предпочел бы стрелять сразу по обоим.

Ядро оторвало кусок треугольного паруса, сбilo часть такелажа, но «Спитфайр» держал курс. Бронзовая пушка грохнула в ответ, и ее жало впилося в борт галеры. Мушкетеры открыли огонь, люди опять стали падать. Самого Лангуасса ранило в левый бок, конечно, для тела вампира это не было тяжелой раной, но он знал – это знак конца. Хотя все его раненые были вампирами, даже они не могли продолжать сражаться при попадании в тело или голову и почти все погружались в глубокий сон, необходимый телам для восстановления.

Лангуасс перетерпел боль в боку, затем разрезал мышцу кинжалом, вытаскивая пулю, зажал рану пальцами. Мысли путались, но он взял себя в руки, прошел по палубе, приглядываясь к потерям и показывая себя экипажу, чтобы поднять дух людей.

Лейла тем временем пыталась развернуть судно влево, чтобы «Спитфайр» описал круг и прошел рядом с галерой в третьей линии, дав еще один залп. Но рваные паруса и тросы не позволяли маневрировать, корабль мог стать жертвой даже мушкетеров. Прибавить ход можно было, только идя против ветра, и Лангуасс приказал прибавить парусов, крик-

нув, чтобы Лейла правила к западу, а канониры правого борта стреляли по корме галер.

Затем обошел раненых, чтобы посмотреть, что можно сделать для них и могут ли его люди, исправив разрушения, привести «Спитфайр» в боевую готовность.

Он наклонился над обычным человеком, лежавшем на спине и раненным в живот. Странно, но, казалось, бедняга почти не чувствует боли, хотя не обладает силой вампира. Его глаза были открыты, и он не мигая смотрел в яркое небо.

– Все закончилось? – спросил, увидев над собой лицо капитана.

– Нет, – ответил Лангуасс. – Слава Богу, не закончилось, пока я могу стрелять или колоть. Но прости меня, ведь ты, как мне кажется, не станешь бессмертным.

– Пусть, – сказал лежащий, – но у меня была надежда, и это большее из того, что я имел.

Лангуасс встал и, оставив раненого, с криком побежал назад к мостику. Он понимал, что волнение, охватившее его, было не возбуждением, не жадной крови, а отчаянным страхом.

Он разучился лгать самому себе.

«Но раненый прав, – подумал Лангуасс, – он мудрее, чем позволяет представить мне мое обманчивое чувство. У меня есть надежда, большая, чем раньше, страх ко мне не пристанет. Я еще разберусь с нашими врагами и получу с них свой долг, заплатив кровью вампиров».

Пока заимствованные у Италии и Испании галеры бомбардировали стены Большой Гавани, вызывая на себя огонь не только Валетты, но и форта Святого Аджелло и Калькары, авангард армии Дракулы был доставлен на меньших судах в гавань Марсамксетта, мимо пушек фортов Святого Элмо и Тинье. Огонь этих двух крепостей по кораблям был беспощадным, но они вышли почти без потерь из морской битвы. Капитаны Дракулы получили приказ ставить на весла мушкетеров и даже рыцарей-вампиров в критический час перехода.

С галеры «Кокатрис» воевода молча наблюдал, как пушки вели обстрел бастионов Тинье. Большая туча багрового дыма клубилась вокруг башен, дыма, выбрасываемого из пушек над скалой и волнами спускающегося вниз. На кораблях все заполнили звуки битвы: свист ядер, треск расщепленного дерева. Его пушки не отвечали, но снайперы на реях стреляли по канонирам. Дракула видел, что они не попадали в цель, но мушкетный огонь беспокоил артиллеристов, мешая целиться.

Пока «Кокатрис» и другие корабли были в худшем положении: находясь под огнем фортов они должны были выстоять. Ядра собирали свою жатву на верхних палубах, где моряки несли наибольшие потери, но большинство бойцов

Дракулы пряталось под палубой вместе с гребцами. Бронзовые пушки Тинье не могли разбить палубы в щепки, что было под силу бомбардам Большой Гавани.

Грот-мачта пострадала от удачного выстрела, разбросав вокруг ключья такелажа. Полдюжины мушкетеров свалились на палубу, живыми или мертвыми. Дракула остался спокойным, но проклинал испуганных лошадей на палубе, приготовленных к атаке на берегу. Приученные не бояться огня, они дрожали на сотрясаемых ядрами палубах. Некоторые, разорвав державшие их уздечки, носились по палубе, мешая матросам и солдатам. Конюхов здесь не было, и воевода приказал солдатам подняться из трюмов наверх и помочь обуздать животных.

Наблюдая за этой драмой, Дракула увидел, как могучий гнедой махнул с палубы в пенящуюся воду и попытался удержаться на поверхности, взбивая пену передними ногами. К счастью, другие не последовали за ним – несмотря на панику, лошади больше боялись воды, чем разбитой палубы.

Башни фортов, высоко поднимающиеся над палубами скользящих перед ними в тесном строю кораблей, стали темнеть; солнце садилось за остров. Зубцы стен четко выделялись на фоне неба, огненные вспышки пушек казались ярче, а гром орудий – более зловещим.

«Кокатрис» выходил сейчас из грозной зоны в спокойные воды и прохладу. Дракуле казалось, что бухту впереди прикрывали спускающиеся кольца дыма, принесенные стихаю-

щим ветром. По легендам греков, оставивших следы на южных границах Валахии, здесь было устье одной из рек, окружавших подземный мир мертвых. Когда «Кокатрис» медленно подходил к темнеющим водам реки, впадающей в залив, воевода понял причину такого поверья. Для него темные извилистые берега впереди были гостеприимными, открывая вход не к загробной жизни, а к осуждению мальтийских мятежников.

Три галеота уже прошли пушки форта и ожидали другие корабли, готовясь к высадке войск на берег. По меньшей мере один галеот был в ужасном состоянии, глубоко сидя в воде, с разрушенными надстройками, и Дракула видел толпящихся на верхней палубе людей, стремящихся, бросив корабль, добраться до берега.

Он посмотрел на берег, измеряя дистанцию в пасмурном свете. Как и ожидал, пирсы и причалы были полны людей, но он знал, что они представляют собой тонкую линию обороны. Остров большой, а воинов мало. Высадка была бы трудной против трети ордена Святого Иоанна, но из-за охраны всех фортов и бухт перед ним могла быть только двенадцатая или пятнадцатая часть всех сил, возможно, укрепленная новыми вампирами Кордери и галльскими изменниками, сбежавшими сюда после мятежа на острове.

При таком свете Дракула не мог разглядеть вампиров, но на берегах бухты была кавалерия со знаменами в крестах, как у рыцарей-крестоносцев. Воевода не знал, какой из вось-

ми отрядов в строю направлен против него, но его волновало не это, а порядок в собственных войсках, которым придется сражаться пешими, в куче, если лошадей не удастся успокоить. На палубах галеотов он видел мало лошадей, поэтому послал к капитану на мостик узнать, какие трудности были на кораблях под обстрелом. Ожидая известий, с радостью увидел: лошади на «Кокатрисе» стали управляемыми.

Когда «Кокатрис» входил на мелководье, воевода выстроил солдат, готовых стрелять по правому берегу. Гребцы сейчас уменьшили усилия после пика напряжения, зная, что вышли из-под обстрела и достигли своей опасной цели. Страх ушел, многие были готовы рухнуть, как сломанные куклы. Им нужно было сделать еще немного гребков, приблизив галеру к берегу перед мушкетным огнем, но к началу атаки должны были подойти и другие корабли.

Дракула перегнулся через мостки, осматривая палубу вплоть до кормы и наблюдая за идущими в кильватер судами. Он сжал кулаки, видя, как те входили в радиус обстрела пушек крепости.

Он надеялся, что привезенные к нему в Неаполь лоцманы хорошо знают эти воды и помогут выдержать испытание, разрешив капитанам сохранить боевой порядок при подходе к берегу. На его вампирах были легкие латы, а обыкновенные солдаты были в тяжелых доспехах и не могли плыть в воде. Но воевода знал: в бою большее значение будут иметь мушкеты его смертных воинов, чем храбрость рыцарей-вам-

пиров.

Похоже, его вампиры могли противостоять вампирам-рыцарям Святого Иоанна. Он должен был учитывать, что у защитников больше молодых вампиров, обученных сражаться по-новому. В его батальонах было много вампиров, получивших военные навыки в мире мечей и стрел, хотя его солдаты были лучше вооружены для современной войны, чем люди Ричарда, испорченные обучением по устаревшему рыцарскому кодексу, вызывающие смех своими трюками с копьями. Он знал по собственному опыту, как трудно воину приспособиться к новым приемам битвы. Однако не верил, что у мальтийских рыцарей достаточно много пушек, чтобы научиться владеть ими, и стрельба на берегу бухты убедила его в этом. На Мальте было недостаточно оружия для обороны, и количество принявших эликсир алхимика ничего не меняло.

«Кокатрис» медленно поворачивался в воде, когда капитан и рулевой уступали место кораблям, подходившим с кормы. Большинство весел были неподвижны, оставшиеся медленно подгребали. Дракула приказал солдатам стрелять, чтобы увидеть реакцию на берегу. Корабль онеидал других, чтобы флот мог высадить максимум солдат одновременно, не отправлять их группами против укрепившегося противника. Галерам надо было сохранять свободу маневра, чтобы затонувшее судно не заперло проход остальным. Дракула знал цену терпению, но не осмеливался выжидать слишком дол-

го, он весь сжался от напряжения.

Огонь был спорадическим, так как люди на кораблях и на берегу берегли порох и пули для изнурительной ночи, не торопились. Рыцари Святого Иоанна лишь изредка отвечали на выстрелы, хотя могли выиграть больше, нанеся потери врагу еще до начала высадки. Воевода наблюдал, как командиры на берегу размещали солдат для того, чтобы рассеять нападавших в случае серьезного штурма. Он видел перед собой опытных солдат, а не сброд, который обращал в бегство с легкостью.

Другие галеры эскадры проходили по одному между фортами, в обломках и пробоинах, но не разбитые до конца. Катастрофы, которой действительно боялся Дракула — уничтожение корабля, раскалывающего его силы надвое, удалось избежать. Несмотря на пушечный огонь и град ядер, на взбучку, полученную от галионов Валетты, корабли, прошедшие сквозь строй, продолжали подходить по одному. Пришло время начинать высадку. Каждый корабль, входивший в бухту и присоединявшийся к эскадре, был гвоздем в гроб мятежников. Дракула усмехался, зная — на берегу чувствуют то же самое.

Галеры, собравшиеся у северного берега, готовые высадить людей, приближались к пирсам, где раньше швартовались пираты и торговые суда. Усталые гребцы напрягли последние силы. Дракула побежал к мосткам, где уже собирались люди.

Солдаты на берегу отходили назад со своих позиций, слишком близких к мушкетерам на кораблях. Их было мало, чтобы атаковать корабли, и они предпочли стрелять из домов.

Это пришлось совсем не по вкусу воеводе. Он не любил атаковать рассредоточенного и укрывшегося за каменными стенами врага, но ждал этого. Его капитаны знали, что их ждет и как сражаться с врагом, когда размещали войска на берегу.

Дракула задержался, помогая людям, сдерживающим лошадей, пробиваясь среди животных, рискуя получить удар копытом. Он выкрикивал приказания, направляясь к своему скакуну, черному коню, заметившему его и успокоившемуся. Конь был не очень быстрым, но спокойным под огнем. Дракула перевел его на берег по узким деревянным сходням. Он видел: почти все корабли были в тихой воде, кони успокаивались, и знал: в нужный момент у него будет кавалерия.

«Кокатрис» все ближе подходил к берегу под огнем из десятков окон прибрежных домов. Хотя мушкетеры воеводы стреляли сейчас чаще, он знал, что открыт пулям и несколько следующих минут будут отчаянно опасными. Медлить больше нельзя. Весла правого борта убрали при подходе корабля к причалу, Дракула смотрел, как постепенно приближается пирс.

Осмотревшись, увидел, что по меньшей мере половина его людей была верхом, хотя некоторые не могли обуздать

своих коней и были неспособны полностью использовать свое оружие. Тем не менее воевода, зная, что ничего нет страшнее кавалерийской атаки, вытащил меч и приготовился. Он спросил наблюдателей на реях о других судах и услышал, что те в целости подходят к берегу, хотя не у всех удачные причалы. Если повезет, Дракула мог за несколько минут высадить двести лошадей и большую часть из тысячи пехотинцев – достаточно, как он надеялся, чтобы ошеломить обороняющихся на берегу.

Как только борта стали царапать о камень, моряки начали набрасывать причальные концы на шпиль, свешиваясь вниз, чтобы закрепить их, другие спускали сходни. Дракула командовал: «В атаку!» И они ринулись вперед, стремясь достичь домов, укрыться от огня с чердаков и мансард.

Дракула прищпорил коня, въехал на деревянную мостовую, свернул влево, остановился, придерживаясь за стену и ожидая других. В суматохе было сложно определить обстановку. Дракула был готов ускакать от Тинье, но не знал, сколько воинов последуют за ним.

Стрельба теряла смысл, канониры не могли заряжать пушки так быстро, чтобы выстрелы задержали людскую массу, хлынувшую с палуб армады. Дракула знал – в рубке валахских конников с защитниками решающее слово останется за пиками и мечами, после того как прозвучали залпы. Он оставил мушкет в кобуре седла, рубя направо и налево людей на причале, которые, в свою очередь, пытались сдернуть его с

лошади.

В лязге битвы Дракула все же увидел, насколько непрочна вражеская оборона. Кавалерия на южном берегу бухты, без сомнения, поспешит на помощь, чтобы остановить нападавших, но они опоздают и умрут так же, как умирают обычные смертные.

Воевода, продолжая рубить, приостановил лошадь и послал свои войска вдоль дороги, на которой защитники соорудили баррикаду между причалом и складом, скрываясь за ней и стреляя из мушкетов. Но их огонь был беспорядочным, и всадники прошли вперед, не понеся заметного урона. Защитники баррикады разбежались в стороны, безуспешно пытаясь найти укрытие.

Дракула устремился вперед, лошадь легко перепрыгнула баррикаду, и меч снес головы двух солдат, не успевших убежать. Лезвие сабли скользнуло по его ноге, не причинив вреда; он продолжал скакать, рубя направо и налево, когда раздался оглушительный выстрел мушкета, разнесший голову гр коня, рухнувшего на скаку.

Левая нога воеводы застряла в стремях, и круп придавил ее, но не сломал. Он с трудом высвободился, пронзенный волной боли. Если бы рядом оказался кто-нибудь из защитников острова, один удар мог бы изменить ход войны, но друзья уже окружили воеводу, защищая от врага.

Когда боль отпустила, Дракула уже знал, что битва наполовину выиграна и ночью никто не сможет помешать тыся-

чам воинов высадиться на берег. Люди на берегу не смогут помешать продвижению и жажде крови рода Аттилы. Когда конница по южному берегу обойдет бухту, чтобы оказать помощь защитникам, она встретит всю мощь и ярость валашских легионов, ее атаки будут напрасны.

Дракула отошел в сторону, пропуская валашских всадников по булыжной набережной. Он воспользовался паузой, чтобы поднести острие меча к губам и слизать кровь с лезвия. Ее вкус вернул возбуждение, приглушенное болью.

Для Дракулы питье крови никогда не было связано с псевдосексуальными ощущениями, потаканием своим слабостям. В случае необходимости он пил кровь слуг, но всегда предпочитал кровь врага. Он был убежден: первые вампиры Европы были такими яростными и неукротимыми воинами, потому что их влекла в бой жажда крови. Он презирал вампиров Галлии, превративших этот внутренний зов в подобие желания, часть грубых мифов о придворной любви. В его понимании вампир должен быть хищником, орлом, питающимся человеческой падалью, а не любовником, ласкающим тех, кого природа приказала использовать.

Воевода окликнул всадника, остановившегося у сломанной баррикады, тот шатался и истекал кровью из раны в шее. Человек был вампиром, но и ему было трудно зажать рану, он раскачивался в седле, готовый упасть. Дракула быстро подошел, снял его с седла и уложил у стены, подальше от копыт, придерживая за уздечку коня, косившего испуганным

глазом, но стоявшего смиренно. Затем вскочил в седло, глядя на линию берега, неясную и серую в опускающихся сумерках, кишашую людьми.

Опьяненный бурной радостью, Влад Дракула взмахнул мечом над головой, отдавая приказы капитанам и всадникам. Он пустил коня вдоль причала, чтобы увидеть, как последние несколько кораблей пробиваются к берегу под обстрелом уставших пушек. Тинье и СанктЭльмо скрывались в темноте. Он знал – оттуда идут люди, чтобы драться в гавани, но они уже ничего не могли сделать; с таким же успехом они могли пытаться остановить волны. Как шумные валы, бойцы Дракулы врывались на причалы десятками, сотнями, разрушая склады и магазины на набережной.

Сотни смертных воинов гибли, несомненно, падали и вампиры, которые никогда не поднимутся из долгого сна, но день был выигран для Валахии, Мальта была обречена.

Дракула поскакал, чтобы своим мечом добыть крови и утолить жажду, иссушавшую его.

«Майкл Бихейм, – сказал он себе, – создаст об этом песню, которая согреет души гуннов и их наследников на многие годы вперед, а руины мятежного острова превратятся в забытые и брошенные камни».

Ричард Нормандский по прозвищу Львиное Сердце стоял на небольшом холме в миле от Мдины и наблюдал за валашскими солдатами, шедшими на востоке, как колонна черных муравьев. Конники ехали по двое, пехотинцы шли по трое. Между ротами повозки везли добычу из Пьета, включая пушки, захваченные на фортах и баррикадах. Эти пушки будут погружены на испанские и итальянские грузовые суда, сопровождающие боевые галеры, и доставлены к стенам Мдины для постепенного их уничтожения.

Ричард смог насчитать тридцать телег; он знал: после обеда, ночью, придут еще сотни. Ричарду еще не докладывали о потерях Дракулы при захвате Пьеты, но, глядя на приближающуюся армию, он думал, что рыцари Святого Иоанна не понесли и половины тех потерь, на которые рассчитывали. Эти солдаты не казались изнуренными или деморализованными.

В механической размерности марша валашцев и барабанной дроби было нечто, заставлявшее сжиматься сердце Ричарда, хотя это были его друзья, а не враги. В плане, с трудом согласованном с Дракулой, предусматривалось взятие Валетты, если бы ее защитники рискнули помочь братьям в Марсамксетте. Но Ричард теперь думал, что рыцари Святого Иоанна поступили осторожнее, позволив окружить город.

Возможно, их начальники надеялись уйти морем с помощью пиратов из Валетты.

Войска Ричарда, двигаясь не столь размеренно, подходили с северной оконечности острова. Они встретили серьезное сопротивление, но их было достаточно, чтобы защита быстро рухнула. На берегах бухты Святого Павла происходили стычки, между галерами и парусниками шла перестрелка; пушек на берегу было слишком мало, чтобы сдержать высадку, и слишком мало вампиров, чтобы сопротивляться рыцарям Большой Нормандии. Обороняющиеся отступили к Мдине, укрепив ее защиту.

Большая часть армии Ричарда еще не участвовала в тяжелых боях, а люди Дракулы прошли сквозь огонь; штурмуя Марсамксетту и окружая Пьету; они и сейчас были готовы завершить окружение стен Мдины, закрыв западню. Даже Ричард, считавший валашских солдат грубыми, не мог не восхищаться их дисциплиной и целеустремленностью.

Группа всадников отделилась от валашской колонны, привлеченная нормандским флагом над палаткой Ричарда. Сюда подъезжали два всадника, один из них держал копье с большим белым флагом. Это были посланцы из Мдины.

Взгляд Ричарда переходил от одной группы к другой, его медно-карие глаза отмечали их продвижение. Посланцы подъехали первыми, один из них спрыгнул с коня и низко поклонился князю. Он протянул свиток пергамента, который взял брат и офицер Ричарда, Джон. Джон передал пергамент

Блонделю де Несле, тот развернул и быстро просмотрел написанное.

– Не сдаются, – сказал менестрель.

Ричард этим не удовлетворился.

– Прочти, – приказал он.

Блондель посмотрел на хозяина и пожал плечами. «Ричарду Нормандскому, – прочел он. – У ваших рыцарей не больше здесь дел, чем в Англии, если, конечно, они не поддерживают наше дело. Вы можете сложить оружие и войти в город как друг, в противном случае, вы должны забрать своих людей с мальтийской земли и никогда не возвращаться. Если останетесь – дорого заплатите за каждую мальтийскую жизнь, которую вы хотите погубить».

– Чья там подпись? – спросил Ричард.

– Их три, – ответил Блондель. – Чеберра, барон замка Чи-чиано; Игуаньес, барон Диар-иль-Бниета и Буканы; Дюран, сеньор Вильгельона. Я думаю, что это аристократы города. Ни слова о Кордери.

– И, однако, именно голос Кордери я слышу в этих словах, – заметил князь. – Кордери, говорящего об Англии, а не о Большой Нормандии. Я предоставил ему шанс в ответ на тот, который его люди дали мне. Я сейчас ничего ему не должен.

Нормандский князь оглянулся на группу людей Дракулы, подходящую по гребню холма.

Когда воевода спешил, Ричард посмотрел на позолочен-

ные доспехи, в пятнах, изорванные и грязные, пытаюсь увидеть ранения. Было ясно – они пустяковые. Вид валашец имел вызывающий, как обычно.

– Что здесь у вас? – спросил Дракула, косясь на взмыленных лошадей городских посланцев.

– Я предложил городу условия сдачи, – сказал Ричард. – Это их отказ.

Дракула взял пергамент из рук Блонделя, взглянул на него. Затем сурово посмотрел на Ричарда, лицо исказила гримаса. Он молча вошел в палатку нормандца. Ричард сначала удивился, потом нахмурился – оскорбительная невежливость. Прошел за воеводой.

Как только они скрылись с глаз наблюдающей толпы, Дракула в гневе напустился на галльского князя.

– Что это значит? – спросил он. – По какому праву ты шлешь послания нашему врагу до подхода моих сил? Это не входило в наши планы.

– Планы? – изумился Ричард, ошеломленный яростью собеседника. – Мы хотели завоевать остров и подавить мятеж. Я предложил городу условия сдачи, чтобы достичь этой цели. Мальтийцы должны понять: город не устоит. Рыцари Святого Иоанна разбиты, большинство их беспомощно сидит в Валетте. Наши пушки скоро будут у стен Мдины, которые не выдержат их обстрела больше одного дня. Если они будут готовы выдать Кордери и присягнуть на верность империи, наша работа сделана.

– Работа сделана! – Дракула потряс над головой и бросил пергамент. – Несомненно! И сделана хорошо. И ты покидаешь нацию, которой правил. Мятежники смиренно попросили тебя уйти? Конечно, они это сделали и нанесли урон твоей империи больший, чем тысяча пушек.

– Меня предали, – холодно сказал Ричард. – Тауэр уже пал. Если бы я дрался, то заплатил бы жизнью всех верных рыцарей страны. Да, если хочешь, я думал уважить народ Мдины, как мои враги уважили меня. Их авантюра закончилась, они должны знать это. Думаю, ты бы посадил на кол их всех – мужчин, женщин, детей, и ты так жаждешь заняться этим, что не услышишь просьб о милосердии. Ты хочешь сделать пример из этих людей... пример, который, без сомнения, запомнится на тысячу лет, и будешь примерять его к каждому, кто воспротивится правлению Аттилы. Но это Галлия, и многие в этом городе еще недавно были верны Галлии. Многие были втянуты в мятеж помимо своего желания. Я тебя предупреждаю, Дракула, что не дам использовать свое имя для бессмысленного избиения невинных. Я придерживаюсь кодекса чести и горд этим.

– Князь, – сказал спокойно Дракула, – мы здесь как раз для того, чтобы подписаться под тем, что делаем.

Галлия и Валахия должны сейчас действовать вместе; они должны рассуждать и чувствовать заодно. Иначе мир, часть которого составляют Галлия и Валахия, превратится в пыль. Мы должны держаться друг друга и быть беспощадными. Мы

должны уничтожить Ноэла Кордери, дающих ему кров и его последователей. Мы должны устроить мощное представление из этого – яркий спектакль, чтобы оставить ожог в умах людей и вампиров. Бессмертие больше не принадлежит только нам и не является твердой гарантией нашей власти. Необходимо сейчас сражаться еще яростней, дабы сохранить наше правление. Да, мы должны их уничтожить, каждого. Мы не можем искоренить порок, принесенный алхимиком в наш мир, но мы должны сделать все, чтобы сдержать его распространение. Новые вампиры должны подчиниться нам, а не вставать против нас. Они сделают это лишь в том случае, если мы покажем, какая участь ждет поднявших мятеж.

– Мы не можем править только страхом, – настойчиво повторил Ричард. – Наши империи надежны лишь тогда, когда большинство народа согласно с нашим правлением. Взятое силой мы должны удерживать, хотя бы отчасти, убеждением. Мы должны показать, что можем править не только нашей силой, но и справедливым поведением, честностью наших договоров. Мы можем разрушить Мальту и Британию, но однажды разрушение нужно закончить. Смертные люди и вампиры опять заживут в мире. В эту последнюю тысячу лет было слишком много ненависти, к этой битве нас привели ненависть и открытие Ноэла Кордери.

– Я это знаю, – сказал воевода жестко. – Знаю очень хорошо. Но мы должны сохранить нашу империю, это нам не удастся, если мы не введем террор, какого еще не видел мир.

Мы не можем править только страхом, но без устрашения не сможем править совсем. Поэтому должны использовать свои силы полностью и не просто нанести мятежникам поражение, а послать их в ад, чтобы другие из их рядов стремились избежать этого. Да, но все это означает избиение, нечеловеческие пытки, чтобы внушить жуткий страх. Это не обычная, мой огненноглазый друг, а священная война, в которой не может быть послаблений. У нас, у тебя и у меня, еще тысяча лет жизни, и мы можем провести их как правители наших империй, если у нас есть на это силы и желание. Но ты не должен спорить с тем, что я намереваюсь сделать! Если ты не присоединишься ко мне и не будешь участвовать в этом натиске насилия, ты разобьешь непримиримую стальную маску, которую мы должны показать ожидающему миру.

Ричард не ответил. Он чувствовал, что у него нет ответа, способного удовлетворить или успокоить это жестокое создание. Полагал, что сначала надо почувствовать, а затем понять, а Дракула был бесчувственным. Неприветливый Восток не был благодарным местом для тех качеств, которые Чарльз хотел распространить среди подданных своей империи, и человек, довольный именем Палача, никогда не поймет наследства Львиного Сердца. Князь думал, может ли он открыто воспротивиться планам воеводы? Он надеялся использовать несколько часов преимущества в захвате Мдины, чтобы поставить Дракулу перед свершившимся фактом предложить и принять сдачу в плен, это заставило бы валаш-

да согласиться с его схемой, но шанс был потерян. Возможно, дерзких защитников сейчас можно назвать ответственными за свою собственную гибель. Ричард же, предложив им шанс на спасение, мог спокойно остаться в стороне и подписаться под планами Дракулы.

В палатке с некоторым трепетом появился Блондель де Несле.

– Чего ты хочешь? – раздраженно спросил Ричард.

– Еще один гонец едет.

Удивленный Ричард взглянул на валашца, но Дракула молчал, его морщинистое лицо было бесстрастным.

– Аристократы Мдины сдались? – спросил Ричард.

– О нет, сир, – сказал Блондель. – Этот гонец едет с запада, не от городских ворот.

Услышав это, даже Дракула удивленно поднял брови.

Ричард выбежал из палатки и посмотрел на запад, где перед сомкнутыми рядами войск Ричарда с белым флагом скакал легким галопом одинокий всадник. Хотя он понимал, что на него устремлены тысячи глаз, не смотрел ни направо, на наступающих, ни налево, где над полями возвышались городские стены. Было видно: конь устал, и ни поводья, ни шенкеля не могли заставить его ускорить галоп после утомительной дороги.

– Что это за человек? – спросил воевода, прикрыв глаза от солнца, разглядывая всадника.

Конечно, всадник не был простым посланцем. Посыль-

ные из города были чисто и ярко одеты, как приличные слуги галльского двора, но на этом человеке была разорванная, в пятнах крови куртка, широкие матросские штаны, белый флаг был привязан не к пике, а к деревянной ручке метлы.

Светлые волосы говорили, что это не вампир, посадка выдавала неопытного конника.

Командиры армии терпеливо ждали на холме. Когда всадник придержал коня, подъезжая к склону, Ричард увидел в его глазах плохо скрытый страх. Посланец знал, что он среди врагов, и не совсем доверял защите флага.

– Кто ты? – спросил Блондель, выйдя навстречу.

Джон, опершись о шест с нормандским флагом, смотрел на всадника с откровенным презрением.

Человек на лошади не ответил на вопрос, измерив Джона таким же презрительным взглядом, прежде чем через голову Блонделя посмотреть на обоих сиятельных командиров, стоявших рядом перед палаткой. Не пытаясь подъехать ближе, он вытащил из-под рубахи ело–женную бумагу.

Блондель, удостоивший прищельца снисходительной гримасой, потянулся за ней, развернул и прочитал. Он поморщился и нерешительно взглянул на Ричарда.

– Дай мне ее, – строго сказал князь. Он не мог сказать, почему не приказал прочитать послание вслух, но почувствовал, что текст лучше не разглашать.

Ричард взял бумагу, начал читать.

«Ричарду Нормандскому по прозвищу Львиное Сердце.

Я надеялся встретить тебя в море, но не нашел твоих кораблей среди многих. Я не мог заставить себя уйти и не увидеть тебя и хочу встретить тебя на суше. Когда-то ты не захотел сражаться со мной: ты был князем той страны, которую называл Большой Нормандией, а я не был вампиром. Теперь ты больше не правишь, а я не обычный человек. Поэтому направляю тебе вызов на поединок перед стенами Мдины с тем, чтобы рыцари Мальты и Англии могли быть свидетелями оплаты нашего долга чести».

Внизу стояла подпись: «Люсьен Вилье по прозвищу Лангуасс».

Ричард взглянул на Блонделя де Несле, нетерпеливо наблюдавшего. Он не посмотрел на стоявшего рядом валашца. Знал: Дракула хочет, чтобы посланца схватили и связали, а группа солдат обыскала бы остров, нашла мерзавца и подвергла бы его показательной казни. Возможно, это было бы самым мудрым решением.

Но Ричард колебался.

Опять повторилась история шестидесятилетней давности, когда самоуверенный пират обозвал его трусом. Возмущенному англичанину было безразлично то, что вампир прав и связан честью, отклоняя вызов смертного человека; к тому же правитель страны вообще не может принимать вызов. Болтуны были счастливы повторять слова пирата, втихомолку смеяться, так как весь флот Нормандии не мог поймать этого морского волка или помешать ему грабить.

Неприятные мысли о Лангуассе никогда не покидали Ричарда. Этот вызов был обыкновенной дерзостью, не ответить на него, не схватить пирата до его выхода в море означало добавить масла в огонь в проклятиях обычных людей на всю жизнь.

«У нас еще тысяча лет жизни, у тебя и у меня!» вспомнились слова Дракулы. Тысяча лет, чтобы отвечать за все поступки и сожалеть обо всех ошибках.

Здесь еще был вопрос чести. Что бы ни говорил воевода, надо было спасти не только силу вампиров Европы, но и их власть. Если он не мог поддержать задуманные Дракулой казни, то был свободен в своих личных делах.

«Мдина, – думал он, – сама выбрала себе судьбу, пусть так и будет. Но сначала я покажу этой темной толпе, как себя ведет галльский князь, каких аристократов дали миру рыцари Шарлеманя».

Ничего не говоря Дракуле, Ричард пошел вперед, мимо Блонделя, к ожидающему всаднику.

– Скажи своему хозяину, – проговорил он, – что я встречу с ним, как он хочет, перед городскими стенами, Завтра утром, после рассвета.

Рукой он указал на полосу земли между лагерем осады и городом.

– Ты должен дать слово, что обмана не будет, – сказал всадник неловко.

– Никакого обмана, – усмехнулся Ричард. – Я приеду

один, на лошади, в доспехах и только с мечом. Сомневаюсь, что твой хозяин владеет копьем, но он не должен приезжать с какой-нибудь старой палкой от метлы.

Всадник слегка поклонился, развернул коня и пустил его вскачь более живо, чем следовало.

Ричард не ждал, пока Дракула попросит его к шатру, а подъехал в его тень так высокомерно, что, казалось, ему все равно, следует за ним валашец или нет.

Но когда к шатру подъехал воевода, в его поведении или голосе не было злости.

– Что ты сделал, о благородный князь? – спросил он мягко.

– Это личный вопрос, – ответил Ричард.

– Я в этом не сомневаюсь, – заметил Дракула, – но прошу тебя сказать мне, с каким соперником ты намереваешься встретиться завтра. – Его голос был саркастическим, но достаточно любезным.

Ричард передал ему бумагу, предупредив:

– В этой истории есть то, чего ты не знаешь.

– Знаю, – негромко сказал Дракула, прочитав письмо. – Знаю, что даже в Англии рассказывают истории о моих поступках, истории о твоих подвигах тоже хорошо известны в Валахии. Слуги на кухнях твоего потерянного лондонского Тауэра, возможно, рассказывали, как я приказал сварить в котле несколько грабителей. Слуги же в моих домах захлебываются от историй о пиратах-варварах. Такого человека,

как Лангуасс давно надо было вытащить из этой грязи. Молюсь, чтобы ты не позволил ему задержаться на этой земле ни на мгновение дольше, чем это необходимо.

Ричарда удивила внезапная готовность своего союзника играть словами, и его больше задело это легкомыслие, чем ожидаемая им злость.

– Победа будет за мной, – пообещал он. – Ты можешь быть уверен в этом.

– О да, – сказал валашец с презрением, видным даже под показной вежливостью, – этот сумасшедший скачет к своей гибели, я знаю. Не думаю, что он сомневается в этом, иначе он глупее всех дураков. Он должен тебя ненавидеть.

– Я тоже так думаю, – согласился Ричард, – хотя он сам виноват. На деле виновен не я.

– Наши собственные ошибки, – заметил Дракула, – больше всего нас расстраивают. Промахов у Лангуасса было много, он и имя себе такое выбрал.

Всю ночь дорога между Валеттой и Мдиной была забита людьми, лошадьми, телегами и пушками. Ничто не могло приободрить защитников города, которые наблюдали за дорогой с фортов. Дракула знал, что часовые на куполе церкви могли видеть на несколько миль, и сознавал: открывающаяся перед ними картина говорила о бесполезности их дела. Валашцы, раненные при штурме гавани, остались в госпитале, которому орден Святого Иоанна был обязан своим существованием.

Дракула понимал, что появление легиона на дорогах было в какой-то степени мошенничеством. Его силы не участвовали в штурме фортов Святого Эльмо и Святого Анджело и побудили своего противника – рыцарей-вампиров – укрыться там, где можно было запереть их относительно малыми силами. Но это не имело никакого отношения к тому, что могли видеть люди Дюрана, а они видели большую армию крепких и боеспособных людей, пришедших уничтожить их.

Воевода был готов поспорить, что защищающие Валетту рыцари Святого Иоанна, как бы искренне они ни поддерживали Кордери, могли остаться в укреплениях и не бросаться в самоубийственную атаку против превосходящего противника. Как дворы Галлии были переполнены начинающими изменниками – амбициозными людьми, чьим мечтам о славе

препятствовало долгожитие их хозяев, так и в ордене Святого Иоанна должны быть высокопоставленные недовольные, которым снятся титулы гроссмейстера воинствующего ордена и которые предадут, если представится случай.

Дракула знал, что может вертеть этими глупцами как хочет. Он хотел видеть Мдину сломленной, Ноэла Кордери – арестованным.

Воевода рано пошел в свою палатку, но спал мало. Приказал Майклу Бихейму разбудить его до восхода солнца, желая посмотреть, как выскочка-пират будет пытаться отдать долг князю Большой Нормандии. Он надеялся развлечься и сделал свои приготовления к поединку.

В холодной предрассветной тьме валашец поскакал проверить свои войска, стоящие к востоку и югу от города. Он приказал подбросить дров в костры, чтобы бойцы в городе видели сжимающееся кольцо окружения. Сделав это, выбрал лучших мушкетеров в свою охрану для сопровождения к огражденной полосе земли, лежащей между прославленными стрелками из лука Ричарда и стенами, которые им предстояло штурмовать. Он приехал, когда секунданты надевали Ричарду доспехи и седлали его коня.

Князь надел шлем и рубашку, сделанную из легких стальных пластин. Эту сталь впервые произвел Саймон Стертвент полстолетия назад, она была прочнее любой другой, и из нее делали прекрасные пушки, но Дракула считал ее слишком тяжелой для доспехов вампира. Вампир, менее под-

верженный смертельным ударам, чем обычный человек, не был сильнее, тяжелая броня сковывала его, как всех. Дракула предпочел бы рискнуть, чем терять подвижность, но так Ричарда научили драться, и в советах валашца он не нуждался.

Дракула видел по лицу Ричарда, что тот совсем не спал. Его глаза цвета меди бегали, губы были плотно сжаты. Хотя его боевая лошадь была спокойной и послушной, понадобилось два человека и терпение, чтобы усадить облаченного в доспехи рыцаря в высокое седло. Наконец ему вручили оружие – большой, тщательно заточенный меч и щит с его гербом. Меч и доспехи отличались прочностью, но Лангуасс будет с подобным оружием и не потерпит слишком большого преимущества противника.

Когда Ричард поехал на поединок, Дракула и его люди двинулись вдоль строя лучников в поисках наиболее удобного места для наблюдения. Стоя на склоне, лучники закрывали обзор для других. Воевода приказал своим людям присесть, положив ружья на траву, так чтобы они были не совсем под рукой.

Гнедой Ричарда отошел ярдов на пятьдесят, прежде чем князь задержал его и повернул к западу. С городских стен пушка могла бы достать его, но было бы чудом попасть в цель, и выстрела не последовало. Взгляды всех – и на городских стенах, и в рядах войска Ричарда – устремились на запад в поисках пирата. Когда тот появился, Дракула заметил,

что над его головой поднимался диск солнца, образуя серебряное сияние.

– Может быть, это лучше остановить? – спросил Майкл Бихейм. – Если Ричард погибнет, нам же хуже.

– Возможно, – сказал Дракула, – Но я думаю, изучая этого дерзкого крестоносца, что если он проживет еще сто лет, то окажет нашему делу медвежью услугу. Победа, в которой мы уверены, будет нашей общей, и, хотя я буду определять мощь объединенной армии, он может возвратиться в Галлию более сильным, с восстановленной репутацией. Мне подумалось, что для всех нас было бы лучше, если бы Ричард пал жертвой войны. Если он хочет сделать из себя мученика, пусть, я согласен.

– Мученик может служить рыцарству, как и живой князь, – пробормотал Бихейм, – если только Блондель не падет вместе с ним.

– Я так не думаю, – ответил Дракула. – Он может стать мучеником ради рыцарства, но когда мы окрасим эти места кровью десяти тысяч мальтийцев, его мученичество свяжут с гневом Аттилы. Посмотрим, что произойдет, а потом решим, как поступить.

Они ждали недолго, рассвет опередил Лангуасса ненамного. Он подъехал осторожным галопом на сером скакуне, каждый дюйм тела которого говорил, что это боевая лошадь, хотя на нем и не было защитной попоны, как на коне Ричарда.

На пирате не было доспехов, его куртка из толстой кожи

без рукавов открывала ярко-красную рубаху. В правой руке он держал меч, значительно более легкий, чем меч Ричарда, с полусферическим эфесом, в то время как эфес меча князя имел обычную крестообразную форму. В левой руке вместо щита был белый флаг, позволивший ему пройти ряды пушкарей Ричарда.

По виду Лангуасса Дракула определил, что он ранен в бок, но это не мешает ему владеть мечом.

Увидев ожидающего Ричарда, Лангуасс отбросил флаг перемирия.

– Человек – глупец, – сказал разочарованно Майкл Би-хейм.

– Который из них? – сухо спросил Дракула.

– Теперь, когда ты предлагаешь выбрать, я не знаю, – признался менестрель. – Но я имел в виду пирата. Он мог бы избежать гибели, на которую обречены окруженные в Мдине; ему нужно было только уплыть и приняться за прежнюю жизнь. Сейчас он вампир и обязан быть умнее – не ставить свою жизнь на карту так глупо.

– Тот, кто проигрывает, – большой глупец, – сказал воевода, глядя на соперников. – Ричард глупец, потому что вообще пошел на риск, но если он победит, это будет много значить для его гордости. Позор потери Британии его ранил, видимо, больше, чем он думал прежде. Не терпелось опять стать героем. Битвы за Мдину недостаточно, и ему не хотелось думать о последствиях. Если он победит, Блондель для него

напишет хвалебную легенду.

– Я слишком хорошо знаю это искусство, – заметил Би-хейм, – но не стану просить о подобной возможности. Такой поступок был бы глупым для человека, подобного тебе.

– Не бойся, – сказал Дракула. – Они оба стремятся к галльскому ореолу, который для нас слишком мало значит, чтобы судить о человеке. Наша пословица говорит, что тот, кто заботится о своей крови, заботится о вечности. У них иначе: они пожимают плечами и заявляют, что даже вампир умирает, а легенда живет вечно. Они не простили себе собственного бессмертия. Но пошли, Майкл, дело начинается.

Ричард и Лангуасс медленно поехали навстречу друг другу, пока их не разделила дюжина ярдов. Без слова или сигнала они пустили лошадей рысью. Гнедой князя шел чуть быстрее серой лошади пирата. Всадники сошлись на галопе, стараясь быть слева от противника, чтобы пустить в ход мечи. Ричард высоко замахнулся мечом, а Лангуасс свой вытянул в сторону, готовясь вонзить.

Лошадь Ричарда была выше, и он сам был ростом с пирата, поэтому высота столкновения его устраивала. Лангуасс же привстал в стремях. Покрытая попоной лошадь Ричарда шла прямо, но непривычный конь пирата отпрянул в сторону от сверкнувшего меча и бликов солнца на стальных пластинках. Этот рывок позволил Лангуассу увернуться, но он не смог нанести удар. Приглушенные насмешки слышались в толпе, когда соперники впустую махнули мечами,

будто играя.

Лангуасс быстро повернул коня, вновь подскакал к князю слева. Если бы не было креста, Ричард развернул бы свою более крупную лошадь, чтобы ударить Лангуасса, но он только поднял щит, меч пирата скользнул по нему, всадники остались в седлах.

Теперь Ричард стал поворачивать влево, поднимая щит, чтобы отразить второй удар. Но Лангуасс погнал своего серого вперед, повернув его так, что противники опять оказались в дюжине ярдов друг перед другом.

– Время тебя не успокоило? – спросил Ричард не без удовольствия. – Ты всегда порхал, мотался туда-сюда, без всякого постоянства.

Эти тихо сказанные слова (хотя Дракула услышал их) не были насмешкой – они могли скрывать большой комплимент. Но Ричард знал, как знал и Лангуасс, направляя свой вызов: эту манерность можно толковать по-разному. Ричард, несмотря на когорту вампирш, которые находились при дворе ради престижа, применял более простую форму обращения в общении с мужчинами – и это была полузабытая причина недовольства, приведшая к этой ссоре.

– Тебя и время не разбудило, – ответил громко Лангуасс, сознавая, что толпа наблюдает за ними. – Ты такой же медлительный и сонный, каким был всегда, свинцово-тяжелый мыслью и характером, как черепаха в застоявшейся луже.

Темперамент Ричарда был не такой горячий, чтобы

вспыхнуть гневом от оскорбления, и когда князь двинулся вперед, то ехал ровно, примеряясь к рукояти меча, Лошадь Лангуасса заартачилась, и ему пришлось заставлять ее идти вперед. Это удалось не сразу, поэтому сейчас он не увернулся от удара – лезвие меча скользнуло по спине. В свою очередь и сам нанес боковой удар.

Удар Ричарда был мощнее, Дракула знал, что Лангуасс почувствовал, как кожа отделяется от мышц, когда меч разрезал куртку и рубаху. Удар по старой ране был еще мучительнее. Однако удар пирата был точнее, и пластинчатая кольчуга не могла сдержать его. Меч Лангуасса вонзился на полтора дюйма между третьим и четвертым ребром Ричарда. В стычке лошади ударялись друг о друга седлами, толкая бойцов с такой силой, что, казалось, они вот-вот упадут.

На этот раз наблюдавшие за поединком не смеялись, а кричали, захваченные битвой. Пролилось немного крови, но солдаты знали: тяжесть раны вампира не измеряется пятнами крови, и никто не сомневался, что нанесенные серьезные удары вызвали такие же серьезные последствия.

Лангуасс, обеспокоенный своей лошадью, не теряя ни секунды, послал ее вперед со всей возможной скоростью, и, пока тяжело нагруженный конь Ричарда поворачивался, пират нанес еще один удар, целясь на этот раз в пах князя, ниже кромки кольчуги. Острие меча достало цель, и Ричард, хотя и не мог нанести своим мечом смертельный удар, ударил пирата щитом в лицо, отбросив, ослепив его.

Если бы серый скакун тогда рухнул и сбросил всадника, никто бы не мог сказать, что виновата лошадь, но оказалось, что паника придала ей силу и ловкость, позволив отнести наездника в сторону, в то время как гнедой стоял, ожидая приказа седока.

В минутной паузе разделенные противники привели себя в порядок, ощупали раны и подавили ощущение боли. Лангуасс мигал глазами после удара, но сейчас солнце было в стороне и не слепило.

Дракуле казалось, что у Ричарда более выгодное положение и, если опасная рана еще не нанесена, то можно ожидать: первый обмен ударами прошел для него удачно. Но, когда лошади опять сблизились, князь Большой Нормандии с трудом смог приспособиться к схватке.

В этот момент разница в тренировке лошадей стала явной. Серая больше не хотела идти в близкое столкновение, рвалась в сторону. Когда Лангуасс тянул поводья, заставляя подчиняться, она задрала голову, встала на дыбы. Лангуасс висел, беспомощно махая рукой с мечом, открытый ударам.

Но Ричард не смог нанести удар, заканчивающий поединок, так как одно из молотящих в воздухе копыт попало в кольчужную попону гнедого. Попона, державшаяся на застежке, съехала лошади на глаза, уколов ее. Лошадь взвилась в воздух, пытаясь сбросить тяжелого всадника.

Ричард, в громоздких доспехах, с тяжелым щитом в руках, не мог сдержать лошадь и мешком упал на землю. Со-

трясение, вероятно, вышибло весь воздух из его легких, каждый знал, как это бывает. Близко находящиеся солдаты, валашцы и нормандцы, закричали в отчаянии.

Ричард понимал всю необходимость подняться на ноги и глотнуть воздуха, но горло будто сжали тиски. Зрители могли слышать и видеть его усилия, те, кто когда-либо падал сам, представляли жестокую боль в груди, способную заставить вампира потерять контроль над собой. Хотя все продолжалось несколько секунд, в это время Ричард был беззащитен, и Лангуасс хотел воспользоваться ситуацией.

Пират не пытался спешиться или успокоить свою лошадь, но хлестал концом повода ее по шее, направляя обозленное животное к упавшему. Копыта замелькали в воздухе, обрушиваясь на голову и тело закованного в кольчугу Ричарда, пытавшегося подняться.

Князю удалось приподнять руку со щитом и почувствовать глоток воздуха, но было слишком поздно. Стальная подкова с такой силой опустилась на его висок, что вышибла из него сознание, и он опять рухнул на землю.

По толпе прокатился гул испуга, от лучников Ричарда к мушкетерам Дракулы, завершившись победными криками защитников на дальних стенах.

Лангуасс спешил: было трудно судить, сошел ли сам или был сброшен, но он приземлился на ноги и быстро подошел к поверженному князю. Не раздумывая, двумя руками поднял меч и опустил его вниз рубящим движением, как топор. Меч

сломался бы, если бы был сделан из худшей стали.

Затем Люсьен Вилье, по прозвищу Лангуасс, поднял отрубленную голову Ричарда Нормандского, чьей неприязни приписывал происхождение любой неудачи, отравлявшей его долгую жизнь. Он высоко поднял трофей, безусловно, восхищаясь им перед голубым небесным сводом.

Он стоял лицом к Мдине, и залп мушкетеров Дракулы попал ему в спину.

Стрелки были меткими, расстояние небольшим, пули почти разорвали Лангуасса пополам. Когда ликование на стенах перешло в шок и тревогу, мушкетеры побежали вперед, дабы убедиться, что пират никогда не оправится от ран, даже если он вампир.

Дракула наблюдал за их работой, восхищаясь дотошностью.

– Глупец, – сказал Майкл Бихейм, – как я и говорил.

– Однако это будет легенда, если думать по-нормандски, – с иронией проговорил Дракула. В его голосе не было даже намек на то, что он предпочел бы видеть победителем князя. – И мы не должны забывать эту легенду, которая будет жить, даже когда вампиры уйдут в могилу.

Обстрел стен Мдины продолжался весь день до поздней ночи. Хотя городские пушки и отвечали, только у немногих была такая дальность стрельбы, как у итальянских пушек врага, к которым прибавились орудия, захваченные людьми Дракулы в Пьете и Кальяри. Кавалерия и пехота Галлии и Валахии стояли лагерем позади пушек, вне пределов досягаемости городских орудий. Обороняющимся было ясно, что противник откладывает нападение только до того, как пушки проделают достаточные для атаки бреши. Воины, которые будут отражать атаку – вампиры и обычные люди, – работали, устрняя ущерб.

Командовавшему мальтийскими батальонами в городе сеньору Дюрану его офицеры предлагали вывести роту против осаждавших, чтобы вовлечь их в бой, но он упрямо отказывался. Нападение на ряды мушкетеров Дракулы было бы самоубийством. Воевода знал, что обороняющимся придется воспользоваться баррикадами. Людям, вампирам или смертным, не нравилось работать под оружейным обстрелом, заваливая проломы в стене массивными каменными блоками; но это было лучшим, что они могли сделать для затруднения действий врага.

Бароны Чеберра и Игуаньес не отказывались от надежды, что рыцари Святого Иоанна с кораблей Валетты и из фор-

тов гавани Гранд-Харбор могут перегруппировать свои силы и атаковать осаждавших с тыла. Они не сбросили со счетов возможность удара магометан против ненавистной христианской армии. Зная хрупкость этих надежд, Дюран тем не менее не расхолаживал полностью их оптимизм. Знал, что им остается лишь битва не на жизнь, а на смерть. Он бывал в Византии, видел там Дракулу и понимал, один из немногих, что мальтийцам придется драться с валашским предводителем.

Когда пушки замолчали, тишина оказалась не менее угрожающей, чем оглушительный рев, она не была признаком милосердия, а лишь дразнила горожан возможностью поспать пару часов до рассвета. Солдаты Мдины не могли отдыхать, продолжая укреплять фортификации. Работая, они знали, что противник делает непозволительную для него самого передышку.

Ноэл Кордери, закончив работу, перебрался из лаборатории в расположенную позади церкви резиденцию архиепископа. В спальне мансарды он будет ждать исхода войны. Он не устранился, передав все другим. Он свое сделал, и последствия битвы в следующие годы и столетия будут результатом его действий и решений.

Церковь стояла на краю города, возвышаясь над стеной, и получила несколько попаданий каменными и стальными ядрами из бомбард Дракулы; но она была самым прочным, сооружением города и пострадала незначительно. С верхнего

этажа резиденции были видны силы нападавших. Выстрелы пушек влекли Ноэла к окну, как бабочку огонь. Он долго и мрачно смотрел в неприветливую темноту, где сама ночь говорила ужасным голосом, плюясь огнем, выдыхая дым, разрушая стены. Ему казалось, город стал символом человечества, осажденного деспотом Смертью. Канонада напомнила Ноэлу и Шанго, бога гроз племени уруба, говорившего на языке грома. Шанго швырял на землю значительно более разрушительше молнии, чем молнии из пушек Дракулы, в сопровождении гораздо более опасном, чем пороховые вспышки из этих бомбард. Но все же Шанго был только мальчиком в сказочной маске, простой загадкой.

Здесь тоже была загадка, но здесь наряду с настоящим убийством происходило разоблачение сущности империй Аттилы; идолов господства вампиров сбрасывали с пьедестала.

Даже после окончания пальбы Ноэл не мог оторваться от окна, хотя почти ничего не видел. Из-за близорукости огни осады превращались в полосы света, палатки теряли четкость линий. С таким же успехом он мог заглядывать под землю, пытаясь рассмотреть ад Данте.

«Возможно, – думал он, – этот ад предназначен для тщеславных». И он когда-то грешил высокомерием, и теперь, казалось, падение, обещанное для гордых в Священном Писании, ждет его.

Сейчас, когда жребий брошен и оставалось только наблю-

дать развертывание драмы, он не чувствовал усталости. Он перешел от изнурения к фатальному безразличию. Все ожидающие его события вырисовывались так же четко, как начерченные наблюдателями Дюрана позиции врага, и в этой карте ничто не успокаивало и не радовало Ноэла.

Схема вражеских сил была необходима для определения позиций вампиров и обычных людей с тем, чтобы кровавые стрелы не тратились для простой бойни. Схемы были тщательно нарисованы. Казалось, карта его собственного будущего была тщательно составлена судьбой. Богом или другой силой, превращающей сегодня в завтра, придающей исторические формы проходящему времени. «Если бы я изучал карту своей судьбы, думал Ноэл, – то почти не увидел бы знаков и линий. Несколько царапин, обозначающих страх и боль, грубый крест, определяющий мгновение смерти, прямая дорога его тени в ад или забвение; и это все».

Он подумал, не принять ли ему яд, чтобы избежать кола и огня, приготовленного для него Дракулой. Он не хотел умереть в агонии, особенно на людях. С дрожью ужаса вспоминал историю, рассказанную отцом на обеде у Кармиллы Бурдийон, об ужасной смерти Эдварда Дигби. Похоже, так должны умирать мученики – если верить легендам о святых. Ничто не могло помешать Ноэлу принять яд. Он был достаточно опытным химиком, чтобы приготовить питье и свести счеты с жизнью, к тому же как неверующий он не боялся самоубийства. Однако не хотел и не мог сделать этого.

«Что я за развалина, – сказал он себе, – насколько жалка моя жизнь, показанная на этой схемке».

Он видел смерть Лангуасса, несмотря на близорукость, и плакал, когда того застрелили. Была ли это смерть настоящего героя? Конечно, многие рассказчики изложат все так: пират убил князя в честном бою и потом был предательски застрелен. Но разве вся история мятежа на Мальте не отражается в этой небольшой аллегории? Не для того ли эликсир Ноэла Кордери покончил с империей предрассудков и страха Аттилы, чтобы эта империя нанесла беспощадный ответный удар своему убийце.

– О Лангуасс! – вслух пробормотал Ноэл. – Ты имел возможность бежать с этого трагического острова, уехать в Англию, где находится истинное будущее. Ты глупо позволил прошлому ограничить себя, привести к такому бесславному концу.

Его сердце искренне болело за пирата. Когда-то он ненавидел Лангуасса за бедняжку Мэри Уайт, за Кристель д'Юрфе, но ненависть не росла, а исчезала из его души. Он не забыл ни Мэри, ни Кристель и постыдился бы считать эти две смерти малозначащими, даже если сравнивать их с мучительными убийствами, которые видел и еще увидит, но старый гнев был перекрыт более теплыми чувствами. Вероятно, он узнал – лучше Лангуасса – тщетность накопления в душе таких тонких ядов, как ненависть.

Ноэл тревожился за «Спитфайр», но уже возвращение

Лангуасса подтверждало, что корабль не потоплен; он не верил, что пират мог подвергнуть опасности экипаж ради своей фатальной цели. Лейла, видимо, вне опасности и следует сейчас в Лондон, под защиту Кенелма Дигби, его парламента. Эта ободряющая мысль могла бы облегчить отчаяние, но Ноэл сильно пал духом.

– Отойди от окна, мой друг.

Голос отвлек от мыслей, заставив вздрогнуть. Он не заметил, как вошел Квинтус, и с горькой усмешкой спросил себя, не последовал ли его слух за зрением. «Какие яркие доказательства бренности, – подумал он. Останется что-нибудь от меня, чтобы Дракуле было кого казнить?»

– Ты болен, – сказал монах, не услышав ответа. – Ты должен отдохнуть.

Ноэл уже обратил усталые глаза к монаху и смотрел ослабевшим взглядом на лицо в лучах свечи и на испачканную белую сутану. Квинтус, который был стариком до превращения в вампира, сейчас тоже не являл собой образец доблестного воина, но в его блестящих глазах, худых руках и ногах ощущалась сила.

– Ты был когда-то мне отцом, – задумчиво произнес Ноэл, – но сейчас я кажусь значительно старше. Конечно, я выгляжу старше из-за моих лихорадок, малярии и болезней, а у тебя негибемое, блестящее здоровье. Возможно, ты назовешь меня стариком, что подходит к моему ухудшающемуся состоянию, когда попытаешься устранить меня от встречи с

судьбой.

– Я всегда думал о тебе как о сыне, – мягко сказал Квинтус, – единственно возможном для меня. Если бы я боялся потерять тебя, став бессмертным, я бы тревожился напрасно. Не все бессмертные теряют способность любить, хотя я и думал, что так и должно быть.

– Бессмертный Квинтус не может потерять любовь, – согласился Ноэл. – И Лейла, и Лангуасс. Однако я сомневаюсь во многих других, внутри или вне городской стены. Ты сохранил жалость и, думаю, не сможешь отказаться от нее, но это произошло, потому что ты не отказался от боли. Ты способен игнорировать собственную рану, но не чужую, боль мира всегда будет на твоих плечах. Если бы все были, как ты, мой друг, многих бед не было бы, но ты одинок – и лучше меня, я так думаю.

Пока он говорил, Квинтус взял его за руку, отвел через комнату к креслу у огня. Он сел, монах – напротив, и они смотрели друг на друга поверх камина.

– Мне трудно судить, – сказал монах, подумав. Затем после паузы продолжил; – Мне кажется, что если существует только один мир, то на все есть Божья воля. Я не претендую на понимание существа человека, не могу ответить, почему ему уготовано множество капканов и соблазнов, но знаю: во всем есть смысл. Иначе я не мог бы понять твою цель, загадки, которые ты раскрывал, мою веру. Думаю, что все люди могут увидеть свет добра и разума и что многое, чего мы еще

не знаем, достойно спасения. Мы сделали Божье дело, ты и я, и не мы одни. Мы сделали наше дело с верой и надеждой в сердце, и таких, как мы, много в этом безбрежном мире.

«Это последний шанс спасти меня?» – спросил себя Ноэл. Но он не поставил вопрос так.

– Да, – сказал он, – если существует Бог, значит, его воля проявляется где-то в этом ужасном хаосе, хотя узнать, где именно, сможет только человек, который мудрее меня. Иногда моя голова объясняет моему полному надежды сердцу, что все было только тонкой шуткой нашего Создателя. Возможно, однажды он молвил приближенному ангелу: «Я сделаю людей бессмертными, чтобы доказать им: дар вечной жизни будет только толкать их к взаимному уничтожению!» Наш любящий Господь – веселое существо. Он дал нам жизнь, чтобы мы согрешили и заплатили за удовольствия в вечных муках адского пламени.

Ноэл не удивился тому, что его ответ не понравился священнику, монах нахмурился, правда, больше с сожалением, чем с гневом.

– Пусть тебя не смущает завтрашнее сражение, – сказал спокойно Квинтус, по-прежнему уверенный и без тени возражения. – Да, завтра погибнут многие, и ужасная цена будет уплачена за твой дар обыкновенным людям, но это не будет концом истории, которую мы посмели вывернуть наизнанку. Твое открытие продлит жизнь нескольким миллионам людей, и Дракула знает даже сейчас, как знают Аттила

и Шарлемань, что дни, когда кучка людей могла с мелочной жадностью пользоваться богатствами молодости и долголетия, прошли и больше не возвратятся. Империя немногих рухнула, и до империи всех – подать рукой. Ты дал обычным людям будущих поколений свободу, которую скрывали бы всегда империи Аттилы. Месть, на которую надеется Дракула, только завещание вслед твоему триумфу.

– Печальный и кровавый триумф, – пробормотал Ноэл, – который еще будет испорчен нашей парфянской стрелой.

Квинтус немного наклонил голову, и теперь его ответ не был таким уверенным:

– Не жалею об этом, мой друг. Ни я, ни ты ничего не можем сделать, Чеберре и Игуаньесу не надо будет жертвовать своими людьми. Эти мальтийцы нестигаемы, очень храбры. Они нанесут ответный удар по врагу даже в момент своей гибели. Империя Аттилы обречена на крах, и стрелы арбалетов Дюрана приблизят его, спасут жизнь множества людей будущего.

– Я это знаю, – ответил Ноэл со вздохом. – Вся моя жизнь прошла, пока я делал свое дело. Злость тоже ушла, и сейчас не время жаловаться на отсутствие справедливости. Ты и я, наверное, завтра погибнем, это заставляет меня думать не о крахе Галлии и Валахии, а о другом. То, что я сделал, не так легко отставить в сторону, и империи, грядущие на смену Галлии и Валахии, могут увидеть, кто наложил на них проклятие, от которого трудно избавиться.

Квинтус колебался.

– Мой сын... – начал он, но не смог продолжать.

– Все же я не твой сын, – сказал Ноэл, хлопнув в ладоши, – а другого человека. Знаю: я сделал то, что хотел мой отец, и не стыжусь этого. Но я не могу быть уверен, двигала ли моим отцом забота о людях или это была досада на любовницу-вампиришу. А если я не уверен в нем, как я могу быть уверен в себе?

Закончив, Ноэл опять встал, повернувшись сначала в одну, затем в другую сторону, будто не знал, что делать со своим телом. Затем пошел к окну. Монах последовал за ним.

– У тебя самого были любовницы-вампириши, – напомнил Квинтус, – и ты не злился.

– Они не разбивали мое сердце.

– Я знал Эдмунда Кордери, – сказал монах. – Он не походил на человека с разбитым сердцем. У него было самое сильное сердце в Англии, более смелое, чем у любого Львиного Сердца. Он любил твою мать тоже, ты должен помнить это.

– Это еще одна шутка нашего Создателя, – задумчиво произнес Ноэл, – мы, обычные люди, сделаны так глупо, что ни одна обычная женщина не может обладать привлекательностью вампириши. Красота, увы, внешняя.

И нас привлекает красота, обладать которой могут только вампириши. Я никогда ни на что не мог ее променять, и иногда презираю себя за это. Я молюсь, чтобы мой отец был

другим, но моя кровь была его когда-то, и боюсь, что мои грехи тоже принадлежали ему.

– Мой сын, – сказал Квинтус более настойчиво, но не повышая голоса, – ты должен отрешиться от этого придуманного греха. Данный порок происходит не по нашему желанию. Я хотел бы знать, является ли красота вампирши Божьим даром, ловушкой Сатаны или простой случайностью, но не могу сказать. Твой отец любил леди Кармиллу, возможно, как ты любишь Лейлу, но то, что ты не мог любить цыганку, пока она не стала бессмертной, можно извинить как тайну твоего сердца. Это нельзя судить, и это, конечно, не доказательство того, что твой отец не мог любить твою мать или что его гнев против Галльской империи не был искренним.

– Тем не менее, – продолжал Ноэл, – я хотел бы знать себя достаточно хорошо, чтобы избавиться от греха. Хотел бы верить без тени сомнения, что сделанное мною сделано по добродушному побуждению души, а не по глупым поводам, таким коварным и изломанным, что не проследить за всеми их сплетениями в моей душе.

Ноэл остановился, прислушиваясь к неясным звукам улицы, звукам, ранее заглушаемым грохотом пушек. Затем продолжал:

– Мой друг, ты знаешь, что я сделал, и, возможно, ты один в силах предвидеть, какое значение это будет иметь не только для войны завтра, но и для мира, который будет создан нашими наследниками из того, что мы им оставим. Скажи

мне, прошу, возможно ли отпущение этого греха? Я спрашиваю тебя, будут еще не рожденные дети, когда вырастут и поймут, что я сделал, называть меня святым или дьяволом?

– Они назовут тебя мучеником, – сказал Квинтус со всей убедительностью, на которую был способен, – и будут оплакивать тебя со всей скорбью мира.

– Со всей скорбью мира, – эхом откликнулся Ноэл. – Но сколько скорби может быть в мире, победившем боль?

– В мире всегда будет присутствовать необходимая ему скорбь. Всегда и навечно. И каким бы ни стал человеческий род с твоим даром преобразования, он не потеряет любовь, так как она слишком ценна, чтобы ее оставили.

Ноэл слушал эти слова и повторял их про себя, опираясь на каменный подоконник. Потом медленно расслабился, Квинтус поддержал его рукой. На этот раз монах не пытался увести его от окна, но полуобнял, чтобы согреть.

– О Боже, Квинтус, – Ноэл чуть не плакал, – я так боюсь умереть. Не думаю, что смогу это сделать как надо.

– Лучше ты не станешь, – прошептал его друг, – даже если проживешь тысячу лет. Не беспокойся о том, как умрешь, тебя оценят по твоей жизни.

– Разве ты не видишь, – мягко сказал Ноэл, – что этого я и не знаю. Спрашиваю себя, как я жил? Спрашиваю, то ли я делал? И не могу ответить. Квинтус, **Я НЕ МОГУ ОТВЕТИТЬ!**

Монах только крепче его обнял, пока Ноэл сам не понял –

в этом суровом объятии содержался весь ответ. Ему не требовалось верить в Бога, но вера в себя была необходима. В конечном счете, это тоже был вопрос веры.

Дракула наблюдал за долгим штурмом Мдины с вершины холма, где его палатка стояла рядом с другой. Там лежало тело Ричарда Нормандского. Рядом с ним стоял человек, командующий теперь нормандскими войсками, Шарлемань мог считать его князем Большой Нормандии. Это был брат Ричарда Джон.

Джон, не такой внушительный, как брат, худощавый, менее вызывающий, нравился Дракуле чуть больше из-за более спокойного характера и более живого ума. Если Ричард откровенно не любил воеводу, то Джон хотя бы делал вид, что ему валашец нравится. Дракулу не волновала истина, в любом случае было видно, что Джон более опытный государственный деятель. Он не казался щепетильным, и ему были безразличны человеческие страдания. К тому же он мог оценить юмор Дракулы.

Майкл Бихейм находился рядом с хозяином, наблюдая, как стены Мдины трещали под выстрелами бомбард. Блонделя де Несле не было видно. Судя по всему, Джон не любил приятеля своего брата, отослав его к мертвому герою оплакивать и, возможно, подсчитывать цену рыцарского поведения.

В полдень наблюдатели на холме видели, как валашская кавалерия трижды атаковала огромный пролом в стене, ко-

торый отчаянно защищали мушкетеры и артиллеристы Дюрана. Менее четверти солдат были вампирами, но их храбрость не уменьшалась от того, что многим предстояло умереть. С ироническим восхищением Джон отметил безрассудство людей, охваченных амбицией вампиров. Дракула же даже наедине с кем-либо никогда не насмехался над своими людьми. Когда они шли в атаку, его сердце билось чаще, будто он мог внушить им свой порыв. Когда окровавленные люди и лошади с криком падали, он в ярости скрежетал зубами: это были его люди, и каждый удар по ним был нацелен в сердце его империи, в его силу.

Несомненно, Джон был прав, утверждая, будто желание стать бессмертными и гонит их вперед, превращая страх смерти в бурный гнев, но это было хорошо. Это было более надежной и прочной основой доверия, чем любовь и восхищение. Обычные смертные сторонники Дракулы боялись его, но знали из опыта восьми поколений своих предшественников, что он скрупулезно честно раздавал награды. Если они служат хорошо, то займут место в тайных церемониях своих хозяев с тем, чтобы встать в ряды вампиров. Так Дракула наблюдал за своими обычными солдатами, измеряя их пыл и думая, что многие, которых он видел, станут его союзниками на столетия.

Хотя лошади поднимались по склону под яростным обстрелом, их всадники были охвачены яростью тех, кто поставил на карту свои бранные жизни против приза бессмер-

тия. Поступая так, они добивались уважения военачальника, знавшего цену каждому, кто так рискует. В его глазах они были сливками человечества, чьи заслуги находились в гармонии с условиями существования. Чем же может служить брэнная жизнь, как не ставкой в великой лотерее?

Хотя каждый четвертый был срезан в первых двух атаках, остатки храброго войска пошли в третий раз на изломанные руины стены, найдя на этот раз пушки без ядер и отступавших мушкетеров. Пролом нельзя было удержать. Даже Джон издал крик и сжал кулак в блестящей латной перчатке, когда всадники достигли цели.

– Сейчас, – пробормотал Дракула, – сейчас начнется все-рьез.

С каждой вылазкой конницы пехота подкрепления подходила все ближе, попадая под обстрел, но не боясь его. Сейчас пехотинцы были готовы хлынуть вперед, вампиры и обычные люди, захлестывая улицы Мдины.

Из их рядов раздался рев, когда кавалерия прорвалась за стену; они бросились вперед с криками ликования. Дракула пробормотал заклинание на родном языке, и Джон с любопытством посмотрел на него, но возможный князь Большой Нормандии больше не иронизировал. Дракула стер последние остатки искренних предрассудков в своих мыслях лет сто назад, но был склонен произносить молитвы и заклинания в такие моменты, как этот, по привычке и в возбуждении, зная, что они не принесут вреда.

Издали Дракула различал другие признаки приближающейся кульминации сражения. Лучники, привезенные Ричардом из Нормандии, заняли позиции, готовясь стрелять по городу через северо-западную стену. Воины со щитами соорудили из них стену из стали и дерева, скрываясь за которой выпускали стрелу за стрелой, свистящие над фортами. Они были в пределах досягаемости вражеских пушек, но по ним почти не стреляли ни из пушек, ни из арбалетов. Обороняющиеся просто считали, что не надо бояться этих остатков прошлого больше, чем пушек и мушкетов, но это пренебрежение было козырем, который лучники использовали полностью.

Люди Дюрана, не построив эффективную оборону против лучников, позволили им показать свое искусство, и стрелы оказались точнее мушкетных пуль. Защитники города не стеснялись пользоваться своими деревянными луками, но мальтийцы не могли сравниться с массой людей Ричарда.

Дракула попросил Джона послать гонца к лучникам и сказать, что его люди скоро будут внутри города, значит, дождь стрел должен прекратиться, иначе можно поразить своих вместо врага. Затем придет черед нормандских рыцарей-вампиров скакать к городским воротам, как только их откроют. Джон охотно отправил гонца. Наследник престола Большой Нормандии рад был оказаться вторым после валашского военачальника. Дракула сомневался, что Ричард проявил бы такое же равнодушие и желание выполнить согласо-

ванный план.

Прибыл гонец с юга, где конница Дракулы пыталась осуществить второй прорыв. Она попала под обстрел, сила которого была невелика из-за нехватки ядер и пороха, основное сопротивление оказывали арбалетчики. Гонец сообщил, что многие ранены, как вампиры, так и обычные люди, но смертей немного.

Дракула выслушал новость с безрадостной улыбкой. Арбалеты не смогут долго сдерживать вампиров. Стало ясно: у защитников Мдины больше нет сил сопротивляться.

Этот город противостоял туркам сто лет назад, под командованием того же Дюрана, и это вошло в историю как великая победа Галлии над своим злейшим из врагов. Но Дракула хорошо знал, турецкая армия была чуть сильнее банды пиратов, многочисленная, но плохо вооруженная и недисциплинированная. Эти стены и пушки на них не были готовы противостоять осаде – силе, которая могла взять любой город Галлии.

– Им надо было согласиться на условия сдачи, поставленные моим братом, – лаконично сказал Джон. Это избавило бы их от кучи неприятностей и спасло бы многие жизни мальтийцев.

– Ничто так не повышает цену милосердия, как огонь и смертельная опасность, – заметил ему Дракула. – Если бы Дюран уступил без драки, наше доброе отношение к людям было бы обесцененной монетой. Теперь же мы можем сжечь

в этой цитадели все и посадить на кол столько рыцарей с их друзьями, что заставим остальных задуматься. Те, кого мы возвратим в галльскую паству, станут смиренными, преданными и будут плакать от благодарности. Рим пришлет в храм свою инквизицию, Шарлемань укрепит орден своими людьми. Под их правлением любой мужчина, женщина и ребенок на острове научатся проклинать память и имя Ноэла Кордери. Мы превратим его в демона, каким Грегори хотел сделать Аттилу и Этия.

– Это необходимо, – сказал Джон рассудительно. – Им следует преподать этот урок – урок страха и покорности. Мой брат не видел в этом логики, но мы можем ему это простить, он принадлежал к более невинной эпохе, которая похоронена вместе с ним. Ему нравилось, когда его любили даже те люди, которых он завоевал. Он не понимал, почему те не верили в его благородство. Его мысли формировались менестрелями, он слишком верил в придворную лесть. Возможно, он редко бывал с женщинами и не узнал возможностей коварства.

– А ты совершенно иной, хотя и родился лишь немного позже? – спросил Дракула, понимая, что таким образом Джон хочет добиться одобрения и благосклонности.

– Наследник должен учиться на ошибках предшественника.

– И ты поведешь нормандцев на второе завоевание Англии?

– Возможно, – прозвучал ответ, – если Чарльз прикажет. Я это сделаю с помощью Джеффри, который будет мне лучшим другом, чем моему старшему брату, но Британия – тоскливый остров. Надо планировать новые захваты, теперь, когда мы знаем о Новом Свете на западе. Мы должны привести Империю на земли Атлантиды и Бразилии, пока их не заняли легионы, сделанные эликсиром Кордери. Мы должны сейчас побить англичан с датчанами во всех уголках мира и у них дома.

– Желаю удачи, – сухо сказал воевода, – как и в защите Галлии против мусульман. Золотые дни минувшего похоронят вместе с твоим глупым братом, но будущая эпоха железа будет еще тяжелее.

– Мы – победители, – резко начал Джон. – Объединенная мощь Галлии и Валахии достигнет всего. Новый мир будет наш, как и старый, но после подавления мятежа мы будем его держать еще крепче.

– Я сказал, что желаю удачи, – повторил Дракула. – У нас есть тысяча лет для сражений, и мы сохраним нашу власть. Но смотри, чтобы твои желания соответствовали возможностям. Вампир противостоит вампиру впервые, после того как Аттила разбил римские легионы. Создание вампиров – сейчас дело техники, а не магии, все обыкновенные люди в Европе теперь знают, как мало от них отличаются их владельцы. Сегодня мы победили, и лес острых кольев покажет миру, что наши империи не дают спуску мятежникам. Но мир

не принадлежит нам, князек, по праву, и сущность нашей мощи раскрыта. На Галлию и Валахию опускается мрак, готовый погасить свет нашей славы. Наши империи находятся в кольце осады.

Джон посмотрел в глаза воеводе, закончившему горькую тираду, и перевел мрачный взгляд на стены Мдины, усыпанные людьми, чьи крики больше не заглушались пушечными выстрелами.

Валашские пехотинцы овладели развороченной стеной, защитники которой поддались натиску кавалерии, и маршировали вверх по холмам, не подвергаясь обстрелу. Дракула смотрел на городские ворота, пытаясь угадать, какую часть города заняли его люди. Мальтийцы сражались мечами, арбалетами, стреляли из мушкетов, если был порох, но сдержать противника не могли. Улицы были заполнены людьми, хаос пустил свои щупальца во все уголки и убежища.

– Садись на коня, – сказал воевода князю уже более любезно. – Время найти нашего Кордери и заняться им. Мы поскачем под нашими знаменами в разбитый город, чтобы нас видели как его разрушителей, ты – в своих белых доспехах, а я – в черных, Галлия и Валахия рядом.

– Объединенные и непобедимые, – согласился князь Джон спокойно и без иронии.

Они пошли к лошадям, Дракула выбрал черную, Джон – серую, и когда они ехали рядом, то представляли собой картину, достойную войти в легенду. За каждым скакали три

дюжины рыцарей-вампиров, готовых идти в атаку. У валашцев были мушкеты, они могли стрелять на скаку, а люди Джона, унаследованные им от брата и привыкшие к турнирам, в руках держали только мечи.

Эти воины перевели лошадей через ручей внизу холма и поскакали наискось по полям к городским воротам. Битва была жестокой, но Дракула послал так много вампиров за городскую стену, что их было больше, чем защитников, – принявших эликсир или нет.

Нормандские рыцари-вампиры ринулись вперед, как только городские ворота стали открываться. На мгновение показалось, что все сопротивление прекратилось, но вдруг с западной стены полетел дождь арбалетных стрел. Несмотря на неожиданный залп с малой дистанции, кольчуги защищали вампиров, даже если щиты были разбиты. Только несколько всадников упали с лошадей, и ликующие крики нормандцев переплелись с громкими приветствиями валашцев за городской стеной.

– Путь свободен, мой благородный князь, – крикнул Дракула спутнику и пустил коня в галоп.

Джон, в стальном шлеме, поднятым мечом поприветствовал валашца и прибавил ходу.

Казалось, у ворот сопротивление прекратилось, но когда они подъехали ближе, из укрытия на крыше появились пять арбалетчиков и выпустили стрелы. Мушкетеры Дракулы и нормандцы ответили и ранили четверых, но все пятеро бы-

ли вампирами и упали только двое. Оставшиеся выстрелили еще раз.

Несомненно, эти пятеро целились в Дракулу и князя. Первая из пяти стрел попала воеводе в руку, а вторая просвистела рядом с лицом. Одна ударилась в щит Джона, следующая вышибла скакавшего рядом рыцаря из седла.

Стрела застряла в правой руке Дракулы. Боль пронизала его как молния, он сжал зубы и напрягся, чтобы контролировать себя. Ему удалось удержаться в седле, и, успокоив коня, он, левой рукой вытащив стрелу, отбросил ее. Кровь быстро остановилась, но мышцы были порваны и рука на пару дней выведена из строя. Дракула проклинал свое невезение.

Второй залп стрел не попал в намеченные цели. Джон спрятался за щитом, отразив стрелу, ранившую нормандского рыцаря в ногу. Рыцарь сразу же выдернул зацепившееся зубцом за мышцу жало и презрительно крикнул что-то врагу. Вторая стрела попала в лицо одному из людей Дракулы, пробив скулу и нанеся уродливую, но не смертельную для вампира рану. Третья стрела попала в голову серой лошади Джона, которая рухнула, как бык на бойне.

Дракула мрачно усмехнулся, не только потому, что трое оставшихся стрелков были сражены пулями, смертельными даже для вампиров, но и потому, что был доволен позорным падением Джона. Князь, конечно, быстро найдет другого коня, но Дракула теперь может ехать вперед один, мимо дома семьи Игуаньеса, вдоль улицы Вильгельсон и дальше, чтобы

увидеть своих воинов. «Они свое сделали, – думал воевода, – продемонстрировав союз, и сейчас он мог обмакнуть свой меч в крови побежденных врагов, прежде чем приедет к собору и увидит их полное унижение».

Последний из стрелков скатился с крыши, и Дракула приказал своему пехотинцу пометить его, чтобы потом посадить на кол.

Едва валашец хотел выполнить приказ, что-то загремело по крыше и свалилось рядом с мальтийским рыцарем. Это был горшок, разбившийся на каменной мостовой и окативший красной жидкостью лежащего.

– Что это? – спросил Дракула.

Пехотинец удивленно покачал головой, но Джон, уже вскочивший на ноги, бледный от злости за свое падение, подбежал к лежащему, чтобы посмотреть на убийцу своего коня и на красное пятно.

– Похоже на кровь, – сказал он дрожащим от ярости голосом.

– Подожди! – остановил его Дракула, но Джон уже наклонился, смочил пальцы, поднес их к губам. Сначала понюхал жидкость, потом попробовал языком. Он посмотрел на воеводу, облизывающего свои сухие губы.

– Это только кровь, мой друг, – сказал князь Большой Нормандии. – Обыкновенная кровь. Улицы полны ею.

Он не услышал ответа, но валашец пробормотал: «Да, но почему она стояла в горшках рядом с лучниками?».

Тогда он вспомнил, как умер Эдмунд Кордери.

Ноэл Кордери не сопротивлялся, когда валашские солдаты ворвались в его комнату в доме архиепископа.

Он стоял у окна, в отчаянии глядя на толпу, и не хотел смотреть на пришедших, но вынужден был сделать это.

Первый из солдат, светловолосый смертный с уродливым лицом, в безумном возбуждении был готов ударить его мечом. Конечно, солдат видел только старика в очках, одежда ничем не отличала его от других таких же беспомощных. Ноэл был готов подставить грудь валашскому мечу и ожидал удара, но капитан вампиров отодвинул солдата, отругав на своем языке. Тогда Ноэл понял: смерть будет нелегкой. Вампир еще не знал, кто он, но не хотел ошибиться.

Солдаты увели его, показав другим пленникам, и кто-то узнал Кордери. Обращались с ним грубо, но, узнав кто он, стали более осторожными. Ноэл видел, что валашский капитан смотрел на него со страхом, отвращением и удивлением: ясно, он не выглядел алхимиком и черным магом.

Его руки связали шнуром за спиной, но вначале отвели в комнату, которую подыскал капитан, собрав бумаги на столе, как бы оценивая их, — хотя, вероятно, он не читал по-английски, не знал даже и двух слов на этом языке.

После нескольких минут притворства капитан приказал своим людям собрать все и взять с собой. Затем опять увел

Ноэла, на этот раз на роковую встречу с Владом Цепешем.

Идти далеко не пришлось, Дракула поместил свой синод в доме, называвшемся Университетским дворцом, где коммуна мальтийцев собиралась для защиты своих прав и привилегий, дарованных гроссмейстером ордена Святого Иоанна. Дворец был главным городским судом Мдины, где местные аристократы выносили приговоры и где Дракула хотел судить защитников острова за стремление отделить его от Галльской империи и сделать здесь колыбель нового порядка.

Этот возникающий порядок, казалось, погиб уже во чреве, а тело будет распорото деревянными кольями Дракулы, но Ноэл, с тяжелым сердцем от увиденного на кровавых улицах, слишком хорошо знал, что видимость может быть обманчивой.

Воевода расположился в небольшой комнате позади главного зала дворца. Он был не один, но не с солдатами, а с людьми благородного сословия. Дракула молча выслушал доклад капитана о пленнике и приказал солдатам выйти.

Очки Ноэла сползли с переносицы, и, несмотря на небольшое расстояние, он не мог хорошо рассмотреть Влада Цепеша. Ему казалось, что перед ним крупный и красивый мужчина с пышной бородой, чистой кожей, характерной для вампиров. Видел, что валащец неловко держит правую руку у груди, как будто не может ею владеть. Хотел понять, удивился ли Дракула, видя его слабым и беспомощным, с печатью

возраста и болезни, всеми пороками брэнной плоти. Но Дракула, наварное, знал о его несчастье – невосприимчивости к бессмертию.

– Рад встрече, Кордери. – Воевода говорил с легким акцентом.

– Я надеялся избежать ее, – ответил Ноэл. – Не думаю, что она закончится хорошо.

– Ты не должен бояться кола, – сказал Влад. – Меня просили привезти тебя в Рим и передать инквизиции, которой ты сознаешься в преступном колдовстве, общении с дьяволом и других пороках. Они обойдутся с тобой мягче, думаю, ты не умрешь под пытками. Они предпочтут, чтобы ты пришел сам к месту твоего сожжения как еретика, и хотят, чтобы ты раскаялся перед казнью.

Двое из присутствующих, невысокие, тонкие, набрались смелости и подошли ближе, чтобы рассмотреть пленника. Их одежда не была испачкана в бою. Кареглазые брюнеты, вампиры по виду, в глазах Ноэла они были почти неразличимы. Один из них, видя его состояние, принес и подставил стул. Ноэл промолчал.

– Это мой друг Майкл Бихейм, – сказал Дракула о человеке, оставшемся на месте. – Тот, кто о тебе беспокоится, Блондель де Несле, но, возможно, ты его знаешь?

Ноэл посмотрел на принесшего стул человека:

– Я видел тебя несколько раз, когда был очень молод. Несомненно, ты не изменился, но я плохо вижу.

Ноэл не смог рассмотреть, улыбнулся ли Блондель.

– Ты не знаешь, что стало с монахом по имени Квинтус? – спросил Ноэл Дракулу. Его мало интересовала собственная судьба, но он хотел знать о судьбе друга.

– Если он не мертв, поедет с тобой в Рим, – сказал воевода. – Вампиры могут гореть вместе с обычными людьми, если они еретики. Я еще его не видел, но бежать он не сможет. Ты же мог уплыть отсюда, но не захотел этого.

– Возможно, ты поймешь, почему я думал, что ты не сможешь причинить мне вред. Моя жизнь и так уже подошла к концу.

– Я еще могу навредить тебе, если захочу, – сказал Дракула. – Не сомневаюсь, милые слуги папы предпримут все меры, чтобы сделать остающееся тебе на земле время неприятным. Это милый каприз судьбы, что такому химику, как ты, не удалось излечиться от проклятия боли. Думаю, римляне вволю посмеются над этим.

– Однако, – произнес Ноэл спокойно, – они не смогут навредить Квинтусу. Они могут убить его, но не смогут сделать ему больно. Думаю, что я многих вывел за пределы боли, которую ты хочешь причинить. Ты нашел место на галерах для груза заостренных кольев или твои люди срубят все деревья на острове? Жаль, их здесь немного.

– У меня есть для работы все, – ответил Дракула, поражаясь спокойствию пленника. – Мне придется говорить с мальтийцами и мятежниками и наказывать их за участие в твоих

делах. Ты знаешь, вероятно, что Лангуасс убит?

– Я видел это. Его корабль захвачен или потоплен?

– Не знаю. Не слышал, но море спокойное, и, если корабль отошел от западного берега, он мог прийти в другой порт.

Казалось, Дракула отвечал честно, и в его ровном голосе не слышалась личная враждебность. Чувствовалось вежливое любопытство, как будто Палач интересовался, что за существо, такое мягкое и кроткое с виду, причинило ему столько беспокойства.

– А что с Чеберрой, Игуаньесом и Дюраном? – спросил Ноэл.

– Барон замка Чиччано вне нашей досягаемости: не мертв, но во сне, который я не стану прерывать. Я в этом снисходителен, хотя награжу его легкой смертью не из милосердия. Он меня не интересуется. Мои люди заостряют колья для другого барона и для сеньора Вильгельона.

Ноэл покачал головой.

– Зачем сажать на кол вампиров? – спросил он больше с сожалением, чем с горечью. – Они не заметят боль и уснут с колом внутри. Их смерть будет такой же легкой, как смерть Чеберры. Твои приемы, князь, устарели.

Дракула подошел и поправил его очки, поняв, что Ноэл не видит его. Сделал это мягко левой рукой, посмотрев прямо в глаза.

Ноэл поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с вампиром. Он не благодарил и хотел выдержать этот взгляд. По-

смотрев в сторону, увидел Майкла Бихейма и Блонделя де Несле, увлеченно следивших за его беседой с Владом Цепешем.

– Ты никогда не видел посаженного на кол, я думаю? – спросил Дракула с намеренной мягкостью.

– Нет, – ответил Ноэл. – Но я видел вампира на пытке и знаю, что боль мало значит, особенно если усилием воли ее сдерживают. Я знаю – пытка бесполезна.

– Обычный человек на колу не должен быстро умереть, – по-прежнему мягко продолжал воевода. – Кол загоняют в зад так, что острие входит в кишки. Если его ставят вертикально, тяжесть человека насаживает его очень медленно на кол, острие проходит внутри, разрывая печень и желудок, пока не войдет в грудную полость. Я знал людей, живших до вхождения кола в легкие, но обычно умирают раньше, от потери крови и боли. Если они корчатся от боли, агония хуже, но смерть приходит быстрее. Я видел людей, знавших и понимавших это, но дергавшихся с силой, хотя боль разрывала их души в клочья. Они прокусывали себе язык, но, по-своему, это были храбрые люди.

С вампирами другое дело. Как ты говоришь, вампир может контролировать боль. Это требует усилия, но оно возможно, и вампир на колу не корчится в муках. Он может быть спокойным. У него нет внутреннего кровотечения, как у обычного человека, поэтому он не может умереть от потери крови. Если ему повезет, он может впасть в глубокий сон,

но это происходит редко. Плоть восстанавливает проткнутые колом органы, поэтому вампир может жить недели, а не часы, сознавая происходящее, пока острое не пронзает грудь и затылок. Его можно оградить от последнего сна, если дать ему воду и кровь на губке.

Я видел посаженных на кол вампиров с головой, отброшенной на спину так, что кол может выйти через рот, а внутренние органы приспособляются к протыкающему их колу. Но, контролируя боль, **ВАМПИРЫ НЕ МОГУТ ЗАБЫТЬ О ТОМ, ЧТО С НИМИ ДЕЛАЮТ.** Это более изощренная пытка, чем тебе дано понять, но мы сделаны из более тонкой плоти, и стремящимся мучить вампиров это следует помнить.

Я часто думал, наблюдая за приспособляющейся плотью вампиров, какие хитроумные формы может принимать человеческая ткань, если бы у нас было умение и искусство изменять ее. К каким изменениям можно принудить человека! У меня есть мастера сажать на кол, пришедшие к этому практикой и любопытством, но я всегда хотел попробовать более тонкие опыты. В прошлом мне недоставало вампиров, чтобы оттачивать на них свое искусство, к своим мы всегда относились осторожно. Но ты изменил мир и помог в моей работе, пользователи твоего эликсира снабдят меня материалом.

Говоря это, Дракула пристально смотрел в глаза Ноэла, ожидая, что он отведет свой взгляд, но этого не произошло.

Ноэл продолжал молча смотреть на него.

– Видишь, – спокойно сказал воевода, – что ты натворил. Ты натравил вампира на вампира и вынудил нас узнать, как сурово мы можем обходиться один с другим, чтобы спасти нашу империю. Ты увеличил человеческие страдания, не так ли?

– Беды на вашей совести, не на моей, – возразил ему Ноэл.

– Разве это так, Кордери?

Ноэл понял, что Дракула спорит серьезно, не пытаюсь просто запугать. Он злился, хотел доказать свою правоту.

Воевода продолжал:

– А твоя совесть, Кордери, спокойна, несмотря на то, что ты сделал, или на последствия задуманного тобой мятежа? Ты считаешь себя святым, Кордери, обреченным хрупкой плотью на смерть древних мучеников на крестах и кострах ради любви к Богу? Но мир продолжается, господин алхимик, то, что ты начал, распространится на века и затронет поколения людей. Ты смутил мир, и он не будет прежним. Если бы ты не пришел на Мальту, многие люди, валяющиеся сейчас на улицах, еще бы жили. Если бы ты не сделал свое дело, многие, кого сегодня ночью наколют на деревянные иглы, заливали бы свои мелкие заботы вином. Ты не думаешь, господин алхимик, что они умрут, проклиная тебя каждым тяжким вздохом? Верь этому! Истину тебе говорю, ибо я знаю, что будет так.

Ноэл молча смотрел на него, ожидая.

– Ты не можешь сказать ничего в свою защиту? – спросил Воевода.

– Это не мне нужна защита. Ты – тиран, угнетатель, мучитель. Мальта не сделала тебе ничего плохого; ее граждане стремились только освободиться от Галльской империи. Не мы убийцы тех, кого распинают. Ты глуп, если хочешь обвинить меня в грехах, которые сам совершишь с радостью. Думаешь, твой лес смерти покажет миру глупость стремящихся к свободе и долгожительству, в чем ты им отказываешь, – нет, он покажет твою порочность и безбожие. Покажет, как отчаянно хочет мир сокрушить вашу империю. Я сделал все для этого и сделал бы еще больше. Я оплакиваю каждую пролитую каплю крови, но поступить иначе – значит предать еще нерожденных, изменить человечеству, как это сделал Аттила и что вы жестоко продолжали многие годы. Такой, как ты, Влад Цепеш, не устыдит меня. Я сделал все для твоего уничтожения и надеюсь, что сделал весомее, чем ты думаешь.

Произнося последние слова. Ноэл наконец посмотрел на раненую руку воеводы. Дракула тоже взглянул вниз и ощупал левой рукой правое предплечье, будто разыскивая таинственный знак.

– Я раздумывал над тем, что ты мне можешь сказать, – холодно произнес Дракула. – Но не думай, что я лишен возмездия. Меня ранили, как ты заметил, арбалетной стрелой – уже окровавленной. Я не совсем понимал расположе-

ние защитников в сражении, казалось, твои пушки целили по обычным людям и в вампиров, вопреки логике. Сначала подумал, что Дюран допустил необъяснимую ошибку. Затем, увидев ваши стрелы в крови, разбросанные по земле горшки, в которые ваши лучники окунали их, я стал подозревать, что во всем этом есть какой-то смысл. Я вспомнил, что Ричард, рассказывал мне о смерти твоего отца, и спросил себя, не может ли сделавший эликсир жизни сделать и эликсир смерти. Теперь понимаю: мы, делавшие вампиров магией, не варили в твою алхимию. Сначала думали: твой эликсир – только каска и вы – такие же мужеложцы, только непонятно плодовые. Вероятно, мы страдали от нашего самодовольства. Скажи мне, господин алхимик, что принесут твои стрелы?

– Если честно, то я не знаю. У нас не было случая проверить сделанное мною, кроме как на крысах, которых я сначала обессмертил, а потом убил. Я не претендую на понимание всего раскрытого мной в Адамаваре, и большинство тайн моей алхимии – все еще тайны. Человеческое семя не единственное, что можно сочетать с другим, чтобы сделать из человека вампира. Я попытался соединить семя вампира с семенем болезни, взятым в теле больных, в надежде, что болезнь сможет уничтожить вампиров, как протекают некоторые африканские болезни. Я сам легко заражаюсь и был вынужден соблюдать осторожность, но не мог позволить Квинтусу и моим мальтийским подмастерьям все делать самим. Но я все спланировал и руководил исследованиями. Я пы-

тался убить тебя, Влад Пепеш, но колом потоньше, чем тот, который ты приготовил для меня.

– Твой отец промахнулся, – холодно сказал Дракула.

– Он убил Кармиллу Бурдийон.

– И развязанная им эпидемия унесла тысячи жизней в Лондоне. Если галльские рыцари разнесут ее по империи Шарлеманя, мои валашцы – по империи Аттилы, может умереть миллион обычных людей и не больше горсти вампиров. Кто же из нас чудовище, господин Кордери: князь, сажающий на кол тысячу виновных, чтобы сохранить мир, или алхимик, могущий скосить миллион косою лихорадки, не разбирая между своим и чужим? Как ты ответишь на обвинение? Если Влада Дракулу считать демоном в маске, кем мир может считать тебя, устроившего большую эпидемию, чем Европа знала до сих пор? Ты представляешь себя мучеником? Ты и сейчас несправедливо осужденный к костру святой?

– Я не святой, – спокойно сказал ему Ноэл, – и пусть другие судят дело, в котором я стал мучеником. Плох мученик, знаю сам, проливающий чужую кровь вдобавок к своей, но мы, обычные люди, отдавшие слишком много нашей крови за тысячу лет, были народом-мучеником, чтобы кормить тиранов и мучителей. Повторяю, я не знаю, что сделал, но первой и главной целью отравленных мной стрел являются рыцари-вампиры Европы. Если ты хочешь спасти вампиров и обычных людей Галлии и Валахии от болезни, останься на

Мальте и сам неси эту ношу. Прошу тебя сделать это; без людей твоей удивительной армии, собравшихся унижить этот крошечный остров мощной демонстрацией силы, ни Галлия, ни Валахия не разобьют внутренних врагов.

Аттила, говорят, сошел с ума, и Шарлемань больше не тот, что был прежде. Их время ушло, и тень вечности нависает над неизвестным будущим. Я попытался быть одним из его создателей и сделал все, чтобы придумать настоящую лотерею, где может достойно участвовать живой человек. Если я освободил разрушительные силы, которые уничтожат весь мир, тогда я готов отправить свою душу на терзания в Чистилище за каждого невинно погибшего из-за меня. Я молюсь за гибель Влада Цепеша и сотен его рыцарей-вампиров и за то, что освобождение от железных оков империи вампиров может спасти сто жизней за одну потерянную.

Дракула сделал шаг назад, и Ноэл почувствовал, будто груз упал с его плеч. Обвинения валашского воеводы ранили его больше, чем он ожидал, подвергнув испытанию веру в справедливость своего дела. Он почувствовал себя бесконечно уставшим и не верил, что, закованный в цепи, перенесет дорогу в Рим или выживет в лапах инквизиции. Он был слишком слабым, чтобы выдержать давление или боль, и почти смеялся над угрозами.

– Если бы ты жил в Лондоне, – прошептал Влад Цепеш, сверкая глазами, будто в жару, – Ричард не позволил бы убить тебя. Он был князем, которому нравилось быть люби-

мым, и симпатичный юноша мог его увлечь. Может быть, его способ превратить тебя в вампира мог удался, в отличие от твоего эликсира. Но в любом случае ты был бы сегодня аристократом английского двора, в пудре и шелках, любителем маскарадов и придворных танцев. Мир мог бы быть у твоих ног вместе с тонкими и милыми вампиршами, компенсирующими твою смертность.

– Моя жизнь была лучше этой, – сказал Ноэл просто.

– Ты так перестанешь думать, когда зажгут твой костер.

Ноэл засмеялся, без нотки вызова или презрения, но только потому, что увидел в этом шутку: абсурдный пример каприза, то ли Божьего, то ли дьявольского. И это было в мире, частью мира.

Он был рад, что Дракула смотрел влево, на Майкла Бихейма, и не понял его смеха.

– О да, – сказал Ноэл, внезапно озлившись. – Посмотри на своего спутника, которому ты рассказал эту историю, свидетельствующую о твоей испорченности, несмотря на все легенды и ложь вокруг нее. Но я говорю тебе, Влад Цепеш, что Шигиди идет, и он достигнет тебя сразу же после меня!

– Он бредит, – сказал Майкл Бихейм, притворяясь равнодушным.

Ноэл повернулся к Блонделю, в котором заметил некоторую мягкость, и сказал: «И ГВИР ИН ЭРБИН И БИД».

Он был доволен, увидя, что Блондель – и только он – знает эти слова, их значение. Валашцы смотрели на галльского

менестреля, ждали перевода. Тот подождал, чтобы поддразнить их, и соизволил заговорить.

– Вера, – сказал Блондель с иронией, – против мира.

ЭПИЛОГ

Расшифрованный текст письма, полученного лордом-протектором Британского Содружества, сэром Кенелмом Дигби летом 1663 года:

Мой лорд, Ты спрашивал о кончине Нозла Кордери. Я ухитрился быть ее свидетелем, о чем и расскажу, хотя подробности могут причинить тебе боль.

Шестого июня я пошел один инкогнито на большую площадь Ватикана. Там собралась значительная толпа людей в странном настроении – одни дурачились от восторга, другие были нарочито спокойными. В суматохе я не услышал многого, но сказанное было в духе сплетен, о которых ранее сообщал. Немногие из обычных людей считали Кордери виновным в недавних эпидемиях в Италии и Испании, хотя говорили, что он имеет отношение к смерти Влада Дракулы и нормандского наследника. Авторитет Кордери как волшебника сильно возрос, хотя римские церковники по каждому случаю заверяют свою паству, будто сила его проклятия ликвидирована.

Когда повозка с обоими появилась на площади, послышались крики и насмешки, несколько минут шум был таким сильным, что нельзя было ничего разобрать. Монах, Квинтус все время смотрел вокруг, голова Кордери была склонена. Пробравшись ближе, я увидел, что его губы опухли и бы-

ли обметаны, как при гангрене, руки переломаны, ногти вырваны, а суставы вывернуты, клещами.

На монахе не было видно следов пыток, может быть, из-за того, что он вампир, но ему отрезали язык, чтобы он не обратился к толпе.

Я видел, как Кордери поднял голову, когда повозка остановилась, чтобы посмотреть на высокий кол, платформу и столб, к которому его привяжут. Клянусь, сэр, он посмеивался, но думаю, что скорее был возбужден, чем храбрился. В нем не было ничего от той отчаянной живости, которую можно увидеть у присужденных к повешению в Тайберне.

Кордери, неспособного идти, подняли на платформу, хотя монаха заставили самого подняться по лестнице.

Их приковали к столбам так, что они могли двигать руками и ногами, борясь с пламенем. Римляне любят танцы жертв.

Толпа притихла, когда кардинал Святого престола прочел признание с подписью Кордери о том, что он был подданным дьявола, насадившего порок в мире, о чем Кордери искренне сожалеет. Он закончил словами благодарности тем, кто помог ему раскаяться, и желанием больше не медлить со смертью, чтобы не навредить ему еще больше. Это заявление не очень впечатляло, так как инквизиция считала свою работу хорошо сделанной только в том случае, если осужденный еретик сам осудил себя. А Кордери не смогли заставить сделать это.

Потом разожгли костры. Я не думал, что Кордери еще мог двигаться, но языки пламени заставили его корчиться, и он издал в агонии жуткий стон. Вампир оставался спокойным, недостижимым для боли, и стоял, подняв глаза к небу.

Костры из-за сухих дров сгорели быстро. Догорающее пламя позволило увидеть на столбах обуглившиеся и искореженные тела: скелеты, склеенные обгоревшим мясом. Шум стал невыносимым и не стих даже тогда, когда кардинал попытался опять обратиться к толпе. Некоторые завопили, что колдун поразил их криком, но солдаты в толпе заставили толпу замолчать.

Слышал, будто где-то в толчее был еще один англичанин, но мне его не назвали, и я не могу поэтому его найти. Этот человек якобы рассказал другому, что, когда кардинал показал на почерневшие трупы и крикнул:

«Это – справедливо казненные враги человечества», какой-то из черепов со скрипом повернулся на сморщившейся шее и отчетливо произнес: «Ты лжешь!». Думаю, это неправдоподобно, но историю часто повторяют, и я не могу с уверенностью утверждать, что это неправда.

Твой нижайший слуга П.

Часть 6

МИР, ПЛОТЬ И ДЬЯВОЛ

*В расцвете сил и радости я был, как вдруг
Ужасный одолел меня недуг,
Дух мой измучен хворью, испиты соки мои.
Timor Mortis conturbat me.
Земное наше бытие
Есть суета, тщеславие и тлен.
Фальшив сей мир,
Что забирает нас в недолгий плен,
плоть хрупкую ломая.
Рок пожирает наши бранные дни.
Timor Mortis conturbat me.
Сам человек весьма изменчив и непостоянен.
Вот он здоров, мгновение спустя – хандрит,
Вот он от счастья поет и вот уже от горести
вопит.
Он все еще от радости танцует, а уж готов
погибнуть с тоски.
Timor Mortis conturbat me.
Уиллиам Данбар
«Плач по Обыкновенному человеку».*

1

Было 13 июня 1983 года от Рождества Христова. Теплая

погода пришла в Новую Шотландию, и окно холла доктора Чедвика было открыто вешему бризу с моря с запахами рыбы и корабельных остовов.

Майкл Саузерн сидел в холле на низкой, покрытой пластиком кушетке, неловко вытянув увечную ногу. Он сжал палку правой рукой, суставы побелели от напряжения. Его светлые глаза беспокойно осматривали фотографии, сделанные под электронным микроскопом, которые украшали стену слева.

Вот вымороженная часть клетки печени, напоминающая ландшафт Луны в кратерах. А здесь множество сперматозоидов с красными кольцами – преобразованная сперма с игрек-хромосомами, передающими бессмертие. Огромное ядро делилось, и спутанные клубки хромосом расходились в танце жизни. Эти снимки волшебной камеры, смотрящей в сердце созидания, были чудесным свидетельством изобретательности природы и способности человека к открытиям.

Майкл чувствовал, что секретарша украдкой наблюдает за ним, хотя каждый раз, когда он бросал на нее взгляд, та склонялась над работой. Пишущая машинка была выключена, и она изучала бумаги, но ее внимание отвлекалось – из-за него девушка чувствовала себя неловко.

Она не была превращенной женщиной, просто обычным человеком, как и он. Ей было не больше двадцати, но это делало ее внимательнее к признакам его болезни.

Она все еще была созданием из хрупкой плоти и нена-

видела думать об этом. Знала: он пришел из-за ранения, и сознавала, что то же самое может случиться с ней при переходе улицы или посадке в трамвай. Но не это было НАСТОЯЩИМ ужасом его судьбы. НАСТОЯЩИМ ужасом для Майкла Саузерна было то, что он не мог отказаться от хрупкой плоти и стать законченным человеком.

Он запросил раннее превращение, не так из-за поврежденной ноги (позволявшей ему кое-как ходить) или постоянной боли (утоляемой морфием), но из-за раковой опухоли в раненой мышце вылеченной стопы. Хотя хирурги быстро удалили ее, существовала опасность возникновения других опухолей и распространения метастазов. Поэтому раннее превращение было желательным, и он прошел курс лечения.

Оно не удалось.

Неудивительно, думал Майкл, что его присутствие смущало девушку. В мире физического совершенства он был больным калекой; в мире бессмертных он был обречен.

Для него еще могла существовать надежда. Чедвик был ведущим ученым в области генетики в Новой Шотландии, возможно, лучшим на всем Атлантическом континенте. Если помощь еще можно было найти, то только здесь. Но Майкл знал несколько больше остальных о недавних триумфах и неудачах науки о жизни. Его отец находился под покровительством Дарвина: первопроходец в расшифровке генетического кода, один из черпателей чудесной пыли, пришед-

шей на землю в виде великого метеора Адамавары.

В несколько кратких мгновений, когда Майкл говорил с отцом по трансатлантическому телефону и был далеким свидетелем его тревоги, до него дошло, что ему предсказывают. Умереть в девятнадцать или двадцать лет в мире, старейшие обитатели которого родились во времена Христа, вдруг показалось жесточайшей из возможных судеб. Если бы он только знал, что должен остаться незаконченным, то заботился бы намного лучше о своем бренном теле.

И не было утешения в осознании того, что, если бы не случай, он мог дожить бы до дня, когда генетика нашла бы метод лечения синдрома Кордери и устранила извращенно упрямый пережиток обычной смертности из мира людей. То, что он, один из всех, был тяжело ранен в дорожном происшествии, теперь казалось особенно коварной иронией.

Звонок под столом секретарши отвлек Майкла от невеселых мыслей. Она приветливо улыбнулась, приглашая его войти. Она даже смогла смотреть, как неловко он поднимался, опираясь на палку, прежде чем проковылять в святая святых.

Чедвик встал при виде посетителя и хотел поддержать его, но Майкл отстранился, прошел к креслу у стола, сел.

Доктор сел за стол, взял лежащее на столе досье и открыл его чисто символически, дальше оно могло не понадобиться.

– Когда здесь будет твой отец? – спросил он.

– Завтра. Он вылетает сегодня вечером из Хитроу.

– Может быть, ему лучше все объяснить тебе? Он смог бы это сделать, как и я... и более спокойно.

– Наоборот, – сказал Майкл. – Уверен, это подействует ему на нервы, и мне будет труднее. Я знаю, что ты немногим можешь мне помочь, но хотелось бы знать, тогда я был бы с отцом на равных. Мы бы оба знали, о чем речь.

– Понимаю, – сказал Чедвик непонимающим голосом. – Хорошо, может быть, мне будет легче, если ты скажешь о своих знаниях в области биологии бессмертия.

– Знаю немного, несмотря на родню. Прочитал об этих делах. Я не думал идти в медицину или генетику. У меня вообще не было мыслей о карьере, а сейчас, видимо, они вообще мне не понадобятся.

Чедвика смутили эти слова. Черные волосы доктора были коротко подстрижены, в них проглядывала седая прядь – странная для законченных людей. Он выглядел очень почтенным, хотя его преобразовали едва ли более десяти лет назад, – на сорок-сорок пять лет, если судить по календарю.

– Да. Извини.

– Не надо, – сказал Майкл отрешенно. – Моя ошибка. Я же не отвечаю на твой вопрос. ДНК, ответственная за превращение, – одна из хромосомных кислот, занесенных на землю метеором Адамавары, что мы знаем благодаря недавним работам моего отца и другим, написанным более тысячи трехсот лет назад. Некоторые из молекул могут присоединиться – биохимическим звеном, не совсем ясным для нас, – к

игрек-хромосомам человека и других млекопитающих. Они это делают, если игрек-хромосома изолирована от икс-хромосомы, сопровождающей ее в сперматозоиде.

Другие хромосомные кислоты поступают странно с примитивными организмами; некоторые превратили простейшие одноклеточные и грибки в заразных для людей паразитов, как в случае так называемой серебряной болезни. Соединяющиеся непосредственно с игрек-хромосомой – самые интересные, особенно та, которая отвечает за бессмертие.

Бессмертие – результат доброкачественной «болезни», ведущей к самовосстановлению и устраняющей старение. Преобразованная сперма не может оплодотворить яйцеклетку, но через кровь она влияет на ткань мужчины или женщины. Неважно, как она попадает в кровь, – действием на открытую рану или внутривенным впрыскиванием, хотя, я думаю, верившие в магию европейские вампиры передавали ее через своеобразное половое сношение.

Попав в другое тело, преобразованная сперма основательно изменяется и начинает производить ДНК, включая собственные производные, в протеиновой оболочке. Эти метавирусы похожи на обычные вирусы и могут заражать клетки в теле, их ДНК не проникают в ядро зараженных клеток, но они устанавливают собственное производство там, где образуются белки. Здесь они делают клетку самовосстанавливающейся, устойчивой к распаду, инфекции и химическим изменениям в процессе старения. Это значит, что

тело, будучи законченным, может эффективно восстанавливать свои клетки. Побочный эффект различен: видимые изменения цвета кожи, волос, глаз и, конечно, резкое замедление производства спермы мужчин и прекращение овуляции женщин. Примерно так?

Чедвик натянуто улыбнулся:

– Если убрать жаргон, примерно так. Я не хочу усложнять картину разговорами о странствующих цитогенах и добавленных рибогенах, хотя ты, возможно, понял бы меня. Для твоего случая важны два факта.

Преобразование, в этом смысле слова, двусторонний вектор. ДНК, позволяющая людям превращаться в бесплодных и бессмертных, должна проделать сложный путь, чтобы действовать. Первый вектор – игрек-хромосома, с которой она соединяется и путешествует с преобразованной спермой. С ней она попадает в тело и превращается во второй вектор, становясь частью метавируса, несущего ее в ткани, где она будет действовать.

Даже тогда система не полна. Преобразующие ДНК, войдя в цитогенную систему, приводят ряд энзимов, включая энзим вампира, как его обычно называют. Мы еще не уверены, играет ли он полезную роль в бессмертии, но думаем, что да. Один из побочных эффектов предотвращение производства молекулы белка, присутствующей в малых количествах в крови и регулирующей через обратную связь производство таких гормонов, как тироксин и адреналин.

Законченный человек может жить, если он – или она – постоянно получает извне эту молекулу. Единственным надежным способом для наших предков было пить или как-нибудь иначе ежедневно впрыскивать кровь обычных людей, поэтому бессмертных называли вампирами. Подобная молекула в крови большинства млекопитающих – овец, рогатого скота и других – достаточно отличается, чтобы быть полезной; только шимпанзе и гориллы достаточно родственны нам, чтобы сделать их кровь действительным заменителем. Сейчас, конечно, мы извлекаем нужную молекулу в коммерческом масштабе из собранной у людей и шимпанзе крови, хотя в близком будущем перейдем к производству, основанному на генной инженерии.

Я не знаю, почему у этой системы такие странные свойства. Никто не знает, хотя твой отец может предложить некоторые мысли на основе изучения других ДНК, найденных вокруг кратера Адамавары. В твоём случае важно, что преобразование можно прервать тремя способами: два связаны с действием векторов и один – с действием цитогена. Все три могут быть причинами синдрома Кордери – иммунитета к бессмертию.

Иногда ткань противодействует преобразованным игрек-хромосомам спермы, и они с трудом внедряются в ткани. Мы обнаружили, что можем преодолеть это, испытывая разные ткани и находя подходящую с наименьшим противодействием. Если внедрение удалось, остальное идет без трудно-

стей.

Во втором ряде случаев иммунная система производит антитела, действующие против частичек антивируса, который потом станет цитогеном, и препятствующие их проникновению в клетки или резко замедляющие их распространение в теле. Метавирусы очень чувствительны и специфичны для каждого тела. Это тоже можно преодолеть, хотя и не без трудностей, удаляя ткань с внедрившейся спермой, выращивая ее *in vitro* и подвергая слабому облучению. Большинство полученных частичек метавируса изменено, но некоторые жизнеспособны и обладают измененной протеиновой оболочкой, иммунной к антивирусам. Это тяжкий труд, многие пациенты умерли, пока мы пытались довести его до успешного конца. Но настойчивость себя оправдает.

К сожалению, наши тесты показывают, что у тебя действовал третий способ. Блуждающие цитогены работают в таких тканях и должны продолжить свой труд.

К сожалению, они этого не делают. Как-то – мы точно не знаем как – твое тело отключает один или больше цитогенов, включая производящий энзим вампира. Мы думаем, что это может быть единственный ген-мутант в одной из твоих хромосом, влияющий на действие или бездействие различных тканей. Мутации, кажется, не воздействуют на обычную жизнь твоего тела, но они, видимо, предотвращают изменение естества, которое производит Адамавара. Мы сейчас не можем с этим бороться, но надеемся, что скоро на-

учимся обнаруживать эти вырождающиеся гены и исключать их воздействие. Пока же мы, увы, бессильны.

Закончив, Чедвик безнадежно развел руками. Ему не нужно было говорить, что, несмотря на быстрый прогресс биотехнологии, невозможно предугадать открытие за десять, двадцать или пятьдесят лет.

Тем временем можно было ожидать только ухудшения здоровья Майкла. Сейчас, когда его поврежденная ткань производила раковые клетки, которые должны бы разрушить блуждающие цитогены, он соревновался со временем. В этой гонке, как и во всех других, он отставал, хромал, был увечным.

– Ты понимаешь все это? – волнуясь, спросил доктор. – Боюсь, что невозможно совсем уйти от специальных терминов.

– Да, – сказал Майкл. – Я могу следить за ходом рассуждений и действительно понимаю.

– Мне очень жаль.

– Я знаю. Спасибо.

– Важно, что ты не прекращаешь надеяться. В нашем расстройстве все резервы обычной медицины. Мы можем контролировать боль и постоянно проверять, нет ли рака. Если обнаружим, можем эффективно лечить.

– Да, конечно, – кивнул Майкл. Но его близорукие голубые глаза выразили понимание того, что доктор осознавал недостаточность своего предложения. Доктор вел себя по-

деловому, скрываясь за бесшабашной седой прядью и зная, что может увидеть трехтысячный год, если только человечество сдержится от ядерного самоуничтожения. Вооружившись этой уверенностью, с абсурдной серьезностью он пытался убедить пациента, что тот, если удастся, доживет до шестидесяти или семидесяти лет, слабый и больной, изгой человеческого общества.

Что мог сказать Майкл в ответ на этот мизер, кроме как: «Спасибо. Я знаю, большего ты не можешь сделать».

– Но есть надежда, – настаивал Чедвик. – Улучшив опознавание генов, скоро можно открыть дверь полному анализу человеческого генотипа. Это, верно, геркулесов труд: большое количество ДНК, сотни тысяч генов. Но над этим работают тысячи людей, и они постепенно выясняют механизмы контроля – включение и выключение отдельных генов в разных клетках. Подумай о нашем прогрессе со времени твоего рождения. Твой отец...

Доктор словно бы ожидал жеста прощения – чего-нибудь, освобождающего от отчаянных поисков, дающих надежду фраз и ободряющих заклинаний.

– Действуют ли таблетки? – спросил он, переключаясь на другой курс в поисках более безопасной темы.

– О да, – сказал Майкл. – Мне не надо принимать их все время теперь – только при сильных болях. Побочных явлений нет, если не считать кошмаров.

– Это хорошо.

Майкл не ответил доктору, только смотрел светлыми глазами, дополнявшими список его признаков. Только у обычных людей бывают голубые глаза, глаза цвета моря, в котором отражается небо.

Чедвик ждал, все еще водя руками в воздухе, будто надеясь найти комплекс лечебных пассов, обладающих оккультной силой. Ему нечего было больше сказать.

– Спасибо, доктор Чедвик, – повторил Майкл. Он сказал это спокойно, равнодушно.

«СПАСИБО», – подумал он, с трудом поднимаясь и опираясь о палку.

«СПАСИБО», – подумал он, проходя в дверь, открытую доктором.

«СПАСИБО», – подумал он, взглянув на секретаршу, улыбавшуюся ему.

Он не знал, кому или чему обязан этой горькой, саркастической, неохотной благодарностью, но в ней недостатка не было, и он благодарил. К тому же все искренне жалели его, искренне пытались помочь, и он должен был ругать только себя, если их чувства и действия опоздали, чтобы сделать ему добро.

2

Когда сумерки растаяли, Майкл включил свет рядом с кроватью. Взял книгу по истории второй мировой войны, которую начал читать неделю назад, но быстро отложил ее. Интерес к книге пробудили торжества по поводу очередной годовщины окончания войны, однако энтузиазм быстро исчез. В книге было много политических комментариев и мало описания наиболее драматических моментов конфликта. Не хотелось читать о тонкостях дипломатии; хотелось описания крупнейших городов Европы и Африки, опустошенных бомбардировщиками, обрушившимися на них огонь и отравляющий газ.

Подняв книгу опять, прочитал там страницу, но абзацы только напоминали, почему он прекратил чтение.

Со вздохом бросил книгу на столик рядом.

Послышался стук в дверь, он автоматически подвинул ноги, как бы желая убрать их с кровати и встать. Но резкая боль напомнила об анахронизме таких рефлексов, неподходящих для его нынешнего состояния. Он пригласил войти.

Несколько разочаровавшись, увидел входящего в комнату отца. Не потому, что не хотел видеть его – как раз наоборот, но его задело, что отец ждал ответа на стук. Эта вежливость показалась Майклу символом удаленности, так быстро увеличившейся между ними с тех пор, как старший Саузерн

стал бессмертным, за два года до аварии.

Томас Саузерн, высокий мужчина, всегда сильный и красивый, теперь стал еще красивее – с черными и гладкими волосами, бледной и блестящей кожей, хотя часть его прежней силы, казалось, испарялась из него сейчас, когда ему не требовалось хранить свою молодость упражнениями и испытаниями.

Майкл знал, что раньше был похож на отца – выглядел обычным человеком, как отец, но осколки разбитого ветрового стекла безобразили лицо, хромая нога изменила походку.

Отец принес открытую бутылку вина и два стакана.

Он показал их, приподняв:

– Хороший кларет. Я привез его из Европы, думал, что тебе, может быть, захочется выпить его со мной вместе.

– Мне не хочется, – сказал Майкл и быстро добавил: – Хотя один стакан не повредит; это мило с твоей стороны.

Томас поставил стаканы на столик рядом, отодвинул книгу, взглянув на название, и осторожно налил вино. Затем принес кресло из угла комнаты, сел.

– Как ты себя чувствуешь?

– Думаю, что лучше. Точно, было хуже.

– С анальгетиками есть проблемы?

– Я к ним не привыкаю, если ты спрашиваешь об этом. Но боль остается, иногда очень сильная.

– Возможно, рано ходить так много. Не следует перена-

прягаться.

– Дело не в ходьбе. Я могу терпеть боль, когда иду. Вот когда сижу или ложусь, боль сводит меня с ума. Но все о'кей. О'КЕЙ.

Наступила пауза. Томас Саузерн задумчиво кивал.

Его карие глаза, которые были раньше голубыми, встретили взгляд сына.

– Я говорил с Чедвиком по телефону, – сказал он. – Он мне сказал, что полностью объяснил положение и ты понял, но я думал, остался ли ты вежливым. Ему трудно излагать мысли на простом английском. Ты проследил, что он сказал об изменившемся гене контроля?

– Не совсем, – ответил Майкл. – Но это ведь неважно? Понимание терминов не дает объяснения – слова сами по себе не обладают волшебной силой. Факт это то, что я умираю, и до своей смерти буду болеть и переносить боль. Пониманием я не изменю этого.

– Я не знаю, может быть, и сможешь. Понимание – это вид силы, источник смелости. Если ты спасешься, в этом поможет лучшее понимание. Мы с каждым годом узнаем больше. Мы начинаем понимать, как действуют блуждающие цитогены, если мы это поймем, то сможем разработать новые биотехнологии. Понимание МОЖЕТ менять, Майкл, или открывать путь к изменениям. Возможно, это произойдет нескоро, но ты еще молод и у тебя будет лучший медицинский уход. Мы еще можем сделать тебя бессмертным, и

боль не будет напрасной.

– Тебе легко не думать о боли, – сказал Майкл. – Я же ощущаю ее постоянно.

– Это несправедливо, Майкл.

Майкл отхлебнул вина, вдруг готовый расплакаться и сядя на себя за это.

– О нет, – заявил он с горечью. – Ты, конечно, пони маешь. Ты помнишь, что значит быть молодым. Тебе еще нет трехсот лет, холодных, как камень. Кто не чувствует боли, тот не чувствует сожаления – не так ли говорят? Ты еще не такой? **НЕТ ЕЩЕ.** Пока что ты можешь представить, что я чувствую.

Томас отпил из стакана.

– Это не так, Майкл. Бессмертные не становятся бесчувственными, если не воспитывают в себе грубость. Эта пословица – еще одна бабушкина сказка, как и остальное. Но дело ведь не в этом? Я знаю, что тебя ранили, и не раз, но важно то, что тебя не покидает надежда. Сдаться – это доказать, что все страхи сбудутся. Я не говорю, что случившееся с тобой – не ужасно, потому что так оно и есть. Это еще хуже, так как в нашем мире каждый хочет стать бессмертным. Ты должен вспомнить, что во многих частях света один из двоих умирает до бессмертия и двое из трех бессмертных умирают в результате насилия, не достигая семидесяти лет, обещанных Библией даже обычным людям. Будь доволен, что живешь сегодня, а не двести лет назад, когда нужно было пережить

две мировые войны и не было ни малейшей надежды на твое излечение. Я знаю, как тяжело, Майкл, но...

– Ты НЕ ЗНАЕШЬ! – Майкл пытался сдержать слезы.

Томас Саузерн покачал головой испуганно, но не сердито.

– Я был в Африке, Майкл. Я был в пустыне и тропических джунглях. Ты думаешь, я не насмотрелся страданий? Ты думаешь, я не видел людей несчастнее тебя?

– Нет, – мягко ответил Майкл. – Я думаю, ты видел. Но африканцы сами устроили неразбериху. Они обладали бессмертием задолго до остального мира, и что они с ним сделали? Им некого винить в своих бедах, кроме себя самих и глупых предрассудков, от которых они не смогли отделаться. Они могли создать целое общество бессмертных еще до строительства Рима, если бы умнее использовали свой дар, но вместо этого они создали Огбоне и расу кастрированных старцев. Но чем я заслужил потерю шанса жить вечно?

– Ты не должен презирать африканцев, – сказал Томас, – даже Огбоне. Мы обязаны бессмертием тому, что ты называешь глупыми предрассудками. Если бы прибывшее на землю внутри метеора Адамавары органическое вещество упало среди других людей, что бы принесло оно, кроме ряда эпидемий? Не только серебряная болезнь – само семя бессмертия убивало бы лишь потому, что люди никогда бы не узнали, что еще нужно для того, чтобы жить. Некоторые африканцы приносили жертвы своим богам и некоторые из их святых пили человеческую кровь, потому они и нашли тайну вечной

жизни. Без этого дар был бы бесполезным и мог бы уничтожить человечество вместо обеспечения жизни, чем мы пользуемся.

– Обеспечения жизни? Он обеспечил жизнь? Этому мы научились из истории? Я слышал, что вечная жизнь задумана для того, чтобы надежнее убивать друг друга. Говорили, что мы обходились бы дубинками и копьями, если бы не бессмертие, и не придумали бы методы убийства, использовав в двух мировых войнах, как и ядерное оружие, перед которым все будут равны в третьей мировой войне.

– Если это так, – мягко заметил Томас, – тогда ты не очень много потерял.

– Может быть, я и должен внушать себе это. В тени водородной бомбы все смертно, и ничья боль не значит много.

– Если хочешь, ты, конечно, можешь делать это, сказал отец. – Но не думаю, что это верно. Это ведь не спасает от отчаяния? Это просто попытка увидеть отражение своей неудачи в состоянии мира. Столкнувшись с возможностью собственной смерти, ты не должен утешаться картиной катастрофы. Если хочешь извлечь уроки из прошлого, можешь увидеть, что никто не знает будущего, но это не лишает надежды.

Майкл осушил стакан и жестом попросил еще, хотя Томас не допил свой. Отец наполнил стакан сына.

– Я думаю, что ты прав, – согласился Майкл. – Но не могу избавиться с г ощущением определенной иронии в этом все-

мирном кризисе. Благодаря раскопкам в Адамаваре ты открыл, что бессмертие – это внеземной дар, какое-то чудо для тех, кто в своем развитии еще не дорос до такой привилегии. Но как мы всегда использовали этот дар? Как мы использовали все другие привилегии – наши умные головы, острые глаза и умелые руки? Мы же использовали их умело и умно, чтобы дойти до грани самоуничтожения. Если у дара есть творец, как же он должен оплакивать его участь!

– Мы еще не уничтожили себл, – спокойно сказал Томас Саузерк. – И мы достигли мясого нашими умными головами, острыми глазами и умелыми руками.

– Конечно, – протянул Майкл, – некоторые говорят, что этот дар **БЫЛ НИСПОСЛАН** нам, если не Богом или африканским идолом, то союзниками, с целью прибавить нам немного от Бога. Ты слышал такие рассуждения?

– Да, – согласился отец. – В таком виде они глуповаты. Но дар был, даже без творца. Если не было Бога, было чудо. Некоторые из моих коллег все еще не верят во внеземное происхождение ДНК лз Адамавары – хотят доказать, что в гипотезе о развитии ДНК больше, чем на одной планете слишком много совпадений, а ее космическое происхождение слишком фантастично. Они предполагают, что метеор вызвал серию мутаций из-за радиации или химического загрязнения, и меньше верят в спонтанное размножение или усложнение игрек-хромосомы, произведшее хромосомные кислоты Адамавары, чем в чужеродность ДНК, способной

тем не менее на плодотворное слияние с человеческой ДНК.

– Иногда мне кажется, – сказал Майкл, – что все эти объяснения притянуты за уши. И те, что мечтают дать нам ключ к бессмертию, и те, что стараются объяснить, как люди стали людьми, и те, которые рассказывают о появлении жизни из изначального хаоса. Я скорее поверю в обезьяну с пишущей машинкой, производящую творения Шекспира, чем в единственный мир, который произвел сложнейшую биохимию за несколько миллиардов лет.

– Тут ты не одинок. Старик Дарвин сказал мне, что в этом – Божий замысел и рука Божья; и даже Чарльз, изгонявший божественное начало из-природы вещей, усматривает слияние чужой ДНК с игрек-хромосомой настолько значительным, что это представляется ему чудом. Он обменялся письмами со Сванте Аргениусом, и они сейчас серьезно обсуждают с астрономами и космоведами возможное внеземное происхождение жизни на Земле.

– Но я тоже не могу поверить в чужеродных родителей, – задумчиво добавил Майкл. – Обезьяна с Шекспиром – подающий надежды парень по сравнению с далеким филантропом, подарившим нам бессмертие, спрятав его в межзвездную ракету. Он близок и удобен – он раньше мог прислать нам гены, произведшие наши умные мозги, гены, давшие нам умелые руки. Они тоже родились, по словам палеонтологов, в Африке, поэтому Африка должна быть целью, в которую попадают далекие снайперы.

– Будь все это так, – заметил Томас, – мы могли бы справедливо сказать, чем на самом деле является человек. Сгустком генетических нитей и клочков! Мы могли бы думать о наших творцах, как о плохих и беспечных родителях, отцах, давших свое семя в несчастливые чресла в ночь без любви и затем исчезнувших, оставив свои чада для жизни в борьбе и розни, без заботы и доброго совета, кроме данных матушкой-природой.

Майкл не смеялся, но его слезы высохли.

– Ты не очень доверяешь отцам, – проворчал он.

Томас Саузерн взглянул на сына, как бы почувствовав упрек.

Майкл поймал этот взгляд и тотчас же пожалел о своей невнимательности. Он знал, что был поздним ребенком для отца – его мать была моложе, – но Томас Саузерн отодвинул свое превращение до его пятнадцатилетия, и почти все считали этот сдвиг оправданным. Уже после своего превращения старший Саузерн много времени провел за рубежом, но всегда заботился о своей семье. Когда с Майклом случилось несчастье, отец приходил ежедневно целый месяц, чтобы сидеть у больничной койки. Майкл знал, он не может обижаться на родителей, они не были виноваты ни в его несчастье, ни в его иммунитете к бессмертию.

– Извини, – сказал Майкл, – никак не избавлюсь от мысли, что я тебя как-то глупо подвел. Одно накладывается на другое. Несчастный случай был неудачей, но его бы я пере-

жил. Узнать же, что у меня неизлечимый синдром Кордери, это слишком. Понимаешь, слишком?

Майкл опять вытер наворачнувшиеся слезы, хотя и старался не плакать. Он не отказался бы увидеть слезы в глазах отца. Это позволило бы ему выплакаться и показало бы, что его отец, будучи бессмертным, все же волнуется за него, как и раньше.

Но глаза Томаса Саузерна были сухими.

Бессмертные плакали редко, и никто не знал почему.

В их глазах слезы не появлялись. Когда-то утверждали, что вампиры не плачут, но это неправда. То же говорили о ведьмах; это тоже не было правдой, если ведьмы вообще когда-либо существовали.

– Да, это слишком, – согласился отец. – И это значит, что ты должен быть мужественным. Ты слишком хорош, чтобы быть побежденным, даже таким тяжким испытанием. Обычным человеком быть недостаточно – ты должен стать героем. Обычные люди тоже могут быть героями. Это доказано.

– Доказано и то, – заметил Майкл, – что некоторые из них не могут.

– Но у тебя есть выбор.

Майкл пожал плечами.

– Что ты думаешь? – спросил он, переводя разговор на более безопасную тему, – о метеоре Адамавары. Если ДНК – внеземная, как она смогла присоединиться к игрек-хромосоме, будто всегда там была?

– Один Бог знает, – сказал мягко Томас Саузерн. ПОКА.

– А ты во что веришь?

– Речь не о вере. Мы можем только рассуждать. Внеземные снайперы маловероятны, но можно предположить, что жизнь и ДНК рассеяны по всей Вселенной. Не отрицаю – это удобная гипотеза. Астрономы уверяют, что солнце – это звезда второго поколения и что все тяжелые планеты Солнечной системы – это остатки сверхновой, вспыхнувшей миллиарды лет назад. Может быть, пространство, в котором скользит Солнечная система вокруг центра Галактики, насыщено генетическими обломками ранее существовавшей экосферы или, вероятнее, тысяч экосфер. Возможно, историю жизни на Земле мы пересказываем, вспоминаем фразу за фразой, легенду за легендой. Возможно, мы не просто движемся от не существования к уничтожению, через бессмертие и атомную бомбу. Возможно, мы похожи на обезьяну за пишущей машинкой, исключая момент, когда она напечатала: «Быть или не быть...» – и остановилась, чтобы набраться вдохновения, глядя в пустую темноту, и вдруг натолкнулась на продолжение фразы: «...вот в чем вопрос». Возможно, жизнь не совсем то, что находится здесь, в нашем крошечном уголке бесконечности, но она везде и создает экосферы и виды жизни, которые, даже если они расцветают и сразу увядают, оставляют следы в вакууме: мельчайшие молекулы, движущиеся и оседающие всегда, везде, где они могут закрепиться и проникнуть дальше, несмотря на взрывы

звезд и бесконечное расширение Вселенной.

Дело не в научной вере, Майкл, а в религиозной. Возможно, как раз она и нужна нам, чтобы понять себя, как наши предки верили в Бога-покровителя, старейшины Адамавары – в Олоруна, Шанго и Олори-мерина. Может быть, тебе надо посмотреть вне себя – далеко, насколько возможно, чтобы вычислить, где твое место. Возможно, тебе следует спросить себя: «ПОЧЕМУ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ СО МНОЙ?» Предположим, что метеор не упал в Африку тысячу триста лет назад. Что значит тысяча триста лет в вечности, если не мгновение: ты смог бы соизмерить свои трудности с судьбой всего рода человеческого. Но метеор мог прилететь завтра или совсем не явиться, и мы все равно были бы частичкой той же обширной раскрывающейся истории, и у нас оставалась бы наша роль, наша минута на сцене, наша маленькая легенда. Я не думаю, что мы можем считать себя незначительной мелочью. Ни Землю, ни человечество, ни одну из наших жизней.

Я хочу сказать, Майкл, что, если искать упорно, можно найти надежду. Иногда нужна небольшая помощь, и только. Микроскоп или идея.

Томас Саузерн опустил взгляд и допил вино. Его смутило и немного опечалило сказанное, но глаза его оставались сухими.

Вдруг Майкл решил, что не хочет видеть слез. Он ждал от отца не жалости, а поддержки, подтверждения душевной близости и родства, которые получал раньше.

– Возможно, ты прав, – неуверенно проговорил он.

– Возможно. Жаль, но это все, что могу предложить, это только предположение.

– С предположением я справлюсь, – сказал Майкл.

И добавил, чтобы не казаться жестким: – По меньшей мере, попробую.

3

Майкл Саузерн часто уходил гулять среди утесов вдоль бухты к югу от дома родителей. Он хорошо знал здешнее побережье и излазил все близлежащие бухты, когда ему было двенадцать лет. И позже Майкл часто приходил сюда, разыскивая морскую живность, вынесенную на берег.

В те дни он был проворным юношей, любил карабкаться по скалам, уходил за волной отлива изучать рифы, видевшие свет дня раз или два в месяц. Он охотился за экзотическими водорослями и странными иглокожими, играл с накатывающимися волнами, идя перед ними к берегу, прыгая с камня на камень, напрягаясь от волнения погони.

Тогда он не замечал холодного моря, резкого ветра, свинцовых облаков. Он, согретый радостью жизни, защищенный от стихий, был неутомим.

Несчастный случай изменил все.

Какое-то время Майкл вообще не сворачивал на тропу к морю, но позже стал добираться туда с одной целью – тренировать больную ногу. Выйдя из больницы, он с трудом мог преодолеть сотню ярдов, но, вернувшись к утесам как к тренировочной площадке, уже достиг многого. Теперь он преодолевал несколько миль, и не однажды бывал там, куда приводила его старая любовь к бродяжничеству.

Эти места очень изменились; Майкл едва узнавал их.

Если раньше здесь была беговая дорожка, где он опережал волну, то сейчас все одичало: неприкосновенное и недосягаемое. Он больше не сражался с морем и усталостью, иссушившей его запал.

Сразу после больницы, предпринимая вылазки сюда, он пытался возвращаться домой пешком. Но это внушало страх, не давало пройти много. Тогда он стал поступать по-другому: шел до изнеможения, потом останавливал попутную машину и добирался на ней до дома.

Его матери не нравилась эта привычка, она боялась, что однажды, переоценив свои силы, он уйдет слишком далеко. Но мать стала бессмертной, и Майкл часто думал, что она слишком много возражала, желая скрыть свое растущее спокойствие, охватывающее разум так, как чуткая ДНК занимала клетки ее тела. Поэтому он не принимал ее возражения всерьез и упорно занимался своими тренировками.

Майкл надеялся сегодня, что отец прогуляется с ним, как раньше, но положение Томаса Саузерна обязывало его, несмотря на приезд из Европы к сыну, встречаться с заинтересованными лицами, требующими его внимания.

И Томас Саузерн поехал в Галифакс, оставив сына развлекаться без него. Майкл спрятал разочарование и, давая себе все большие нагрузки, решил уйти от дома как можно дальше.

Утро было не очень холодным, хотя с моря дул сильный ветер и прогноз обещал сильные дожди. Рыболовецкие суда

не вышли в море, и это подтверждало прогноз погоды. Но Майкла это не смущало, он никогда не боялся плохой погоды раньше и сейчас был готов презирать ее угрозы.

К полудню он прошел семь миль и приближался к тропе, где не гулял годы. Он не останавливался, чтобы посмотреть вниз на небольшие бухты под утесами, где отлив обнажал покрытые водорослями камни, так привлекавшие его когда-то. Тропинка спускалась вниз по утесу к пустому пляжу, покрытому щебнем и редкими кустами.

По склону Майкл шел быстрее, но из-за напряжения поврежденная нога стала болеть. Ему показалось неприятным парадоксом, что с облегчением пути боль в поврежденных мышцах усиливалась. Он остановился и осмотрелся. Море сместилось далеко на восток – тонкая сверкающая полоса над линией горизонта контрастировала с нависающей серой тучей. Большая часть неба была ясной и голубой, хотя плотные облака время от времени закрывали солнечный свет.

Майкл посмотрел в глубь суши, но складки местности и кучки деревьев затрудняли обзор. Был виден только один дом, затерявшийся среди деревьев, далеко от дороги. Это не была ферма, и он подумал, что дом построили, пользуясь отдаленностью места, возможно, для пережившего две мировые войны и передраги техногенного века отшельника. В этой части Новой Атлантиды было много уголков для таких беглецов к природе, скрытых от угрозы изменений и модернизации.

Далее, на юго-западе, Майкл увидел утесы, вздымавшиеся, как крепость. Он был уверен, что посещал удаленный склон, может быть даже дважды, но забыл, как туда идти. Пытался вспомнить, пока не понял, что находится только в полумиле от небольшой речки, впадающей вторе. Она проделала за тысячи лет глубокий проход, пробиваясь к большой воде. Мост был далеко от моря, и он подумал, что в дельте сможет пересечь ее вброд даже в обуви.

Надеясь на это, Майкл спустился ниже линии прилива и пошел по мокрому песку между убегающими к морю каменными выступами. Раньше они не представили бы для него трудности, но сейчас больная нога мешала. Он хотел перебраться через низкую скалу, но не смог этого сделать даже при помощи палки. Влажные камни были скользкими.

Задумавшись, не заметил, что зашел далеко за линию отлива, обозначенную водорослями и пустыми ракушками. С удивлением он увидел, что волны бьются о скалы всего в футах девяноста от него.

Он не сразу спохватился, хотя понимал, каким медлительным теперь стал. Он не мог себе представить, что море угрожает ему. С легкой досадой повернул назад и понял, что забыл дорогу.

Ему пришло в голову, что он в опасности и схватку со стихией может и не выиграть. В этом Майклу виделся вызов, но сознание того, что его ослабленное тело подвергнется испытанию, было неприятным.

Посмотрев на бьющиеся о скалы волны, он заметил, как серая пелена облаков окутала небо, и почувствовал, что это не просто океан охотится за ним, но вся природа проверяет его способность к существованию.

Его палка стучала по гальке, он спешил, но через несколько минут понял, что не сможет найти свои следы, оставленные на песке. Майкл не был приспособлен карабкаться, но был обязан делать это. Знал, что, если взберется на гряду, сможет пройти по ней к линии прилива.

Гранитные выступы змеились, как щупальца. Он приблизился к стене скал и попытался взобраться вверх. Близость моря и ярость волн заставляли спешить, но, не удержавшись на скале, Майкл поскользнулся, упал, выронив палку и оцарапав правое колено. Падение было так же опасно, как невозможность перелезть через эту стену. Он умел плавать, но понял: если море настигнет его и начнется шторм с дождем, шансов выплыть среди огромных камней с зазубренными краями у него нет. Безжалостные волны просто разобьют его об эти камни.

В отчаянии Майкл опять попытался взобраться на скалу и опять соскользнул вниз по мокрым водорослям.

Он не мог подтянуться на руках, а ноги соскальзывали. Он похромал вдоль стены, но море догоняло его.

Наконец нашел расселину и стал карабкаться вверх, дюйм за дюймом. Волны настигали его. Он расцарапал руки, сбил кожу на локтях и разорвал брюки, но последним рывком влез

на скалу.

Мгновение он лежал неподвижно, но знал – идти еще далеко и гребень скалы будет еще более трудным, чем песок. Он подобрал палку и поковылял вперед, весь в ссадинах и царапинах. Падал, поднимался и падал опять. Пошел проливной дождь, и высушенные полуденным солнцем скалы стали вновь мокрыми, угрожая очередными падениями, каждое из которых могло повредить его ногу так, что дальнейшее продвижение станет невозможным.

Майкл шел, сжав зубы, ощупывая палкой путь. Теперь каждый шаг казался победой, и он попытался представить, сколько таких побед ему предстоит. Смахнув грязной рукой капли дождя с лица, со страхом ощутил, что они перемешаны со слезами. Он плакал от напряжения и тревоги, ругая себя за эту слабость, которую, к счастью, никто не мог увидеть.

Прилив почти настиг его, и, если бы он был сейчас на песке, волны уже бились бы о его колени; но здесь, на гребне скалы, было относительно безопасно. Воляы шумели вокруг, но только отдельные брызги настигали его.

Только восемьдесят ярдов отделяло его от безопасного места, и он знал, что сможет преодолеть их. Знал, что у него хватит сил взобраться на крутые скалы и уйти по ним от агрессии волн, если только не упадет.

Майкл остановился, и его дыхание перехватило от паники: он увидел, что каменная гряда прервалась, впереди колыхалась полоса воды.

Полоса не была широкой; двенадцатилетним он бы с ходу перепрыгнул ее, а сейчас... Если бы оттолкнуться здоровой ногой даже без разбега, он перепрыгнул бы. Но как приземлиться? Как смягчить прыжок больной ногой, зная, что удар может окончательно ее повредить?

У него не было выбора, кроме как путь по пояс в воде. Это не представляло особой сложности, так как скалы ослабляли силу волн. И в воде он пробудет только несколько секунд, чтобы сделать два шага. Но сможет ли он взобраться на противоположный гребень?

Несколько секунд Майкл стоял на скале, глядя на воду. Выбора не было. Или все, или ничего. Он собирался с силами.

Казалось чудовищно несправедливым, преодолев почти все, прийти к такому финалу. Будто сама природа поставила ему эту последнюю, самую коварную западню, как бы подшучивая над ним.

«ПОДЛОСТЬ! – думал он возмущенно. – ПОДЛОЕ МОРЕ! ПОДЛЫЕ СКАЛЫ! ПОДЛАЯ НОГА!»

Затем он бросил свою палку через воду и соскользнул по скале вниз. Его сразу пронзил холод, но, как ни странно, это помогло больной ноге, взбодрило ее. Одной рукой Майкл держался за выступ скалы, вторую протянул вперед, к стене расщелины. Еще один шаткий шаг – и он ухватился за камень, прижался к скале. Уровень воды изменялся с каждой волной, то поднимаясь до груди, то падая до бедер. Он подо-

ждал, пока волна схлынет, чтобы с новой подняться выше.

Улучив момент, метнулся вверх, стараясь опереться о скалу здоровой ногой. Потом нашел опору, достаточную, чтобы бросить себя вперед. Свободной рукой искал новую опору, схватился за гребень скалы, беспомощно перебирая ногами. Затем смог подтянуться наверх, вытащив себя из воды и перевесившись через гребень скалы.

Минуту Майкл тихо лежал на боку, всхлипывая с облегчением, затем поднялся и опять пошел неровным шагом, опираясь на палку.

Наконец он подошел к крутым, покрытым лишайником скалам за линией прилива, но не остановился, так как волны могли и здесь до него добраться. Чувство тревоги ушло, валуны остались позади. Влага на лице не была больше соленой – не морская вода, не слезы, а чистый, добрый дождь.

Майкл вспомнил, что до дома среди деревьев еще далеко, но это уже ничего не значило. Он мог идти туда днем и ночью. Погоня завершилась, море проиграло. Хотя он промок и чувствовал боль, но опять был в своей стихии и далек от окончательного поражения.

4

Заметив парня, лежащего на скалах над берегом, Лейла подумала, что он мертв и тело выброшено мощной волной во время бури. Но, подойдя ближе, увидела, что парень весь в крови. Он был в сознании и шевельнулся, видимо, услышав шаги. Она присела рядом, и он тоже попытался сесть, но не смог. Парень мигал от дождя и, хотя губы его шевелились, не мог произнести ни слова. Она поняла, что он не сможет подняться сам, но с ее помощью дойдет до дома.

Лейла осмотрела его раны.

– Болит нога, – пробормотал он, когда заставил наконец работать голосовые связки.

Она кивнула в знак того, что поняла.

Он был выше и тяжелее ее, но женщине удалось, обхватив под мышками, поднять его, пока он не выпрямился и не обнял ее за плечи правой рукой. Он поднял свою палку, оперся на нее, и они пошли вверх по тропе среди скал к лесу. Лейла только раз остановилась, чтобы отдохнуть, но она всегда была сильной для женщины ее ранга, а парень был тонким и хрупким, без единого грамма лишнего веса. Она привела его в дом, усадила на кушетку и присела рядом, чтобы перевести дух.

– Спасибо, – сказал он низким голосом. – Извини, что был так тяжел и неуклюж.

Лейла отмахнулась, показав, что это неловкое извинение ни к чему.

Она подвинула кушетку к камину, где лежали неразоженные поленья, разожгла лучину и смотрела, как огонь побежал по поленьям. Затем закутала парня, мокрого до нитки, в одеяло.

Сейчас он сидел с закрытыми глазами, откинувшись назад. Она налила немного бренди и попыталась заставить его отхлебнуть. Он открыл глаза, глотнул и закашлялся, отказавшись от второго глотка. Она принесла кувшин горячей воды, полотенце, стала вытирать его лицо, руки, омывая порезы и стараясь восстановить кровообращение. Он смог открыть глаза и заговорить.

– Спасибо, – повторил он, на этот раз более решительно.

– Ты скинешь мокрую одежду? – спросила она.

Он покачал головой, пробормотав:

– Нога болит. Где моя палка?

Она оставила палку в прихожей.

– Палка теперь тебе не нужна, – заверила она. – Как тебя зовут?

– Майкл, – ответил он и добавил: – Майкл Саузерн.

– О да, – сказала она, заметив только теперь сходство. – Несколько лет назад я знала твоего отца.

Возможно, что-то было в самих словах или в том, как они были сказаны, но, несмотря на его слабость, реакция была мгновенной. Лейла посмотрела на выражение лица юноши и

попыталась сдержать его, когда он было рванулся встать. Как много обычных людей слышали эти слова от вампирши – **Я ЗНАЛА ТВОЕГО ОТЦА МОЛОДЫМ** – и воспринимали их как измену своим слишком земным матерям? Но она имела в виду другое. Томас Саузерн был ее обычным знакомым.

– Я тебя не знаю, – сказал Майкл более уверенно и с ноткой враждебности.

– Нет, – подтвердила она. – Я не очень... общительна теперь. Меня зовут Лейла.

Майкл нахмурился. Имя явно ничего не говорило ему.

Его голубые глаза изучали ее лицо, и, когда она встала, продолжали следить за ней, как бы останавливая. Она задержалась, спокойно села и смотрела на него.

Она хорошо понимала причину замешательства в этом взгляде. Лейла была смуглой по сравнению с другими бессмертными в этой части света, бронзовой, а не гипсово-белой, но это было ему безразлично. Он мог думать только об одном: **СКОЛЬКО ЕЙ ЛЕТ? ИЗ КАКИХ МРАЧНЫХ ВРЕМЕН ПРОШЛОГО ОНА ПРИШЛА?** Когда обычный человек смотрел на вампиршу, он хотел знать, какой временной промежуток ему следует преодолеть прикосновением и воображением.

– Я позвоню твоему отцу, – сказала она.

– Не надо. Он уехал в Галифакс. Мать поехала с ним в магазины. Дома никого нет.

Она посмотрела на свои часы, думая, знает ли он, сколько

времени пролежал на берегу. Еще не было пяти, и на ответ она не надеялась.

– Я все же попытаюсь.

Лейла подошла к телефону и взяла телефонную книгу. Она представила улыбку на его лице, когда он заметит, что она не знает номера телефона. В последний раз она видела Томаса Саузерна более двадцати лет назад и его номера никогда не знала. Она нашла его, набрала и услышала зуммер не отвечающего аппарата.

Положив трубку, Лейла увидела, что гость внимательно осматривает комнату – книги на полках в нише за камином, картину над каминной полкой, медный микроскоп, служащий украшением.

– Эта вещь выглядит очень старинной, – заметил Майкл Саузерн, неловко собирая информацию.

– Да, – сказала она. – И по-своему известной. Когда-то этот микроскоп принадлежал Ноэлу Кордери. Мне дал его папа – не Александр, конечно, но один из смертных Павлов, сменивших его в Ватикане.

Она смотрела на реакцию юноши.

Странно, что он невесело засмеялся. Это было неожиданно.

– Совпадение, – сказал он, объясняя свою невежливость. – У меня болезнь, названная именем Ноэла Кордери.

Она удивленно подняла брови:

– Ты очень молод, чтобы подвергнуться преобразованию.

– У меня болит нога, – напомнил он. – Очень болит. Я не могу ходить нормально, поэтому меня чуть не накрыл прилив. Еле добрался до скал.

Он нахмурился, вспоминая, с трудом сел. Она подошла, предчувствуя его боль. Лицо Майкла побледнело, не оставляя сомнений в том, что нога болит.

– Ты забрался далеко от дома. Пешком пришел?

– Дохромал, – ответил он и, сглаживая неловкость, спросил: – Почему папа, кто бы он ни был, дал тебе микроскоп Ноэла Кордери?

– Он знал, что я очень хотела его иметь, – спокойно сказала она. – Я нескромно попросила об этом, он был вежлив и не отказал.

Лейла ждала его реакции, зная, что ее слова многое выдадут, если он следит за ходом беседы. Лейла провоцировала его на демонстрацию интереса.

Майкл опять посмотрел на нее, мягче и задумчивее:

– Ты знала Ноэла Кордери молодым?

Он уловил ее веселье, и это ее обязывало. Вопрос был серьезным, но кажущаяся легкость упрощала ответ.

– Да, – ответила она. – Я знала его **ОЧЕНЬ** молодым.

Он подождал мгновение и сказал:

– В таком случае я не встречался с человеком старше тебя. Ты должна помнить всю историю континента. И всю историю науки о бессмертии тоже – от Ноэла Кордери до Томаса Саузерна. Кровавый эликсир генетического кода... Ты

упоминаешься в книгах по истории?

– О да, – сказала она. – В более подробных, во всяком случае. Я была с Ноэлом Кордери в Адамаваре и жила на Мальте до прихода армады. Я была даже в Кардигане до первого отъезда Ноэла из Британии. Но историки во мне не очень заинтересованы, кроме как в свидетеле, способном помочь связать события воедино. Я ничего не сделала, только присутствовала. Возможно, только поэтому еще жива, а другие давно убиты и замучены.

Майкл улыбался, но его внимание было рассеянным.

Он был полон интереса, но мокрая одежда мешала сосредоточиться.

– Можешь дать мне сухую одежду? – спросил он, осознавая неловкость своего положения.

– Да, – сказала она и добавила в ответ на искру его интереса: – Оставленную тем, о ком ты не мог даже слышать.

Лейла поднялась наверх и поискала в ящиках мужскую одежду. Парень был высоким, но довольно худым. Вампирша нашла сорочку, джинсы и толстый свитер. Майкл уже почти снял мокрое, и она подождала, пока он в смущении не накрылся одеялом. Женщина не предложила своей помощи, уверенная в отказе. Она принесла с кухни хлеб с маслом, холодное мясо и сыр. Юноша уже оделся и отложил одеяло в сторону. Он держал ладони над весело потрескивавшим огнем.

– Извини, все холодное, но я вскипячу воду. Чай или ко-

фе?

– Кофе был бы хорош, – сказал он и, помолчав, как бы извиняясь, добавил: – Я не ранен, просто устал, перенапрягся, уходя от прилива.

– Знаю, – заметила она. – Кости целы, я проверила. Врач не нужен, но твоя нога, наверное, очень болит.

Он показал ей пластиковый флакон, который, видимо, лежал в кармане брюк.

– Таблетки, успокаивающие боль. Я принимаю их нечасто, но все время держу при себе.

Она кивнула и пошла за кофе. Принеся чашки, села на кушетку, отодвинув ненужное одеяло.

– Я позвоню тебе домой позже, если ты только не поедешь на такси, – сказала она. – У меня нет машины, но за тобой заедут.

– Хорошо, – согласился он. – Ты говоришь, что не очень общительна. Тебе доставляют припасы?

Лейла кивнула, минуту или больше они сидели, глядя на языки пламени, отпивая кофе. Потом Майкл опять посмотрел на нее тем же задумчивым взглядом, к которому примешивались любопытство, удивление и легкий страх. Это был страх не перед ней, а перед великой пустотой, разделявшей его и ее опыт. Он находился во временной точке, достигнутой историей, простой парень, продукт своей эпохи. Она, напротив, была частью нити этой истории, реликвией бессмертного прошлого. И он все больше понимал, что она бли-

же к средоточию пряжи, чем другие.

– Ты знала Ноэла Кордери, – перечислял он, обдумывая все это опять. – Ты была с ним в Адамаваре, за триста лет до рождения Дарвина и моего отца. Ты одна из первых пользовалась эликсиром...

– Нет, – перебила она, – Лангуасс и Квинтус были первыми. Я стала вампиром иначе. Мой тогдашний любовник Лангуасс использовал меня как шлюху ради блага всего человечества. Я принесла главный ингредиент и он отдал его Ноэлу, не объясняя, каким образом добыл.

– Ноэл, – повторил Майкл, будто удивляясь своему непосредственному общению с человеком, сыгравшим важную роль в современном мире, человеком, облегчившим достижение вечной жизни.

– Я не такая старая, – мягко произнесла она. – Я встречала мужчин и женщин на тысячу лет старше меня. Твой отец бывал в Адамаваре?

– Да. Он встречал там людей, утверждавших, что они знали Ноэла Кордери. Вождь Огбоне, называющий себя Нтикима Они-Шанго. Вождь по имени Нгадзе. Он говорил о женщине, слабоумной, возможно, одной из самых старых в мире, по имени...

– Береника, – подсказала Лейла, чувствуя жуткий озноб, обычно несвойственный вампирам. – Бедная Береника, потерявшая чувство времени и разум. Мы еще не готовы жить вечно, хотя можем научиться. Однажды Нтикима спас нам

жизнь. Думаю, он многому научился от Квинтуса и Ноэла. Возможно, он единственный может возродить Огбоне в двадцатом веке и спасти Африку от нынешних мучений.

– Мой отец говорил то же самое, – заметил Майкл, удивляясь подтверждению его мысли. – Он рассказывал, что Нтикима защитил его, он единственный из так называемых старейшин понял открытое в раскопках чудо, принесшее на Землю дыхание жизни.

– О да, – сказала Лейла. – Нтикима всегда это понимал, и я ему иногда завидовала. Без особых знаний он замечательно чувствовал и новые знания встраивал в свое видение мира. Для него не составит трудности понять, что метеор принес вечную жизнь на Землю в виде чужеродной ДНК, это не противоречит его представлению о молнии, посланной божеством и содержащей частицу сердца другого божества. Может быть, то и другое произошло одновременно.

– Мой отец думает почти так же, – заметил Майкл Саузерн. – Он всегда говорил мне, что случайность может играть большую роль, чем мы думаем, и чужеродная ДНК совместилась с человеческими генами. Вероятно, он и молодой Дарвин хотят продвинуть теорию эволюции в более широком масштабе – распространяющемся за пределы Земли на всю Вселенную, с единой системой жизни, охватывающей ее бесконечные дали.

Лейла вспомнила, как смотрела с Ноэлом Кордери и Квинтусом в безграничное небо. Тогда она сказала Нтики-

ме, что звезды очень далеки; Квинтус пояснил, что это отдаленные солнца, и радовался созданному Богом человеку в мире каждой звезды. Созданному с тем, чтобы наполнить свое бесконечное Создание плотью и духом в системе, величие которой превосходило воображение даже воображение вампира, живущего тысячи лет.

Лейла подумала опять: «БЕДНАЯ БЕРЕНИКА! Обладать дыханием жизни и ничего не видеть». Она думала о Беренике, чтобы отвлечься.

Вслух она сказала:

– Рада слышать это. Мир звезд – жуткое и страшное место. Мне не нужен Бог, которому поклонялся Квинтус, но меня утешает мысль, что история, где я играю свою роль, не ограничивается частицей камня, затерянной в безбрежной пустыне полуночной тьмы. – И подумала: «Я помню его лучше, чем думала, и эти слова могли быть его, еще до того как я научилась так говорить».

– Ты говоришь, как мой отец, – сказал он резко. Вероятно, бессмертные всегда так рассуждают. Это так на самом деле или все просто удобная фантазия?

Лейла внимательно смотрела на юношу, сопоставляя хрупкость голубизны его глаз и откровенность слов о смерти.

– Не знаю, – сказала она. – И никто не знает. Скоро мы будем знать лучше, когда полетим к звездам и разведем, есть ли жизнь на других планетах, на что она похожа, но уголки бесконечности будут всегда вне пределов нашего знания.

– Скоро, – повторил он, – когда мы полетим к звездам. Это будет скоро для тебя, несомненно, но не для меня. Этот мир – все, что у меня есть, вместе с его болью. Моя роль, к несчастью, ограничена, как и роль Ноэла Кордери. Он и я были помечены нашей предательской ДНК – ранней смертью.

Если он хотел взволновать ее, то это удалось. Она с трудом допускала мысль о жестокой проделке судьбы с Ноэлом. Он был обречен умереть, и в таких мучениях, какие этот мальчик с морфием в кармане, в мире, облегчающем боль, не мог понять, даже представить. Но чувство горечи, вызванное тем, что Кордери остался смертным, было неоднозначным. Ведь стань он вампиром, он не был бы ее любовником.

– Его убила не собственная ДНК, – сказала Лейла жестко. – Его замучили, отомстив за распространение открытия.

– Знаю. Но он не пытался избежать плена, суда и казни? Он покинул бы Мальту, если бы не был обречен на верную смерть? Какой смысл был для него в жизни вообще, если существовала уверенность в собственной бренности?

Лейла подошла к окну и посмотрела в ночь. Опять застучали частые капли дождя, она поняла: дождь будет сильным.

– Какой смысл? – повторила негромко. Она всегда говорила себе, что его смысл заключался в ней. Но, конечно, не могла представить, чего он стоил по сравнению со смертью и болью. Майклу Саузерну она сказала совсем другое:

– Думаю, никакого покоя для него не было никогда. Он не был спокойным и быстрым на решения. Он мог быть груст-

ным и печальным, но я не могу сказать, что он смирился со своей судьбой или спасся от дурного настроения, обретя веру. Он не раскрыл для себя Бог, в которого верил Квинтус, и никогда не был уверен в том, что оставил след в истории. Добывая яд против вампиров, не знал; благословит или проклянет его будущее за усилия, будут ли его считать такие люди, как ты, героем или подлецом. Но Кордери считал свою жизнь достойной, дела тоже и верил, что множество научных открытий, сделанных на основе его исследований, достаточно весомы, чтобы их засчитать в конечном счете. – Она обернулась, чтобы видеть его реакцию.

Майкл молчал, не выдавая своих чувств. Он будто нарочно ничем не проявлял себя, будто не расслышал ее слов. «Уже одно это, – думала она, – достаточно весомо».

– По правде говоря, – сказал он, помолчав, – я не знаю, считать его героем или нет. Думаю, мой отец назвал бы его великим за открытия, за роль ведущего в разрушении старого порядка, чтобы дать дорогу новому, но я не знаю. Думаю, я стал скептически оценивать мнения своего отца, почти по привычке. А ты считаешь, что я должен взять Кордери за образец, узнав, что пал жертвой болезни, которой страдал он? Должен благородно нести свою ношу и показать пример безжалостному миру тем, как обычный человек может отличиться?

– Это звучит как добрый совет... – сказала она, не обращая внимания на его сарказм.

– ...который легче дать. Очень легко, по-моему мнению, только таким людям, как мой отец, решившим заняться наукой и делать открытия, тогда как я все еще принадлежу миру боли и болезни, и тем, кто сделал бессмертным усердие в работе на сотню лет вперед. Я не уверен, что так похож на него, как он или я того хотели бы. Скажи, как ты провела века твоей жизни?

Она не обратила внимания на его невежливость и скрытые обвинения.

– Я родилась рабыней, – начала она, – потом стала пиратом. Я изучала эту дикую природу и пыталась помочь в становлении Новой Атлантиды. Я была лазутчицей-шпионкой бессмертных европейцев среди магометан, передавая рецепты эликсиров Ноэла народам, чьи правители держали все в тайне. Так я заслужила благодарность пап, хотя работала не ради Христа. Это было самое смелое дело, но в период последней войны я была в Лондоне во время атак с применением отравляющих газов. Мы пытались вытащить выживших из руин – бессмертных в коме, полумертвых обычных людей. Возможно, это было самое полезное, что я сделала для других. Но нередко была любовницей обычных людей – потому что об этом меня просили в этом мире чаще всего.

– Скажи, какой бы ты совет дала девушке, похожей на меня? – спросил Майкл. – Бедной, некрасивой девушке, которая не только не может стать бессмертной, но и не получает вместе с этим красоту.

– Я не знаю. – Лейла на секунду задумалась. – Не знаю, что посоветовать. Я не могу предложить тебе, чтобы ты был счастлив тем, что у тебя есть, или придумать, как сделать тебя счастливым. Могу сказать только, что ошибаются те, кто думает, будто счастье может прийти с долгой жизнью и освобождением от боли. Я видела мужчин и женщин, для которых долгая жизнь стала чем-то вроде проклятия, они не умеют ее использовать лучше, чем используете вы. Я видела обычных людей, радовавшихся короткой жизни и не чувствовавших потери того, что никогда не приобретали. Люди очень различаются между собой и внешностью, и характеристиками, как своими отпечатками пальцев. Для тебя нет готовой тропы, ты должен сам найти свой путь. Но если будешь презирать то, что у тебя есть, твоя дорога станет все хуже. Но ты уже это знаешь, иначе не бежал бы от моря и был бы уже трупом, когда бы я нашла тебя на скалах.

Майкл опять смотрел в огонь, не зная, что ответить. Подобная уклончивость, уход в свои мысли ей были хорошо знакомы. Они были в привычках и Ноэла Кордери – из своих многочисленных любовников она помнила его лучше всего. И будет помнить, хотя столетия не оставили места для подробностей или боли. Память о Ноэле будет жить всегда, ведь он вложил в ее становление слишком много, и если бы она достигла даже возраста Береники, то и тогда не забыла бы его прикосновение или выражение лица, запечатленные в душе.

«Бедный бранный Ноэл!»

Стук дождя по крыше усилился, не обещая прекращения или уменьшения.

«Шанго занят», – думала она. Представления прошлого было непросто забыть.

– Позвонил бы ты родителям, – сказала она. – Пусть не беспокоятся. В такую ночь незачем приезжать за тобой. Будет лучше, если ты останешься здесь до завтра.

Он взглянул на нее:

– Я не знаю, позволят ли они?

Она пожала плечами:

– А почему нет? Ты подойдешь к телефону без палки или принести ее? Может быть, тебе помочь пройти?

Он неуверенно поднялся, не в состоянии держаться прямо на раненой ноге. И в этом наклоне ощущалась тяжесть мерзкой неудачи, пафос бренности и боли жесткий, бескомпромиссный, открытый.

– Я подойду, – заверил он.

И попытка показала, что смог.

Он проснулся раньше нее, с сухостью во рту и болью в ноге. Боль была острее, чем обычно. Он понял – понадобится помощь, чтобы справиться с ней.

Иногда в такое утро он удивлялся, как вообще мог спать. Сразу после несчастного случая освободиться от мук бодрствования было очень тяжело, исключая случаи активного приема успокоительного. Потом пережил период сна, больше похожего на бред наяву, когда на ум приходили абсурдные, навязчивые мысли. Сейчас боль была меньше, заглушенная, не острая. Теперь он спал глубоким и естественным сном, как будто мозг нашел средство самоанестезии, пригодное для любой работы во время сна. Но иногда просыпался, раздираемый болью.

Майкл привстал, взял с ночного столика флакон с таблетками, подержал на ладони. Таблеток осталась дюжина из двадцати четырех. По одному рецепту получить больше он не мог, однако и этого количества хватило бы, чтобы его убить, поэтому предосторожность казалась глупой.

– Возможность отравления вспоминалась каждый раз, когда он получал таблетки, но регулярное повторение процедуры растворяло соблазн. Он не уклонялся от продуманного, он решил жить, и мысли о самоубийстве только подтверждали эту решимость.

Проглотив две таблетки, Майкл отпил воды из заранее приготовленного стакана. Ему показалось странным, что в своих мыслях и действиях он предусматривает такие мелочи, тогда как мог поддаться нахлынувшим эмоциям. Это больше подошло бы бессмертному, а не обычному человеку.

Он посмотрел на порезы, оставленные бронзовокожей вампиршей на его груди острым, как бритва, ножом, так, что он ничего не почувствовал и только увидел струйки крови.

Когда та спросила, может ли она сделать порезы, Майкл смутился, но только сейчас понял почему. Современные вампиры не должны пить кровь, в их распоряжении есть специальные таблетки. Но Лейла большую часть своей жизни прожила, ежедневно получая дозу крови более грубым, старым способом.

Он понял, что для нее любовь была связана с питьем крови, и с этой просьбой она обращалась прежде всего к своим любимым.

Хотя раньше Майкл никогда не думал об этом серьезно, сейчас ему стало ясно, почему бессмертные искали любовь среди обычных людей. Он всегда рассматривал это как странное извращение и доказательство утверждений о вампирах, что нечувствительность к боли делает их холодными и неспособными любить, только быть любимыми, но теперь нашел звено между любовью к кровью обычных людей.

Он прикоснулся к порезам, не кривясь от острого покалывания, давно привыкнув к терзаниям. Он думал, на что

была похожа кожа его отца, расчерченная белыми шрамами, до того, как дыхание жизни превратило ее в живой мрамор, стерев память о ранней любви. Майкл никогда об этом не думал и не спрашивал отца ни о чем.

Лейла тоже проснулась, увидела, что он рассматривает порезы.

– О нет, – успокоил он, – ничего не произошло. Нет, не совсем. Но было больше радости, чем боли. Ты должна это знать.

– Я никогда не знаю точно, – прошептала она. – Никогда. У настоящей крови такой вуге, какого нет у цветных таблеток, хотя мне иногда стыдно в этом признаться.

– И не надо, – сказал он. – Никаких обид. – Помолчав, он продолжил: – Мужчина может обидеться, если ему предпочтут другого – не так ли? – Он спросил это, не настаивая, но в голосе чувствовался интерес.

– Я всегда старалась не обидеть, – с иронией произнесла она.

Он подвинул подушку и лег.

– Я думаю, бессмысленно пить кровь вампира, – сказал он задумчиво.

– Это не единственное преимущество обычных людей, – заметила она.

Он покраснел, и Лейла увидела это.

– Ты должен это помнить, как мужчина, – сказала она мягко. – Когда мужчины становятся бессмертными, они лиша-

ются не только ощущения боли, но и мужественности, как говорят некоторые, разума и духа. Бессмертные, конечно, мудреют с богатством опыта, но есть творческое горение, сохраняемое только обычными людьми. Величайшие деятели искусства всегда были обычными людьми, и даже ученые делали открытия, будучи еще смертными.

– Я не сомневаюсь в этом, – согласился Майкл с готовностью, потому что часто об этом слышал. Вслух он не сказал больше, но думал про себя: «БОЛЬ – ЭТО СТИМУЛ И ПРОКЛЯТИЕ, НЕКОТОРЫМ ОНА ПОЛЕЗНА. МОЖЕТ БЫТЬ, Я ПРИМЕР ЭТОМУ». В чем-то он уже научился убеждать себя, но еще не верил в это до конца.

Вампирша коснулась порезов на груди Майкла, и он увидел ее золотистую руку. Потом она поцеловала его, нащупывая языком остатки крови. Он вздрогнул от ласки и скрыл свое смущение улыбкой, когда она посмотрела на него темными глазами.

– Ты это сделала, – спросил он медленно, – потому что пожалела меня?

Лейла осталась спокойной, хотя после этих слов могла пожалеть его. Поправила прядь черных волос, скользнувшую на лицо.

– Нет, – ответила она, а что еще она могла сказать, – я сделала это не из жалости. Ты разве не слышал, что мы, не чувствующие боли, не можем чувствовать жалости?

– Я не верю этому.

– Это не так, – подтвердила она. – Я знала безжалостных людей, вампиров и обычных, но боль не имеет отношения к этому. Некоторые вампиры теряют жалость, другие чувства, память, разум... Но есть вампиры, ощущающие боль, если они страдали, еще будучи простыми людьми. Эту боль не так легко устранить. Об этом глупо говорить, потому что все вампиры могут чувствовать боль, если захотят. Мы смягчаем ее только усилием.

– Да, – спокойно сказал он. – Обычные люди забывают это, я знаю.

– Люди, живущие долго, могут стать холодными, если они не хотят себя согреть. Я не говорю, что они стремятся лишиться эмоций, но некоторыми холодность овладевает незаметно. Если они не хотят этого, то могут сопротивляться. Вампиры могут любить, а способ любви не уменьшает ее меру. Наши любимые растут и изменяются, а мы нет; со временем мы теряем их, заменяем снова и снова, но не любим потерь, рады находкам. Постепенно это становится нашим ритмом жизни, как громкое медленное сердцебиение Бога.

– Но вы не можете исполнить Божью заповедь и любить друг друга.

– Можем, – возразила она. – Вампиры с вампирами только друзья, но дружба, как и любовь, может длиться вечно, а эротические чувства – нет.

Майкл вздохнул и опустился на подушку, глядя перед собой.

– Странный мир, – сказал он, – куда мне вход воспрещен.

– Не более странный, – заверила она, – чем тот, где ты возвращаешься.

– Но многие люди познают их оба, а я нет.

Лейла опять прикоснулась к его груди, пробежала пальцами по лицу, откинувшись назад и глядя на него.

– Если бы не войны, – сказала она, – в мире было бы значительно больше вампиров, чем обычных людей. Сейчас в Европе и Атлантиде мир, началась новая эпоха. Хрупкая плоть ценна и станет еще ценнее. Я рада, что море вынесло тебя к моей двери. Море всегда было моим другом и знало, что делало.

– Я думаю, мое тело слишком слабо, – заметил Майкл, глядя в сторону. – Сомнительно, чтобы вампиры боролись за внимание больных.

– Когда ты устанешь и уйдешь от меня, – прошептала она, – твоя болезнь не мешает тебе искать любовь.

Он опустил глаза и тихо сказал:

– Я не могу устать от тебя.

Затем посмотрел на нее, чтобы увидеть ответ.

– Я верю этому, – ответила она и перевернулась, освобождая от покрывала обнаженное тело.

Майкл смотрел в сторону, чтобы не смущать ее, но, поняв, что такая скромность сейчас неуместна, стал наблюдать за тем, как она одевается. Женщина взглянула на него раз или два, явно удовлетворенная тем, что он не боится смотреть.

Одежда, на которую он не обратил внимания предыдущим вечером, странно сковывала бронзовое тело.

Ее спокойные тона и свободный покрой напоминали мужскую одежду. Майкл спустил ногу с кровати, следуя ее примеру, поморщился. Увидев это, Лейла потянулась к нему.

– Останься здесь еще чуть-чуть, – попросила она.

Он заколебался, но затем поднял ногу и лег опять.

– Почему бы и нет? – сказал он. – У нас много времени.

Слова прозвучали с горечью, он сам точно не знал, сколько иронии вкладывал в них.

– Нет, – ответила она, остановившись перед дверью. – Но у нас достаточно его и всего другого для осуществления нашей цели.

Она произнесла эти слова так, что он не мог усомниться в их смысле или откровенности. Она обещала любить его по-настоящему сильно.

Сначала Майкл пытался умерить свою гордость. Возможно, женщина одинока и рада всякому пришедшему к ней. А возможно, он только напомнил ей какого-то прежнего любовника. Но потом начал спорить с собой, доказывая, что перечисленного было бы недостаточно.

Он, а не другой, был здесь, и чем больше будет с ней, тем больше заполнит ее мысли и дни. Даже если он кого-то напоминал ей – это неважно. Однажды, если заслужит, и он получит место в ее памяти.

Майкл воспринял это замешательство мыслей и чувств

как признак восторга, отзвук радости, так давно не посещавших его.

Он опять закрыл глаза, защищаясь от яркого утреннего света, уходя в себя, чтобы лучше понять свои чувства.

Вчера он без оглядки бежал от моря, грозившего убить его, зная, что убегает от судьбы. Теперь понял, что бежал к чему-то определенному, неизвестному тогда.

Ему открылось, какое именно спасение было дано ему провидением и что теперь делать.

Только время могло ответить, было ли это расплатой за вечную жизнь, в которой ему отказывали. Но ему пришлось, как всем остальным людям, за одно мгновение пережить всю жизнь, будучи уверенным только в настоящем, с вечно туманным будущим.

«ДАЖЕ ЧЕЛОВЕК, НЕ МОГУЩИЙ ЖИТЬ ВЕЧНО, – думал он, – ДОЛЖЕН РАДОВАТЬСЯ ТОМУ, ЧТО ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ СПУСТИЛОСЬ НА ЗЕМЛЮ И ДАР БЕССМЕРТИЯ ПИТАЕТСЯ КРОВЬЮ ОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ».